

Л. А. СЕМЕНОВА
ИЗ ИСТОРИИ
ФАТИМИДСКОГО
ЕГИПТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. А. СЕМЕНОВА

ИЗ ИСТОРИИ
ФАТИМИДСКОГО
ЕГИПТА

ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Ответственный редактор
Л. И. НАДИРАДЗЕ

Книга представляет собой исследование мало изученного в русской и зарубежной науке периода истории Египта. На основании арабских источников дается общий очерк политической истории середины X — первой половины XII вв., земельных отношений, ремесла и торговли, а также социальных взаимоотношений; большое внимание уделено народному восстанию Абу Рахва. В конце книги публикуются с комментариями переводы отрывков из сочинений фатимидских историков.

С $\frac{10603-094}{013(02)-74}$ 50-74

ВВЕДЕНИЕ

Двухвековой период правления Фатимидов в Египте (969—1171) представляет большой интерес для исследователя. Он совпадает с довольно четко выраженным этапом внутреннего развития страны (явление нередкое в средневековой истории), отмеченным существенными изменениями как в сфере материального производства, так и в духовной жизни. Однако экономический и общественный строй фатимидского Египта остается одним из наименее изученных разделов египетской истории. Причина этого — отсутствие достаточного материала. До нашего времени не дошло в целом виде ни одного труда профессионального историка: правящая шиитская династия считалась еретической, и соответствующие памятники письменности после реставрации аббасидского суверенитета при Салах ад-дине в подавляющей своей части погибли.

Из произведений фатимидских историков уцелели лишь фрагменты, сохранившиеся почти исключительно в сочинениях позднейших авторов. Важнейшее место среди них занимает Таки ад-дин Ахмад ал-Макризи (1364—1442). Из его сочинений наибольшую ценность в этом отношении представляет «Китаб ал-маванз ва-л-итибар би зикр ал-хитат ва-л-асар» («Книга поучений и назидания относительно кварталов и памятников [Каира]») ¹. Множество вкрапленных в нее больших и малых цитат принадлежит фатимидским историкам X—XII вв. Из них особенно значительны Ибн Зудак (919—998), Ибн Мамун ал-Батавхи (род. около 1125 г.), Мусаббихи (977—1029) ², Ибн Тувайр (1130—1221), кадий ал-Фадил (1135—1200).

¹ Перечень всех упомянутых в этом разделе изданий см. в «Библиографии».

² Часть сохранившегося в Эскуриале (Испания) 40-го тома сочинения Мусаббихи, охватывающая 1023—1025 гг., опубликована и переведена К. Беккером [159, Н. 1]. А. Массэ издала хроника продолжателя Мусаббихи Ибн Муйассара (ум. в 1278 г.) «Тарих Магр» — по уникальной парижской рукописи, охватывающей период с 1047 по 1158 г. (исключая 1108—1122 гг.). Она представляет собой сокращенное изложение содержания его сочинения, также использованного Макризи [18]. Фрагменты этой рукописи были опубликованы ранее в [52].

Весьма важен при изучении фатимидской эпохи и другой труд Макризи — «Китаб иттиаз ал-хунафа би ахбар ал-амма ал-фатимин ал-хулафа» («Книга поучения верующих через сообщения об имамах — фатимидских халифах») ³. Он был написан ранее «Хитат» и полностью до нас не дошел (изложение доводится лишь до 974 г., т. е. до борьбы Муизза с карматами), причем в отличие от «Хитат» Макризи здесь нигде не называет своих источников. Однако в «Иттиаз» очень много общего с соответствующими разделами «Китаб ал-ибар» («Книга назиданий») учителя Макризи — Ибн Халдуна (1332—1406); ими явно были использованы общие источники (через посредство Ибн ал-Асира ⁴). Что касается самого Ибн Халдуна, то кроме Ибн ал-Асира он широко использует сочинения Ибн Тувайра и халебского шиита Ибн Абу Тайи (1160—1235).

Наряду с Макризи и Ибн Халдуном отрывки из собственно фатимидских памятников сохранили Абу Шама (1203—1267), Абу-л-Фида (1273—1331), Ибн Давадари (ум. в 1333 г.), Ибн Фурат (1334—1405), Калкашанди (1355—1418), Ибн Тагри-Бирди (1409—1470), Ибн Ийас (1448—1524) и другие мамлюкские авторы.

При этом Абу Шама опирается в основном на Ибн Абу Тайи и кадия ал-Фадля, Абу-л-Фида — на Ибн ал-Асира. Ибн Давадари в разделах своей истории, посвященных фатимидскому Египту, использует преимущественно Сибта ибн Джаузи (1186—1257) ⁵, причем разделы эти написаны чересчур сухо и кратко и по содержанию несравненно богаче главы, относящиеся к магрибскому периоду.

Калкашанди основывается в интересующих нас разделах преимущественно на Ибн Тувайре, которого основательно использует также и Ибн Фурат ⁶. Ибн Тагри-Бирди, в хронике которого (четвертый и пятый тома каирского издания) наря-

³ Доступное нам издание «Иттиаз» (Кавр, 1948) осуществлено Дж. Шайналом по готской рукописи, впервые изданной в 1919 г. немецким арабистом Г. Бунцем; отрывки из более полной константинопольской рукописи опубликованы Дж. Шайналом в его сборнике, о котором будет речь далее.

⁴ Сам же Ибн ал-Асир (1160—1234) в своем известном своде нигде не называет использованных им фатимидских авторов; по всей вероятности, ими были Муханнак (ум. в 649 г. х. — 1154-55) и неизвестный хронист [см. 175, стр. 23].

⁵ Шамс ад-дин Абу-л-Музаффар Йусуф ибн Казугли по прозвищу Сибт ибн Джаузи — автор многотомной всеобщей истории «Мират аз-заман фи изрифат ал-хулафа ва-л аййан» («Зеркало времен в известиях о халифах и знатных людях»). Нам известны также опубликованные части единственного уцелевшего тома (из 29 существовавших), относящиеся к 400—532 гг. (1110—11/1137-38) и 495—664 гг. (1110—02/1256) [52; 70].

⁶ Опубликованная Х. аш-Шамма часть «Тарих ад-дувал ал-мулук» («История правящих династий») Ибн Фурата, посвященная Фатимидам, охватывает события истории Египта с 1167 по 1192 г., причем страницы, посвященные событиям 1172—1189 гг., отсутствуют.

ду с главами обычного летописного построения имеются в особые разделы с биографиями каждого халифа, использует сочинения Ибн Абу Тайи, Сибта ибн Джаузи и Ибн Тувайра, а также Ибн ал-Асира и своего учителя Макризи. На Сибте ибн Джаузи в значительной степени основывается и Ибн Ийас.

При описании сирийских событий сведения мамлюкских историков восходят, как правило, к хроникам Ибн Каланиси (ум. в 1160 г.)⁷ и Камал ад-дина Халебского (ум. в 1262 г.).

Большое место в их сочинениях занимает вопрос о правомерности притязаний Фатимидов на происхождение от пророка. Будучи на службе у суннитских султанов, все названные выше мамлюкские авторы, за исключением Абу-л-Фиды, Макризи и Ибн Халдуна, решали его в традиционно негативном духе⁸. Содержащиеся в их трудах разнообразные по содержанию отрывки из фатимидских источников, дополняющие и часто повторяющие друг друга, дают исследователю хотя и не обильные, но весьма важные для реконструкции истории фатимидского хозяйства и общества той эпохи факты.

До нашего времени дошли сочинения трех путешественников, посетивших фатимидский Египет⁹. Это «Сафар-намэ» («Книга путешествий») знаменитого персидского автора, суннита, а затем исмаилита Насира Хосрова (1003—1088), находившегося в Египте, главным образом в Каире, несколько лет, начиная с 1047 г. Когда он написал свою книгу — точно неизвестно; возможно, что она дошла до нас не в своей первоначальной редакции. Тем не менее его рассказы о внутренней жизни Египта поистине бесценны; как и любого иностранца, его отличала от коренных жителей страны свежесть взгляда.

Другой путешественник — Ибн Хаукал, выходец из Ирака, один из географов классической школы, автор «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств»), называемой также «Китаб сурат ал-ард» («Книга о поверхности

⁷ Об Ибн Каланиси и его источниках см. [17], стр. 37.

⁸ Наряду с этими тремя авторами профатимидской позиции придерживался Яхья Антиохийский, известный арабский христианский историк XI в., во всеобщей истории которого содержатся некоторые сведения и о Фатимидах.

⁹ Упомянем и один из источников магрибского периода, дошедший полностью и имеющий значение для исследуемой эпохи. Это — «Сират ал-Джаузари» («Жизнеописание Джаузари»), принадлежащее Абу Али Мансуру, секретарю видного фатимидского сановника славянина Джаузари, умершего в 972 г. во время торжественного переезда Мунзза в Египет. Книга написана в правление халифа Азиза. При этом в традиционном хронологическом духе составлены лишь ее начало и конец, а вся остальная часть представляет собой собрание документов (полностью и в отрывках) — различных официальных и личных дел, которыми занимался Джаузар.

земли»), известные редакции которой относятся к 967 и 977 гг.

Наконец, третий путешественник, последний представитель той же школы — Мукаддаси (946—1000); его сочинение «Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов») также известно в двух редакциях (966 и 989 гг.). В египетских разделах обоих этих сочинений большой интерес представляют сведения о ремесле и земледелии.

Положение в стране в середине XII в. хорошо отражено в знаменитой «Китаб ал-итибар» («Книга назидания») сирийского рыцаря Усамы ибн Мункмыза (1095—1188), находившегося в те годы в Египте и активно участвовавшего в дворцовых интригах.

Известны и два сочинения типа трактатов-справочников для чиновников, очень характерные для средневековой египетской литературы и относящиеся к концу фатимидского и началу аййубидского периода. Первое из них принадлежит крупному чиновнику, кадию Махзуми, которого упоминает в своем «Хитат» Макризи. Трактат называется «Китаб ал-минхадж» («Книга путей») и представляет собой инструкцию по сбору разнообразных налогов с включением отрывков из счетных документов фатимидского периода. Наиболее важные его части, включая раздел о средиземноморской торговле, стали доступны благодаря публикациям Кя. Казна.

Автором второго сочинения является Иби Маммат, занимавший должность инспектора государственных ведомств.

Ряд фатимидских документов, отражающих акты назначения везиров и вступления на трон халифов, сохранившихся в перечисленных поздних памятниках, были извлечены отсюда египетским историком Дж. Шайналом и изданы отдельным сборником с интересными комментариями¹⁰.

Более десяти других сохранившихся документов недавно опубликованы английским исследователем С. Стерном; большинство их адресовано монастырю св. Екатерины на Синае и относится к 1130—1169 гг.; один (1121) представляет собой политическую декларацию общего характера.

Большую ценность имеют материалы кайрской Генезы — хранилища арабо-иудейских документов XI—XIII вв., преимущественно частной деловой переписки¹¹. На их основе Я. Манном была написана книга «Иудеи в Египте и Палестине при фатимидских халифах» (1920), в которой рассмат-

¹⁰ О принципах этого издания см. [270].

¹¹ Генеза прекратила свое существование в конце XIX в., а ее документы оказались рассеянными по библиотекам Европы и Америки, что крайне затрудняет их изучение и публикацию. Об истории создания Генезы и истории ее исследования см. [43, стр. 1 и сл.].

ривались внутренняя организация общины и ее отношения с египетскими правителями.

Документы же социально-экономического содержания стали в определенной степени доступны исследователям лишь в самое последнее время благодаря работам С. Гонтейна. Этому американскому ученому принадлежит, по его словам, «довольно полный каталог Генизы», первый том которого издан в 1967 г. Содержащееся в нем краткое изложение многочисленных документов проливает свет на общественно-экономическую историю не только иудейской общины, но и мусульманского населения стран Средиземноморья в целом, причем большая часть их относится к фатимидскому Египту. Интересные комментарии придают книге С. Гонтейна значение гораздо большее, нежели просто каталога.

Очень важны при изучении фатимидского периода сведения, содержащиеся в папирусах, заслуга публикации большинства которых принадлежит А. Громанну.

Из известных (и доступных московскому исследователю) исследований по истории фатимидского Египта одни представляют собой последовательное изложение событий, связанных с деятельностью халифов, их везиров и полководцев: главы в общих трудах Г. Вейля (1848, 1851) и А. Мюллера (1887); «История фатимидских халифов» Ф. Вюстенфельда (1881), «История Фатимидов» О'Лири (1923), соответствующие разделы трудов С. Лен-Пуля и Г. Вьета по истории египетского средневековья [см. 287; 103; 290; 260; 239; 289].

Другой тип исследований являют собой труды египетского медиевиста Х. Хасана и его учеников. «Тарих ад-даула ал-фатимийа» («История Фатимидов») Х. Хасана (2-е изд., 1958) — большое собрание хорошо систематизированных материалов по различным сторонам исторического процесса (преимущественно политической, а также культурной и социальной и в меньшей степени — экономической) без каких-либо попыток вскрыть его стадийность и закономерность.

Внимание ученика Хасана — Р. Барави — привлек экономический фактор; его книга названа «Халат миср ал-иктисадийа фи ахд ал-фатимийин» («Экономическое положение Египта в эпоху Фатимидов», 1948) и содержит интересные материалы о земледелии, ремесле и особенно о внешней торговле и путях сообщения, причем экономику (городскую) этого периода Барави считает капиталистической.

Книга другого ученика Х. Хасана, А. Мушаррафы, называется «Нузум ал-хукум би Миср фи аср ал-Фатимийин» («Организация власти в Египте при Фатимидах», 195—); в ней подробно описываются жизнь и быт халифов, вплоть до их одежды, деятельность везиров, судей, государственных ведомств.

В западной медиевистике последнего десятилетия появились исследования по вопросам денежного обращения и цен в средневековом Египте, включая и фатимидский период (А. Эренкрейтца, С. Лабйба, Е. Аштора).

Проблемы социальной и экономической истории средневекового Египта не входили в круг интересов дореволюционной русской арабистики¹²; в советское время специальному изучению подверглись лишь некоторые частные вопросы материальной культуры [см. 109; 110; 111].

Поэтому изучение всей совокупности фактов, относящихся к этим сторонам исторического процесса, с позиций исторического материализма является, на наш взгляд, первостепенной задачей. Предлагаемая вниманию читателя книга и представляет собой шаг в этом направлении, будучи попыткой дать общий очерк развития социально-экономических отношений в Египте фатимидского периода.

При всей скудости сведений источников, заставляющей при рассмотрении ряда существенных проблем ограничиваться гипотезами, очерк этот кажется мне небесполезным, могущим по мере ввода в научный оборот новых материалов¹³ послужить основой для дальнейшей разработки марксистской концепции этой интереснейшей эпохи.

При отсутствии на русском языке сводки основных событий, имевших место в фатимидском Египте, в нужном для наших целей объеме первая часть книги начинается традиционным очерком политической истории.

Вторая часть содержит переводы сохранившихся отрывков из некоторых наиболее существенных источников, с необходимыми комментариями.

---

¹² Фатимидскому Египту посвящено исследование К. Иностранцева [93].

¹³ Исламская литература, сохранившаяся в существующих и по сей день очагах шиизма-исмаилизма — в Индии и Йемене, остается пока почти недоступной для исследователей. По предварительным данным, содержание ее — преимущественно религиозное [см. 241, стр. 429—430].

ЕГИПЕТ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВА ФАТИМИДОВ

МАГРИБСКИЙ ПЕРИОД

Династия Фатимидов, пришедших к власти в Египте в 969 г., была шиитско-исмаилитской. Как известно, шиизм (от араб. «шиа» — партия) — одно из двух основных направлений в исламе, которое зародилось в халифате еще в VII в. в обстановке острой борьбы за власть как политическое движение арабской демократии против мекканской аристократии курейшитов. Шииты были сторонниками четвертого «справедливого» халифа, Али ибн Абу Талиба; его они считали своим светским и духовным главой — имамом, имеющим исключительное, божественное право на власть в качестве потомка пророка (Али был зятем и двоюродным братом Мухаммада).

В последующие столетия в связи с феодализацией покоренных земель и распространением ислама шиизм расширил социальную базу. Его вероучение развилось и постепенно превратилось в противостоящую ортодоксальному суннизму религиозно-политическую идеологию, отражавшую по преимуществу чаяния трудящегося населения, как арабского, так и неарабского. Лишь благодаря использованию шиитского движения смогла утвердиться у власти династия Аббасидов [750]. Одной из многочисленных шиитских сект была исмаилитская, ее возникновение относится к середине VIII в. По представлениям шиитов, после смерти первого имама, Али (ум. в 661 г.), имамат последовательно переходил к его потомкам, которые до шестого имама, Джафара Садика (ум. в 765 г.), включительно были ими общепризнаны¹. Однако Джафар вопреки традиции лишил права на имамат своего старшего сына Исмаила — предположительно из-за его крайних политических убеждений — и провозгласил наследником младшего сына Мусу Казима². Часть шиитов (исмаи-

¹ Этими имамами были: Хасан (ум. в 670 г.), Хусейн (ум. в 680 г.), Али Зайн ал-Абидин (ум. в 713 г.), Мухаммад ал-Бакир (ум. в 731 г.). Меньшинство исмаилитов считает Али «основной» («асас») имамата, тогда для них Хасан — первый имам, Хусейн — второй и т. д.

² Согласно с решением Джафара шииты стали называться имамами или двенадцатниками, так как кроме шести упомянутых насчитывали еще шесть имапов — Мусу Казима и его преемников. Поскольку

литы) сочла этот акт незаконным, что и послужило причиной образования новой секты; поскольку Исмаил умер в 762 г., т. е. раньше своего отца, сектанты признали своим главой, седьмым имамом, сына Исмаила Мухаммада.

К исмаилитам примкнули и некоторые другие секты, в том числе ранее возникшие шиитские (например, «фатимийя», «хаттабийя»³) и доисламские, гностические [246, стр. 2].

Мухаммад ибн Исмаил считался последним «видимым» имамом, ибо Аббасиды, став правящей династией, начали преследовать неугодных им шиитов, отчего имамам, его преемникам, пришлось скрываться. Имена последних (между Мухаммадом ибн Исмаилом и Убайдаллахом), число их и годы деятельности до сего времени из-за скудости и противоречивости сохранившихся сведений точно не установлены. В период «сафра» («сокрытия») в основном сложилось исмаилитское учение, обосновывающее божественное происхождение права имама на власть и необходимость полного подчинения ему верующих при помощи философских построений и аллегорической интерпретации Корана. Важнейшая и доступнейшая для рядовых исмаилитов, неграмотных крестьян и кочевников, часть исмаилитского учения — социально-политическая программа — сводилась к требованию объединения всего мусульманского мира, а затем и всего человечества в единое мусульманское царство, возглавляемое имамом-мессией из потомков Али, который, согласно обычной в шиитских трудах формуле, «наполнит землю правосудием и справедливостью, тогда как раньше она была наполнена несправедливостью и угнетением», и установит на земле «золотой век»⁴.

двунадесятники призывали младшего сына Джафара Садика, они не могли считать себя прямыми преемниками Али. Принадлежа к умеренному направлению шиизма, имамиты не были особенно враждебны суннизму.

³ «Фатимийя» — шиитская секта, члены которой почитали как имамов потомков Али от его брака с Фатимой, дочерью пророка, в отличие от «ханафийя», признававших законными наследниками пророка имамов по линии Мухаммада ибн ал-Ханафийя — сына Али от брака с Хаулой, женщиной из рода Бану Ханифа.

С приходом к власти Аббасидов, также претендовавших на происхождение от пророка согласно предполагаемому завещанию Абу-л-Хашима, сына Мухаммада ибн ал-Ханафийя, «ханафийя» легализировалась и прекратила свое существование как секта.

«Хаттабийя» — крайняя шиитская секта, названная по имени ее основателя Абу-л-Хаттаба, первоначально являвшегося одним из главных сподвижников Джафара Садика. Абу-л-Хаттаб провозгласил сначала божественность Джафара, а затем объявил пророком себя, за что был отвергнут Джафаром. Абу-л-Хаттаб нашел себе многочисленных последователей в Куфе, но в 755 (или 762) г. был вместе со многими из них казнен ее аббасидским губернатором. Оставшиеся в живых хаттабиты признали имамат Мухаммада ибн Исмаила, сблизились, таким образом, с исмаилитами.

⁴ Призыв ко всем желающим овладеть исмаилитским учением в источниках обозначается термином «дават»; этим же термином часто обозна-

Представление о мессии-махди, слившееся с представлением об имама уже в самом начале движения (первоначально оно персонафицировалось в образе Мухаммада ибн Исмаида), не было исключительной чертой исмаилизма, как и многие другие стороны их учения; мессианистическая идея, восходящая к древневавилонским представлениям, была известна и иудаизму, и христианству, и исламу — как иным шиитским сектам, так и суннизму⁵.

Исмаилитские имамы из своих тайных резиденций (последней из которых была Саламия в Северной Сирии, к востоку от Химса) руководили деятельностью многочисленных миссионеров. В последней четверти IX в. исмаилитские миссии обосновались в Южном Ираке, Бахрейне, Йемене, Иране, Западной Индии. При этом в Ираке миссионеры апеллировали прежде всего к сельскому населению; в Бахрейне пропаганда велась среди бедуинов. В иранских и индийских областях, а также в Мавераннахре, где исмаилиты появились лишь в конце X в., объектом их проповеди являлись местная знать и правители — Саманиды, Мусафириды, Бану Сама, Бану Сумра.

Успехи фатимидской пропаганды были очевидны: так, йеменский миссионер Ибн Хаусхаб, прибывший в Йемен в 883 г., менее чем через тридцать лет добился принятия исмаилизма большинством жителей, что объяснялось в первую очередь привлекательностью исмаилитской социальной программы.

Однако наибольшего успеха исмаилиты добились в Северной Африке, где, как и в Бахрейне, они действовали преимущественно среди кочевников. В результате их деятельности было создано независимое фатимидское государство, что означало конец «сатра» и установление «зухура» — периода светской власти имамов.

История исмаилитского движения в Северной Африке сводится к следующему. Воинственные берберские племена, исконные обитатели этой гористой области, удаленной от центра халифата, имели давние традиции освободительной борьбы. Уже вскоре после арабского завоевания здесь распространился хариджизм, а позже — его умеренное течение, ибадизм. Главными носителями этих традиций были берберы из кутамитов (ветвь сенхаджа), образовавшие союз племен, обитавших в Ифрикии⁶. При этом кутамиты Северной Ифри-

чаются и фатимидское движение в целом, и организация исмаилитских миссионеров [84, стр. 129].

⁵ Об остальных частях исмаилитского учения см. «Переводы».

⁶ Ифрикия — арабское обозначение части Магриба, ограниченной с севера Средиземным морем, с юга — горами Атласа; ее восточная граница проходит через Барку, а западная — примерно по прямой линии к югу от Бужы. Ифрикия была завоевана арабами в конце VII в. и до 705 г.

ки фактически были независимы от аббасидских наместников, т. е. свободны от налогов и повинностей. Суннитская династия этих наместников — Аглабиды, правившие Ифрикией с 800 г., — стремилась к полному подчинению области. К концу IX в. положение кутамитов ухудшилось, так как ибадитские имамы Тахерта, Рустамиды, до того активно боровшиеся с Аглабидами, пошли на сговор с ними, облегчив тем самым наступление на север.

Аглабиды, привлекая на свою сторону племенную знать, начали захватывать крепости, расположенные на подступах к независимым землям; однако большинство кутамитов не хотело мириться с угрожавшим им подчинением Аббасидам. С исчезновением надежд на помощь Рустамидов влияние хариджитов в Ифрикии упало, но это же обстоятельство способствовало успеху исмаилитской проповеди. Шизм к тому времени был достаточно известен в Северной Африке: шиитским был эмир Идрисидов в Дальнем Магрибе, основанный в 788 г. Идрисом ибн Абдаллахом, потомком Али. Элементы шизма содержались в религиозных представлениях берберской племенной конфедерации Баргавата (также в Дальнем Магрибе); последователи шизма имелись и в Кайруане [138, 187, 188], известно также, что два шиитских миссионера, Абу Суфиан в Хулвани, успешно, но недолгое время вели проповедь в Ифрикии⁷. Ибн Хаусхаб, утвердившись в Йемене, направил в Ифрикию нового миссионера, Абу Абдаллаха, причем перед отъездом в Магриб Абу Абдаллах появился в Мекке, стремясь установить контакт с паломниками-кутамитами, что ему и удалось; затем, якобы по приглашению кутамитов, он прибыл к месту своего назначения (893 г.).

Утвердившись в области кутамитов, на возвышенности Икджан, Абу Абдаллах начал свою проповедь, которая имела большой успех; к нему стекались берберы из различных кутамитских племен. Возглавив созданную им шиитскую общину, Абу Абдаллах смог превратить ее в сильную армию. Преданные ему берберы были разбиты на семь военных подразделений; их предводители и миссионеры образовали совет старейшин; жизнь общины была основана на этических принципах равенства и справедливости; кутамитов связывали не

была в подчинении египетского наместника, а затем стала самостоятельной провинцией халифата. Земли Северной Африки, расположенные к западу от Ифрикии, носят в наших источниках название Средний Магриб и Дальний Магриб.

⁷ Сведения о времени их появления разноречивы: по одной версии, они были посланы в Ифрикию упомянутым имамом Джафаром Садином в 762-3 г. [73, стр. 31], по другой — Ибн Хаусхабом, т. е. позже более чем на столетие [см., например, 66, II, стр. 10]. Эта неточность отразилась и в литературе: Ф. Дашрауи [187, стр. 93] и М. Чухраков [138, стр. 132] придерживаются первой даты, О'Лири [260, стр. 57] и М. Канар [28, стр. 193, прим.] — второй.

только традиционные узы племенного братства — «асаби», но и приверженность к исмаилитскому учению, предписывавшему им бороться против узурпаторов — аббасидских наместников, чтобы передать власть саламийскому имаму, потомку Фатимы.

Решительная борьба против Аглабидов началась в 903 г.; поток берберов из Икджана устремился на завоевание Ифрикии. Целые области сдавались шинтам без боя. Последний Аглабид, Зийадаталлах, снаряжая для борьбы с ними свою армию, увеличил поборы с подданных, что побуждало их присоединяться к Абу Абдаллаху. Испуганный этим аббасидский халиф Муктафи направил к населению Магриба послание с призывом выступить против восставших; в это же время Абу Абдаллах, демонстрируя свою верность провозглашенным им идеалам, вернул жителям сдавшегося ему города Тобны (905 г.) значительную часть собранного с них перед его приходом налога, что, естественно, подняло его престиж. Борьба за подступы к Кайруану, столице Аглабидов и главному городу всего Магриба, велась около трех лет; он пал в 909 г. Зийадаталлах покинул Раккаду⁸ и бежал в Египет.

Проповедь и борьба Абу Абдаллаха велись во имя торжества исмаилитского имама Убайдаллаха. Благоприятная обстановка в Магрибе укрепила надежды имама на полное подчинение этой области, в то время как из-за противодействия Аббасидов и карматов (другого ответвления исмализма, о котором речь будет ниже) осуществление подобного предприятия на Востоке не было возможным. После первых успехов восстания исмаилитов в Ифрикии Убайдаллах по приглашению Абу Абдаллаха прибыл из Саламии в Магриб, однако направился в Сиджилмасу, столицу одноименного хариджитского эмирата⁹, а не к кутамитам.

Это объяснялось, по-видимому, политическими соображениями: силы Аглабидов тогда были еще велики, а возможность победы Абу Абдаллаха не ясна, к тому же в Сиджилмассе Убайдаллах имел сторонников из числа членов иракской колонии. Имам находился в Сиджилмассе до тех пор, пока правитель Иаса ибн Мидрар по наущению Зийадаталлаха и из страха перед вторжением кутамитов не заточил его.

Для освобождения имама и возведения его на трон Абу Абдаллах с отрядом кутамитов в 909 г. отправился в Сиджилмасу. Во время этой экспедиции с помощью населения исмаилиты свергли власть Рустамидов в Тахерте. Сиджилмаса

⁸ Раккада — резиденция наместников Ифрикии, расположенная в юго-западном предместье Кайруана, основанная в 877 г. Аглабидом Ибрахимом ибн Ахмадом.

⁹ О Сиджилмассе в первые века ислама см. интересную статью М. Чуракова [137].

сдалась без боя. Абу Абдаллах, освободив Убайдаллаха и его сына из тюрьмы, обратился к народу со словами: «Это Махди, которому я призываю вас повиноваться!».

По возвращении экспедиции через Икджан в Раккаду в январе 910 г. Убайдаллах был провозглашен «эмиром верующих», т. е. халифом [81, стр. 28]¹⁰, и официально принял титул «махди», что, согласно исмаилитскому учению, должно было означать конец мира, основанного на несправедливости, и наступление «золотого века»¹¹. Вскоре были созданы ведомства, введены налоги, в покоренные области отправлены наместники.

Образование шиитского государства в Северной Африке означало раскол мусульманского мира на три враждебных друг другу халифата: Фатимидов, Аббасидов и кордовских Омейядов¹².

Однако появление Махди не привело к осуществлению надежд берберов. Войдя в Кайруан, Абу Абдаллах дал его жителям гарантию жизни и имущества, но Убайдаллах Махди подтвердил лишь гарантию жизни¹³. Кроме того, в первое время после победы Убайдаллах стремился распространить исмаилизм среди жителей Кайруана насильственно, казня несогласных¹⁴, что также оттолкнуло многих берберов от Фатимидов.

Разрыв между чаяниями народа и реальной политикой имама-халифа имел своим следствием появление в исмаилитском учении положения о том, что Убайдаллах должен лишь восстановить права фамилии пророка, а не осуществлять исмаилитскую социальную программу.

¹⁰ По имени Убайдаллаха суннитские авторы часто называют халифом, его преемников, Убайдитами, выражая этим свое неприятие родословной, возводящей их происхождение к Фатиме, дочери пророка.

Укажем, кстати, что в последнее время исследователями высказывались и иные соображения относительно названия династии (а возможно, и упомянутой ранее шиитской группы). Л. Массиньон связывает его с именем другой Фатимы, дочери Хусайна, являвшейся передатчицей записок о своей знаменитой бабушке и ее предсказаний пришествия Махди [255, стр. 368].

По мнению М. Канара, важная роль в оформлении этой традиции принадлежала и третьей Фатиме — матери Али [178, стр. 850].

¹¹ Из этого видно, что уже к началу X в. первоначальные мессиянистические представления исмаилитов о Мухаммаде ибн Исмаиле были отвергнуты, по крайней мере их африканской частью. См. также ниже, стр. 108.

¹² В ответ на коронацию в Раккаде кордовский эмир Абд ар-Рахман III провозгласил себя халифом в 929 г.

¹³ М. В. Чураков предполагает, что под имуществом здесь следует понимать обширные земельные владения новых феодальных señores [138, стр. 138], но речь идет скорее о недвижимом имуществе горожан [260, стр. 69].

¹⁴ Суйуби определяет число лиц из духовенства, убитых при Убайдаллахе и его преемниках из-за отказа принять исмаилизм, в 4 тыс. человек.

Абу Абдаллах продолжал пользоваться большой популярностью, что, по-видимому, было связано с его стремлением претворить в жизнь провозглашенные принципы. Это противоречило политике Махди, и в 911 г. Абу Абдаллах был казнен по его приказу¹⁵. В ответ на это кутамиты восстали. Махди лично руководил расправой с ними, проявив, по словам О'Лири, полное отсутствие совести и благодарности, что стало характерной чертой всей династии [260, стр. 72]. Однако волнения в Ифрикии не прекратились. Самое крупное из них началось в 922 г., когда восстали берберы зената, хаввара и другие, располагавшиеся к югу от области кутамитов, в горах Аураса и Заба.

Вождем их стал кутамитский шейх Абу Язид, сторонник нуккаризма — крайнего течения хариджизма, вновь ожившего в связи с отказом Фатмидов от осуществления их общественно-политических идеалов. Восставшие стремились к созданию независимого берберского государства. Голод 928—929 гг. способствовал распространению восстания. В 946 г. повстанцы овладели Кайруаном и другими центрами Ифрикии, осадив халифа в его новой столице, Махдии¹⁶, а затем на короткое время захватили ее. Фатмиды, однако, смогли устоять и вскоре нанесли поражение восставшим. Абу Язид был загнан в горы, схвачен там и направлен в Махдию, где вскоре умер от ран (947 г.). Подавление мятежных берберских племен оставалось, таким образом, главной линией внутренней политики самого Убайдаллаха Махди (910—934) и его преемников — Каима (тронное имя Абу-л-Касима, 934—946) и Мансура (946—953).

Еще при Махди на востоке были подчинены Барка и Триполя. Победы над Рустамидами и Мидраритами означали подчинение Фатмидам земель Среднего и некоторой части Дальнего Магриба. Однако на пути к полному господству в Магрибе стоял шиитский эмират Идрисидов.

Признав власть Фатмидов еще в 917 г., Идрисиды временами склонялись к союзу с кордовскими Омейядами, стремившимися восстановить свое влияние в Северной Африке.

Действительное подчинение Магриба произошло лишь при Муиззе (953—975), который в 958 г. направил на запад войско под командованием Джаухара. Джаухар, укрепив власть Фатмидов в Тахерте и Сиджилмассе, взял Фас, столицу Идрисидов, и достиг берега Атлантического океана; доказа-

¹⁵ Поводом к этому послужило раскрытие двух заговоров против Махди, в которых участвовали Абу Абдаллах, его брат, некоторые кутамиты и вожди других берберских племен [см. 138, стр. 139—140].

¹⁶ Махдия была основана в 912 г. на побережье Средиземного моря к юго-востоку от Кайруана и в 921 г. стала столицей фатимидского халифата. В 946 г. столица была перенесена в Мансурию — резиденцию в предместье Кайруана, основанную третьим фатимидским халифом — Мансуром. Мансурия оставалась столицей халифата до основания Каира.

тельство этому были кувшины с океанской водой и рыбой, доставленные в столицу. Последние непокорные берберские вожди были привлечены подарками и должностями, а правители Фаса и Сиджилмасы доставлены в Кайруан в железной клетке¹⁷. Теперь под властью фатимидского халифа было все африканское побережье до границы с Египтом. Возможность овладения Магрибом со стороны испанских Омейядов была предотвращена, хотя оккупация Сеуты в 931 г. позволила им продолжать враждебные действия против Фатимидов вплоть до распада их халифата (1031 г.). Разгром аббасидских наместников — Аглабидов означал и установление власти Фатимидов над Сицилией, прикрывающей подступы к Магрибу с моря. После победы над Абу Язидом халиф Мансур назначил правителем Сицилии Хасана из арабской фамилии Калби, ставшей с той поры династией наместников (об истории арабо-сицилийских отношений см. [85, 86]). В 955 г. сицилийский флот Фатимидов по приказу Муизза, открыто заявившего о своем намерении завоевать Испанию, совершил опустошительный набег на Альмерию; испанский флот в ответ на это сжег гавань Марса на африканском берегу.

На господство над островом претендовала и Византия. Полная драматических эпизодов борьба Фатимидов с войсками византийских императоров за Сицилию привела в 964 г. при Никифоре II Фоке (963—969) к разгрому византийцев и упрочению власти Фатимидов не только в Сицилии, но и в номинально являвшейся византийской территорией Калабрии, еще ранее обязавшейся уплачивать Фатимидам джизию¹⁸.

Через три года, в 967 г., Византия вступила в союз с Фатимидами, опасаясь угрозы ее итальянским владениям со стороны германского императора Оттона I (962—973). С их помощью Никифору Фоке удалось отстоять свои западные земли, ведя одновременно активное наступление в Сирию. Естественно, что Византия в это время не могла угрожать Магрибу и Муизза, отказавшись от намерения подчинить халифат Омейядов, направил все свои силы на Восток.

Однако соглашение это просуществовало недолго: в конце своего правления Никифор Фока вступил в союз с Оттоном и снова начал борьбу против Фатимидов. Политику Никифора Фоки продолжал его преемник Иоанн I Цимисхий (969—976).

¹⁷ Последний Идрисид, Хасан ибн Кануш, в 974 г. был пленен Омейядами; конец африканской ветви Идрисидов относят к 985 г. Другая их ветвь, Хаммудиды, в 1010—1057 гг. правила в Малаге (Южная Испания).

¹⁸ Вероятно, это и есть та дань, о которой М. Канар пишет, что Византия уплачивала ее из страха перед возможным объединением Фатимидов с ее злейшими врагами — булгарами [179, стр. 85].

Победы Фатимидов над Византией, магрибскими правителями, а позже — над египетскими Ихшидидами объяснялись прежде всего мощью верных им берберских отрядов и славянской гвардии, созданной еще Убайдаллахом, активной деятельностью флота¹⁹ и лазутчиков, определенным воздействием религиозного учения. Немалое значение имела и чисто политическая пропаганда: целями ее были ослабление сопротивления противника и укрепление воинственного духа подданных²⁰.

ЕГИПЕТСКИЙ ПЕРИОД

Фатимиды сознавали непрочность своего положения в Магрибе и огромное экономическое и политическое значение Египта — богатейшей и фактически в то время независимой провинции аббасидского халифата. Овладение Египтом открывало путь в Сирию и Хиджаз, а затем и к подчинению Багдада.

Махди предпринял попытку завоевать Египет уже в 914 г., всего через четыре года после прихода к власти. Она не была удачной: войско во главе с сыном и наследником Убайдаллаха Абу-л-Касимом овладело Баркой, смогло захватить и разграбить Александрию и вошло в Файйум, но халиф Муктадир (908—932) направил в Египет войско во главе с Мунисом, и магрибинцы были разбиты. Остатки армии вернулись в Магриб (915 г.).

Второй поход в Египет, начатый в 919 г. под командованием того же Абу-л-Касима, также не принес успеха: флот Фатимидов, участвовавший в этой экспедиции, был разбит флотом багдадских халифов у Розетты (май 920 г.), но сухопутная армия смогла вновь подчинить себе Александрию и проникла в Верхний Египет, где продержалась до следующего года и была затем изгнана силами египетского наместника Тегина (921 г.).

Следующая попытка завоевания Египта имела место в 935 г., уже после воцарения Каима. Главной силой на этот

¹⁹ После завоевания Ифрикии к Фатмидам перешел военный (а также торговый) флот Аглайдов. Кроме того, при Муиззе в Махди было построено много новых кораблей [28, стр. 146—147, 165—166 и сл.].

²⁰ Содержание этой пропаганды сводилось к провозглашению могущества Фатимидов, предопределенности свыше их побед и к унижению их врагов. Видную роль в этом деле сыграли упомянутый Ибн Хаукал, побывавший в Магрибе и в Испании, а также близкий к Муиззу поэт Ибн Хани (ум. в 973 г.). В частности, бесспорно пропагандистской, провизантийской этими же идеями является одна из известных поэм Ибн Хани; она написана в честь Муизза и, как полагает А. Массе, по его приказу [254, стр. 121—127].

Политической пропаганде Фатимидов посвящена упомянувшаяся выше содержательная статья М. Канара [179].

раз были служившие в Египте отряды берберов, вытавшиеся сопротивляться утверждению у власти Мухаммада Ихшида (935—946). Фатимиды оказали им помощь; вновь была взята Александрия, но Ихшид выслал против берберов армию и изгнал их в Магриб. Однако Фатимиды не отказались от своего намерения, активно продолжая пропаганду — и религиозную, и чисто политическую²¹.

Обстановка складывалась чрезвычайно благоприятно для них: аббасидские халифы, утратившие в 945 г. светскую власть, попав в зависимость от Бувайхидов — династии шиитов-имамитов, не питавшей особой вражды к Фатимидам, не могли оказать помощи Египту. Египет же при последних Ихшидидах находился в состоянии политической анархии и хозяйственного упадка.

В правление Абу-л-Хасана Али (960—966) низкий уровень Нила привел к голоду, дороговизне и эпидемии чумы; войско бунтовало, не получая жалованья. При Кафуре (966—968) в Египте произошло страшное землетрясение; нубийский царь совершил опустошительный набег на египетскую территорию.

При этом же правителе войско Фатимидов вновь отправилось для завоевания Египта, но дошло лишь до оазиса ал-Вахат на его западной границе, где войско Кафура остановило наступление.

Преемником Кафура в 968 г. стал десятилетний Абу-л-Фаварис Ахмад; фактически страной правил главнокомандующий Хасан ибн Убайдаллах ибн Тугдж, а затем везир Ибн Фурат, при которых голод не прекращался.

С 967 г. Муизз начал усиленную подготовку к новому походу, выделив на снаряжение своей берберской армии 24 млн. динаров. Подобно своим предшественникам, Муизз поддерживал связь с египетскими шиитами, которые просили его отправить войско и овладеть страной²².

В апреле 969 г. более чем сотысячное фатимидское войско во главе с Джаухаром направилось к Египту; ему сопут-

---

²¹ Так, Фатимиды в пропагандистских целях активно переписывались со своими сторонниками в Египте; в 919 г. несколько человек на них было казнено в Каире. Переписывался с Фатимидами и казначей Мухаммад ибн Али ал-Мадаран, который в 934 г. был фактическим правителем Египта.

Явно пропагандистскими были письма Каима Мухаммаду Ихшиду и его стихи, адресованные Муиззу. Знал, что отношения Ихшида с Багдадом были весьма напряженными, фатимидский халиф предлагал ему помощь и защиту против Аббасидов и просил его выдать дочь за своего сына Мансура [179, стр. 174 и сл.].

²² Известно, что после смерти Кафура Муизз послал своих миссионеров в Египет знамена, чтобы они роздали их тем египетским воинам, которые сочувствовали Фатимидам, а те развернули бы их при приближении Джаухара. Так и было сделано [см., например, 64, стр. 146].

ствовал флот, включавший корабли, груженные зерном, предназначенным для голодающих жителей Египта. Первого июля того же года египетская армия была разбита Джаухаром в Гизе; переход на его сторону части египетских воинов еще более облегчил победу. 7 июля 969 г. фатимидское войско вошло в Фустат. Переговоры о мире с египетской стороны вела депутация из представителей населения во главе с Абу Джафаром Муслимом. Сломив сопротивление личных отрядов Кафура и Ихшида («кафурийа» и «ихшидийа»²³), Джаухар заключил мир. В декларации, обнародованной по этому поводу, Джаухар утверждал, что его целью являлось освобождение египтян от гнета Ихшидидов и от внешних врагов. Декларация гарантировала безопасность торговли, хаджжа, сохранение имущества и земель, свободу вероисповедания.

9 июля 969 г. в старой мечети Фустата в хутбе впервые было упомянуто имя Муизза. Так Египет вошел в состав фатимидского государства, став его главной территорией и утратив всякую зависимость от Багдада. В этом же году рядом с Фустатом Джаухар основал новую столицу — Каир, куда в 973 г. прибыл Муизз с гробами своих предков. При Муиззе и его преемниках положение Египта упрочилось. Экономика страны переживала период подъема, что выразилось в увеличении доходов от земледелия, развитии ремесел и торговли, о чем будет подробнее сказано ниже. Наблюдалась и относительная социальная стабильность, за исключением некоторых лет правления Хакима (996—1021), подвергавшего преследованиям не только немусульман, но и многих мусульман.

Одновременно рос и международный престиж Фатмидов. Еще в 959/960 г. Муизз вмешался в дела Хиджаза, установив мир между двумя соперничающими фамилиями Алидов и таким путем подготовив признание фатимидского халифата Меккой и Мединой. Особенно велик был престиж Фатмидов при Азизе (975—996)²⁴; хутба на имя этого халифа провозглашалась не только в Магрибе и Хиджазе, но и во многих сирийских городах, в Мосуле, а также в Йемене.

²³ *Кафурийа* и *ихшидийа* были разбиты и в большинстве своем (около тысячи воинов) заточены Джаухаром в тюрьму, а затем помилованы Муиззом. Некоторым ихшидийа удалось бежать в Сирию и присоединиться к карматам [64, стр. 179, 188]. Были и еще очаги сопротивления: к северу от Фустата выступил отпрыск Ихшидидов Бар; он был быстро усмирен. Жители Тинниса выразили свою непокорность Фатмидам, продолжая упоминать в хутбе халифа Мути, но вскоре Тиннис был отрезан от столицы карматами. О выступлении бедуинов в Верхнем Египте в 971—972 гг. см. ниже.

²⁴ Престиж этот выражался и в том, что халиф Азиз ежегодно получал в подарок охотничьих соколов из Византии, Ирана, Армении и других стран [57, стр. 262, 268].

Основной внешнеполитической задачей Фатимидов после завоевания ими Египта стало полное подчинение Сирии, что должно было привести к покорению всего аббасидского халифата, а затем и всего мира²⁵.

С борьбой Фатимидов за Сирию связаны их довольно сложные отношения с бахрейскими карматами. Как известно, карматы — вторая наряду с фатимидской ветвь исмаилитской секты, возникшая в Южном Ираке в конце IX в., когда иракские исмаилиты во главе с Хамданом Карматом (по имени которого получило название все движение) и его помощником Абданом отошли от саламийских имамов в связи с конфликтом из-за наследования имамата²⁶.

После раскола к Хамдану Кармату примкнули исмаилиты северо-западного побережья Аравийского полуострова, обычно называемые карматами Бахрейна и ставшие со временем большой политической силой²⁷. Как известно, они создали свое самостоятельное государство, основателем которого считался Абу Саид ад-Джаннаби, просуществовавшее до конца

²⁵ Отметим, что в 980 г. Ахва направил посольство в Багдад. Оно было принято с большой пышностью, что создало у халифа преувеличенное представление о мощи Аббасидов и несколько охладило захватнические устремления Фатимидов.

²⁶ Известия об этом конфликте, восходящие к антифатимидскому трактату Аху Мухсинна (X в.), который относит его к 899 г., были дополнены и основательно залутованы позднейшими суннитскими авторами [см., например, 13, стр. 66; 64, стр. 223—224; 233, стр. 49].

Б. Льюис вслед за де Гее относит это событие к более позднему времени — началу X в., связывая его с гибелью Абу Абдаллаха аш-Шини; он предполагал, что оно явилось следствием разногласий между сторонниками исмаилизма как официальной религии фатимидского государства и приверженцами его первоначальных революционных традиций. При этом, по мнению Б. Льюиса, и Фатимиды считали объединение с недостойными карматами несовместимым с укреплением и прогрессом государства и династии [246, стр. 85—86].

Близок к Льюису С. Стерн, видевший суть упомянутого конфликта в переносе представлений о Махди (или, что то же самое, Канме) с Мухаммада ибн Исмаила на сына Убайдаллаха [272, стр. 68].

В. Маделунг на основании сохранившегося письма Убайдаллаха и членам Йеменской исмаилитской общины утверждает, что столкновение саламийского имама (каковым, по его мнению, и был Убайдаллах) с Абданом произошло из-за утверждения Убайдаллаха, что он происходит не от Исмаила, а от брата последнего — Абдаллаха, который не считался шиитским имамом [248, стр. 71].

Надо полагать, что лишь вхождение в научный оборот недоступных до сего времени исмаилитских памятников будет способствовать окончательному выяснению этого важнейшего для истории исмаилизма события.

²⁷ В антиисмаилитских источниках слово карматы часто употребляется в уничижительном смысле для обозначения всех исмаилитов. Более правильным является применение этого наименования лишь к исмаилитам Ирака и Бахрейна [см. 276, стр. 372].

Иракские карматы в отличие от бахрейских не играли столь большой роли в политической жизни той эпохи.

XI в. и подробно описанное Насиром Хосровом [5, стр. 179—184].

Учение бахрейнских карматов существенно отличалось от фатимидского: они ожидали возвращения в качестве махди Мухаммада ибн Исмаила, отвергая, таким образом, имамат его преемников — «скрытых имамов» и Фатимидов, т. е. являясь приверженцами исмаилитской доктрины в ее самой ранней форме.

Взаимоотношениям Фатимидов с бахрейнскими карматами посвящена книга известного голландского востоковеда де Гье [210; см. также 209]. Его выводы сводятся к тому, что несмотря на отход Хамдана Кармата и его сподвижника Абдана, вождь бахрейнских карматов Абу Саид ал-Джаннаби, поддержав Хамдана Кармата, не порвал полностью с североафриканскими имамами. Де Гье считает, что сын Абу Саида ал-Джаннаби, Абу Тахир (914—943), во всех важнейших предприятиях руководствовался приказами Убайдаллаха. При преемниках Убайдаллаха столь тесного сотрудничества не наблюдалось, но карматы все же продолжали признавать Фатимидов имамами и оказали им помощь при завоевании Египта. Разрыв произошел в 969 г., когда у бахрейнских карматов к власти пришел Хасан ал-Асам, который вступил в союз с Аббасидами и повел карматов на борьбу с Фатимидами. Но в 988 г. карматы еще раз подтвердили свою верность Фатимидам.

Близки к де Гье представления Б. Льюиса и Г. Скялони: первый из них считает, что примерно с середины X в. карматы вернулись к подчинению Фатимидам, второй — что Абу Саид ал-Джаннаби с самого начала до 969 г. правил Бахрейном как наместник Фатимидов [246, стр. 89; 267, стр. 30—33; 256]. П. Казанова и В. Иванов также не отвергают положения о длительном фатимидско-карматском союзе [42, стр. 125; 229, стр. 10].

С. Стерн в сущности присоединяется к этому утверждению с той лишь оговоркой, что карматы, поддерживая связь с Фатимидами, считали их, в соответствии со своим учением, не имамами, а лишь политическими лидерами, наместниками ожидаемого ими махди — Мухаммада ибн Исмаила [272, стр. 69]. В. Маделунг, исходя в основном из тех же данных, придерживается прямо противоположного мнения. Так, он полагает, что факт набега карматов на Басру в 912 г., о котором есть краткие упоминания в ряде источников, в частности у Ибн ал-Асира, был незначительным предприятием и что это вторжение нельзя рассматривать как часть совместного фатимидско-карматского выступления с целью помочь первому походу Фатимидов на Египет [59, VI, 140; 248; стр. 46; 210, стр. 69]. Он полагает также, что во время второго похода карматы не делали никакой попытки направиться

в Египет согласно призыву Абу-л-Касима, якобы предполагавшего встретиться там с вождем карматов Абу Тахиром, а взятие карматами Басры в 923 г. к этому походу никакого отношения не имело [248, стр. 47—48, 52]. Первое утверждение В. Маделунга из-за краткости сведений источников не вызывает возражений, второе — направлено против подробного и ясного рассказа Ибн Халдуна [73, стр. 88—89]; В. Маделунг считает это и все прочие сообщения Ибн Халдуна о карматах, не имеющие параллелей в других источниках, позднейшей конструкцией, не заслуживающей доверия [248, стр. 52, 66]. Такое отношение к Ибн Халдуна, известному своим строгим критическим подходом к использованным источникам, кажется безосновательным [см., например, 92; 202]. В. Маделунг отрицает также положение о руководстве Фатимидов в таком столь известном предприятии, как нападение карматов в 930 г. на Мекку, похищение «Черного камня» и его возвращение в 950 г., хотя известия об этом очень противоречивы и одной из несомненных причин возвращения камня был приказ фатимидского халифа Мансура [248, стр. 60; 73, стр. 89; см. также 246, стр. 89; 267; стр. 33].

Игнорирование В. Маделунгом сведений более ранних авторов, в том числе Ибн Хаукаля и Ибн Мискавейха [15, стр. 21, 23; 29, II, стр. 56—60, V, стр. 63], дающих безусловную возможность видеть в них факт подчинения карматов Фатимидам до 969 г. (хотя, возможно, и с перерывами), также кажется мне необоснованным.

Наиболее важной для нас частью этой проблемы являются карматско-фатимидские отношения в египетский период. Ход событий здесь был следующим: в 964 г. бахрейнские карматы во главе с Хасаном ал-Асамом совершили удачный поход в Сирию, захватив богатую добычу. В 968 г. карматы снова вторглись в Сирию, стремясь добиться возобновления дани, которую им прежде уплачивал ихшидидский наместник Дамаска; они просили помощи у Багдада, но халиф Мути (946—974) отказал им в поддержке, заявив, что для него карматы и Фатимиды — одно и то же и он не хочет иметь с ними дела. Однако Бувайхиды помогли карматам оружием и деньгами, Абу Таглиб, хамданидский правитель Рахбы, — людьми; к карматам присоединились также бедуины Бану Сулайм.

Карматы со своими союзниками отвоевали Дамаск, разбили ихшидидские войска у Рамлы (октябрь 968 г.) и взяли город; они ушли лишь тогда, когда жители внесли им контрибуцию в 125 тыс. динаров.

Де Гье полагал, что эти походы, столь облегчившие Фатимидам завоевание Египта, а также вторжение в Египет нубийского царя (964) были осуществлены по приказу Муиза [210, стр. 182].

Разделяя точку зрения де Гье, М. Канар утверждает, что Муизз спровоцировал также нападение византийского флота на египетское побережье и проникновение берберских отрядов в Александрию [179, стр. 176]. В. Маделунг же категорически отрицает возможность фатимидско-карматского союза и в этом случае, основываясь на упомянутой декларации, в которой Джаухар обещал египтянам, в частности, свободу хаджжа, что, по мнению этого исследователя, было равносильно открытому объявлению войны карматам, а также на указе, обращенном к населению Верхнего Египта, в котором Джаухар проклинал карматов [248, стр. 54]. Можно заметить, кстати, что в декларации говорилось и о свободе вероисповедания для жителей страны, в то время как действительной целью Фатимидов было распространение исмаилизма, декларация эта носила обычный для документов такого рода демагогически-официальный характер и могла не отражать действительных намерений завоевателей.

Сразу же после экспедиции в Сирию карматы заняли резко враждебную позицию по отношению к Фатимидам; они вступили в переговоры с разбитым ими ихшидидским наместником Сирии, и тот согласился выплачивать им ежегодную субсидию в 300 тыс. динаров при условии активных действий карматов против армии Фатимидов, уже готовой двинуться в Сирию.

Гипотеза де Гье, согласно которой разрыв карматов с Фатимидами был связан с распрями среди карматских вождей, до сего времени сохраняет свою убедительность; по его мнению, убийство внука Абу Саида ал-Джаннаби — Сабура, связанного с Фатимидами, открыло путь к власти его кузену и противнику Хасану ал-Асаму; враждебное отношение ал-Асама к Сабуру распространилось и на его покровителей [210, стр. 184].

Наряду с этим была и другая, возможно более важная, причина: карматы опасались укрепления Фатимидов в Сирии, ибо это лишило бы их и упомянутой подати, и доходов от сопровождения караванов с паломниками. Поэтому карматам не оставалось иного выхода, кроме открытой борьбы с Фатимидами [248, стр. 57]. Вступив в нее в начале 970 г., карматы были разбиты фатимидским полководцем Джафаром ибн Фаллахом при Рамле и отступили. Но в следующем, 971 г. карматы вновь напали на Сирию. Вторично взяв Рамлу, а также Дамаск и заперев одиннадцатитысячную фатимидскую армию в Яффе, карматы вторглись в Египет. Были захвачены Кулзум на Красном море и Фарама; Тиннис восстал против Фатимидов, и в октябре 971 г. карматы появились в Айн-Шамсе, укрепленном пригороде Фустата. Два месяца карматы во главе с Хасаном ал-Асамом стояли у ворот столицы. Джаухар собрал свежие силы и отогнал их; Тиннис был

отвоёван. Яффа также освобождена посланными из Каира африканскими отрядами. Флот карматов потерпел поражение у Тинниса.

Все же карматы еще не были сокрушены и вскоре смогли собрать силы для нового выступления.

Халиф Муизз, прибыв в Каир и сознавая опасность карматского нападения, отправил Хасану ал-Асаму письмо. В нем он выражал сожаление по поводу отпадения карматов от Фатимидов и стремился склонить Хасана к подчинению себе, ставя ему в пример его предков — Абу Саида и Абу Тахира, которые, по мнению Муизза, в своих сочинениях и речах называли себя слугами Фатимидов; однако Хасан отверг это предложение [13, стр. 149—154; 64, стр. 251—265]. Де Гье считает письмо Муизза, относящееся к 973 г., одним из существенных доказательств подчинения карматов Фатимидам до 969 г. [210, стр. 190].

В. Маделунг, справедливо полагая, что письмо это преследовало явно политические цели (Муизз добивался признания его карматами, стремясь усилить свою власть и приблизить уничтожение аббасидского халифата), считает его фальсификацией.

По его мнению, в упоминавшихся в письме сочинениях карматских вождей речь шла не о фатимидских халифах, а об ожидавшемся карматами махди — Мухаммаде ибн Исмаиле; Муизз же, пользуясь отсутствием в названных документах конкретного имени, приписал их Убайдаллаху и его преемникам [248, стр. 88].

Однако заключение В. Маделунга относительно фальсификации кажется скорее логическим продолжением всего его построения, нежели единственно возможным выводом из анализа текста письма и поэтому вызывает сомнения.

В то же время предположение В. Иванова, будто «бахрейнские карматы хотели предоставить (Фатимидам. — Л. С.) видное место в своей собственной секте» [229, стр. 10], в свете этого письма оказывается явно неправильным.

Дальнейшие карматско-фатимидские отношения складывались следующим образом: в 974 г. бахрейнские карматы снова появились под Айн-Шамсом; их поддерживали враждебные Фатимидам Алиды и сторонники Ихшидидов. Однако Муизз смог подкупить важнейшего союзника карматов, вождя бедуинов Бану Таи за 100 тыс. динаров²³. Бедуины в решающий момент покинули Хасана ал-Асама, что принесло победу Фатимидам. Карматы отступили в Сирию; египетские

²³ Поскольку монетный двор Фустата в то время не располагал таким количеством золотой монеты, была отчеканена медная, а сверху положено немного золота. Видимость фатимидской щедрости имела успех [267, стр. 41].

войска преследовали их и дважды нанесли поражение — в Рамле и в Дамаске.

Последнее крупное выступление бахрейнских карматов против Фатимидов относится к 975 г.; их снова возглавлял Хасан ал-Асам, вступивший в союз с тюркским вождом Хафтагином (о котором будет речь ниже); военные действия вновь происходили в Сирии и закончились поражением союзников. Хасан ал-Асам дал клятву отказаться от попыток подчинить Египет и Сирию в обмен на ежегодную подать в 30 тыс. динаров²⁹, обещая вернуться в Аравию, но тем не менее оставался с армией в Сирии.

После смерти Хасана ал-Асама (977 г.) карматы вернулись в Бахрейн. Что касается дальнейших фатимидско-карматских отношений, то известно, что Джафар, брат и преемник Хасана, пытался вновь укрепиться в фатимидской Сирии, но в 978 г. был разбит Азизом и, по-видимому, не возобновлял своих попыток. Мукаддаси под 988 г. сообщает о сокровищнице Махди, находившейся в столице карматов ал-Ахсе [30, стр. 93]. Это дало возможность де Гусе утверждать, что карматы в этом году вновь вернулись к верности Фатимидам [210, стр. 195]. Однако не исключена связь этого факта с тем, что некий алид Абдаллах ибн Убайдаллах ибн Тахир еще перед фатимидским завоеванием искал среди египетских Алидов признания в качестве Махди. Это ему не удалось; позже он примкнул к карматам и участвовал в их борьбе против Муизза, не найдя, однако, признания и среди них [248, стр. 66].

ФАТИМИДЫ В СИРИИ

Накануне фатимидского завоевания власть Аббасидов в Сирии была весьма непрочной. Бедуинские племена выходили из подчинения наместникам багдадских халифов. Так, в 944 г. Сайф ад-Даула ибн Абу-л-Хиджа Абдаллах ибн Хамдан из племени Таглиб, давно обосновавшегося в Джазире, отнял у Ихшидидов Халеб и основал независимое княжество.

Постепенно усиливалась иммиграция тюрков с востока. С севера, как уже говорилось, успешно наступали византийцы; к 968 г. они захватили всю Северо-Западную Сирию. Греческое вторжение было на руку Фатимидам: оно ослабило Хамданидов Халеба и дало возможность Фатимидам утверждать, что они являются единственной мусульманской силой, способной остановить и изгнать греков.

Уже в 969 г., вскоре после завоевания Египта, фатимид-

²⁹ Подать эта некоторое время выплачивалась [248, стр. 64].

ские войска взяли Дамаск и осадили Антиохию, но, как уже отмечалось, коалиция карматов, бедуинов и сторонников Ихшидидов изгнала их из Сирии, а затем вторглась в Египет (971 г.). В 974 г. Фатимиды возобновили свое наступление. Дамаск был взят, и они утвердились в Южной Сирии; северо-западная ее часть по-прежнему оставалась под властью Византии. Но и в Дамаске суннитское по преимуществу население не мирилось с новыми правителями — шиитами.

К концу правления Муизза его имя стали провозглашать в хутбе в Халебе; однако признание Фатимидов Хамданидами было номинальным. В течение последующих десятилетий политическая обстановка в Сирии была весьма сложной; Фатимиды, Хамданиды и византийцы то враждовали, то заключали соглашения.

Активную политическую роль в Южной Сирии играло наемное войско тюркского полководца Хафтагина, бывшего вассала Бувайхидов. После завоевания Дамаска Фатимидами Хафтагин вторгся в Сирию. Воспользовавшись тем, что фатимидские войска были выведены из Дамаска для борьбы с византийцами за Триполи, Хафтагин вступил в союз с городским ополчением и овладел Дамаском без сопротивления. Узнав о намерении Муизза выдворить его из Дамаска, Хафтагин обратился к бахрейнским карматам, прося их союза. Карматы согласились, и в 975 г. их значительные силы расположились под Дамаском, а несколько позже заняли Рамлу и, двигаясь вдоль Средиземноморского побережья, разбили фатимидские отряды при Сидоне. Таким образом, завоевания Фатимидов в Южной Сирии были по существу ликвидированы; Муиззу не удалось добиться осуществления своих целей. Сложность сирийской проблемы отлично сознавал проницательный везир Ибн Кялисе, в свой последний час советовавший халифу удовольствоваться формальным признанием последнего со стороны Хамданидов и сохранением мира с византийцами.

К моменту вступления на трон Азиза карматы и Хафтагин грозили новым наступлением на Каир. Тогда халиф направил в Сирию армию во главе со знаменитым Джаухаром; отряды Хафтагина были осаждены в Дамаске. Однако бежавшие было из Рамлы при известии о фатимидском наступлении карматы вернулись к Дамаску на помощь тюркам. Джаухар вынужден был заключить с ними мир и отступить в Аскалон.

На помощь Джаухару поспешил с армией халиф Азиз; столкновение объединенных фатимидских войск с тюрками (сентябрь 978 г.) длилось всего несколько минут; тюрки бежали; карматы покинули их еще раньше; Хафтагин был пленен и доставлен в Каир.

Таким образом, к концу правления Азиза Фатимиды смогли несколько упрочить свои позиции в Южной Сирии и подо-

рвать власть Аббасидов. Однако Северная Сирия фактически была подчинена Византией: в 993-4 г. фатимидский полководец Мангутагин в течение 13 месяцев осаждал Халеб и разбил пятидесятитысячную армию, посланную на помощь Хамданидам византийским правителем Антиохии, но император Василий II, прекратив кампанию против болгар, в 995 г. явился на выручку и освободил Халеб.

В следующие годы, при Хакиме, Южная Сирия стала ареной вооруженной борьбы между враждующими фракциями фатимидского войска — тюркской и берберской, завершившейся победой берберов. Фатимиды стремились удержать морское побережье как преграду для возможного наступления византийцев, борьба с которыми шла с переменным успехом и привела в 1001 г. к заключению мира на десять лет.

Влияние Фатимидов в Северной Сирии все же усилилось: в 1002 г., после гибели византийского вассала Хамданидов Саида ад-Даула, Халеб признал верховенство Фатимидов, и в 1008 г. Мансур ибн Лулу был утвержден его наместником. Видимо, угрозой дальнейших захватов Фатимидов в Сирии, а также усилением их влияния в восточных областях аббасидского халифата, где успешно действовали каирские эмиссары, объясняется провозглашение в 1011 г. в Багдаде халифом Кадиром манифеста, в котором алидская родословная Фатимидов объявлялась ложной.

Наместник Халеба Азиз ад-Даула, однако, вел самостоятельную политику: заключил мир с Византией, стал чеканить свою монету и перестал платить подать Египту.

При халифе Захире (1021—1036) его полководец Ануштагин, подавив мятежных бедуинов, вновь овладел Халебом и укрепился в Дамаске. Влияние Фатимидов в Сирии при Ануштагине достигло наивысшей точки; их верховенство признал тогда и правитель Харрана, владевший, кроме того, Саруджем и Раккой. После смерти Ануштагина (1042 г.) египетское влияние в Сирии стало неуклонно падать. Арабская династия Мирдасидов при поддержке византийцев овладела Халебом; наместник Дамаска не имел реальной власти из-за вражды тюрок и берберов в его отрядах и традиционно враждебной позиции горожан; постоянно восставали палестинские бедуины. Что касается сельских местностей, то они всегда находились вне контроля фатимидских гарнизонов.

В целом же установить твердый контроль над Сирией, к чему Фатимиды стремились в течение целого столетия после завоевания Египта, им так и не удалось.

* * *

После переноса столицы халифата в Каир в Магрибе правили наместники Фатимидов. Отправляясь в Египет, Муизз назначил своим правителем в Ифрикии вождя племени сен-

хаджа Иусуфа Булуккина, сына видного сподвижника Фатимидов Зирри ибн Манана. Наместничество стало наследственным в фамилии Зиридов, пользовавшихся с самого начала большой самостоятельностью. В областях к западу от Ифрики наместниками обычно были прежние правители или их ставленники, лишь номинально признававшие верховенство Фатимидов³⁰. Влияние исмаилизма не было здесь глубоким и быстро исчезало³¹.

При халифе Мустансире (1036—1094), преемнике Захира, правление которого было самым долгим в мусульманском мире, престиж Фатимидов несколько возрос: в 1037 г. в Йемене, где исмаилизм укоренился еще со времен Ибн Хаусхаба, а суверенитет Фатимидов был признан в 987 г., утвердилась исмаилитская династия Сулайхидов; ее основателем был фатимидский миссионер Али ибн Мухаммад ас-Сулайхи. Сулайхиды правили в Йемене до 1173 г., т. е. до его завоевания Аййубидами³². С 1063 г. они правили и в Мекке, признавшей (как и Медина) верховенство Фатимидов еще при Азизе³³.

Однако именно со времени Мустансира фатимидское государство стало ослабевать. Большой ущерб хозяйству страны

³⁰ О непрочности положения Фатимидов в Магрибе можно судить по напутствию, данному Муизом Иусуфу Булуккину: не брать податей с кочевников, не заискивать меча над ними, не допускать и управление своих родственников [см., например, 64, стр. 145]. Уже вскоре после завоевания Египта кутаимты отказались уплатить Муизу по его просьбе дополнительный налог [64, стр. 140].

³¹ Так, уже при Тамиме (1062—1108) в Ифрикии наблюдалось некоторое возрождение суннизма в его маликитской форме [61, 1, 271].

³² Наиболее видные члены этой династии — Али ибн Мухаммад (правил в 1037—1066 гг.) и его сын Ахмад ибн Мукаррам (1067—1091). Ахмад вскоре после прихода к власти отошел от дел, и правление перешло к его жене по имени Малика Сайдиды Арва (ум. в 1137-38 г.).

Главный калиф Йемена Ламак ибн Малик жил при дворе Мустансира; благодаря ему в Йемен была вывезена значительная фатимидская литература, впоследствии частично попавшая в Индию. В числе сохранившихся фатимидских памятников — обширная переписка Мустансира с Сулайхидами; конспекты 66 из сохранившихся писем опубликованы Х. Хамдани [49].

³³ [5, стр. 163]. Согласно «Иттиаза», это произошло уже при Муизе [64, стр. 177; 290, стр. 131]. Со времен Азиза фатимидские халифы посылали в Мекку традиционный покров из Каабу белого цвета (официальный цвет Фатимидов) и подарки эмирам «священных городов» и их приближенным. «Подарки эмиру и сановникам Мекки составляют три тысячи динаров в месяц, кроме лошадей и почетных халатов; посылаются они два раза в год», — писал Насир Хосров [5, стр. 135]. Признавая Фатимидов, эмиры Мекки и Медины в своих внутренних делах были тем не менее самостоятельны.

Мустансир покровительствовал не только знати Хиджаза. В 1047 г. по случаю голода и недородов в Египте «собрались из Хиджаза 35 тысяч человек, и султан всех их одел и приказал содержать в течение целого года, ибо все они были голодными и нагими. Когда же в Хиджазе снова пошел дождь и продовольствие возросло в обилие, султан опять дал каждому из этих людей подобающую ему одежду, одарил их и отправил обратно в Хиджаз» [5, стр. 135].

был нанесен длительным голодом из-за недостаточного уровня Нила, усилившегося налогового гнета, обострившейся вооруженной борьбой внутри армии.

Власть в стране переходит к везирам из среды военных; в борьбе за нее участвует и духовенство, особенно активное при Мустали (1094—1101) и Амуре (1101—1130). Слабость центральной власти вела к уменьшению государственной территории. В 1048 (или 1051) г. Зирид Муизз ибн Бадис порвал с Мустансиром, признав суверенитет Аббасидов. Тогда Фатимиды направили в Ифрикию воинственные племена бедуинов бану хлал и бану сулайм, которые опустошили многие ее области. Однако восстановить свою власть над территориями западнее Барки и Триполи Фатимиды не смогли.

В области Бужи, на границе Ифрикии с Магрибом, еще в 1007 г. утвердилась династия Хаммадидов²⁴. В Среднем и Дальнем Магрибе берберские племена микнаса, миграва и другие, занявшие прежние владения Идрисидов, добились полной независимости. Все эти области в середине XI в. были подчинены суннитами-Альморавидами, которых через столетие сменили Альмохады, в 1160 г. покорившие и Ифрикию²⁵. Сицилия в 1071 г. была завоевана норманнами. Суверенитет Фатимидов над «священными городами» с перерывами продержался до конца династии.

В 1055 г. Бувайхиды были свергнуты и багдадские халифы попали под власть ревностных суннитов — сельджуков, стремившихся к уничтожению еретического каирского халифата. Новейшие исследования показывают, что отпадение от Фатимидов западных областей, ухудшение отношений с Византией накануне «великого бедствия» (о чем будет сказано далее) и усиление антифатимидских настроений в Сирии были в явной связи с сельджукской дипломатией [220, стр. 188].

Ответом на политику сельджуков была попытка подчинения Фатимидами Багдада. В 1057 г. благодаря усилиям видного фатимидского эмиссара Муаййада фи-д-дина Багдадом овладел Арслан Басасири, начальник бувайхидской гвардии; Аббасид Каим был изгнан, а в Каир были отправлены турбан и филигранный трон Аббасидов. Однако Фатимиды,

²⁴ По некоторым данным, Хаммадиды были родственны Зиридам, а именно Хаммад был сыном Юсуфа Булукиина [см., например, 73, стр. 49].

²⁵ В неопубликованном тексте «Завая тарих Багдад» («Продолжение истории Багдада») Ибн Наджжара (XII в.) сохранилось известие о казни в 1092 г. в Египте кадия Сеуты Атика ибн Имана, дающее представление о враждебных отношениях Египта с Дальним Магрибом. Этот кадий возвращался в Сеуту из Багдада; неблагоприятный ветер занес его в Александрию. При нем было найдено письмо аббасидского халифа Мухтара к Альмохаду Юсуфу ибн Ташфину (1088—1106), что и стало причиной гибели Атика [56].

занятые сирийскими делами, не смогли оказать Басасири действенной помощи, и через 11 месяцев вернувшийся из похода «Великий Сельджук» Тогрул-бек расправился с Басасири, восстановив на троне аббасидского халифа.

Фатимидская пропаганда в Средней Азии и Хорасане в это время особенно усилилась³⁶.

На далекой окраине мусульманского мира, в Западной Индии, где еще до образования государства Фатимидов исмаилизм был воспринят арабскими династиями мелких княжеств (Синда, Мультана и Мансуры), а также многими жителями Гуджарата, конфликт Фатимидов и Аббасидов вылился в арабо-тюркскую борьбу за влияние, так как Фатимиды защищали упомянутых арабских правителей, а Аббасиды — местные тюркские династии³⁷.

В 1064 г. сельджуки вторглись в Сирию. В 1071 г. их военачальник Атсыз взял Иерусалим, а через пять лет — Дамаск. Однако держава сельджуков вскоре вступила в период упадка. Два вассальных султаната, образовавшиеся на захваченных землях Сирии и Палестины, будучи фактически самостоятельными, постоянно боролись между собой и со своими арабскими и сельджукскими вассалами; правитель Халеба Рудван даже повелел провозглашать в мечетях имя фатимидского халифа, чтобы заручиться его поддержкой против своего брата, дамаскского султана Дукака.

В этой обстановке Фатимиды смогли отвоевать Акку, Тир и некоторые другие прибрежные города (1089 г.) и создать защитную полосу на палестинских подступах к Египту.

Ослабление Фатимидов и распад империи Сельджуков открыли путь крестоносцам. Как известно, первые крестоносцы начали свое движение на Восток в 1096 г.; в 1098 г. они овладели Антиохией и Эдессой. В самом начале их наступления везир Афдаль надеялся найти в крестоносцах союзников для борьбы с сельджуками, у которых Фатимиды в это время (сентябрь 1098 г.) отняли Иерусалим³⁸. Надежды Афдаля не оправдались; крестоносцы в 1099 г. овладели Иерусалимом, перебив в нем 70 тыс. мусульман и сделав его столицей своего королевства. В течение нескольких после-

³⁶ Отметим, что в качестве фатимидского эмиссара в Хорасане, Балхе, Мазандеране и Нишапуре активно действовал Насир Хосров [84, стр. 181—186].

³⁷ Исмаилитское государство в Мултаме было уничтожено Махмудом Газневидом в 1010 г.; Мансура была разрушена им в 1025 г. Синд был покорен тем же Махмудом, но в середине XI в., во время распада его государства, правящая фамилия Бану Суира восстановила верность исмаилизму, сохранив ее до конца своего существования (середина XIV в.). Исмаилитская община в Гуджарате сохранилась и после завоевания ее Махмудом Газневидом в 1024 г. [220, стр. 186—188; 275].

³⁸ Последними сельджукскими правителями Иерусалима были братья Сукиан и Иль-Газн. После своего изгнания они основали династию Артукидов в Мардине и Хисн Кайфе (Днарбахр).

дующих лет в их власти оказалось сирийское побережье с гаванями (Бейрут, Тортоса, Акка, Триполи, Яффа); в 1124 г. пал Тир⁸⁰.

Единственной опорой Фатмидов в Палестине остался Аскалон, который был сдан лишь в 1153 г. К середине XII в., таким образом, территория фатимидской державы ограничивалась по существу одним Египтом, экономический упадок и политическая анархия в котором достигли крайней степени. Малолетние халифы Зафир (1149—1154) и Фаиз (1154—1160) не имели и тени самостоятельности.

Крестоносцы стремились и к подчинению Египта, и в 1118 г. их отряды, возглавляемые нерусальмским королем Балдуином, напали на дельту Нила, предав огню Фараму, и дошли до Тинниса. Второе нападение на Египет было совершено франками во главе с Амальрихом в 1163 г.

Угроза захвата страны крестоносцами побудила к вмешательству в египетские дела атабека (об этом титуле см. [88]) Нур ад-дина Зенги, правителя Северного Ирака (1164—1174), сумевшего по примеру своего отца нанести крестоносцам существенные удары и стремившегося с целью полного изгнания франков подчинить Египет своей власти.

Поводом для этого стала просьба египетского везира Шавара помочь ему в борьбе с соперниками за вознаграждение в виде земель и денег. В 1164 г. Нур ад-дин с одобрения Багдада направил в Египет свое войско из тюрок и курдов. Однако Шавар, не желая предоставлять сирийцам обещанное, вступил в союз с Амальрихом, вскоре вновь высадившимся со своей армией на египетском побережье. Борьба франков и сирийцев шла с переменным успехом; войско Нур ад-дина еще дважды возвращалось в Сирию и вновь приходило в Египет (1167, 1169 гг.).

В конечном счете крестоносцы были изгнаны из Египта, а командующий войском Нур ад-дина — Асад ад-дин Ширкух назначен везиром вместо казненного Шавара. Однако Ширкух вскоре умер, и халиф Адид назначил везиром его племянника, курда Салах ад-дина ибн Аййуба, участвовавшего во всех трех походах. В 1171 г., после смерти халифа Адида (правившего с 1160 г.), всю власть в стране захватил Салах ад-дин, ставший первым султаном новой династии — Аййубидов и с 1174 г. восстановивший суверенитет Аббасидов.

Таковы основные внешние события, составляющие историю Египта в период вхождения его в состав фатимидского государства.

⁸⁰ Наместники Тира и Триполи еще в 1070 г. порвали с Фатмидами, провозгласив свою независимость.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВИДЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Зарождение феодальных отношений в Египте в византийский период — положение, принятое советской историографией; однако более конкретный вопрос о времени зарождения феодализма на территории Византии, в том числе и в Египте, до сих пор остается дискуссионным: одни исследователи считают основным элементом феодализма — феодальную собственность на землю — уже сложившейся в IV в., другие — в VII в. [см., например, 115, 117]. Как бы то ни было, никто не оспаривает преобладания в Египте поздневизантийского времени, накануне арабского завоевания, крупных поместий греческой знати, оттеснивших на второй план земли церковные и императорские и в значительной мере поглотивших мелкую и среднюю земельную собственность коптов¹. Основной формой эксплуатации сельского населения в ту эпоху являлся колонат, определяемый как институт переходного к феодализму периода или как бесспорно феодальный [см., например, 77, стр. 92—97; 99, стр. 101; 94, I, стр. 78 и сл.].

Арабское завоевание первоначально не внесло особых изменений в сложившуюся систему поземельных отношений, но вскоре бегство византийской земельной аристократии привело к росту государственного земельного фонда². При этом конфискация доменов византийских императоров была одновременным актом, а присоединение покинутых земель — длительным процессом, связанным с последовательным уничтожением части коптского населения [161, стр. 223]³.

¹ Византийские земельные собственники обладали элементами государственной власти; управление поместьями было аналогично центральному управлению империей, что указывает на их близость к западноевропейским формам земельной собственности [131, № 6, стр. 53; см. также 98, 134; 162; 163; 222].

² Известно, что из Александрии после ее завоевания арабами выехало на кораблях 30 тыс. греков, принадлежавших к египетской земельной аристократии; земли их явно отошли к государству [105, стр. 181].

³ Однако утверждение, будто коптское население Египта в VII—X вв. было почти полностью уничтожено или вынуждено покинуть страну, высказанное сравнительно недавно В. Бишоп, следует считать неверным [164, стр. 145—150]. Арабизация в гораздо большей степени была связана с унификацией, ассимиляцией победителей с коренным населением [159, II, стр. 118 и сл.; 261, стр. 63].

Арабы, общественный строй которых характеризовался зарождением феодальных отношений, в первое время после завоевания жили преимущественно в городах: халиф Омар ибн Хаттаб (634—644) запретил воинам заниматься земледелием [66, II, стр. 259]. Арабы-земледельцы (выходцы из Южной Аравии) впервые появились в Египте при халифе Хишаме (724—743); при нем же в 727 г. у Бильбейса были расселены три тысячи северных арабов (кайситов), которым предписывалось заниматься возделыванием земель; к середине VIII в. их число возросло до 10 тыс.

При утверждении у власти Аббасидов многие арабские племена в Египте, оставшиеся верными Омейядам, были лишены их пенсий и вынуждены покинуть города, что привело к превращению их в земледельцев [66, I, 80; 261, 4], 42, 48.]. Примерно в это же время, в середине VII в., в Верхнем Египте обособилось пришедшее из Аравии племя канз (ветвь раба) [239, 29]. В IX в. арабы уже распространились по всему Египту.

Более или менее крупная частная земельная собственность завоевателей («катиа») создавалась путем покупки земель у коптов или путем дарений заслуженным мусульманам, наместникам или членам правящей династии; большого развития она, как видно, не получила⁴.

Арабы-завоеватели, перешедшие к земледелию, а также лица, принявшие ислам, первоначально обязаны были уплачивать лишь десятину (ушр); покоренное население (немусульмане) было обложено хараджем — поземельным налогом большей величины, а также подушной податью (джизия). Процесс исламизации вел к уменьшению поступлений, в связи с чем в VIII в. уплата хараджа стала обязательной и для лиц, принявших ислам [159, II, стр. 83—87, 95]⁵.

⁴ Так, упомянутый халиф Омар ибн Хаттаб в нарушение своего же приказа пожаловал область Миннат ал-Асбаг некоему Ибн Сандару, после смерти которого эту землю у его наследников купил ал-Асбаг, сын правителя Египта Абд ал-Азиза ибн Марвана: «И не было в Египте катиа древнее этой и превосходящее ее» [66, I, стр. 95]. Сутью, являясь этот же факт, употребляет термин «катиа» и сообщает, что эта территория затем передавалась по наследству [67, I, стр. 90—91]. Вероятно, в Египте, как и в других частях аббасидского халифата, катиа в то время по своему юридическому статусу было тождественно другой форме земельной собственности — муляку, так как этот земельный участок мог не только передаваться по наследству, но и отчуждаться и предполагал эксплуатацию сидящих на нем крестьян-издольщиков [159, II, стр. 94—95].

В Египте же находились имения сыновей аббасидских халифов Мутаваккыла (847—861) и Мунтасира (861—862) [48, стр. 67].

⁵ Полное освобождение от налога земель, принадлежавших немногим уцелевшим местным собственникам, было актом особой милости со стороны правителя. Макризи пишет, что в 831 г., объезжая Египет после подавления всенародного восстания, аббасидский халиф Маиун пожаловал некоей египтянке, Марии Кротской, преподнесшей ему богатые дары, несколько сел и, кроме того, освободил от хараджа 200 федданов в ее собственном селении Та Намл [66, I, стр. 81; ср. 114, стр. 229—230, 237].

В целом же первые века хиджры, характеризующиеся поразительно быстрой арабизацией египтян, были и временем дальнейшего формирования основных классов феодального общества, причем граница между классами феодалов и зависимых крестьян не совпадала с этническим делением⁶, а собственником значительной части земли — основного условия и средства производства — выступало государство.

Скудость материалов позволяет создать лишь самое общее, схематическое представление о положении дел при Фатимидах.

Из нашего основного источника — «Хитат» Макризи, а также «Ахсан ат-такасим» Мукаддаси видно, что по крайней мере в первой половине фатимидского периода непосредственные производители — феллахи эксплуатировались преимущественно государством в лице его агентов. Соответствующие места сочинений Макризи и Мукаддаси рассматриваются ниже.

А. Мед утверждает, что Фатимида унаследовали право на египетские земли от предшествующих правителей Египта — византийцев, римлян, фараонов; при этом он ссылается на сочинение Мукаддаси, в котором, хотя эта преемственность и отвергается, понятие о правителе страны как собственнике ее земель выражено довольно четко⁷.

В действительности земли, эксплуатируемые непосредственно государством (аваси, васийа), не включали целиком всю египетскую территорию. Первоначально к ним относи-

⁶ Яркое доказательство того, что арабы и копты сливались в одну массу угнетаемых подданных, — участие арабов наряду с коптами в восстаниях, направленных против налогового гнета аббасидских наместников, происходивших в 783, 794, 802 гг. и особенно в 831 г., когда восстание охватило весь Египет [66, I, 80—81].

⁷ [100, стр. 109; 30, стр. 213]. «Спросил я (т. е. Мукаддаси у египтянина — Л. С.): правда ли, что говорят, будто египетские земли не являются собственностью (تملك), ибо их обитатели продали их Иосифу, да будет над ним мир?

Сказал [египтянин]: это хорошие слова, но разве ты не знаешь, что ислам разрушил то, что было до него, или не знаешь, что Иосиф, да будет над ним мир, вернул им их собственность [املاكهم], когда сделал Египет изобильным? И на этом условии был заключен мир с мусульманами во время завоевания его [Египта]. Здесь явно подразумевается масоретская версия сказания о покупке земель библейским пророком Иосифом во время голода [Бытие. 20, 23]. Как видно, Мукаддаси приписывал арабам ликвидацию частной собственности на землю, введенной якобы ветхозаветным пророком. Это объясняется следующим образом: исламизация Египта, как уже говорилось, вела к уменьшению плательщиков поземельного налога — хараджа, который взимался с немусульман. Поскольку государственная казна от этого страдала, в начале VIII в. харадж стал обязательным и для лиц, принявших ислам. Позже арабские авторы, в том числе и Мукаддаси, стремились оправдать эту практику, развивая теорию об установлении собственности государства на землю сразу же после ее завоевания арабами.

Фараоны, византийцы и римляне в соответствующих текстах Мукаддаси не упоминаются.

лись земли византийских императоров и бежавшей знати. Известно, что Джаухар присоединил к государственным землям домены династии Ихшидидов [65, стр. 166; 41, стр. 230]. После исчезновения халифа Хакима его сестра Ситт ал-Мульк отняла у подданных розданные им икта и присоединила их к государственным землям [291, стр. 341]. Наибольшее для всей средневековой эпохи расширение государственных земель приходится на годы «великого бедствия» при Мустансире (1064—1072), когда земля тысяч жителей Египта, погибших от голода или чумы или бежавших в Сирию или Ирак, отошла в ведение государства [см., например, 74, стр. 61].

Прежде чем рассматривать сведения наших источников о формах эксплуатации на государственных землях, остановимся на известных о других категориях земельной собственности. Существовали земли, принадлежавшие халифу как частному лицу или членам правящей династии. Насир Хосров, упомянув о канале, проведенном к западу от Каира отцом Мустансира, т. е. халифом Захиром, пишет: «И у него (т. е. Мустансира. — Л. С.) на берегах канала было шестьсот деревень, находившихся в его личной собственности» [5, стр. 110, 112]. Деревня Хакания в провинции Калнубийя была личным имением («хасс») халифа Амира; в ней было множество садов и халифская резиденция [66, I, стр. 488—489]. Однако иногда этим же термином обозначаются земли лиц, не принадлежавших к правящей фамилии [47, XII, стр. 46—49]. Надо полагать, что доходы с этих земель шли на личные нужды халифов-имамов и их семейств. Несомненно, особой категорией были земли мульк, которые, как известно, могли быть глубоко различны по своему социальному содержанию, т. е. являться собственностью феодала или принадлежать крестьянину⁸.

Упомянутая декларация Джаухара о сохранении жителей Египта принадлежавших им земель, по-видимому, относилась в первую очередь к мулькам (о крестьянском мульке будет сказано несколько далее). Макризи, определяя мульк как земли, которые можно было продавать, дарить и передавать по наследству, отмечает, что мульк возникал путем распродажи земель казной [66, I, стр. 156]⁹. Образовавшиеся таким путем мульки являлись, по-видимому, собственностью феодалов. Другим путем возникновения мульков могло быть пожалование земли правителем. Так, Мустансир пожаловал

⁸ О разных видах мулька на средневековом мусульманском Востоке, см. [114, стр. 222—247; 112, стр. 251—256].

⁹ В наших источниках имеется только сообщение о сделках такого рода: покупка земель у казны заменением кадем по имени ал-Фадля Абд ар-Рахм ибн Али ал-Байсан, занимавшим крупные административные должности при последних Фатимидах, в затем ставшим везиром Салах ад-Дин [66, II, 117].

невице, удачно высмеявшей в своей песне Аббасидов, в качестве мультка участок земли в Фустате, который был затем сдан в аренду [68, IV, 120; 18, стр. 10].

Возможно, косвенное указание на пожалование земель именно в качестве мультка можно видеть в следующих сохранившихся словах Мусаббихи: «Сказал везир Яакуб ибн Кидлис: слышал я, как Азиз би-ллах говорил своему дяде Хайдаре: О дядя! Люблю я видеть людей выражающими довольство и видеть у них серебро, и золото, и драгоценности, и коней, и одежды, и села (дйа), и поместья (акар) и чтобы все это было от меня. Сказал Мусаббихи: и подобного этому не слышал я ни от одного правителя» [68, IV, стр. 125]¹⁰.

То же можно предполагать и в отношении тех «дйа», которые упоминаются Ибн Ййасом при перечислении богатств полководца Джаухара и евнуха Барджавана [74, стр. 51—52; см. также 47, XII, № 35, 43; XIV, № 90; 46, V, № 289, 291, 354]. Эти земли могли представлять собой поместья со скотоводческими хозяйствами, что видно из слов Ибн Ййаса о Барджаване: «И было у него крупного скота, в том числе буйволиц, столько, что ежегодно продавалось молока от них на 30 тысяч динаров руками управляющего Абу-л-Хасана ибн Изида» [74, стр. 52]¹¹. Возможно, именно мультк подразумевается и в тех местах документов Генезы, где говорится, что сын одного иммигранта из Багдада, помощник управляющего финансами Нижнего Египта, имел землю в своей собственности, как и его зять, писец из Фустата, а некие два двоюродных брата, выходцы из Палестины, откупщики налогов с фруктовых деревьев, владели кроме овечьих стад пахотной землей [43, стр. 265].

Ибн Мамун ал-Батахи пишет, что в его время, т. е. в первой половине XII в., собственники мультков в Санде стали захватывать соседние с ними «диванские» (т. е. явно государственные) земли. Тогда была произведена проверка их прав на землю. У тех, кто не предъявил соответствующих грамот, мультки были отобраны, а проявлявшим большую заботу об орошении и возделывании земель мультки оставались и без наличия грамот [66, I, стр. 83]. Можно предположить, что речь идет здесь об уцелевших потомках коптских земельных собственников, так как известно, что тюркские наместни-

¹⁰ Абу Шама также упоминает акар, принадлежавший мисловверу Ибн Камилу и отнятый у него после падения династии [72, I, стр. 219]. Этот вид земельной собственности существовал и в магрибский период: известно, что уловивший славянина, евнух Джаузар был управляющим поместьями (дйа) другого славянина, Музаффара [28, стр. 175].

¹¹ Примерно то же сообщает Ибн Халлихан об Афдале: после смерти этого везира кроме прочего имущества осталось несчетное число овец и рога́того скота, и в год его смерти было получено молока каров и буйволиц на 30 тыс. динаров [61, I, стр. 62; см. также 13, стр. 496 и 18, стр. 57, где говорится о 40 тыс. динаров].

ки Египта, правившие с 856 г., вернули коптам некоторые конфискованные у них земли [239, стр. 42]. Возможно, что и в другом месте своего сочинения Макризи имел в виду такого же рода мульк, когда писал, что черные воины Фатимидов до разгрома их Салах ад-Дином имели в египетских селениях (как и в городах) некие земли в полном своем распоряжении, «куда не входили ни стражник, ни наместник» [75, стр. 70; 66, II, стр. 19].

Относились ли эти земли во всех упомянутых случаях к государственному, сказать трудно. Если такой мульк образовался путем покупки земель у казны и (или) был совершенно свободен от обложения, то, естественно, он находился вне государственного фонда.

Имелись и земли мусульманских религиозных учреждений — вакфы. В 1014 г. Хаким предоставил ряд государственных угодий в качестве вакфов для содержания соборных мечетей [100, стр. 270—271]. Знаменитый везир Бадр ал-Джамали учредил вакфы — земельные участки — в пользу своего сына. По-видимому, здесь у Макризи имеется в виду особый род вакуфного имущества (так называемый «вакф иби»), находившегося в пожизненном владении сына учредителя и его потомства, после прекращения которого доходы с вакфов предназначались на поддержание бедных [78, стр. 411]¹². Упомянувшийся кадий ал-Фадил пожертвовал приобретенные им земли, расположенные в предместье Каира и в других местах, в вакф в пользу Мекки [66, II, стр. 117]¹³.

Общую площадь вакфов установить невозможно, но ясно, что земельная собственность такого рода составляла весьма малую часть египетских земель, пригодных для обработки¹⁴.

Главным видом вакфов при Фатмидах (хотя и не исключительно, как считал Макризи) [66, II, стр. 294—295]¹⁵ были не земли, а недвижимое городское имущество — жилые дома,

¹² Однако после прекращения потомства Бадра ал-Джамали дарение было признано недействительным и земли отошли к государству [66, I, стр. 110, 484; см. также 33, IV, стр. 152].

¹³ Калкашанди пишет, что Беркат ал-Хабаш — озеро на территории Фустата, было вакфом, учрежденным везиром Талаем ибн Руззиком [60, III, стр. 340].

¹⁴ Для сравнения в этом и других случаях следует иметь в виду, что общая площадь обрабатываемых земель в Египте той эпохи равнялась более 3 млн. федданов (см. ниже).

¹⁵ Известно, что сразу же после водворения в Египте Мулаза его главному судье пришлось разбирать дело о селении (дайс), которое упомянувшийся выше казначей Мухаммад ибн Али ал-Мадаран обратил в вакф, а затем продал, так как был вынужден уплатить долг. Затем это селение было перепродано, а поскольку вакф по закону имущество неотчуждаемое, то возникло дело, потребовавшее вмешательства судьи. Однако решение его неизвестно [217 стр. 275].

Как видно из сказанного, земли стали обращать в вакф задолго до правления Хакима, которому Р. Баризи приписывает введение этого института [291, стр. 315].

торговые помещения; для управления вакуфным имуществом было учреждено специальное ведомство¹⁶.

Землеуладение христианских религиозных учреждений ко времени Фатмидов отнюдь не исчезло, хотя точные данные об этом, естественно, отсутствуют. Фатмиды, стремясь поставить христианскую церковь на службу своим интересам, старались даже увеличить эти земли, и в конце их правления площадь земель, принадлежавших христианским церквам и монастырям, составила 915 федданов¹⁷ [11, стр. 15]. Так, халиф Хаким пожертвовал монастырю Нахиа в провинции Гиза и соседних с ней областях 30 федданов земли и рыбный пруд [11, стр. 18]. Другим христианским религиозным учреждениям этот же халиф пожаловал семь египетских селений, а синайскому монастырю вернул некогда конфискованные у него имения [66, II, стр. 409; б, стр. 60]. Даты этих пожертвованных неизвестны; скорее всего, они имели место в конце жизни Хакима, когда гонения на иноверцев прекратились.

Известно, что в 30-х годах XII в. упомянутый монастырь (св. Екатерины) владел полями, занятыми зерновыми, преимущественно пшеницей и ячменем, садами и виноградниками в различных частях Египта [55, стр. 41—58]. 20 федданов черной земли, принадлежавшие монастырю в Самалуте (провинция Ашмунайн), также были дарами халифов [11, стр. 247—248]¹⁸. Как и вакфы, эти земли считались освобожденными от налогов¹⁹.

¹⁶ Уже при Муиззе, в 973 г., доходы этого дивана составляли 1500 тыс. дирхемов [291, стр. 351]. Отметим, кстати, своеобразный вид вакфов — подземные хранилища нильской воды в Тинисе, месана, о которых Насир Хосров писал: «Много месани является церковным имуществом и предоставляет воду для пользования чужестранцам» [5, стр. 96].

¹⁷ Здесь смысл текста не вполне ясен. По-видимому, 915 федданов — не все земли, принадлежавшие христианским религиозным учреждениям, а лишь те, что были пожалованы Фатмидами.

¹⁸ О землях, принадлежавших египетскому монастырю несторнам, см. [11, стр. 134].

¹⁹ В действительности это установление нарушалось. Поэтому при вступлении на трон халиф обычно издавал указ о подтверждении соответствующих привилегий, дарованных его предшественниками. В указе Захира, например, относящемся к 1024 г., говорится об освобождении коптских монахов от каких-то пошлин и о беспрепятственном распоряжении их своей собственностью: «Вы можете свободно располагать вашими полями, уржаком и рабочим скотом...» [55, стр. 15—22].

Подобные указы издавались и в ответ на жалобы о притеснениях. Например, появление указа Хафиза и его везира Афдали от 1130 г. было связано с просьбой некоего Абд-ал-Масиха, агента монастыря св. Екатерины, об отмене сбора государственными чиновниками доходов с монастырской собственности (хабус), которые ранее собирал этот агент и которые шли на содержание монахов и лиц, пользовавшихся их гостеприимством. В указе говорится о необходимости соблюдения прежнего постановления и об освобождении монахов от всех налогов [56, стр. 35—45].

К этому документу близки по содержанию указ Хафиза от 1134 г., изданный в ответ на прошение епископа того же монастыря Антония, указ Бахрама (везира Хафиза) от 1135 г. и указ того же халифа от 1136 г.

Наряду с личными землями халифа, вакфами и мультками существовали и земля икта. Этим термином в фатимидскую эпоху обозначались пожалования, обусловленные военной, а иногда и гражданской службой²⁰. Вопрос о ранних египетских икта требует особого изучения, но можно предполагать, что первоначально в Египте, как и в других областях халифата, объектом пожалования были не сами земли, а право на определенную долю дохода с них, хотя уже в то время реальное положение могло быть иным. Пожалования икта имели место уже при Муиззе²¹.

Макризи пишет, что халиф Хаким «увеличил икта рабам и воинам», а также пожаловал окрестности Александрии, Бухайру и некоторые другие земли бедуинам Бану Курра, морякам и палачам [66, II, стр. 289]²². Он же пожаловал область в икта полководцу Хусайну ибн Джаухару [13, стр. 275].

При Мустали в 1095 г. были даны икта тюрку Шахмульку, прибывшему в Египет с сотней всадников²³. Афдаль в 1109—

[55, стр. 46—64]. Однако в самом конце фатимидского периода монастырь все же уплачивал некоторые официально разрешенные поборы. Это видно из указа Аббаса, везира Зафира, от 1154 г., запрещавшего чиновникам взимать с монахов поборы сверх положенных [55, стр. 65—69]. В указе Талаи ибн Рузника, везира Фаиза, изданном в 1154 г., говорится об отмене взимания с тех же монахов налога, состоявшего из 10 динаров и двух копров [55, стр. 70—75]. В указе того же везира от 1158 г. говорится об отмене неких новых поборов и предлагается не касаться палач, принадлежавших монастырю [55, стр. 76—79]. Очень интересен указ Ширкуха. Он относится к 1169 г. и содержит предписание о немедленной и решительной отмене всех налогов и поборов с монастыря св. Екатерины [55, стр. 80—84]. Вероятно, во всех этих документах имеются в виду временные поборы, связанные с чрезвычайным положением в стране.

²⁰ Известно, что икта имелись и в магрибский период; это отрицает Барави [291, стр. 61]. Махди пожаловал в лену (iefs) кутамитам орошенные земли; из-за них между воинами начались раздоры, и Махди послал одного славянина урегулировать это дело, и тот отлично справился с поручением [28, стр. 48—51].

²¹ Указывая на эти факты и ссылаясь египетские земли при Фатимидах «всемирной государственной собственности (араби ад-даула ал-амма)», Мушаррафа приходит к выводу, что «это и не удивительно, так как исмаилиты и братья их карматы были социалистами ислама, которые стремились к уничтожению земельной собственности (в указанном выше смысле.— Л. С.) и к бесплатному распределению ее нуждающимся» [293, стр. 157 со ссылкой на недоступное мне сочинение Пенделли «История общественной мысли ислама»; см. также стр. 62, где Мушаррафа называет социалистом Хакима]. Это пуганое утверждение неисторично и совершенно не соответствует действительности, ибо даже бахрейские карматы с их радикальнейшей по тому времени социальной программой, которую они осуществляли в своем государстве, устранив крупное феодальное землевладение, сделали основой благосостояния своей общины эксплуатацию рабов.

²² О термине *маиналиба* (палачи) [см. 53, I, стр. 201—203; 27, I, ч. 1, стр. 46]. При этом пожалование икта бедуинам было коллективным, т. е. распространялось на все племя, если оно являлось постоянной частью армии [36, стр. 173].

²³ Однако вскоре Шахмульк взнесил фатимидскому халифу и ушел в Ифрикию [59, VI, стр. 174].

1110 г. вернул заместнику Аскалона его икта в Египте, видимо отнятые ранее [59, VIII, стр. 259].

Обладатели икта, как правило, жили в городах и не вели собственного хозяйства. Ибн Мамматх писал: «Если мукта нужно выжать сок из его сахарного тростника, то он пользуется прессом дивана (т. е. государственного ведомства. — Л. С.), его орудиями и быками и платит за это из своих средств» [71, стр. 37]²⁴.

Относительно пожалований, обусловленных гражданской службой, известно, что Хаким в один из периодов, когда он был преисполнен сочувствия к суннизму, подарил кадио-ханбалиту Ибн Аваму в икта египетское селение Талбана [293, стр. 220]²⁵. Были икта и у членов судейской династии Нуманов, о которой будет речь ниже: Хаким увеличил икта главного судьи Абу Абдаллаха Хусайна, передав ему владения его дяди Абу Абдаллаха Мухаммада [293, стр. 216, 217, 252—253]²⁶.

Вообще абсолютно четкое разграничение упомянутых видов земельной собственности и соответствующих терминов в действительности не всегда соблюдалось. Как икта иногда обозначались и личные земли членов правящей династии, например упомянутой сестры Хакима Ситт ал-Мульк [66, I, стр. 457—458; 68, IV, стр. 192], известно также, что всемогущий везир Талай ибн Руззик пожаловал земли в икта халифу Фаизу [293, стр. 158—159].

В известии о везире Ибн Киллисе, обладавшем икта в 200 тыс. динаров дохода в Египте и Сирии, под икта, возможно, следует понимать откуп, на что обратил внимание Р. Барави [66, II, стр. 6; 291, стр. 333]²⁷.

²⁴ Косвенное признание того же факта можно видеть в рассказе Усамы ибн Мункыза о разграблении его икта во время борьбы за везират, в которой он активно участвовал: «В моем икта в Кум Ашфияне они (т. е. противники Усамы. — Л. С.) забрали двести штук коров, принадлежавших крестьянам, тысячу овец, а также хлебные запасы» [32, стр. 19]. Институт икта лишь начинал развиваться, и мнение Р. Барави [291, стр. 109], считающего фатимидские икта подобными поддлеманьложским (когда они, как правило, передавались по наследству и их держатели, по словам Калкашанди, «распоряжались в своих поместьях, как хотели» [60, IV, стр. 50]), кажется мне неубедительным, хотя процесс развития отнюдь не был прерывным.

²⁵ Может быть, это тот судья, который был убит в 1014 г., о котором Магризи пишет, что его икта приносило в год 15 тыс. динаров [66, II, стр. 264—265].

²⁶ Подобные пожалования икта имели место еще в африканский период: так, у евнуха Джаузера были в Магрибе икта, пожалованные ему халифом Махди [28, стр. 128; см. также 61, I, стр. 264].

²⁷ Ибн Халлакан называет сумму 100 тыс. динаров [61, I, стр. 32]. Ибн Давадари пишет, что Ибн Киллисе принадлежали села (дйа) в окрестностях Дамаска [13, стр. 212, 219]. Однако точно определить категорию этих земель невозможно.

Отметим, что предположение Кл. Казна, будто в фатимидской Египте по крайней мере до начала XII в. под икта следует подразумевать

Все перечисленные выше категории земель были разнообразиями феодальной земельной собственности, поскольку субъекты ее, коллективы (государство, религиозные учреждения) или индивидуумы, имели исключительное право на взимание ренты с крестьян, обрабатывавших эти земли. Судя по нашим источникам, каких-либо резких сдвигов в развитии трех из перечисленных видов феодальной собственности — домена (хасс), мульков и вакфов — с середины X по середину XII в. не произошло.

Развитие аграрных отношений при Фатимидах проходило главным образом по линии изменений в государственном фонде, приведших в конце концов к его фактической ликвидации. Сохранившиеся известия об этих изменениях сравнительно подробны и сводятся к следующему.

Основной формой реализации земельной собственности был поземельный налог — харадж, а главным способом взимания хараджа на государственных землях, как видно из слов Макризи, была сдача их на откуп на четыре года: «Знай, что в государстве Фатимидов и прежде них не было в Египте икта, подобных тем, которые имеются теперь в тюркском государстве, но... управляющий хараджем Египта обычно сидел в мечети Амра ибн ал-Аса в Фустате; в это время подготавливались контракты на сдачу земель и собирались люди из различных деревень и городов.

Один из чиновников вставал, называл местность и объявлял условия земельных сделок (кабала), которые заносились в книгу земельных налогов, находившуюся в руках управляющего хараджем. В ней отмечались окончательная сумма, следующая государству, а также имена лиц, заключивших сделки. Эти земли сдавались сроком на четыре года; при этом учитывалась возможность засухи, наводнений и других стихийных бедствий.

И когда дело заканчивалось, каждый, кто заключал сделку, присоединял полученную землю к своему участку и обеспечивал обработку ее, приведение в порядок плотины и прочего сам, или кто-либо из его родственников, или наемное лицо. Он вносил харадж по частям за весь установленный срок. Из общей суммы его взносов с этих земель, определяемой диваном хараджа, вычитались суммы на починку плотин, очистку каналов и прорытие новых каналов» [66, I, стр. 82].

Сумма взноса в казну здесь определялась заблаговременно и точно; такой откуп носил название «даман». Были и другие виды откупов: сумму взносов откупщик мог определять по своему усмотрению («би-аман»); откупщик имел право взять обязательство собрать больше, чем его предшествен-

исключительно земли, сдаваемые на откуп, требует дополнительных доказательств [36, стр. 175].

ник («би-база») [71, стр. 10, 12; 247, стр. 97]. Иногда субъектом откупной сделки выступал не один человек, а двое или несколько лиц — это было разновидностью товариществ, особенно характерных в ту эпоху для ремесел и торговли [см. ниже, стр. 78, 91—92].

Сдача земель на откуп была широко известна в мусульманском мире и часто восходила к обычаям, существовавшим до арабского завоевания. Так, в Египте была распространена долгосрочная или вечно-наследственная аренда (эмфитевсис), характерной чертой которой была, в частности, обязанность для арендатора развивать хозяйство и ежегодно уплачивать заранее обусловленную плату собственнику земли; при этом степень ее распространения и социальное содержание в разные времена были неодинаковы. В столетие, непосредственно предшествовавшее арабскому завоеванию, в качестве арендаторов выступали по преимуществу мелкие свободные земледельцы [см. 98, стр. 31], постепенно терявшие свое имущество и отчасти юридическую правоспособность, подпадая под власть земельных собственников и превращаясь в зависимых людей (колонов).

Откупа, напротив, были краткосрочными и формально доступными для всех желающих (по словам Макризи, «эмирам, и воинам, и знатым лицам, и жителям провинций из арабов и коптов») [66, I, стр. 85], но из его же цитированных выше слов можно заключить, что в качестве откупщиков выступали главным образом местные земледельцы. При этом право сбора налогов могло распространяться не только на небольшие участки, но и на значительные территории, что предполагало наличие у откупщиков немалых сумм свободных денег. Откупа, углублявшие общественное неравенство, способствовали дальнейшей феодализации Египта и были одним из факторов, содействовавших созданию после ликвидации византийских патронов новой феодальной прослойки.

РЕФОРМА ИБН КИЛЛИСА

С водворением Фатимидов в Египте была проведена земельная реформа, связанная с именами Яакуба ибн Киллиса²⁸, фактического везира халифа Муизза и его помощника Усуджа ибн Хасана. Сущность ее, по сохранившимся дан-

²⁸ Абу-л-Фарадж Яакуб ибн Киллис был иудей родом из Багдада. Перехватившись в Сирию, а затем в Египет, он стал чиновником финансового ведомства и в связи со сбором налогов часто посещал Нижний Египет, а позже сделался советником и казначеем Кафура. В 966 г. он принял ислам, а после смерти Кафура бежал в Кабрию, спасаясь от своих личных врагов. Находясь при дворе халифа, он побуждал его к походу на Египет, куда и вернулся вместе с Муиззом в 973 г. Наиболее полное изложение биографии Ибн Киллиса см. [203, стр. 45—68].

ным, сводилась к жесткой ревизии всех откупных договоров и устранению злоупотреблений; непосредственным поводом была необходимость пополнить опустевшую после похода казну халифа [66, I, стр. 44, 45, 82; 64, стр. 198]. Однако нет оснований считать, будто бы реформа привела к полной отмене откупов и подчинению всех земель непосредственно халифским чиновникам²⁹. Ибн Киллис стремился устранить и злоупотребления чиновников («И были сквачены за руки все чиновники и откупщики»), объявил о новой сдаче земель на откуп и взимал недоимки налогов [64, стр. 196—197].

Точных данных о взаимоотношениях между откупщиками и чиновниками у нас нет. Возможно, до Фатимидов чиновники не вмешивались в их дела. Локкетер, датский исследователь, предполагает, что фатимидские откупщики могли быть просто связующим звеном между налогоплательщиками и чиновниками соответствующих ведомств [247, стр. 95].

Известный рассказ Насира Хосрова также наводит на мысль, что чиновники не принимали прямого участия в сборе налогов: «Все эти войны состоят на жалованье у султана, и каждый из них получает по чину порцион и месячное вознаграждение. Казна никогда не выписывает требований для солдат, хотя бы даже на один динар, ни на чиновников, ни на подданных, все доходы с областей наместники из года в год передают в казну, а из казны в установленное время выплачивают содержание этим войнам, так что ни чиновникам, ни подданным не приходится страдать от требований солдат» [5, стр. 114]. Однако Мукаддаси говорит о сборе хараджа именно чиновниками [30, стр. 213]³⁰.

Вероятнее всего, оба этих типа взаимоотношений на протяжении первой половины исследуемого периода, к которой относятся данные и Мукаддаси и Насира Хосрова, сосуществовали, причем откупа явно были на первом плане и военный элемент в них отнюдь не преобладал. Можно полагать, что главным в реформе Ибн Киллиса было осуществление строгого взаимного контроля откупщиков и чиновников соответствующих ведомств³¹. При всей неполноте известий о ней

²⁹ Такую мысль высказывал проф. Б. Н. Заходер: «Первый фатимидский халиф Египта преобразовал налоговую систему. Получение налогов через откупщиков было строгойше запрещено; создан был специальный аппарат, который должен был взимать налоги непосредственно с населения» [90, стр. 66].

³⁰ В таком случае эти чиновники находились при наместнике каждой провинции.

³¹ Видимо, здесь можно провести параллель с птолемеевским Египтом. Так, М. М. Хвостов говорит о торгах на подряды по строительству оросительных сооружений в III в. до н. э. следующее: «Конкуренция на торгах, конечно, в известной степени понижала подрядные цены. Другими словами, мы видим здесь ту же систему, которая применялась при откупе налогов: в так тоже главная цель правительства — создать взаимный контроль откупщиков за чиновниками и обратно...» [135, стр. 13; ср. также 100; стр. 114].

несомненно, что эта реформа, являясь частью проведенных египетскими Фатимидами мероприятий по усовершенствованию государственного аппарата и подчинению ему экономики, имела для последней очень большое значение. Мероприятия, осуществленные Ибн Киллисом, по всей вероятности, имели силу в течение столетия, с середины X по середину XI в. Это было время резкого подъема благосостояния страны, что так или иначе отразилось в источниках и было отмечено исследователями. Так, Б. Льюис писал, что «Ибн Киллис и его преемники начали программу развития земледелия и промышленности, приведя страну к невиданному процветанию» [243, стр. 52].

По словам О'Лири, контроль, установленный Фатимидами над откупщиками, отличался своей строгостью от порядков, существовавших при Ихшидидах и всех предшествовавших им мусульманских правителях Египта [260, стр. 114]. Я. Мани подчеркивал, что при Ибн Киллисе в Египте царил покойствие и процветание [251, стр. 19; см. также 43, стр. 33]. К. Беккер называл Ибн Киллиса «финансовым гением и первоклассным организатором» [160, стр. 423].

РАЗЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Однако со времени Мустансира государственная земельная собственность вступает в стадию разложения, что проявилось как в ослаблении контроля за откупщиками, так и в быстром и сильном развитии на ее основе института икта (до сих пор развивавшегося параллельно и, видимо, не имевшего большого распространения).

Прежде чем обратиться к фактам, освещающим этот процесс, естественно оставить вопрос о том, чем он был вызван. Несомненное значение в этой связи имела необходимость обеспечения армии в условиях «великого бедствия», а также слабость малолетних халифов — преемников Мустансира. Нельзя ли усматривать основную причину в том, что практика краткосрочных откупов, обеспечивавшаяся всей мощью огромной государственной машины, исключая до времени возможность злоупотреблений в отдельных ее звеньях, могла вызвать усиление налогового гнета в целом и привести к перенапряжению хозяйства, превратившись таким путем в фактор, тормозящий развитие страны? ⁵²

⁵² При этом необходимо учитывать огромные непроизводительные затраты первых фатимидских халифов Египта на сооружение дворцов и мечетей, празднества, двор, армию. Явление внешне сходное Египет переживал и в глубокой древности, в период Среднего Царства [см., например, 131, № 6, стр. 65—66; 291, стр. 339]. Об усилении обложения феллахов и ремесленников и о падении государственных доходов еще до «великого бедствия», см.: [65, стр. 20, 22].

Другими словами, нельзя ли видеть в распаде государственного землевладения закономерное следствие чрезмерной централизации?

Как бы то ни было, начало разложения государственной собственности относится ко второй половине правления Мустафисира; этот процесс заключался в превращении откупов в условное срочное владение, а затем и в бессрочное.

В сохранившемся у Макризи отрывке из хроники Ибн Мамуна Батанхи под 1107—1108 гг. сообщается о переделе египетских икта. В нем говорится, что «положение людей и держателей икта было плохим и они жаловались на сокращение поступлений с икта и ухудшение их дел из-за малых доходов, [в то время как] эмиры удвоили доходы от своих икта и других статей. А излишки в диван с каждой области изымались с применением насилия и с неоднократным отправлением по этой причине чиновников из главного дивана».

Стремясь улучшить положение, везир Афдаль приказал произвести перераспределение всех икта; в реестрах было записано, что икта останутся у их держателей в течение 30 лет. В результате этого владельцы икта, в том числе и бедные воины, оказались удовлетворенными, а в государственные ведомства поступило 50 тыс. динаров [66, I, 83].

Из сказанного видно, что в начале XII в. среди держателей икта было много военных; крупные военные чины захватывали земли более мелких и не намерены были делиться своими доходами с казной. Как заметил еще К. Беккер [158, стр. 14], под икта здесь имеется в виду некая переходная форма между откупом и военным леном.

Кл. Кази также предполагает, что реформа Афдаля была важным шагом по пути превращения икта — военных пожалований восточномусульманского образца в господствующую форму земельной собственности [36, стр. 182].

Перераспределение икта происходило во время религиозных смут, при халифе Амине. Правительство было тогда еще в состоянии усмирить эмиров и добиться уплаты недонков, сделав, однако, уступку военным в виде удлинения срока держания. К периоду правления этого же халифа относятся известия о том, что условия откупных сделок не всегда соблюдались, ибо влиятельные лица подкупами и другими незаконными путями стремились закрепить наиболее доходные откупа за собой. Было запрещено требовать от откупщика сумм, больших, нежели обусловленные, и до срока передавать откуп другому лицу, однако восстановления откупной системы в ее прежнем виде не произошло [66, I, стр. 83; см. также 43, стр. 118; 290, стр. 326]. Параллельно с этим продолжались и прямые раздачи земель в икта: область Кум Ашфиш к северо-западу от Каира была, например, пожалована в икта упомянутому сирийскому рыцарю Усаме ибн Мункызу халифом

Хафизом, у которого он в то время состоял на службе [8, стр. 49]³³.

Множество земель было пожаловано в икта, когда везиром стал Ширкух. В указе Адида о назначении Ширкуха раздача икта упоминается в числе главных обязанностей везира [75, стр. 42]. Ширкух, по словам Ибн Фурата, раздавал икта еще до появления халифского указа [75, стр. 34; см. также 73, стр. 72]. При Салах ад-дине эта практика распространилась еще больше. Слова Макризи «в государстве Фатимидов и прежде них не было в Египте икта, подобных тем, которые имеются теперь в турецком государстве» [66, I, стр. 85] следует понимать, по-видимому, как противопоставление чисто количественное, как указание на полное господство этой формы собственности при первых Аййубидах³⁴.

Практика эксплуатации крестьян непосредственно государством и господство централизованной ренты-налога в последующие века в масштабах, подобных фатимидским, более не возрождались. Однако преимущества, заложенные в институте икта, в позднефатимидский период, характеризующийся крайней политической неустойчивостью, не могли быть использованы. Последующее развитие аграрных отношений показало, что в своеобразных условиях долины Нила наибольший хозяйственный эффект в земледелии мог быть достигнут

³³ Отметим, кстати, что несколько позже город Калнуб с окрестностями был пожалован халифом Зафиром в икта Насру, сыну везира Аббаса [см., например, 13, стр. 567; 18, стр. 93], а еще при Захире один из вождей бедуинов, Хусайн ибн Муффаррадж, в дополнение к имеющимся у него пожалованиям получил Набулус [159, I, стр. 46]. При последних Фатимидях в икта был пожалован город Тиннис [41, стр. 230; см. также 60, XIII, стр. 131—134; 19, стр. 179]. Другими словами, объектом пожалования здесь были доходы с упомянутых городов, т. е. та форма вознаграждения за военную службу, которая применительно к средневековому Западу носила название рентных фьефов. Вопрос о существовании таких форм вознаграждения воинов в дофатимидском Египте также нуждается в специальном изучении. Отметим лишь, что позже они не исчезали даже в периоды наивысшего развития частной земельной собственности.

Несомненно, это было связано с большим развитием в средневековом Египте (в сравнении с Западной Европой той эпохи) денежного хозяйства и большей степенью отделения движимого и недвижимого имущества от земельной собственности. Султан из турецких мамлюков Насир Мухаммад в начале XIV в. объявил об отмене пожалований такого рода [см. 121, стр. 63], но подобная практика не прекратилась. Калкашанди, сочинение которого было завершено в начале XV в., пишет, что в его время в понятие «икта» входили и джизия, и закят со скота, и доходы с рудников, и ушр (налог с купцов), а также различные «мукусы», т. е. налоги с городского имущества [60, XIII, стр. 117].

³⁴ Кн. Казн предполагает, что армия Салах ад-дина сохраняла все доходы со своих икта для себя и ничего не платила государству [150, стр. 110], что мне кажется не соответствующим действительности [121, стр. 46; 51, № 1250].

Во всяком случае, в позднефатимидское время владельцы икта обязаны были сдавать в казну илишки сверх официально обусловленной суммы своих доходов (ибра); эта практика вряд ли могла исчезнуть сразу [36, стр. 168—169].

лишь при сочетании деятельности феодала, пожизненно или наследственно державшего икта и заинтересованного в благосостоянии сидевших на его земле крестьян, с регулирующей ролью сильной центральной власти.

Такое положение наступило лишь при Салах ад-дине и ранних Мамлюках, когда раздачи икта стали основой аграрной политики правительства, а откупщики окончательно уступили место иноземной военной касте.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ. КРЕСТЬЯНСТВО

Крестьяне (феллахи) и в эту эпоху составляли основную массу трудящихся Египта. Благоприятные природные условия и многовековой опыт позволяли им при помощи примитивных орудий труда (основным был деревянный плуг с железным наконечником) производить не только необходимый, но и прибавочный продукт, обеспечивающий существование весьма дифференцированного классового общества.

При скудости сведений о жизни египетских крестьян в средние века вообще и в эпоху Фатимидов в особенности очень большой интерес представляет описание сельскохозяйственных работ годового цикла. Этот сельскохозяйственный календарь в кратком изложении имеется у Ибн Хаукала, во фрагментах — у Ибн Маммати. Имеется он и в неизданном трактате современника Ибн Маммати — Махзуми [15, стр. 136—137; 71, стр. 20 (издание А. Атия мне недоступно)]³⁵. Наиболее полное его изложение сохранилось в «Хитат» Макризи. Несомненно, что календарь этот в основном относится к X—XII вв., но отдельные его части, как полагает и Кл. Каэн, являются гораздо более древними.

Солнечный год, делившийся на двенадцать месяцев (тут, бабах, хатур, кихак, губа, амшир, барамхат, бармуда, башанис, баува, азиб, мисра), был у египтян с древности основой летосчисления; сельские работы распределялись в нем с неизменной последовательностью, сообразно трем сезонам (зимний; летний; наводнение).

На начало зимнего сезона — первое число тута — приходился праздник ноуруза³⁶. В туте собирали оливы, делали

³⁵ «Мишадж» Махзуми известен в двух редакциях: первая относится к 1169-70 г., вторая — к 1185-86 г. [41, стр. 231; 172, стр. 66—67].

³⁶ В календаре несомненно имеется в виду праздник коптского Нового года, который после арабского завоевания получил персидское название «ноуруз»; соответствует 11 сентября в простые годы григорианского календаря и 12 сентября — в високосные. Несмотря на запрещения, имевшие место при Муиззе и Хакиме, ноуруз в течение всего фатимидского периода продолжал оставаться народным праздником и был окончательно отменен лишь при тюркских Мамлюках, в конце XIV в. [100, стр. 333].

надрезы на бальзамовом дереве (см. ниже), добывая его сок, приготавливали все необходимое для починки плотин. В этом месяце «производится перепись земель, и отсылаются составленные реестры, и приготавливают семена зерновых для посева. И в нем созревают гранаты, финики, сливы, хлопок и айва» [66, I, стр. 270]. Примерно 17-го числа подъем воды в Ниле прекращался.

Бабах. «В начале его собирают рис, сеют бобы и клевер и те зерновые, для которых не требуется распахать землю... И в этом месяце вода сходит с земли, прилетают журавли, сеют лен, начинают распахать землю в Верхнем Египте под пшеницу и ячмень. И увеличивается сладость гранат... и солят в этом месяце рыбу, называемую ал-бури, а овцы, козы и крупный рогатый скот делаются тощими, а мясо их невкусным. И созревают цитрусовые» [66, I, стр. 270].

Хатур. «На 5-е его приходится начало ноября... а 6-го сеют мак, а 7-го уходит вода с земель, предназначенных для льна, и в середине месяца их засевают, а по окончании месяца унавоживают». Начинаются дожди. Жители Египта надевают шерстяные одежды, увеличивается расход сахарного тростника, необходимого для приготовления хлебного вина, леденцов и меда. «И в это время заботятся о корме для рогатого скота и верблюдов, после продажи старых верблюдиц и больших и замены их другими» [66, I, стр. 270]. Созревает шпинат, появляются лучшие ягнята, из Куса доставляют много винограда.

Кихак. На этот месяц приходятся праздники Благовещения и Рождества; страусы несут яйца. «И в этом месяце сажают огурцы, когда вода сойдет с земли, и завершается сев пшеницы, ячменя и клевера... И в нем созревают нарциссы, цитрусовые, зеленые бобы, капуста, морковь, порей белый и репа... и рождаются козлята лучше, чем в какое-либо другое время» [66, I, стр. 270—271]. В кихаке взимают харадж с клевера в Верхнем Египте.

Туба. На 11-е приходится Крещение, начинается сев гороха и чечевицы, сажают финиковые пальмы. Появляется потомство у верблюдов, вода Нила делается чистой, завершается созревание люцерны. В этом месяце подрезают лозы, пропалывают посевы зерновых, прочищают посевы льна, готовят почву для летних культур, заботятся об оросительных сооружениях («саваки»), копают колодцы, приобретают быков. «И в тубе откупщики требуют харадж сообразно имеющимся у них реестрам, используя всю свою власть и могущество» [66, I, стр. 271].

Акиир. В нем завершается подрезание лоз, заканчивается посадка деревьев, пчелы выводят потомство. Вырывают репу, закладывают яйца в инкубатор на четыре месяца. Изготавливают глиняную посуду для охлаждения воды, ибо, сделан-

ная в этом месяце, она отличается высоким качеством. Начинают дуть теплые ветры, люди уплачивают сполна четверть причитающегося с них хараджа.

Барамхат. 5-го обычно появляются шелковичные черви. «И в этом месяце сажают овощи и летние культуры, и успевают бобы и чечевица, и убирают лен, и сажают сахарный тростник на земле, очищенной и задолго до этого свободной от посевов» [66, I, стр. 271—272]. В этом месяце добывают натр³⁷. У феллахов требуют вторую четверть и одну восьмую часть хараджа.

Бармуда. Начинают собирать бобы, жать пшеницу, вырывают редис. «В этом месяце заботятся о рубке акации в рощах, существовавших в Египте при Фатимидах и Аййубидах, и доставке ее на берег, чтобы затем отправить по Нилу до побережья у Фустата для постройки кораблей или как топливо для султанских кухонь» [66, I, стр. 271]. Сажают корицу, мелухию, баклажаны, снимают первый мед и треплют лен. Продолжается сбор половины хараджа.

Баширис. Сеют рис и сезам. «В этом месяце молотят зерно и треплют лен... сажают бальзамное дерево, обрезают его и поливают» [66, I, стр. 271—272].

Созревают некоторые сорта яблок, дынь и арбузов, персики и абрикосы. Вносятся дополнительные поборы — со льна, люцерны, за право пастьбы. Жатва заканчивается.

Бауна. Усиливается жара, начинается летний сезон. «В этом месяце отправляются корабли с зерном, соломой, леденцами, медом и прочим из провинции Куши и областей Нижнего Египта. В нем собирают пчелиный мед и срезают лозы, и уплачивают за них закят, и вымачивают лен, и поворачивают его в течение всего бауна и абиба... И в нем сажают индиго в Верхнем Египте, и снимают урожай через сто дней» [66, I, стр. 272]. Созревают файйумский пшжир, персики, груши, сливы и другие фрукты, начинает созревать шафран.

Абиб. В нем заканчивается рубка леса и продолжается вымачивание льна. «И становятся обильными сахарные груши, и особенно приятны финики... Собирают оставшийся мед, а воды Нила постепенно увеличиваются... созревает виноград и собирают желтилицу и заканчивают внесение трех четвертей хараджа» [66, I, стр. 272—273].

Мисра. Собирают хлопок, созревают лимоны «ат-туффани» — лучшие из всех сортов египетских лимонов — и бананы. С созревших плодов уплачивают закят. Начинают созревать гранаты. Из винограда изготовляют вино и уксус. Иногда

³⁷ Натр (углекислый натрий, сода) употребляли как протраву при изготовлении тканей. Добывался в Северо-Западном Египте, в Тарране (Вали Натрун), и на северо-востоке, в Факусин [71, стр. 24; 60, III, стр. 460—461; 66, I, стр. 109].

в мисре (а иногда в абибе) завершается трепание льна. Крестьяне заканчивают уплату хараджа с обработанных земель.

Пересказ этой части сочинения Макризи показывает, как разнообразны были возделываемые культуры и сколь интенсивны сельскохозяйственные работы, прекращавшиеся лишь во время разлива.

В земледелии господствовала так называемая бассейновая система орошения, когда воду, заливающую папнию во время паводка, задерживали при помощи плотин из глины и тростника и она впитывалась в землю. После подсыхания поверхностного слоя совершали посев; культуры вызревали за счет запасов влаги, накопившейся в почве. Некоторые земли орошались наряду с водами разлива и искусственно — из колодезев.

Проведение, очистка, починка плотин и каналов с древних времен были одной из основных обязанностей феллахов. Крупные оросительные сооружения находились в ведении государства, мелкие — откупщиков, а позже — мукта [66, I, стр. 162—163; 60, III, стр. 449]. Макризи со слов некоего лица пишет, что Фатимиды предназначали треть хараджа для оросительных работ, однако, как заметил Р. Барави, сам Макризи не был уверен в справедливости этих слов [66, I, стр. 61, 291, стр. 105]. О больших работах по орошению, которые проводились при Фатимидах, известно немного. Выше упоминалось о канале, проведенном в дельте при Захире; при Хакиме в 1013-14 г. был очищен Александрийский канал [66, II, стр. 144]. При Амине в 1112 г. был открыт канал в Шаркии, получивший название «канал Абу Мунаджжа» по имени чиновника-иудея, руководившего работами. В результате были орошены значительные территории, не покрывавшиеся водами Нила при разливе («шараки») ³⁸.

По подсчетам Р. Барави, при обычном разливе и политической устойчивости возделываемая площадь в Египте XI—XV вв. составляла свыше 3 млн. современных федданов, что, вопреки его же утверждению, было несравненно больше, нежели в римский период ³⁹.

³⁸ Вскоре после открытия этого канала, в 515 г. х. (1121-22 г.), Фатимиды получили возможность обложить о прощении недонюк, которые откупщики должны были внести в казну за время до конца 510 г. х. (1117-18 г.). Общая сумма этих недонюк составляла 2 720 767 с лишним динаров и более 3 810 239 ирраббов зерна, а также натуральные взносы в виде овец, фиников, гранат, финикового меда, воска, сыра, пальмовых ветвей и пр. Недонюк эти были одним из последствий бедствия при Мустансире [66, I, стр. 83; см. также 60, III, стр. 305—306; 251, стр. 215—217].

³⁹ Барави, ссылаясь на английское издание Т. Моммзена, определяет пригодную для обработки, т. е. орошаемую, площадь в римское время в 14 700 кв. миль, считая их равными 9,5 млн. современных федданов [291, стр. 28]. Однако в оригинале и в русском издании речь идет всего о 700 кв. милях в древности (и 500 кв. милях во времена Моммзена, т. е. вс-

Однако прогресс земледелия в фатимидском Египте объяснялся, по всей вероятности, не столько расширением обрабатываемой площади, сколько совершенствованием известных с древности приемов обработки земли, их тщательностью, а также (в первой половине периода) упорядочением взимания ренты-налога.

СОВРЕМЕННОКИ О ПРАВАХ КРЕСТЬЯН НА ЗЕМЛЮ

О представлениях современников относительно прав крестьян на их земли можно судить по уже упоминавшемуся сообщению Мукаддаси. В своем труде, относящемся, как говорилось, к 966 г., он писал, что во время своего пребывания в Бухаре спросил одного из находившихся в этом городе египтян о харадже в его стране. Египтянин ответил: «В Египте нет хараджа, а феллах пользуется землей, которую он держит от султана и обрабатывает. А когда соберет он жатву и обмолотит ее, то весь ворох непровеянного зерна опечатывается и остается в таком положении, пока не придут чиновники султана и не забирают [зерно] как плату за землю, а остаток достается феллаху... Сказал: А если кто получил от султана вспоможение, то его палог увеличивается соответственно полученному» [30, стр. 212—213].

В другой редакции сочинения Мукаддаси слова египетского крестьянина отсутствуют, а та же мысль высказывается от лица автора: «Что касается Египта, то я думаю, что он не платит поземельного налога: землю лишь передаются крестьянам с целью их обработки» [31, стр. 140—141]⁴⁰. Это представление о государстве как единственном собственнике египетских земель, отразившееся в сочинении Мукаддаси, о чем уже шла речь в другой связи, было введено арабскими законодателями той эпохи с целью оправдать усиление налогового гнета (взимание хараджа с новообращенных мусульман)⁴¹. В действительности же права крестьян на землю далеко не всегда сводились к правам арендаторов.

второй половине XIX в.) [259, стр. 578; 102, стр. 513]. Основываясь на данных последних справочных изданий, где, в частности, 1 кв. (земельная) миль равна 258,9 га, 1 феддан в середине века равен 6368 кв. м, а 1 современный феддан — 4200,8 кв. м, находим, что 700 кв. миль равны примерно 284 600 средневековым федданам (а 500 кв. миль — 308 214 современным федданам) [136; 123].

⁴⁰ О сходном обычае сбора хараджа с зерна в Бухарском ханстве, восходящем, по-видимому, к средним векам, см. [101, стр. 47]. Ибн Маннати пишет, что при Фатимидах чиновники не позволяли крестьянам заниматься трепанием льна до внесения хараджа, опасаясь потерь веса [71, стр. 15].

⁴¹ У предшественников Мукаддаси — Ибн Фавиха [14, стр. 85—86], Ибн Хордадбега [17, стр. 83—84], Ибн Руста [20, стр. 116], Яакуби [22, стр. 339], а также у Ибн Хаукаля [15, стр. 89] харадж не определяется как

ОБЩИНА И ВИДЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Чтобы по возможности уяснить вопрос о категориях крестьянского землевладения, следует остановиться на проблеме общины, ибо египетская сельская поземельная община, основная экономическая и социальная организация трудящегося класса в средние века, изучению которой в советской медиевистике уделяется большое внимание, отнюдь не прекратила свое существование еще в древности⁴².

В арабское время община безусловно существовала. У Макризи сохранился большой отрывок из Иби Абд ал-Хакма (VIII в.), где говорится об общине: «Амр иби ал-Ас, укрепив свое положение, сохранил византийский порядок обложения коптов. При этом сумма налога изменялась: если селение процветало и число его жителей увеличивалось, то возрастал и взимаемый с них налог, а если число жителей уменьшалось и селение делалось малолюдным, то уменьшался и налог.

И собирались эмиры вместе со знатью и старостами каждого селения, чтобы наглядно удостовериться в состоянии селений — их процветании или разорении. И если решали они увеличить сумму налога, то производили распределение ее по округам, а затем собирались вместе с главами селений и раскладывали налог сообразно с состоянием селений и достатком владельцев. Затем собирали [жителей] каждого селения по поводу его доли и присоединяли [эту долю] к хараджу этих селений. И начинали выделять из общего количества земли два феддана для [содержания] их церквей, паромов и бань.

Некоторое число выделяли для обеспечения мусульман и правителя в случае его приезда. А когда заканчивали это, учитывали, сколько в каждом селении ремесленников и наемников, и облагали их сообразно их возможностям; и если бы-

---

арендная плата, что, вероятно, считалось само собою разумеющимся. Позже, в XI в., в связи с развитием в аббасидском халифате института икта эта теория, более полно развитая законоведом Маварди, должна была служить делу восстановления и увеличения государственного земельного фонда. О древней представлении относительно государственной собственности на землю см. также [118, стр. 316].

⁴² По утверждению В. В. Струве, причиной гибели египетской общины послужил налоговый гнет: «Македонское и римское завоевания, расширение возможности сбыта египетского зерна, усилили эксплуатацию сельских общин Египта до крайних пределов... В столетия господства Птолемеев общины Египта захирели, и к началу римской эпохи они окончательно погибли» [128, стр. 54]. Однако А. И. Павловская полагает, что сельская община при Птолемах стала носить только фискальный характер, это неопровержимо доказывают поздние римские документы [107, стр. 96]. На сохранение сельской общины как податной единицы в позднеримском Египте указывает и польский историк Р. Таубеншлаг [129].

ли там пришельцы, то точно так же облагали и их, но редко облагали тех, кто не был молод или женат. Затем определяли оставшуюся сумму хараджа и распределяли ее между собой соответственно земельной площади.

Затем рассматривали то, что осталось от хараджа, и делили его между ними сообразно количеству земли. Затем распределяли землю между теми, кто хотел ее обрабатывать, по их возможности. И если кто-либо из них обессилевал и жаловался на невозможность обработки своей земли, ту часть, которую он не мог возделывать, делили между теми, кто имел эту возможность. И если кто-либо из них желал увеличения [своей доли], то ему давали ту землю, которую не могли обработать слабые жители. И если между ними возникал спор, то ее делили по числу спорящих» [66, I, стр. 77].

Территориальная сельская община выступает здесь как организация, находящаяся под контролем государства, как орудие распределения налогов; в то же время это — автономная хозяйственная единица с развитым разделением труда, распоряджающаяся землей.

По-видимому, арабское завоевание Египта, как и Западной Азии, способствовало укреплению поземельной общины и возрождению утраченных ею функций регулирования хозяйственной жизни [ср. 104, стр. 223].

Существование сельской территориальной общины в раннеарабском Египте подтверждается и тремя сохранившимися коптскими документами⁴³.

В «Хитат» имеется рассказ о сооружении канала Абу Мунаджжа, где упоминаются шейхи селений, в которых можно видеть сельских старост, т. е. глав территориальных общин [66, I, стр. 487—488; см. также 46, V, № 288]. Однако более обстоятельных сведений о фатимидской общине в наших источниках, к сожалению, нет. Община известна и мамлюкскому, и османскому Египту.

Сопоставляя все сказанное с известными нам сведениями об общине нового времени, можно предположить, что и при Фатимидах ее основными чертами были коллективная ответственность за уплату налога (величина которого определялась не представителями местных властей и главами общины, как во времена Ибн Абд ал-Хакама, а центральным правительством), коллективная ответственность за проведение

⁴³ В первом из них речь идет о продаже участка земли общиной одного из селений. Второй представляет собой поручительство сельской общины, обязанной поставлять государству для обслуживания плотины и канала определенное число людей, за назначенного ею надсмотрщика. При этом община обеспечивала всем своим имуществом как поступление обычных налогов, так и покрытие возможных потерь. Третий документ, сохранившийся лишь частично, по содержанию был, вероятно, подобен второму [3, стр. 35—42, 78—82, 85].

ирригационных работ, а также коллективное держание земли, связанное с периодическими переделами и исключавшее возможность ее наследования, отчуждения и пр. без согласия членов общины; община таким образом выступала в качестве подчиненного земельного собственника⁴⁴.

Собственниками земли могли быть и отдельные крестьяне. Так, в папирусе, относящемся к 1056 г., т. е. к середине правления Мустаансара, говорится о покупке крестьянином Теодоросом из селения Буджусук Тарас в Файйуме у крестьянина-поденщика (аджир) Абу Сари участка земли. При этом земля стала мульком Теодороса, и он мог по желанию продать ее или подарить [46, I, № 54; V, 1955, № 299]. Здесь, видимо, имеется в виду мульк Абу Сари; продав его, он, возможно, полностью лишился основного условия своего производства — земли, участок которой был недостаточен для его существования. При этом его права на землю перешли к лицу, ее приобретшему.

Учитывая, что участки мульк не только продавались, но и дарились и передавались по наследству, можно сделать вывод, что права крестьян на их земли-мульк были гораздо шире прав откупщиков или владельцев икта (продажа икта, например, стала возможна лишь через посредство государственного ведомства только с середины XIV в.; откуп не мог продаваться или передаваться откупщиком по наследству).

По-видимому, как и в других областях мусульманского мира, крестьянские мульки не были, как правило, свободны от уплаты налогов государству или отдельным феодалам; другими словами, как упомянутую общину, так в крестьянский мульк можно считать подчиненной земельной собственностью.

Наряду с этим существовало и крестьянское держание — аренда; в источниках нередко встречается упоминание об «ал-музарая» [например, 46, II, № 107, 109, 111; V, № 291; 47, XIV, № 96]⁴⁵. По-видимому, этот вид аренды был срав-

⁴⁴ По мнению А. Поляка, египетская община окончательно прекратила свое существование после турецкого завоевания [202, стр. 70]. Г. Бэр убедительно показал, что разложение египетской общины завершилось лишь в середине XIX в. в связи с резкой экономической и социальной дифференциацией сельского населения, вызванной переходом от бассейнового орошения к круглогодичному и, как ее следствие, развитием частной земельной собственности [153, стр. 69].

⁴⁵ Законовед VIII в. Абу Нусуф насчитывает пять видов *ал-музарая*:

1) собственник земли предоставлял арендатору возделанную землю, которую тот обрабатывал при помощи своего скота и засеивал своими семенами;

2) средства на обработку земли и семена затрачивались обеими сторонами на равных началах;

3) собственник земли предоставлял арендатору необработанную землю на один-два года; арендатор, как и в первом случае, обрабатывал ее своим инвентарем;

нительно развит и в Сирии той эпохи: Ибн Давадари, рассказывая о разорении жителей Сирии в 980—981 гг., во время волнений бедуинов, пишет, что феллахов и «музарнуа» видели в Рамле на рынках просящими милостыню [13, стр. 199]. Интересно, что виноградники считались исключительной собственностью государства или отдельных эмиров: «каррам» («виноградарь») всегда следует понимать как «арендатор виноградника» [43, стр. 123] ⁴⁶.

Некоторые виды «сал-музараа» (четвертый и пятый, по Абу Нусуфу) подразумевали арендаторов, совершенно лишенных каких-либо средств и орудий производства, т. е. наемников. О наемнике-поденщике упоминалось и в папирусе, цитированном выше. В других папирусах говорится о найме работника земельным собственником на два месяца для выращивания бобов, о наемниках, собиравших зеленые перья лука в течение сезона его созревания [46, II, № 96; VI, № 38; 47, № 73, 80, 84, 85, 89; 43, стр. 86] ⁴⁷.

Во всех этих случаях крестьянского найма или аренды, когда феллах получал за свой труд вознаграждение деньгами или частью урожая, в сравнительно чистом виде выступает экономическое принуждение. Экономическое принуждение было связано главным образом с ограниченностью фонда орошаемых земель.

Что касается важного вопроса о сочетании перечисленных форм крестьянского землевладения с феодальным, то на основании указа Ширкуха и более поздних известий можно полагать, что вакуфные земли обрабатывались в значительной мере арендаторами [55, стр. 80—84] ⁴⁸. На землях прочих категорий (собственно государственные, икта, мулык как собственность феодалов) на основании папирусов и мамлюкских источников можно предполагать использование труда и общинников, и обладателей крестьянского мулька, и издольщиков (к этим группам в действительности могло одновременно принадлежать одно и то же лицо) [12], стр. 154; 46, II,

4) собственник земли предоставлял арендатору семена и быков и получал при этом треть или четверть урожая;

5) на тех же условиях арендатор обрабатывал землю из шестой или седьмой доли урожая [142, стр. 175—176].

⁴⁶ Из некоторых документов видно, что египетские иудеи, жившие в городах и селениях, имели обыкновение сдавать свои поля, сады и огороды в издольную аренду своим единоверцам, однако подробности на этот счет неизвестны [43, стр. 116, 119, 122].

⁴⁷ Как и в другие периоды средневековья, в Египте при Фатимидах была особая группа сельского населения — охотники, слюды, коряжины охотой и отказывавшиеся от всякой торговли и обмена» [57, стр. 7; ср. 30, стр. 24].

⁴⁸ На вакуфных землях возможна была и некрестьянская аренда. Так, землю, некогда завещанную «эмиром войска» Мустансира, т. е. Бадром ал-Джамали в вакф в пользу своего сына, ирреминки-везиры брали в аренду за небольшую плату, а сами извлекали из этих земель гораздо большие доходы [71, стр. 15; см. стр. 14, 22].

№ 109, 111; см. также 142, стр. 183] ⁴⁹. Большие скотоводческие хозяйства, подобные упомянутым поместьям Барджавана и Афдаля, могли, как и при Мамлюках, обслуживаться не крестьянами, а рабами.

ПРОБЛЕМА ПРИКРЕПЛЕНИЯ К ЗЕМЛЕ

Наши скудные памятники не дают ответа и на вопрос о степени личной зависимости крестьянства, характерной для феодального строя, в частности о свободе передвижения. В раннеарабское время фактическое прикрепление крестьян (как и горожан) к месту жительства несомненно существовало; покинуть место пребывания, даже на короткий срок, можно было лишь с разрешения властей, выдававших соответствующий паспорт [46, III, № 174, 175].

Отсутствие в источниках фатимидского периода каких-либо сведений на этот счет дает простор различным гипотезам. По мнению Мухаррафы, например, «феллах во времена их [Фатимидов] был свободным, а не рабом и мог переходить с одной земли на другую по своему желанию и выбору» [293, стр. 304]. И. П. Петрушевский утверждает, напротив: «Непосредственные производители, как христиане, так и мусульмане, оставались прикрепленными к земле и не могли переходить на другие места без специального разрешения» [87, стр. 507]. Того же мнения придерживается и Р. Барави [291, стр. 107]. Молчание источников может быть не случайным: подъем египетского хозяйства в первой половине правления Фатимидов, сравнительное улучшение положения крестьян, возможно, не делали необходимым фактическое, а следовательно, и юридическое ограничение такого рода, ибо практика крестьянских уходов не была распространена ⁵⁰.

К концу же исследуемого периода, когда обстановка в стране изменилась, халифы не уделяли внимания положению крестьян; да и при наличии соответствующего законодательства его реальное осуществление было бы невозможным.

По-видимому, фактическое прикрепление к земле в сред-

⁴⁹ Известно, что Азияд ибн Тулуи (868—884) стремился к укреплению крестьянской аренды, запретив откупщикам по их желанию расторгать сделки с арендаторами (музариуна), которые в голодные годы не могли выполнить своих обязательств [66, II, стр. 267—268; 159, II, стр. 197].

⁵⁰ В Гемизе сохранилось письмо египтянина, время написания которого не указано, но, подобно большинству египетских документов, относящихся, вероятно, к фатимидскому периоду. Письмо это примечательно тем, что его податель обозначен автором как «феллах моего брата». Гонтелли предполагает, что этот феллах был крепостным человека, арендовавшего землю у государства или получившего ее в дань [43, стр. 118]. Однако феллах мог быть лицом (или одним из лиц), обрабатывавшим землю собственника, но юридически к ней не прикрепленным.

невековом Египте, как и в других странах Ближнего Востока той эпохи, то имело место, то исчезало в зависимости от экономических и политических факторов [см., например, 89, стр. 88]. Наличие принудительных работ на оросительной системе не было при этом определяющим.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА. ЕЕ ФОРМЫ И РАЗМЕР

Как говорилось, в фатимидском Египте собственность на землю выражалась прежде всего в праве собственника на поземельный налог — харадж. При этом следует подчеркнуть, что сам факт его существования, естественно, не говорит еще о феодальной природе эксплуатации. В. В. Струве, имея в виду Египет эпохи Птолемеев, писал: «В этом взимании налога с древних общин долины Нила нельзя ни в коем случае видеть феодальную или крепостническую эксплуатацию. Дело в том, что право взимания налога восходит своими корнями к глубокой древности, к эксплуатации родовой знатью своих соплеменников, т. е. к тому времени, когда еще не сложилось классовое общество» [128, стр. 54—55].

Однако вся совокупность известных нам данных показывает, что население фатимидского Египта отнюдь не находилось в состоянии «поголовного рабства», что фатимидские феллахи в отличие, например, от колоннов византийской эпохи в подавляющем большинстве своем являлись собственниками орудий производства, вели свое самостоятельное хозяйство и распоряжались определенной частью прибавочного продукта, т. е. эксплуатация их по сути своей была феодальной. Из этого вытекает и феодальный характер земельной ренты — хараджа, выступавшей в первой половине правления Фатмидов преимущественно как централизованная рента или рента-налог. Общий размер хараджа для всей страны определялся правительством заблаговременно сообразно уровню Нила в данном году, причем с 1107-08 г. наряду с контекмическим солнечным летосчислением стало учитываться и лунное арабское⁵¹.

⁵¹ «Существует особый чиновник, получающий тысячу динаров жалованья, он следит за тем, насколько прибывает вода... Восемнадцать аршей — это высота нормальная, то есть, если воды меньше этого, прилив считают недостаточным... если же воды больше этого, веселится и радуются. Если вода не поднимается на восемнадцать аршей, подданных не облагают податью» [5, стр. 100]. Арш (ср. русск. аршин) — мера длины, равная длине руки от локтя до кончика среднего пальца, т. е. приблизительно 62—64 см [136, стр. 62]. Ибн Зулак сообщает, что в Файюме было 360 селений, откуда ежедневно поступала тысяча динаров [33, II, стр. 935—936], что не согласуется с известными другими источниками, так как харадж обычно взимался по частям, четыре раза в год. Иногда терминем харадж обозначаются налоги, взимаемые с городского населения [11, стр. 15].

Распределение хараджа основывалось на единых принципах, независимо от того, к какой категории феодальной собственности принадлежала обрабатываемая крестьянами земля. Везир Иазури (1049—1059), выходец из феллахов, «людей деревни», ввел различные нормы хараджа для феллахов в зависимости от качества почвы и видов культур; нормы эти сохранялись и после Фатимидов и были зафиксированы в известном трактате Ибн Маммат. Согласно этому трактату, харадж с одного феддана льна равнялся, например, 3 динарам, овощей — от $1\frac{1}{2}$ до 3 динаров, хлопка — 1 динару, сахарного тростника — от 2 до 5 динаров, при этом возможна была замена одних культур другими [71, стр. 14, 29—31]. Для сравнения можно указать, что прожиточный минимум горожанина из низших слоев составлял примерно 1,5 динара в месяц [43, стр. 162].

С древних времен в Нижнем Египте налог взимали в основном в деньгах, в Верхнем — натурой [см., например, 60, III, стр. 452], но и в этом случае возможна была замена. При единых в принципе для всей страны нормах обложения непосредственного производителя остается неизвестным, в какой пропорция делился отчуждаемый у него прибавочный продукт между государством и собственниками икта или мульты⁵².

Лица, взявшиеся за обработку «мертвых», т. е. никогда не обрабатывавшихся или заброшенных земель, на четыре года освобождались от уплаты хараджа, величина которого после этого определялась особенно строго и увеличиваться не могла [66, I, стр. 85]⁵³. 80% хараджа давали зимние культуры [293, стр. 167]. Харадж в виде зерна, поступающий по Нилу, хранился в халифских житницах, многие из которых находились в Каире. По словам Ибн Мамуна Батахи, в династии халифа ежегодно таким образом поступал 1 млн. прдаббов зерна [66, I, стр. 464; 18, стр. 59]⁵⁴. Общие суммы харад-

⁵² Несомненно, что, когда, например, казна продавала землю, государство теряло данную землю как собственник, но сохраняло ее как суверен. В таком случае часть прибавочного продукта, т. е. определенная доля хараджа, взимаемая государством по праву суверенитета, переставала быть рентой. К сожалению, этот аспект поземельных отношений в наших источниках не нашел отражения.

⁵³ У Абу Салиха одна из областей Файюма описывается следующим образом: «Здесь — общая земля, не являющаяся чьей-либо собственностью, но все люди могут требовать себе определенную ее часть, сообразно обстоятельствам; эта общая земля — семидесяти различных видов». По-видимому, Абу Салих имеет здесь в виду именно заброшенные земли, предоставлявшиеся правительством в обработку на льготных условиях [11, стр. 202]. По всей вероятности, этот отрывок не принадлежит самому Абу Салиху, а заимствован им из «Книги достопримечательностей Египта» («Китаб фаданл Миср») египетского историка ал-Кинди (897—961); эту выдержку приводит Макризи в сокращенном виде [66, I, стр. 249].

⁵⁴ Значительная его часть вывозилась за пределы страны. Так, в Аскалон и Тир ежегодно поступало 120 тыс. прдаббов египетского зерна, со-

жа в первой половине правления Фатимидов были выше, чем во второй, равняясь в среднем 3,5 млн. динаров в год, причем резкое увеличение его наблюдалось сразу же после реформы Ибн Кналиса [292, стр. 549]. Бадр ал-Джамали, стремясь вывести страну из кризиса, освободил феллахов от хараджа на три года [18, стр. 30; 73, стр. 64], но прежний высокий уровень поступлений не был достигнут и впоследствии. Начиная с правления Мустансира, доходы от хараджа не превышали 2,5 млн. динаров в год⁵⁵. Исключением служит 1101-02 год, когда харадж достиг небывалой для Фатимидов суммы — 5 млн. динаров.

Хасан объясняет это увеличением доходности земель после передела, произведенного везиром Афдалем. Однако, как уже говорилось, этот передел состоялся лишь в 1107-08 г., в результате чего в казну поступило недоимок всего на 50 тыс. динаров [66, I, стр. 83]. Более обоснованно мнение Барави: чрезмерное увеличение хараджа в этот год могло быть достигнуто только при включении в его сумму «незаконных» налогов на ремесло и торговлю («мукус») [291, стр. 98]⁵⁶, а возможно, и хараджа с подчинявшихся еще Фатимидам областей Сирии.

Кроме хараджа феодальная рента выступала и в виде других поборов, в частности закята, взимавшегося с домашних животных, плодовых деревьев и некоторых продуктов земледелия. Макризан, по-видимому, включает закят в харадж, что видно из имеющегося у него перечисления объек-

---

ответственно 50 тыс. и 70 тыс. в каждый порт [66, I, стр. 465]. Муазз в 1071 г. послал в Хеджаз пшеницы на 400 тыс. дархемов [293, стр. 191].

⁵⁵ Это было связано и с тем, что фатимидские владения на Востоке были захвачены крестоносцами: «При нем (Хафизе. — *J. C.*) франки овладели многими землями, поэтому феллахи таялись в Египет и отказывались платить харадж», — пишет Ибн Ибас [74, стр. 64].

⁵⁶ У Макризана имеется рассказ о злоупотреблениях при сборе хараджа, наблюдавшихся во времена Хафиза. В нем говорится, что в одной провинции у одного из христианских писцов, направившегося, по обычаю, для измерения пахотных земель после разлива Нила, перевозчик потребовал плату за перевоз. Писец отказался ее внести и в отместку написал в реестр налогоплательщиков имя этого перевозчика.

Через три месяца у перевозчика потребовали треть хараджа, хотя у него и не было земли. Он сначала отказался от уплаты и был за это бит прутьями, а затем вынужден продать все свое имущество, чтобы внести требуемое. После этого он отправился в Каир, добился аудиенции у халифа и, поведав ему о своих злоключениях, попросил защиты.

Хафиз приказал проверить все реестры и изгнать всех коптских писцов из государственных ведомств. Однако писцы, зная об увлечении халифа астрологией, подкупили одного из астрологов, пользовавшегося большим влиянием на халифа. Астролог уверил Хафиза, что, согласно составленному им гороскопу, тот должен назначить инспектором всех динавов христианина Ахрама ибн Абу Закарийя. Халиф так и сделал; тогда все писцы были возвращены на свои места, и все пошло по-старому [66, I, стр. 405—406]. Вариант этого рассказа имеется и в трактате о коптях автора XIII в. Набулуси [39, стр. 142—145].

тов взимания хараджа [66, I, стр. 83]. У Ибн Маммати закят дается отдельно. Так, по его словам, за взрослых буйволов платили 3—4 динара с головы, за молодых — половину этой суммы, за барана и овцу — по динару [71, стр. 19]⁵⁷.

Крестьяне должны были в случае посещения их чиновниками выставлять им угощение⁵⁸.

Упрочение икта как господствующей формы феодальной собственности имело благотворные последствия для египетского крестьянства. На это обстоятельство применительно к другим частям мусульманского мира обращали внимание некоторые советские востоковеды. Так, исследуя аналогичные процессы в государстве Хулагуидов, И. П. Петрушевский отмечал, что система государственной эксплуатации крестьянства приобрела в нем особенно жестокие формы, ибо назначавшиеся на временный срок чиновники-откупщики торопились обогатиться за счет ограбления крестьян [112, стр. 238].

А. Ю. Якубовский, имея в виду саманидское государство XI в., писал: «...не исключена возможность, что самый факт перехода к новым формам феодального землевладения (икта) сопровождался некоторыми облегчениями в положении крестьян» [144, стр. 27]. В Египте это облегчение выразилось в снижении норм хараджа с основных культур и в общем подъеме хозяйства при Аййубидах⁵⁹.

Подытоживая все сказанное о крестьянстве, отметим, что сущность межклассовых отношений в фатимидском Египте сводилась к феодальной эксплуатации крестьянства, обеспечивавшей господствующему классу присвоенные ренты.

В силу монополии феодального государства и — в меньшей степени — отдельных феодалов на землю (главное условие и средство сельскохозяйственного производства) неизбежно возникала экономическая зависимость непосредственных производителей. «Всюду, — писал К. Маркс, — где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочих, свободный или несвободный, должен присоединить к ра-

⁵⁷ О закяте с плодовых культур см. [71, стр. 12, 21]. Макризи [66, I, стр. 83] пишет, что закят ввел лишь Салах ад-дин в 1171 г., по случаю чего было создано новое ведомство (диван закята). Это вряд ли верно, так как взнесение закята и у шиитов оставалось важной заповедью, во возможно, что особого дивана при Фатимидах действительно не было [см. также 293, стр. 72—73]. Закятом называлась также подать, которую Йеменские Сулайхиды систематически (скорее всего, ежегодно) должны были отправлять в Каир. В некоторых письмах Мустансира к Ахмаду ибн Мукарраму содержится упреки за отсрочку в присылке закята [49, стр. 316—318].

Наконец, эти же термином в средневековом Египте обозначался налог (десятина), уплачиваемый кочевниками [27, т. I, ч. 1, стр. 189—190].

⁵⁸ Макризи в эту статью расходов (диафа) включает в харадж [66, I, стр. 103; см. также 291, стр. 330].

⁵⁹ С пшеницы и ячменя стали брать вместо 3 динаров 2,5, а затем 2 ирабба с феддана [71, стр. 29; см. также 60, III, стр. 452].

бочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства» [I, т. 23, стр. 246].

Но из того, что крестьяне при сохранении собственности правящего класса на землю и большинстве имели свое хозяйство, инвентарь, экономически были относительно самостоятельны и не заинтересованы в исправном несении повинностей за свои наделы, вытекала необходимость внеэкономического принуждения.

Последнее выражалось в том, что обладание участком даже на правах подчиненной собственности было связано для феллаха не только с уплатой феодальной ренты-хараджа и с участием в общественных работах, но и в сословной неполноправности крестьянства, устраненного от участия в управлении, суде, военном деле.

Характерной чертой феодальных отношений в фатимидском Египте было то, что внеэкономическое принуждение осуществлялось государством.

Наши источники не дают возможности проследить соотношение экономического и внеэкономического принуждения зависимого крестьянства в эту эпоху. Можно лишь предполагать, что экономический, вещный элемент играл в это время большую роль, нежели внеэкономический; как отмечалось, в частности, мы не можем дать ответ на вопрос, существовала ли в фатимидском Египте столь свойственная средневековой форме личной зависимости, как запрещение крестьянину покидать по его желанию свой земельный участок.

Дальнейшее развитие аграрных отношений в Египте свидетельствует о преобладании экономических форм принуждения, но оно шло отнюдь не прямолинейно, определяясь и природными и политическими условиями.

Роль внеэкономической зависимости в межклассовых отношениях была подорвана лишь в середине XIX в., когда крестьянское хозяйство Египта оказалось тесно связанным с внешним рынком. Остатки личной зависимости, как известно, сохранялись вплоть до середины нашего столетия.

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

ВИДЫ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА

Средоточием ремесел и торговли в фатимидском Египте были города, большинство которых во главе с Александрией сохранилось с древних времен. Фустат был основан после арабского завоевания как военный лагерь вблизи от древнего города Вавилона (Бабилион), с которым он вскоре слался. Каир, основанный Джаухаром вблизи Фустата, развивался преимущественно за счет перехода в него населения старой столицы¹. Городское ремесло в эту эпоху заметно развивалось, чему способствовали полная политическая независимость страны, длительный период мира, прекращение гонений против коптов, из которых многие были городскими ремесленниками, особенно искусными благодаря их наследственному опыту и сноровке [291, стр. 9].

Дальнейшее общественное разделение труда вело к росту числа ремесел, их дроблению. В документах Генизы насчитывается 265 терминов, обозначающих ремесленные специальности, тогда как для византийского Египта известно немногим более 180 [43, стр. 99; 133, стр. 14].

Главное место среди ремесел, как это было характерно для средневековья, занимало древнее искусство изготовления тканей. Основными центрами выделки льняных тканей были Александрия, Дамьетта, Дабик (селение в ее окрестностях), Тиннис (на восточном рукаве Нила), Шата. Все они находились на севере страны, где выращивались тогда лучшие сорта льна, а большая влажность воздуха особенно способствовала кручению нити.

При Фатимидах льняные ткани стали изготавливаться в Ту-не, селении между Тиннисом и Дамьеттой, а также в других местах дельты [291, стр. 132; 15, стр. 101, 102, 105]. Наиболее известными видами полотняных материй были шарб, букадамун, сиклатун, касаб, дабики. Первые три изготовлялись в Тиннисе: «В городе Тиннисе ткут букадамун, равного которому нет во всем мире. Это — золотая ткань, которая во всякое время дня отликает другим цветом. Эту ткань из Тинниса

¹ По-видимому, уже в фатимидскую эпоху с Каиром слились находившиеся первоначально в его пригородах резиденции аббасидских наместников — ал-Аскар и Ахмада ибн Тулуна — Катаи.

вывозят на Запад и на Восток», — писал Насир Хосров [5, стр. 95; см. также 30, стр. 201]. Ткали там также другие ткани с золотом и без золота, вышитые. В городе было 5 тыс. ткацких станков и 10 тыс. лавок [74, стр. 50; 66, I, стр. 77, 413]. В Дабике также выделялись льняные материи, украшенные золотом и вышивкой². Слава александрийских льняных материй была так велика, что их подделывали. Дамнетта особенно славилась белым касабом [5, стр. 95]. Насир Хосров передает легенду, имевшую явно реальную основу: «Я слышал, что румийский султан послал кого-то к египетскому султану и просил его взять сто городов из румийских владений и отдать ему Тиннис, но египетский султан не согласился. Румийский султан сделал это предложение потому, что хотел завладеть городом, где ткнут касаб и букаламун» [5, стр. 96].

В городах Среднего и Верхнего Египта изготовлялись шерстяные одежды, шали, ковры; шерстяные одежды Асуута были известны даже в Армении. Самалут славился изделиями из козьей шерсти³.

В Египте выделяли также шелковые ткани. Известно, например, что после Барджавана наряду с другими богатствами осталась тысяча рубашек из александрийского шелка; шелковую материю изготовляли и в Каире, Бахнасе, Шате⁴. При этом в основном употребляли готовую шелковую пряжу, ввозившуюся из Сицилии, Сирии, Ирана и Ирака, обычно сочетая ее со льном и другими волокнами. Но имелось и местное сырье [43, стр. 103]⁵, хотя климатические условия не спо-

² Так, об одеянии Ширкуха у Абу Шама говорится, что оно «состояло из белой чахмы с золотой вышивкой, изготовленной в Тиннисе, дабикского платья с золотой вышивкой и джуббы, под которыми был сиклатун с золотой вышивкой, и дабикского тавласана с тонким золотым шитьем» [72, I, 173]. (Джубба — верхнее платье с широкими рукавами, тавласан — покрывало, носимое поверх чахмы для защиты от солнца.)

³ «Вся тонкая шерсть, привозимая в Персию под названием „египетской“, идет из Саид эл-Ала (Верхнего Египта. — Л. С.), ибо в самом Египте (Нижием? — Л. С.) шерсти не прядут. Я видел в этом Асууте футы из овчины, какого не видал ни в Лахаворе [Лахоре], ни в Мультане; можно было бы предположить по внешнему виду, что это шелк» [5, стр. 441]. (Футы — особый сорт полосатой материи или же всякая одежда, не шитая, иголой, вроде плащей, поясков и т. п.) Несколько далее у Насира Хосрова говорится: «В Асууте этом из овечьей шерсти прядут турбаны, подобных которым нет в целом мире». Об изготовлении таких шерстяных одежд в Верхнем Египте упоминает и Мукаддаси [30, стр. 201].

⁴ В Бахнасе изготовлялись также материи из льна, шерсти, хлопка; особенно славилась бахнасская покрывала, достигавшие длины в 30 локтей каждое [66, I, стр. 237—238; 464; 74, стр. 47, 51]. Румийский шелк, упоминаемый Насиром Хосровом [5, стр. 112—113, 116], — по всей вероятности, ткани, ввозившиеся или из самой Византии, или из областей, находившихся под ее властью.

⁵ Г. Вьст и Е. Кювель относят начало изготовления шелковых тканей в Египте к мамлюкскому периоду, Р. Барави — к фатимидскому, М. Марзук вслед за А. Медем — к аббасидскому и даже более раннему [291,

собствовали шелководству; известно, что в XII в. в Файюм переселилось 500 сирийских иудеев, которые стали разводить там тутовое дерево и шелковичных червей⁶.

Преобладание иудеев в шелкоткацком ремесле явно было связано с тем, что иудейские купцы («радааниты»), державшие в IX в. в своих руках торговлю Западной Европы с Востоком, могли во время путешествий в Китай познакомиться со всеми его тонкостями [43, стр. 104; о термине «радааниты» см. 234; 176].

В этом ремесле наблюдалась большая специализация: особые лица разводили тутовый шелкопряд, сматывали нить с коконов, ткали материи и т. д. [43, стр. 104].

Хлопка в фатимидском Египте сеяли мало, сборы были небольшими, поэтому тканей из чистого хлопка не производили, а хлопковые нити смешивали с другими волокнами. При Фатимидах в Египте появились новые виды тканей, до тех пор неизвестные, например хосрованн, т. е. изготовленные по образцу сасанидских тканей эпохи Хосрова Ануширвана [291, стр. 130]. Отлично имитировали также обивочный материал высокого качества, которым славился Табаристан [43, стр. 50]. Фатимидские ткани были очень прочны, разнообразны по выделке и цвету. Крашение составляло примерно четверть стоимости готового изделия; ремесленники специализировались по образцу используемым красителям (шафран, сумак, кинноварь, индиго). Отбеливание, наведение блеска, вышивка также производились специальными ремесленниками [43, стр. 107—108].

Украшались ткани изображениями птиц, животных, буквенным и растительным орнаментом. Надписи на них обычно представляли собой имя халифа или везира, приказавшего

стр. 130; 252, стр. 63—65]. Последнее кажется наиболее вероятным, ибо упоминание в изложенном в предыдущей главе сельскохозяйственном календаре Макриси о разведении шелковичных червей позволяет предполагать наличие местного сырья и в дофатимидское время. В папирусах же фатимидской эпохи неоднократно упоминается термин «каззаз» [47, XIV, № 42—43], который переводится А. Громанном как «торговец шелком» (*der Seidenhandler*, стр. 47), хотя возможно и другое значение — ткач шелка. Вообще в источниках нашего периода по указанию на профессию далеко не всегда можно определить, кто имеется в виду — купец или ремесленник [см. 43, стр. 85].

⁶ Это переселение могло быть вызвано тем, что возможность занятий торговлей и ремеслом для иудеев в пределах Византийской империи была ограниченной: им запрещалось покупать шелк-сырец и шелковую пряжу; доступ в корпорации был закрыт [2, стр. 173]. В XI в. в Египте осело немало иудеев, которые были взяты в плен мусульманскими пиратами в Средиземном море, а затем выкуплены у них александрийскими или дамьетскими иудеями [251, стр. 87—88, 92—93].

Однако в первой половине XII в. наблюдалась и обратное движение иудеев в Византию, что, несомненно, объяснялось напряженным положением в Египте из-за внутренних войн и вторжения крестоносцев [43, стр. 39].

их изготовить, место и время изготовления, иногда имя «сахиб ат-тираз» и даже самого ремесленника. Ткани и готовые одежды с такого рода надписями могли косвенно служить в средстве исмаилитской пропаганды [см., например, 111]. О множестве и разнообразии тканей можно судить по описаниям богатств Фатмидов, содержащимся в «Хитат» Макризи. Ткани и одежда халифов и членов правящей фамилии находились в хранилищах, самым крупным из которых был «дар ал-кисва», сооруженный при Муиззе [66, I, стр. 415].

Одежды и ткани были мерилем богатства; они составляли важную часть халифских сокровищ, передавались по наследству, жаловались приближенным, а в случае нужды обращались в деньги. Ища популярности, Фатмиды расширили аббасидский обычай раздачи почетных одежд по праздникам, а также в поощрение за заслуги. Грамоты на получение таких даров выдавались государственной канцелярией, причем пожалования соответствовали рангу получателя: эмиры, например, получали платья из дабикского полотна и чалмы из касаба с золотой вышивкой, которые стали впервые выделяться при Азизе. При везире Афдале было таким образом выдано из «дар ал-кисва» 8775 одежд; во время «великого бедствия» при Мустансире множество тканей и одежд было расхищено и распродано, но затем запасы, как видно, возобновились, ибо при Мамуне ал-Батахи в 1122—1123 гг. было выдано 14 305 одежд [66, I, стр. 440].

Хранилища одежд имелись и у везиров и других знатных лиц. Так, в хранилище полководца Джаухара было 75 тыс. парчовых одежд и тысяча кусков изумрудного касаба; после Барджавана остался 261 тюк различных материй и тысяча дабикских шаровар кроме упомянутого выше и много прочего; у Мамуна ал-Батахи было 300 сундуков с тканями, в том числе шелковыми и сотканными в Тиннисе и Дамiette; после везира Афдала осталось 900 одежд из парчи и 500 сундуков тканей из Дамiette и Тинниса и т. п. [см., например, 71, стр. 51, 52, 63; 13, стр. 265, 486; 18, стр. 57; 73, стр. 70]. Увеличение армии усалило спрос на особые ткани, из которых выделялись шатры, калатки, паруса, знамена, футляры для мечей.

На втором месте после ткачества стояла обработка металлов. Золото и серебро использовались для чеканки монеты, для изготовления предметов роскоши — серег, браслетов, перстней, а также для украшения седел, мечей, книг⁷. Довольно широко было распространено употребление серебряных сосудов. В описаниях богатств Фатмидов и их приближенных много говорится о таких изделиях⁸.

⁷ Фатмидские халифы наряду с другими дарами отправляли для украшения Каабы особые серебряные доски [5, стр. 163].

⁸ В числе богатств Джаухара были, например, золотая чернильница

Медь и бронза применялись для изготовления кадилыиц и утвари, часто в форме птиц и животных; по-видимому, эти изделия частично ввозились⁹. Во множестве выделывались колокольчики из желтой меди для вьючных животных. В Гезире упоминаются ремесленники, специализировавшиеся на отливке, чеканке и полировке меди. Медную посуду часто инкрустировали золотом и серебром; искусство инкрустации было вообще широко распространено; в столице существовал даже особый рынок инкрустаторов [66, II, 105]. Изготавливались также и оловянные изделия; в стеклянном деле и медицине использовалась окись свинца.

В самом Египте не было железных рудников, и небольшое количество железа ввозили из Европы, Сицилии и Магриба. Центрами обработки железа были Каир и Тиннис. Из железа изготавливались строительные орудия, хозяйственная утварь. Множество городских кузнецов специализировалось на изготовлении подков; были еще ножовщики, ложечники, специалисты по выделке особых кривых ножей для мясников, игл, бритв, ковшей и т. п. [43, стр. 109; 5, стр. 97]. В обработке металлов преобладали ремесленники-иудеи, хотя они и в этом случае не были монополистами.

Следует сказать и об обработке слоновой кости: ее привозили из Занзибара и Центральной Африки и употребляли для инкрустации, изготовления шахмат и шкатулок, а также в мозаичных работах [291, стр. 173—175]¹⁰.

Весьма развито было стекольное и гончарное дело. Центрами изготовления стекла являлись Тиннис, Фустат, Файйум, Анимунайн, Александрия, славившиеся этим ремеслом еще в римскую эпоху. Стекло применялось при сооружении дворцов и для светильников¹¹; халифские дворцы были полны

размером с локоть, отделанная жемчугом и яхонтом, сто золотых гвоздей для чаши, три тысячи золотых и серебряных ложек [74, стр. 51]. После немира Афдала остались сто золотых гвоздей, золотая чернильница с изумрудом стоимостью 12 тыс. динаров и два больших сундука с золотыми иглами для его рабынь и жен [61, I, стр. 167]. Ибн Давалари добавляет к этому 30 иракских шкатулок с золотом [13, стр. 486; см. также 286, стр. 107].

Частью наследства Ибн Килдаса были ювелирные изделия стоимостью 500 тыс. динаров [293, стр. 306]. Множество драгоценностей осталось и после Адада [73, стр. 81; см. также ниже, стр. 187].

⁹ «Я видел кувшины из дамасской бронзы, вмещавшие три мена воды; он так блестял, что его можно было принять за золотой. Один человек мне рассказывал, что там есть женщина, у которой пять тысяч таких кувшинов. Она отдает их напрокат и за каждый кувшин берет дирхем в месяц...» [5, стр. 124].

¹⁰ Обработывалась и черепаховая кость. «Я видел там (в Фустате. — Л. С.), — пишет Насир Хосров, — изделия из черепахи, например: ларчики, гребенки, ручки для ножей и тому подобное» [5, стр. 122].

¹¹ Р. Барави и И. Х. Хасан считают, что *сух ал-канадил* в Каире был местом, где светильники изготавливались, а не только висели у ворот, как полагал Г. Вьет [291, стр. 165].

стеклянными изделиями тончайшей работы. В торговле с нубийцами стеклянные изделия часто служили средством обмена вместо денег [5, стр. 99]. Стеклянные жетоны употреблялись в качестве разменной монеты [см. ниже]. Горный хрусталь добывали в самом Египте, и он был недорог; из него выделывали кубки, кувшины, чашки, флаконы.

В сокровищницах самих Фатмидов и знатя было множество хрустальных вещей: после Джаухара, например, осталось 10 тыс. блюд хрустальных, серебряных и прочих [74, стр. 51]. Во время «великого бедствия» было распродано из халифских хранилищ 18 тыс. изделий из хрусталя по цене от восьми до тысячи динаров, включая 99 тазов и кувшинов¹². Множество сосудов осталось и после Адида.

В стеклодувном деле также преобладали иудейские ремесленники; это частично объяснялось тем, что в Египте жило много выходцев с палестинско-ливанского побережья (между Аккой и Триполи), где это ремесло было известно с древних времен [43, стр. 51, 109—110]. Гордостью египетского ремесла в эту эпоху была поливная керамика большей частью белого, синеватого или зеленоватого цвета, с металлическим блеском; такие сосуды служили для хранения благовоний, омовения после еды и во множестве вывозились из страны.

Неглазурованная глиняная посуда изготовлялась из нильского ила; лучшим считался ил Верхнего Египта, асуанский [11, стр. 66]. В такой посуде хранили уксус, мед, масло и различные напитки; она выделывалась не только в городах, но и в сельских местностях. Насир Хосров пишет, что бакалейщики продавали свой товар в глиняных сосудах вместо бумаги [5, стр. 125]. Гончарное дело тоже было очень специализированным: каждый вид посуды (например, узкогорлые кувшины без носика, просвечивающие блюда, подобные фарфоровым, и т. п.) имел своих мастеров [43, стр. 111]. Успешно имитировались китайская керамика, а также стекло и фарфор [268, стр. 81 и сл.].

В фатимидский период в Египте началось изготовление бумаги, пришедшее на смену древнему ремеслу выделки папирусов и пергамента. Папирус вскоре вышел из употребления; пергамент же продолжал использоваться для переписывания Торы и священных книг христиан и мусульман, брачных контрактов, актов отпуска на волю рабов и т. п. [43, стр. 112; 11, стр. 66]. Бумагу изготовляли из льняных волокон, смешанных с хлопковыми; частично ее ввозили из Самарканды.

Параллельно с развитием изготовления бумаги росло

¹² Известно, что некоторые из них были куплены европейскими купцами и сохранились до сравнительно недавнего времени в Венеции и Нюрнберге [291, стр. 168; 235, стр. 331].

и искусство переплетения книг; при этом использовались кожа, парча, атлас. Так, в подарок, отправленный в 1172-73 г. Салах ад-дином Нур ад-дину, входили кроме многого другого 30 томов, переплетенных в голубой атлас, с запором в виде золотой пластинки, 10 томов, покрытых парчой фиесташкового цвета, и еще один том с золотой застежкой [291, стр. 163].

У Фатимидов было большое хранилище книг, где содержалось не менее шестисот тысяч томов. Халифы нанимали переписчиков для переписывания книг, однако собирали и книги иноземного изготовления, приобретая их в других странах через посредников. Примеру халифов следовали визиры и прочая знать¹³. Множество книг из дворцового хранилища было перенесено в открытый при Хакиме «дар ал-хикма», о котором будет сказано ниже.

Развита была и обработка кожи, изделия из которой были очень распространены. Редкие сорта кожи вывозились из Эфиопии и Нубии; они шли на изготовление сандалий, географических карт, щитов, а главное — седел для халифа и знати [5, стр. 112, 116, 122]. В хранилищах дворца было огромное количество седел из кожи, отделанной золотом и серебром; каждое из них стоило от 1 тыс. до 7 тыс. динаров [66, II, стр. 91—92]. Из местных сортов кожи изготовлялись более дешевые седла, различные кожаные мешки для дальних путешествий, кожаные бутылки для хранения вина и масла, бурдюки для водоносов — особенно распространенной тогда профессии¹⁴.

Обрабатывалось и дерево. Поскольку местные породы (сикомора, набк, кипарис, акация) не имели достаточной прочности, нужные сорта ввозили из Венеции, Хорватии, Далмации, Сирии и Малой Азии (падуб, кедр, пишия), из Судана (эбеновое дерево), из Индии (тик и сандаловое дерево). Из этих пород делали своды зданий, ворота, мимбары, михрабы, основы колонн, обычно украшенные резными изображениями сцен битв, охоты и пр. Из местного дерева строили в основном корабли, делали мебель, приспособления для подъема воды, мельницы, плуги, прессы, ткацкие станки и прочие хозяйственные орудия [291, стр. 170]. Развивалось и строительство, особенно после основания Каира. Джаухар, стремясь

¹³ Так, Ибн Халликан пишет: «В доме Ибн Кялиса было много людей, переписывавших Коран, хадисы, книги по фехту, алабу, медицине... Весь этот народ кормился в его доме» [61, I, 28]. После Афляля осталось в числе других богатств 500 тыс. томов книг [18, стр. 57]. Большого совершенства достигла и каллиграфия, а также украшение книг миниатюрами. Возможно, что фатимидское искусство переписки и украшения рукописей оказало влияние на Запад [291, стр. 163].

¹⁴ «Для питья служат ильские вода, которую привозят на вьючных животных водовозы. Говорят, что в Каире и Мисре пятьдесят тысяч вьючных животных, на которых водовозы в бурдюках возят воду», — писал Иасир Хосров [5, стр. 109].

защитить новую столицу от карматов, окружил Каир стеною шириной в несколько локтей, по которой могли пройти два кова. При Бадре ал-Джамали, разрешившем селиться в Каире воинам, жившим ранее в Фустате, были сооружены новая стена и трое знаменитых ворот, строителями которых были византийские мастера, присланные этим везиром из Эдессы. При Фатимидах в Каире было построено много новых мечетей, а также реставрированы старые, причем архитектура их была своеобразна (использование камня, арки христианского типа). Строились гробницы, башни, дворцы, бани, крытые рынки («кайсарийа»). Главным строительным материалом оставался кирпич, сырой и обожженный. И здесь наблюдалась узкая специализация: особые ремесленники выкладывали стены, настилали полы; были еще штукатуры, облицовщики мрамором, печники, декораторы, землемеры, токари, сундучники, замочники и т. п. [43, стр. 113]¹⁵. Государственные нужды способствовали и прогрессу кораблестроения. При Азизе в Фустате была сооружена верфь, где было построено 600 кораблей [66, II, стр. 195—196]¹⁶. Другими центрами кораблестроения стали Александрия и Дамьетта. Военный флот Фатимидов был большим, и лишь в конце их правления, когда крестоносцы овладели Бильбейсом и намеревались идти на Фустат, по приказу Шавара вместе с Фустатом был сожжен и весь находившийся в его гавани флот, дабы он не достался врагу [66, II, стр. 193—194].

Строили также много торговых кораблей, частично продавая их отдельным лицам, но множество кораблей оставалось в собственности государства (или халифа, так как эти понятия не всегда четко различались). По словам Насира Хосрова, «у султана [Мустансира] было двадцать одно судно, для которых возле замка [Каира] устроен водоем площадью в два-три мейдана... Большой частью эти суда стоят на привязи в этом водоеме, словно мул в конюшне...» [5, стр. 118]. В Типписе, по сообщению того же Насира Хосрова, «более тысячи кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит кулцам, но много также и султанских...» [5, стр. 96].

В крупных городах было распространено производство продуктов питания для продажи. Оно также было весьма специализированным. В документах Генизы в числе столичных ремесленников фигурируют пекари (отдельно — лица, замешивающие тесто), кондитеры, простые мясники, мясники — специалисты по козьему мясу, резчики, продавцы мяса и т. д. [43, стр. 113—115]. Муку, хлеб и многие готовые блю-

¹⁵ Насир Хосров упоминает виденное им в Каире «высотное здание» в 14 этажей [5, стр. 120].

¹⁶ Барави считает эту цифру сильно преувеличенной [291, стр. 151]. В «Иттиаз» создание флота отнесено ко времени Муизза [64, стр. 192].

да можно было купить на рынке. Из оливок, в изобилии имевшихся в самом Египте, особенно в окрестностях Александрии и в Файюме, изготавливали дешевое оливковое масло¹⁷. Вышние сорта этого масла ввозили из Сирии и Северной Африки. Оливы употреблялись и для изготовления мыла; его варили в Фустате, Александрии, а частью ввозили из Сирии [66, I, стр. 422]. Более дорогим было масло из кунжута, менее распространенного в стране; оно также частью ввозилось. Египет особенно славился бальзамовым маслом, использовавшимся в медицине и парфюмерии¹⁸.

При Фатимидах особенно распространилось виноделие. Виноградное вино изготавливалось преимущественно в Фустате, Каире и Александрии, а в сельских местностях напитки из пшеницы и ячменя [291, стр. 173; 53, I, стр. 149—154].

Исходя из своих крайних религиозных взглядов, Хаким в 1011 г. запретил продавать изюм и виноград и повелел срезать все лозы и бросить их под ноги волам, распахать земли, занятые под виноградниками, а кроме того, вылить в Нил пять тысяч (или 500) кувшинов тростникового меда, изъятого из лавок, чтобы оно не пошло на изготовление вина.

Насир Хосров пишет, что при Хакиме «никто не сушил винограда и не делал изюма, чтобы из него не приготовили водки. Никто тогда не решался пить вино, и пиво тоже не пили: про него говорилось, что оно опьяняет, и поэтому оно тоже было запрещено» [см., например, 5, стр. 109, а также 74, стр. 52; 61, I, стр. 379; 13, стр. 284—285; 53, I, стр. 172]. Однако и эти и подобные им известия нельзя считать основанием для вывода о том, что Фатимиды монополизировали сахароварение (как полагает, например, Ж. Мацуэль) [257, стр. 11; о полемике по этому вопросу см. 291, стр. 179—180]. Изготовление сахара при Фатимидах намного увеличилось, что отчасти было связано с введением новых, шиитских праздников, во время которых во дворце устраивались пиршества. При Азизе для сахара и иных сладостей было сооружено особое хранилище («дар ал-фитр») [66, I, стр. 125]. В источниках имеется множество описаний раздач сладостей по случаю Нового года, дня рождения пророка, открытия канала и т. п. «Говорят, что на тот день, когда султан дает пир, отпускается

¹⁷ Другие сорта служили «горючим материалом». «Масло для горения там выжимают из семян репы и свеклы и называют его „лейт харр“ („горючее масло“)», — писал Насир Хосров [5, стр. 125].

¹⁸ Бальзамовое масло, так называемый меккский бальзам, — сиропообразная смесь смолы с эфирным маслом, добытым из бальзамного дерева (*balsamodendron gileadense*, или *commiphora orobalsamum*) путем выпаривания в воде концов молодых ветвей или из надрезов. В средние века единственным местом выращивания бальзамного дерева в Египте был Айн Шамс (древний Гелиополь). Полученный бальзам поступал в монопольное распоряжение государства (по утверждению Г. Вьета — начиная с Мамлюков, по мнению Р. Барави — уже со времени фатимидских халифов) [см. 66, I, стр. 230—231; 9, стр. 20—22, 86—90; 291, стр. 192].

пятьдесят тысяч мен сахару для украшения столов. Я видел дерево, вроде апельсина, все ветви, листья и плоды которого были сделаны из сахару; на нем были сделаны тысячи фигурок и изображений из сахару»¹⁹, — пишет Насир Хосров [5, стр. 129].

Богатство и международный престиж Египта привлекали в него ремесленников из других стран. Выше говорилось об иммиграции иудейских ремесленников из Византии. В документах Генизы в числе трудящихся Фустата фигурируют румийский меховщик, сапожник-испанец (чинивший обувь), красильщик из Тифлиса, ремесленники — выходцы из Тира, Иерусалима, Дамаска, Махдии. На иммиграцию с Востока указывает и то, что многие ремесленники фатимидского Египта носили персидские имена [43, стр. 49—50].

Египет XI—XII вв. был наводней сиро-палестинскими красильщиками, мастерами стекольного дела, ткачами шелка; письма иудейских ремесленников содержат жалобы на соперничество иноземцев [43; стр. 51, 85]²⁰. Это положение объяснялось постоянными военными действиями в Сирии.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА

В ткацком деле в фатимидскую эпоху (по крайней мере, в первой ее половине) главную роль играли государственные мастерские, называемые «дар ат-тираз» или просто «тираз». Они находились в Каире, Александрии, Дабике, Тиннисе, Кайсе, Дамiette, Шате и многих других городах и селениях Египта.

У Насира Хосрова мы находим такие строки, относящиеся к «тираз» Тинниса и Дамiette: «Там ткут цветные материи, называемые касаб, для тюрбанов, женских платьев и панталон. Такого цветного касаб не ткют нигде. Белый касаб ткут в Дамiette, а тех материй, которые ткуются в султанских мастерских, никому не продают и никому не дарят.

Есть там известные ткачи, и одному из них, соткавшему тюрбан для египетского султана, султан приказал дать пятьсот магрибских динаров. Я видел этот тюрбан, и мне говорили, что он стоит четыре тысячи магрибских динаров» [5, стр. 95].

«За касаб и букаламун, — пишет далее Насир Хосров, — которые ткуются для султана, казна платит полную стоимость, так что люди охотно работают на султана; это не так, как

¹⁹ Мен (манн) — египетская мера веса. Манн, употреблявшийся в Египте, весил 812,5 г [136, стр. 25].

²⁰ В списках бедняков-иудеев Фустата числятся румийские сапожники (чинившие обувь), портные, красильщики, золотых дел мастера — беженцы, не могущие найти работу в Египте [43, стр. 51].

в других странах, где диван и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе» [5, стр. 97]²¹. В халифских мастерских изготавливались ткани и одежды особенно высокого качества; они шли не только на регулярные раздачи армии и чиновничеству, но и для нужд самого халифа и его семьи; изготавливались также покрывала для Каабы. Немалая часть этой продукции вывозилась из страны.

Каждую такую мастерскую возглавлял «кариф» с помощниками [40]²². В Каире находилось главное управление этих мастерских, где определялось необходимое количество продукции и жалование ремесленникам и выдавались нужные материалы; ремесленники, как видно, не имели собственных орудий производства²³.

При везире Афдале на нужды управления из государственной казны была выделена 31 тыс. динаров; при Мамуне ал-Батаихи — 43 тыс. динаров, а при халифе Амуре эта сумма была удвоена [66, I, стр. 469].

Глава ведомства пользовался особым доверием халифа; управляющие мастерскими подчинялись ему непосредственно, минуя наместников; в его распоряжении было несколько кораблей [66, I, стр. 470]²⁴. Можно полагать, что в таких «тиразах» имело место принудительное наследование ремесла, прикрепление работника к ремеслу²⁵.

Кроме того, ремесленники работали в халифских хранилищах (или сокровищницах): в упомянутом «дар ал-кисва», в «дар ад-дибадж» — хранилище парчи, хранилища ковров, оружия и др., сохраняя и увеличивая их запасы. Так, в одном только хранилище знамен, сооруженном при Захире, трудилось три тысячи ремесленников²⁶.

²¹ «Из Букаланува делают также ткани для носилок, укрепленных на верблюдах, и подседельники, предназначенные для султанских приближенных» [5, стр. 97].

²² Чиновники тираза перечисляются и у Ибн Мамкати [71, стр. 24—25]: *назар* — главный управляющий (то же, что *ариф* или *сахиб ат-тираза*?); *мушариф* — инспектор, помогавший ему в держании у себя на складе готовую продукцию; *амал* составлял отчеты и наблюдал за всем в мастерской; *шакид* занимался финансовыми вопросами.

²³ Откуда поступало сырье, неизвестно. По предположению М. Марзуки, при Фатимидах, как и в древности, египетское население было обязано продавать лен, шелк-сырец и прочее по фиксированной цене [252, стр. 70]. Но возможно, что некоторые виды сырья (лен) поступали к государству в составе хараджа натурой, т. е. безвозмездно.

²⁴ Здесь же говорится, что в Каире у управляющего было 10 каких-то помещений — вероятно, имеются в виду центральные склады ведомства.

²⁵ Во всяком случае, относительно халифской ткацкой мастерской в Дамiette точно известно, что квалифицированные ремесленники работали в ней по принуждению [43, стр. 82].

²⁶ Это хранилище сгорело в 1068 г. Четкого разграничения функций хранилищ не было; точные реестры поступлений и расходов отсутствовали [293, стр. 186—187].

В халифских мастерских использовался и труд пленных рабов, что видно, например, из сочинения Ибн Тувайра, где речь идет о правлении Амира: «И когда прибывал флот, халиф обычно поднимался в павильон ал-Макса и сидел там, встречая его. И однажды прибыл флот с 1500 пленных. По существующему обычаю пленных доставили в ал-Манах, где мужчины присоединили к уже находившимся там пленным. А женщины и детей направили во дворец. После того как одну группу из них выделили везиру, оставшихся женщины распределили между ведомствами и частными лицами для использования их в услужении и для их обучения, чтобы овладели они ремеслами (ас-санан)» [66, II, стр. 193] ²⁷.

Наряду с централизованными государственными мастерскими существовали и децентрализованные: ремесленники работали у себя на дому. По обычаям того времени прядением занимались женщины, а ткачеством и портновским делом — мужчины [43, стр. 127—128]. Имена своих орудий производства, они получали у государственных чиновников сырье и им же сдавали заказанные товары за вознаграждение ²⁸. Вероятно, такого рода ремесло подразумевает и Макризи, когда пишет, что сотня людей выполняла в деревнях распоряжения упомянутого главы ведомства «тираз» [66, I, стр. 489]. О процедуре сбыта продукции рассеянных «тираз» Шаты Мукаддаси сообщает: «А что касается одежд шатавийа, то не может копт соткать что-либо без того, чтобы это не было напечатано печатью султана, и не может продать иначе как через маклера ²⁹, заключающего сделку. А чиновник султана записывает то, что продается, в свой реестр» [30, стр. 213]. Кроме ремесленников, занятых в государственных мастерских, возможно, существовала и прослойка «свободных ремесленников», не столь зависимых от государства [66, II, стр. 193; 21, I, стр. 323] ³⁰. Однако единообразие техники из-

²⁷ Ал-Макс — гавань и верфь Фустата, Павильон ал-Макса (Манзарат ал-Макс) — сооружение недалеко от причала, где халифы встречали возвращавшийся из военных походов флот [6, стр. 306—307; 27, II, ч. 2, стр. 15]. Ал-Манах — квартал в Каире.

²⁸ В этой связи представляет интерес один папирус из Бахнасы, относящийся к XI в. и содержащий список владельцев ткацких станков [46, VI, № 387]. В завещании тлача шелка (из Фустата) от 1188 г. упоминаются кроме половины дома его инструменты, сырой материал, наполовину законченная работа [43, стр. 264; см. также 33, I, стр. 272].

²⁹ Деятельности маклеров в раннефатимидской Ифрикии посвящена статья тунисского историка М. Тауби, где рассматриваются соответствующие тексты законовода второй половины IX — начала X в. ал-Ибрани [280].

³⁰ Р. Барави [291, стр. 141] считает частные ткацкие мастерские фатимидского Египта «предприятиями капиталистического типа», что совершенно неверно. Если разделение труда, наблюдавшееся в швейном деле [см., например, 66, I, стр. 413], и позволяет формально квалифицировать подобные мастерские как мануфактуры, то с точки зрения социальной

готовления фатимидских тканей, рассчитанных на одного заказчика — халифский двор, говорит о несомненном господстве в ремесле государственного сектора [110, стр. 127].

Ремесленники-ткачи уплачивали государству большие налоги. Ибн Хаукал, а за ним Макризи и Ибн Дукмак (XV в.) сообщают, что Яакуб ибн Кяллис искоренил ткацкое дело в Тиннисе и Дамiette непомерными поборами с ремесленников [15, стр. 153; 66, I, стр. 177; см. также 269, стр. 94]³¹. Р. Барави справедливо считает, что Макризи явно преувеличивает, так как он всегда выступал против всяких поборов и хвалил тех халифов и султанов, которые уменьшали их или вовсе отменяли. Правда, проводимая Р. Барави параллель между Макризи и Ибн Джубайром (испанским путешественником, побывавшим в Египте в 80-х годах XII в. и близким Макризи по своим взглядам), с одной стороны, и идеологами французской буржуазии XVIII в. (в частности, главой физиократов Франсуа Кенэ) с их лозунгами «свободной торговли» — с другой, совершенно неисторична [291, стр. 145].

О тяжести налогов в этих городах пишут и другие авторы: Мукаддаси³², Насир Хосров³³, Набулуси (XIII в.)³⁴. Их сообщения относятся к разным временам и даны в самой общей форме; остаются неизвестными и объекты обложения (у двух последних авторов), и размеры его, однако утверждения об исчезновении ткацкого ремесла мы у них не находим³⁵.

Все эти предприятия оставались феодальными; ограничивалось лишь ткачеством, они в течение столетий сохранялись в той же примитивной форме.

³¹ Ниже у Макризи говорится, что в 973 г. из Тинниса, Дамiette и Ашмулайи в день стало поступать более 220 тыс. динаров, что было делом, невиданным до этого в стране [66, II, стр. 6].

³² Мукаддаси следующим образом описывает процедуру подготовки тканей к вывозу из страны: «Затем доставляются ткани к тому, кто их скатывает, затем к тому, кто их зашивает в шивовку, и к тому, кто укладывает в корзины. И каждому из этих лиц полагается вознаграждение. Затем у ворот гавани взимается еще кое-что, и каждый [ремесленник] прощается на корабле свою метку» [30, стр. 213].

³³ «Я слышал от верных людей, что оттуда (из Тинниса.—Л. С.) ежедневно поступает тысяча магрийских динаров в казну египетского султана и сумма эта дается сразу в один назначенный день» [5, стр. 96].

³⁴ «В Тиннисе до Салах ад-дина брали незаконные налоги с товаров, [находящихся] на кораблях» [39, стр. 145].

³⁵ Макризи, напротив, под 994-5 и 1011-12 гг. сообщает об отправлении из Тинниса и Дамiette ежегодных даров для Каабы (главным из которых было покрывало). Он сообщает, что при Хакиме были получены доходы с Тинниса за три года: 1 млн. динаров и 2 млн. дирхемов [66, I, стр. 181]. Ибн Тагри-Бирди пишет, что доходы с Тинниса за такой же срок, взимавшиеся после гибели Хакима, составили 1 млн. динаров и 1 млн. дирхемов [63, IV, стр. 189], но здесь, скорее всего, надо видеть искажение изложенного Макризи факта, явно восходящего к одному источнику (Мусабихи). Как известно, ремеслу и торговле Тинниса в конце правления Фатимидов и при Салах ад-дине большой ущерб причинили нашествия крестоносцев (1153, 1175, 1180 гг.). Салах ад-дин в

Что касается других ремесел, то в сравнительно больших масштабах было организовано производство сахара, а также бумаги, но подробностей об этом нет; известно лишь, что главным центром сахароварения был Фустат, причем наиболее крупные сахароварильни принадлежали халифу [257, стр. 18—19; 5, стр. 122] ³⁶. Были и крупные частные сахароварильни; их оборотные средства иногда превышали тысячу динаров ³⁷. В бумагоделательных мастерских, по убедительному мнению Гойтейна, причина преобладания сравнительно крупного производства была чисто исторической: в Египте, как и в других мусульманских странах, китайские секреты бумажного производства были восприняты местными правителями, наместниками, которые и стали инициаторами строительства больших мастерских (судя по документам Генузы, виды бумаги обозначались их именами еще в XII в.) ³⁸; главным центром изготовления бумаги также был Фустат. Несмотря на наличие крупных предприятий, это ремесло по сравнению с другими не всегда было дифференцированным: ремесленники, изготавлившие бумагу, часто сами же переплывали на нее сочинения, переплетали книги и продавали их, а также перья и чернила [43, стр. 191] ³⁹. Наряду с этим есть сведения и о специалистах-переплетчиках и о переписчиках книг (европейского происхождения) [43, стр. 51].

Необходимая, естественная кооперация ремесленников существовала и в строительном деле; иногда здесь наблюдалось и прямое принуждение. Так, Ибн Мамун рассказывает, что когда в 1122-23 г. в Каире по инициативе богатого человека по имени Малик Джафар началось сооружение мечети, то основатель ее «схватывал людей на дорогах, вынуждая их

1192 г. из стратегических соображений эвакуировал население города, оставив в нем лишь гарнизон. При Малике Камиле в 1226 г. укрепления были сняты и Тиннис навсегда прекратил свое существование. Упало значение и Дамьетты, также пострадавшей от крестоносцев, и при Аййубидах значение этих городов в ткацком ремесле перешло к Александрии и Дамаску [252, стр. 74].

³⁶ Тростниковый мед, как видно из календаря сельскохозяйственных работ, изготовлялся и в отдельных крестьянских хозяйствах и входил в харадж, если тот вносили натурой. При везире Макуце в 1121-22 г. в числе других недоюмок было отменено и вассение 138 кинтаров тростникового меда [66, I, стр. 81, 104—105]. Кинтар — мера веса. В средневековом Египте различали пять видов кинтара, из которых самый легкий весил 45 кг, а самый тяжелый — 120 кг [136, стр. 22—23].

³⁷ Оборотные средства мелкого ремесленника обычно не превышали 10 динаров [43, стр. 80].

³⁸ Так, бумага *ташки*, изготавливалась в то время в Египте, была названа по имени Талха ибн Тахира, наместника Хорасана (ум. в 828 г.) [43, стр. 81].

³⁹ Продажа книг велась и через посредников. На рынках имелись специальные места, где встречались любители книг. О некоем Ибн Саура, например, известно, что он был маклером по книжным делам и сидел в галерее своего дома; в определенные дни вокруг него собирались люди, и он показывал им книги [61, I, стр. 177].

приносить ему присягу, заковывал их и использовал на строительстве мечети без платы. И там со времени начала строительства трудились лишь люди обманутые и закованые» [66, II, стр. 413].

Остальные ремесла, как видно, представляли собой мелкое индивидуальное производство, где ремесленники были собственниками своих орудий; «ремесленник без инструментов — ничто», — гласила распространенная тогда поговорка [43, стр. 85].

Ремесленник трудился обычно в мастерской с членами своей семьи, вкладывая все свои скромные средства в материалы для работы [43, стр. 81, 264]; целью производства было создание потребительской стоимости, поддержание «приличного» данному сословию образа жизни [ср. 96, стр. 134; см. также 106, стр. 44] ⁴⁰.

Сравнение с «Византийской книгой епарха», известия о наличии торгово-ремесленных корпораций в XVII—XIX вв., охватывавших все трудовое население египетских городов, об их расцвете в эпоху черкесских Мамлюков и некоторые скудные сообщения наших источников дают возможность предположить, что и во времена Фатимидов существовали характерные для эпохи феодализма ремесленные корпорации (цехи, гильдии) ⁴¹. Эти профессиональные объединения могли быть одновременно и локальными — по кварталам или по рынкам, причем место изготовления изделия обычно служило и местом сбыта. Так, в Фустате той эпохи были рынки пирожников, продавцов жареного мяса, чеканщиков, токарей и т. д. [66, II, стр. 198—202] ⁴². Довольно распространенной была

⁴⁰ Можно с уверенностью сказать, что семья была основной хозяйственной ячейкой как городского, так и сельского населения средневекового Египта. С. Гонтейн пишет, что иудейская семья в «странах Генезы», в том числе и в Египте, была большой, слоченной, с почитанием старших, с почетным положением старой матери. Кровные связи значили в ней больше, нежели брачные. Практически в среде иудеев царил моногамия, хотя древнееврейский закон, подобно мусульманскому, допускал полигамию; это было особенно характерно для торгово-ремесленных слоев [43, стр. 73—74]. Гонтейн предполагает, что то же было и в соответствующих слоях мусульманского общества. Однако сведениями о мусульманской семье фатимидского Египта мы не располагаем.

⁴¹ В. Бриннер относит зарождение египетских ремесленных цехов к мамлюкскому периоду, не давая при этом ссылок на литературу [66, стр. 215].

Г. Бэр утверждает, что всеобъемлющая система египетских ремесленных объединений (*guilds*) была создана сверху, т. е. правительством, во второй половине XVI в., не отрицая, однако, возможности существования их зачатков в более раннее время [155, стр. 29—30].

⁴² О важности рынков как административно-социальных единиц говорит и то, что среди упомянутых у Макризи указов, повещающих о безопасности населения Каира, провозглашенных Хакимом в начале его правления, были и указы, обращенные к «людям рынков»; текст одного из них, адресованного к «людям рынков», расположенных у мечети Абд-Аллаха, приводится им буквально [66, II, стр. 21; 53, I, стр. 338]. От-

и работа на заказ, причем сырье давал заказчик [43, стр. 86—90]. Возможно, что уже в фатимидский период корпорации различались и по религиозному и по этническому признакам [43, стр. 85—86]⁴³. По данным Макризи⁴⁴, ремесленников одной профессии возглавлял староста («ариф»). Судя по позднейшим источникам, эти старосты избирались на общих собраниях членов цеха благодаря их «мудрости и знаниям». [154, стр. 11]. Поскольку у Макризи говорится о смещении провиннившегося старосты мухтасибом, можно думать, что в фатимидский период мухтасиб его и назначал, а обычай избрания прекратился; до XVII в. существовал «главный шейх» цехов Каира [154, стр. 22; см. также 43, стр. 84]. Из этого же рассказа видно, что одной из обязанностей старосты ремесленников был контроль за соблюдением цен.

Как и в ткацком деле, ремесленники уплачивали государству большие налоги. Судя по материалам, приводимым Г. Бэр, раскладка общей суммы налогов среди членов корпораций и сбор их могли быть и в фатимидское время обязанностью глав этих корпораций [154, стр. 13]⁴⁵. Особенно велики были поборы с ремесленников-немусульман, иудеев и христиан, что уже в это время в Каире существовали объединения (естественно, не являвшиеся локальными) врачей и пожарников [68, V, стр. 346; 60, III, стр. 191; 362, V, стр. 467].

⁴³ Известно, что в Каире нового времени в цех пуговичников входили исключительно иудеи, в цех золотых дел мастеров — копты, в цех сторожей — нубийцы; были гильдии местных и греческих портных [154, стр. 30].

⁴⁴ В «Игасате» говорится, что в начале правления Мустансира у старосты пекарей в Фустате была хлебная лавка, а напротив нее находилась другая, принадлежавшая торговцу хлебом. Последний, опасаясь, что его хлеб испортится, продавал его по цене ниже установленной. Тогда староста наказал его. Торговец пожаловался везиру, тот призвал мухтасиба в старосту, они сместили старосту, а торговцу дали денег в вознаграждение, и он продолжал торговать по сниженной цене, чем привлек к себе множество покупателей. Остальные торговцы были вынуждены следовать его примеру, что якобы привело к снижению цен на хлеб по всей стране [65, стр. 18, 19]. Как видно, пекари не всегда продавали свой продукт сами, но пользовались и услугами торговцев.

⁴⁵ При этом, как убедительно показывает Г. Бэр на материалах XVII—XIX вв., в египетских цехах отсутствовала функция, считавшаяся одной из главнейших в цехах Западной Европы и других арабских стран, а именно контроль цеха за качеством изделий [154, стр. 95—97]. Вероятно, то же наблюдалось и в фатимидскую эпоху.

Известие Мукаддаса о «печати султана», налагаемой на изделия копта-ткача, приведенное выше, позволяет думать, что этот контроль осуществляли чиновники халифа. Однако, может быть, эта «печать» не должна рассматриваться как знак хорошего качества изделия, а лишь как разрешение на продажу.

Египетские гильдии к тому же не снабжали своих членов сырьем [154, стр. 97]. В то же время Г. Бэр налагает интересные факты, показывающие, что в корпорациях, связанных со сферами обслуживания (поставщиков ослов, додочников, дощанов), шейхи ручались за качество работы их членов и определяли размер вознаграждения [154, стр. 104].

христиан (обычно обозначаемых как «ахл аз-зимма», т. е. «находящиеся под покровительством мусульманской общины»), так как они уплачивались сверх упомянутого выше поголовного налога — джизии⁴⁶. По-видимому, исполнением этой обязанности перед властями, передачей профессиональных навыков и контролем за соблюдением цен деятельность фатимидских корпораций и ограничивалась.

Среди ремесленников были распространены различные формы сотрудничества (товарищества, компаньонажи). Наиболее распространенными были контракты между несколькими ремесленниками (до пяти человек), причем орудия труда делались общей собственностью, убытки и доходы делились поровну. Целью таких объединений было установление монополии в данном виде ремесла. Иногда эти объединения сливались в более крупные: в одном документе говорится, что члены товарищества по выработке шелка из Махаллы открыли склад в Фустате, рядом со столичным товариществом той же профессии. Это привело к снижению цен; ремесленники Фустата испугались и поспешили договориться с компаньонами Махаллы о своем объединении с ними, чтобы в каждом городе была лишь одна мастерская [43, стр. 88]⁴⁷.

В других случаях ремесленник с малыми средствами или вообще без них заключал соглашение с одним или несколькими более состоятельными собратьями по ремеслу или иноземцем, который мог снабдить его средствами [43, стр. 87]. Вклады могли различаться по доле орудий, денег и требуемого труда. В договорах Генизы о сотрудничестве указывается число участников, их статус, объект контракта, преследуемые им цели, размеры взносов сторон, доли в прибыли и убытке⁴⁸. По-видимому, такое сотрудничество могло существовать и в рамках цеховых организаций.

⁴⁶ Джизия была довольно высока, и, стремясь от нее избавиться, многие слов зиммиев принимали ислам. От уплаты джизии не освобождали ни старость, ни бедность, ни болезнь. Не уплатив ее, немусульмане не могли покинуть места своего жительства [212, стр. 287; см. также 71, стр. 12]. Защиту интересов иудейских ремесленников по отношению к иноземцам осуществляла иудейская община в целом. Именно поэтому иноземные ремесленники, как говорилось выше, часто не могли найти себе в Египте работы и жили милостивей [см., например, 43, стр. 85].

⁴⁷ Религиозные ограничения здесь не действовали: в документах говорится о мастерах серебряных и стенольных дел, мусульманах и иудеях, совместно державших мастерские [43, стр. 85]. Указания на сотрудничество сохранялись и в палирусах см. [47, XI, № 39—40].

⁴⁸ Компаньонажи были, в частности, распространены в сахароварении [43, стр. 88, 126]. Наблюдались они и в области мелкой торговли: так, два лица стали соучастниками в ведении дела аптекарской лавки; обязанности их были равны, но один участник вносил 100 динаров, другой — 50. Последний считался аптекарем, имея, вероятно, лицензию на лавку; вообще социальное положение участников имело в контрактах такого рода большое значение [43, стр. 173—174]. Компаньоны могли быть членами одной фамилии. Такой родственной компаньонаж был особенно развит

Наряду со взиманием налогов прибавочный труд ремесленников и торговцев присваивался государством или городской знатью и путем сдачи в аренду мастерских, торговых помещений, складов. Такой вид вложений с древних времен был в Египте весьма популярным. К городской собственности Мустансира относятся известные слова Насира Хосрова: «Я подсчитал, что в этом городе Каире должно быть не меньше двадцати тысяч лавок, которые все принадлежат султану. Много лавок сдаются [в наем], каждая за десять магрибинских динаров в месяц, и нет ни одной дешевле двух динаров».

Караван-сараяв, бань и прочих общественных зданий столько, что их пересчитать нет возможности, и все они — собственность султана, ибо ни один человек там не может обладать зданиями и недвижимостью, кроме того, что он выстроит сам.

Я слышал, что в Каире и Мисре у султана восемь тысяч домов: все они сдаются в наем и каждый месяц за них получают плату. Их отдают в пользование и берут назад по желанию нанимателя без какого бы то ни было принуждения» [5, стр. 107]⁴⁹.

Во время «великого бедствия» Мустансир кроме содержимого своих хранилищ продал, согласно Ибн Ййасу, и 20 тыс. своих домов [74, стр. 61]⁵⁰. Собственниками городской недвижимости могли быть и религиозные учреждения. В состав вакфов, пожалованных халифом Хакимом «дар-ал-хикма», мечети ал-Азхар и некоторым другим мечетям Каира, входили, например, крытый рынок шерсти, четыре лавки, амбары и несколько домов [293, стр. 332].

Возможно, именно торговые помещения имеются в виду

в почтовом деле: одни родственники перевозили почту, пользуясь в основном попутными караванами, другие доставляли ее адресатам [43, стр. 294].

⁴⁹ Очень интересно и содержащееся у Насира Хосрова описание одного из домов, возможно также принадлежащего халифу: «Я видел там (в Фустате) караван-сарай, называвшийся Дар ал-Везир, где жили торговцы касабом; в нижнем этаже жили портные, а в верхнем — штопальщики. Я спросил заведывающего, какой доход приносит этот караван-сарай. Он ответил: каждый год — 20 тысяч магрибинских динаров; однако в данный момент один угол здания обрушился и его вновь отстраивают; тем не менее и сейчас мы имеем дохода тысячу динаров в месяц, то есть 12 тысяч в год. Мне говорили, что в городе больше этого караван-сарая нет, но таких же домов около двухсот» [5, стр. 127]. Как видно, речь здесь идет о *хана*, т. е. помещении, занятом лавками и мастерскими; это слово переводится Е. Э. Бертельсом и как «караван-сарай», что в данном случае неточно, так как значение этих слов совпадало лишь на востоке мусульманского мира (справка С. Б. Певзнера).

⁵⁰ Поскольку эта цифра совпадает с приведенной Насиром Хосровом, мы не можем здесь заподозрить Ибн Ййаса в неточности, к которой он был весьма склонен. Об Ибн Ййасе как историке домамлюкского Египта см. также [288, стр. 107].

в декрете Хафиза от 1134 г., в котором упоминается о собственности синайского монастыря св. Екатерины в Фустате, Тиннисе, Дамiette, Александрии и других местах [55, стр. 46—52].

Наши источники, в частности документы Генизы, свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь сильной экономической и социальной дифференциации в среде ремесленников [43, стр. 89—90]. Наемный труд в ремесле считался, по крайней мере среди членов иудейской общины, униженным, сходным с рабством, ибо предполагал зависимость от другого лица, и был поэтому мало распространен. Плата за труд веками оставалась стабильной и колебалась от 1,5—3 дирхемов в день для неуклюжего работника или исполняющего грубую работу до 4—7 дирхемов для опытных мастеров [43, стр. 92, 99, 129].

В заключение этого краткого раздела хотелось бы обратить внимание на спорность двух положений Р. Барави. Так, этот ученый, исходя из того, что основы египетских ремесленных объединений фатимидского периода были заложены в византийский период, под влиянием римской цивилизации, утверждает, что византийские цехи после арабского завоевания не только сохранились, но и развились и что появились даже неизвестные ранее цехи «для выполнения определенных экономических и социальных функций» [291, стр. 186].

Что касается первой части рассуждения Р. Барави, необходимо учесть, что при всем сходстве в развитии общественных институтов фатимидского Египта и Византии X—XII вв. и возможности византийского влияния и в этом направлении в египетском ремесле существовала непрерывная многовековая традиция, а тем самым — более глубокие исторические корни ремесленных объединений [см., например, 133, стр. 19].

Второе положение Р. Барави вызывает более решительное возражение: все корпорации византийского времени не могли сохраниться хотя бы потому, что, как говорилось выше, в арабскую эпоху постепенно прекратили свое существование крупные поместья, в составе которых было множество ремесленных объединений; центр развития ремесла при арабах переместился из имений крупных землевладельцев и монастырей в города [133, стр. 24].

Отсутствие в наших источниках подробных известий о средневековом египетском городе делает неубедительным и утверждение Р. Барави о появлении после арабского завоевания новых цехов и о том, что цехи в фатимидскую эпоху имели столь же большое значение, как в европейских странах до Великой французской революции [291, стр. 185]; значение цехов, как и степень их развития, в разных странах Европы, в разных городах и даже в одном и том же городе в эпоху

средневековья было далеко не одинаково! Можно лишь с большой осторожностью предполагать, что египетские ремесленные объединения при Фатимидах отличались от европейских (при всем разнообразии последних) прежде всего своей зависимостью от государства, будучи рассчитаны в первую очередь на обслуживание двора и феодальной столичной верхушки: это сближало их с византийскими корпорациями, также не игравшими никакой политической роли. Как и в Византии, положение ремесленников, особенно столичных, было двойственным: с одной стороны, они зависели от заказов двора и знати и видели в них источник своего существования; с другой — они постоянно чувствовали на себе надзор и контроль государства, ограничивавшего размеры прибыли, препятствовавшего расширению производства.

Барави приписывает всем цехам существование официальной трехчленной иерархии, «подобной той, что существовала в Англии в XIII в.». Это его утверждение основано на толковании слов «муаллим» как «мастер» (строительного дела) и «ракас» и «нисф ракас» как «поденщики», т. е. бывшие ученики, закончившие свое учение и получавшие за работу пропитание и поденное жалованье [291, стр. 188]. Сходные терминны, относящиеся к тому же ремеслу, включая и «саби» (ученик), имеются и в документах Генезы и в папирусе X в. [43, стр. 93, 96, 164; 46, VI, № 386]⁵¹. Но полное отсутствие фатимидских цеховых уставов делает и это положение Барави необоснованным. Обучение мастерству, скорее всего, было личным делом каждого ремесленника⁵²; кроме того, нельзя переносить представление о порядках в строительном деле, требовавшем большей кооперации, на все прочие ремесла. Рассуждения Барави об участии старост в определении цен и жалованья также не основаны на данных источников [29], стр. 189]⁵³.

⁵¹ Оба эти текста не дают возможности точно определить названные терминны. А. Громани видит в *нисф ракас* не поденщика, а мальчика для личных услуг. Гонтейн определяет *саби* как наемного работника, считая, что по найму работали только в юности, чтобы изучить ремесло или профессию [43, стр. 93]. Однако в другом месте Гонтейн толкует *саби* как ученик [43, стр. 164]. «Ракас» он считает наемным работником низкой квалификации, «мальчиком на побегушках», что близко к толкованию Громаниа [43, стр. 94].

⁵² В византийском Египте корпорация также не вмешивалась в процесс обучения. «Это объясняется, вероятно, тем, что договор об обучении считался частным контрактом между учителем и представителями ученика. Института ученичества и, следовательно, цеховой иерархии наподобие той, которая существовала в средневековых (европейских. — Л. С.) цехах, в византийском Египте не было» [133, стр. 93]. Официальные правила, регулирующие ученичество, отсутствовали и в новое время; четкой иерархии внутри цехов вообще не было [154, стр. 59].

⁵³ В новое время старосты ремесленных цехов не принимали участия в этом деле; цены на продукцию определял муктасиб. Для сравнения укажем, что кроме обязанности распределять между членами гильдий

СЕЛЬСКОЕ РЕМЕСЛО. ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

Крестьянское хозяйство в фатимидский период в основном оставалось натуральным. Даже в XVIII в. в египетской деревне крестьяне разводили необходимые для их существования культуры. Материалом для жилищ служил нильский ил, а пальмы и дикие смоковницы использовались для изготовления предметов домашнего обихода и шли на отопление. Из овечьей и верблюжьей шерсти крестьяне изготавливали грубые и дешевые ткани для одежды. Каждая деревня имела свою мельницу, в некоторых были свой плотник и кузнец [79, стр. 28 и сл.].

В то же время в городах фатимидского Египта, как и вообще в средневековых городах Востока и Запада, не наблюдалось полного отделения ремесла от сельского хозяйства. Города были обычно окружены полями и садами, принадлежавшими отдельным горожанам, что в значительной степени удовлетворяло их нужды в продуктах питания и сырье для ремесла; даже в столице жители имели молочный скот [291, стр. 195; 43, стр. 75; 21, I, стр. 304, 308]⁵⁴.

Однако определенный обмен между городом и деревней существовал, особенно в Нижнем Египте, где харадж, как говорилось, вносили деньгами⁵⁵.

Внутренняя торговля Египта была рассчитана в основном на снабжение столицы и приморских городов севера; в них ввозили главным образом зерно и фрукты [см., например, 46, VI, № 396, 397; 48, № 16]. Основным торговым путем внутри страны был Нил. Александрия благодаря своему каналу, Дамietta и Тиннис через рукава Нила были связаны с внутренними областями страны [291, стр. 132]. «Фрукты и все продовольствие в город привозят из деревень Египта», — говорится у Насира Хосрова о Тиннисе [5, стр. 95].

Наряду с продуктами питания предметом внутренней торговли служило и сырье для ремесла. В Тиннис и Дамьетту льняную пряжу для ремесла доставляли посредники из дере-

общую сумму налога шейхи выполняли тогда и ряд других функций: выступали арбитрами в случаях споров, давали разрешение на занятие ремеслами, поставляли рабочую силу предпринимателям (XIX в.) [154, стр. 101]. Бар указывает также на присущую всем векам в исследуемый им период слабость «корпоративного духа» [154, стр. 116]. То же и у Барани: приведенный им пример о «духе сплоченности», царившем, по его мнению, среди ремесленников [291, стр. 187], как замечает сам автор, относится не к ремесленникам, а к ученикам.

⁵⁴ Известен факт аренды (*музараа*) земли у некоего земельного собственника двумя горожанами, относящийся к концу X в. [51, № 1085].

⁵⁵ Так, Ибн Маммат писал, что зерно с земель *аббас*, ежегодно измеряемых, как правило, продавалось; если вырученных денег не хватало для уплаты хараджа, необходимую сумму набирали из других доходов [71, стр. 14—15].

вень [291, стр. 141], вероятно подчиненные управлению «тираз».

Известно, что купцы обычно отправлялись в деревни, чтобы лично наблюдать, как мнут и треплют лен, ибо от этих операций во многом зависело качество волокна. Лен обычно закупали в небольших городах, например в Бусире, центре льноводства, расположенном к востоку от Файйума [43, стр. 224]. Кочевые арабские племена Саида, разводившие овец, поставляли в города шерсть [291, стр. 185]. Известны четыре египетских селения, в которых производился лак, использовавшийся городскими ремесленниками [43, стр. 118]. Сохранилось известие о том, что частное лицо приобрело лен в селении Дандар (Дельта), принадлежавшем государству [43, стр. 249, см. также стр. 243]. О наличии внутреннего обмена говорят и данные папирусов, где в числе товаров упоминаются сахар, бумага, книги [51, № 1072, 1089].

Центрами обмена между городом и деревней были рынки, имевшиеся во многих городах и собиравшиеся или в праздничные дни, или в другие определенные дни недели, или ежедневно. О Гизе, например, известно, что «каждый день там — большой рынок, куда из областей привозят довольно много различных товаров и собирается много народа» [66, I, стр. 302; см. также стр. 89—94; 21, I, стр. 316—319, 321—322, 325—326, 340; 33, III, стр. 393, 661]. Судя по упоминанию в декрете Хафиза от 1134 г. о беспрепятственном провозе монахами в монастырь св. Екатерины закупленного ими зерна и различной провизии, потребителями сельскохозяйственных продуктов были и христианские монастыри Синая [55, стр. 46—52].

Крупным центром и внутренней и внешней торговли в первую половину фатимидской эпохи оставался Фустат. Значение его объяснялось выгодным географическим положением на берегу Нила, между Верхним и Нижним Египтом, вблизи того места, где от Нила отходят главные рукава. Через Нил Фустат был связан со всей страной — от Асуана до Средиземноморья. «В Мисре (Фустате. — *Л. С.*) столько лодок и судов, сколько не найдется в Багдаде и Басре, вместе взятых», — писал Насир Хосров [5, стр. 125]. От Фустата шли и караванные пути в Хиджаз, Сирию, Магриб. Основание Каира, появление там двора и войска сначала не умалило роли Фустата. Каир был лишь военным лагерем, Фустат же оставался его главным источником ремесленных изделий и продуктов питания. «Товары (по Нилу. — *Л. С.*) везут в Миср и доставляют к самым дверям бакалейных лавок по воде», — говорится в книге того же путешественника [5, стр. 98].

Однако постепенно главным центром внутренней торговли становился Каир, и значение Фустата падало. Население

Каира увеличивалось и за счет притока сельских жителей; Ибн Кинди пишет о Файйуме, что если в каком-либо году уровень Нила был ниже обычного, то в Каир уходила целая деревня [66, I, стр. 250]. Мукаддаси уже в 987 г. называл Каир городом более крупным, чем Багдад [30, стр. 199]⁸⁶. При этом государственный надзор за внутренней торговлей, особенно за розничной торговлей провизией (доставляемой по Нилу), был очень строг и поборы сравнительно велики [43, стр. 299, 345; см. также 159, I, стр. 67].

Известен лишь один случай отмены недоимок «незаконных», т. е. не предусмотренных Кораном, налогов («мукус»), взимавшихся с крестьян, привозивших в столицу зерно на продажу: он имел место при окончательном утверждении у власти халифа Хафиза, т. е. в 1131 г. [18, стр. 75]. Впоследствии, до правления Салах ад-дина, налог этот взимался, как видно, по-прежнему в полном объеме.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Представление о внешней торговле фатимидского Египта, сложившееся на основе трудов известного историка левантской торговли В. Хейда, а также Р. Барави и Б. Льюиса, в настоящее время благодаря документам Генизы и публикации «Китаб ал-минхадж» Махзуми делается более полным и конкретным. В первые века мусульманского господства торговые связи Египта, по существу, ограничивались обменом с другими частями халифата и в небольшой степени — с Византией и Нубией. Фатимиды сохранили эти связи. Торговля с Ифрикией и Магрибом не прерывалась и после отпадения этих областей от Египта. Оттуда вывозили фрукты, кожи, оливковое масло, горный хрусталь; из Барки — шерсть, мед, смолу, жертвенных животных; в Магриб вывозили преимущественно сахар и лен [186, стр. 54 и сл.; 5, стр. 122].

Несмотря на враждебные отношения с исламскими Омейядами, Египет поддерживал некоторые торговые связи с Испанией, через которую египетские товары попадали в Португалию, Францию, в возможно, и в Англию. Во время бедствия при Мустансире андалусские купцы привозили в Египет пшеницу и ячмень, а вывозили драгоценности [291, стр. 232]. Из Испании доставляли шелк и бумагу особенно высокого качества [43, стр. 81, 303; 228]. Из Сицилии Египет ввозил тонкое полотно особого сорта, кожи, шелк-сырец и полосатые шелковые ткани; связи с нею сохранялись и после норманн-

⁸⁶ Испанский купец Бенджекин Тудельский, посетивший Египет в 1169 г., нашел старый Каир (Фустат) уже полностью разрушенным [12, I, стр. 230—231].

ского завоевания и даже во время набегов норманнов на северные египетские гавани [5, стр. 103—104; 214, стр. 56]. С Кипра и Крита Египет вывозил мед и воск [291, стр. 232].

Торговал Египет и с другими арабскими странами: с Йеменом, откуда вывозили ладан, с Ираком⁵⁷; из Омана и с побережья Персидского залива доставляли жемчуг; в Хиджаз в ограниченном количестве ввозили зерно [291, стр. 233]. Поддерживались торговые связи с Сирией (ненадолго прерванные крестоносцами), откуда вывозили баалбекские ткани, оружие, медные изделия [5, стр. 46, 51], а также с Ираном и Средней Азией⁵⁸.

Выше говорилось о сложных отношениях Египта с Византией. Длительные периоды враждебности и стремление византийского правительства к монополии внешней торговли не способствовали развитию торговых отношений между ними. И все же некоторый обмен существовал, так как византийские ткани по качеству уступали египетским, а Египет был заинтересован в получении через Византию мехов и других восточноевропейских товаров⁵⁹. При этом не исключена была возможность и прямых торговых связей с Русью и с волжскими булгарами [224, 1, стр. 389; 12, стр. 236; ср. 223, стр. 21].

Магриб связывал Египет караванными путями с бассейнами Нигера и Сенегала. В начале фатимидской эпохи существовал прямой путь между Египтом и Ганой через Сахару, который из-за песчаных бурь был заброшен, и единственным стал путь через Магриб и Сиджилмасу, по которому в Египет доставляли золото, слоновую кость, рабов [291, стр. 233—235]. Из Нубии, как говорилось выше, вывозили кожи, а так-

⁵⁷ Так, будущий везир Маиун ал-Батанли появился впервые в Египте на большом базаре Фустата в качестве иракского купца [18, стр. 69]. По-видимому, объем торговли был здесь небольшим. Известно, что Фатимиды, утвердившись в Египте, прекратили экспорт тканей в Ирак [252, стр. 74].

⁵⁸ Из Ирана ввозили парчовые занавеси, шелковые ткани, пряники [293, стр. 302; 43, стр. 60].

⁵⁹ Укажем, кстати, что Мустансир еще накануне «великого бедствия» был вынужден просить у Константинополя помощи, и ему было обещано 400 тыс. арабских зерен; но император Константин Мономах (1042—1065) умер, не успев выполнить обещания. По сообщению египетских источников, его преемница императрица Феодора (1055—1056) потребовала у Мустансира активных военных действий против сельджуков, что не было осуществлено, и Египет зерна так и не получал [см., например, 18, стр. 6—7; 208, стр. 832]. Однако А. Хамдани, основываясь на немалом источнике XI в. «Сират Муайяд фи-д-дина» («Жизнеописание») упоминавшегося выше фатимидского эмиссара Муайяда фи-д-дина, утверждает, что отказ от снабжения Египта зерном был результатом давления на Византию сельджукской дипломатии [220, стр. 189].

Что касается изделий ткацкого ремесла, то возможно, что в Египет ввозились и некоторые виды византийских тканей, о чем говорилось выше.

же рабов, золото и верблюдов⁶⁰, из Эфиопии — рабов и кожи [291, стр. 237; 5, стр. 122].

Однако Фатимиды не ограничились сохранением старых торговых связей. Период их правления совпал с подъемом итальянских городов, которые начали торговать с Египтом, ближайшей к ним восточной страной, еще до завоевания его Фатимидами. Первенство принадлежало Амальфи (IX в.), затем шли Венеция (начало X в.) и Генуя (XI в.; возможно, что последняя была посредницей в торговле Египта с Англией). Позже генуэзской торговле особенно покровительствовали халифы Хафиз и Адид. При Амуре торговлю с Египтом начала Пиза [224, I, стр. 392].

Все же в XI в. преобладание мусульманского флота в Средиземноморье было бесспорным, причем в магрибский период важнейшим перевалочным пунктом в торговле Европы с Востоком (т. е. Юго-Восточной Азией и Левантом) и стран Средиземноморья между собой являлась Ифрикия. После фатимидского завоевания эта роль перешла к Египту, флот которого контролировал Восточное Средиземноморье, по крайней мере до вторжения крестоносцев.

Судя по трактату Махзуми, а также по документам Генузы, из Европы в Египет ввозили дерево, о чем говорилось выше, драгоценные металлы, железо, смолу и ткани, — кроме византийских, фландрские драпы, итальянские и испанские сукна, шелка, а также шелк-сырец. Из Египта вывозили лен, превосходивший по качеству европейский, ткани, употреблявшиеся главным образом для убранства церквей, натр, квасцы, соль, сахар.

Основной же статьей вывоза были товары восточного происхождения, преимущественно пряности: перец, гвоздика, мускатный орех, корица, а также благовония, требовавшиеся в большом количестве для церковных служб: ладан, мускус, амбра, камфара [38, стр. 227]. Через Египет в страны Индийского океана доставляли кораллы, лекарства [43, стр. 47].

Однако с XII в. в Средиземном море установилось господство европейского флота; европейское купечество стало торговать с Левантом без посредства мусульман⁶¹, и роль египетского флота в Средиземноморье, а следовательно, и доходы от транзитной торговли стали уменьшаться.

Вместе с тем утверждение Фатимидов в Египте способ-

⁶⁰ Об одной долине, расположенной, как видно, где-то на севере Нубии, Насир Хосров пишет: «Мне говорили, что нигде нет породистых верблюдов лучше, чем на той равнине; их вывозят оттуда и в Египет, и в Хаджазу» [5, стр. 146; см. также 5, стр. 99; 66, I, стр. 190; 271, 272].

⁶¹ Этому способствовало и появление в конце XI в. новых типов кораблей, могущих плыть из Испании или Франции в Египет и страны Леванта, не заходя в промежуточные порты [43, стр. 31].

ствовало восстановлению древних торговых связей Египта с Востоком, прерванных в VI в. персо-византийскими войнами.

В дофатимидский период главный путь, ведущий в страны Юго-Восточной Азии, проходил через Персидский залив, крупнейшим портом которого была Басра. Попытка вступить в восточную торговлю, сделанная еще Ибн Тулуном, не имела успеха. Фатимидам же удалось отвлечь основной поток восточных транзитных товаров от Персидского залива в Красное море, над берегами которого они установили строгий контроль.

Товары эти из йеменских гаваней (Аден, Джидда) доставлялись в порты Средиземного моря или по Красному морю, или через Красное море и пустыню к Нилу, а затем вниз по его течению. Главным торговым портом Красного моря при Фатимидах был сначала Кулзум (у современного Суэца), а затем Айдаб на суданском берегу, быстро ставший соперником Сирафа и Басры⁶⁹. Выросло значение других больших городов, расположенных по Нилу: Асуана — у южной египетской границы, Куса — на конце караванного пути от Красного моря, Кифта, расположенного между Асуаном и Фустатом. Б. Льюис предполагает, что торговая экспансия Фатимидов на Востоке, особенно в Индии, тесно связанная с религиозной пропагандой, была частью их общего плана, имеющего целью ослабление аббасидского халифата; план этот включал не только отвлечение торговли от Персидского залива, но и установление контроля над важнейшими пунктами этого пути, т. е. по существу предусматривал экономическую блокаду Аббасидов. По мнению Б. Льюиса, именно с этой целью Фатимиды привлекли к себе мятежное население северного побережья Персидского залива, основав здесь свои опорные пункты, а на другом конце этого пути, в важнейшем центре сухопутной торговли Мультане, утвердили в конце IX в. исмаилитскую династию [243, стр. 51, 54].

Однако, судя по Ибн Хаукалю, на которого ссылается Б. Льюис, воинственные жители Кермана восприняли исмаилизм при первых Фатимидах, когда Ифрикия еще не потеряла своего торгового значения, а главной целью халифов было упрочение их власти в Магрибе [15, стр. 221; 16, стр. 310]; утверждение исмаилитских династий в Западной Индии, в том

⁶⁹ «Город Айдаб лежит на берегу моря... Он подчинен египетскому султану. Там находится таможня, так как туда прибывают суда из Абиссинии, Занзабара и Йемена, отсюда товары везут на верблюдах по той пустыне, по которой ехали мы, до Асуана, а из Асуана на судах по реке Нилу доставляют в Миср» [5, стр. 144].

Что касается Сирафа, то упадок его в XII в., по-видимому, не был полным, судя по сохранившимся сведениям о жившем в нем купце Рамшихе (ум. в 1140 г.). Рамших торговал с Индией; владел огромными богатствами, он жертвовал большие суммы в Мекку с благотворительными целями [277].

числе и в Мультане, о чем говорилось ранее, произошло еще до возникновения фатимидского государства, что делает предположение о плане торговой блокады малоубедительным.

Более близок к истине, по нашему мнению, А. Хамдани, полагающий, что в первое время Фатимиды проявляли осторожность и не входили в серьезное соперничество с аббасидской торговлей; хотя со времен «сокрытия» Фатимиды имели своих «дан» в Индии, они не использовали их в своих коммерческих целях [220, стр. 189]. Восстановление красноморского пути было, как видно, естественным и длительным процессом, приходящимся на египетский период, причем, как показывают материалы Генизы, важнейшей причиной перемещения центра активности египетского купечества был постепенный переход торгового первенства в Средиземном море к европейским державам [43, стр. 149; 244, стр. 599—600].

Восстановлению красноморской торговли, несомненно, способствовали и изменение политического курса Фатимидов после потери ими западных владений [220, стр. 189] и действия бахрейнских карматов, затруднявшие движение купцов по Персидскому заливу, а также общее сокращение торговли аббасидского халифата как следствие его неуклонного политического распада.

С установленным фатимидским господством в этой области связано и усиление торговых связей Египта с Китаем, основной статьей вывоза откуда были изделия из стекла и фарфора [268].

Фатимиды сохранили свое влияние на Красном море и после потери ими других своих территорий [243, стр. 52].

КУПЕЧЕСТВО

Во внешней, как и во внутренней, торговле очень большую роль играло государство в лице халифа⁶². Как то было характерно для всего средневекового Востока, во внешней торговле в различных формах принимала участие и феодальная знать. Так, Ибн Давадари, перечисляя богатства внука Барджавана — опекуна юного Хакима, оставшиеся после его

⁶² Так, при описании сирийского Триполи у Насира Хосрова говорится: «У султана (т. е. Мустафисра.—Л. С.) есть там суда, которые ходят в Рум (Византию.—Л. С.), на Сицилию и в Магриб и ведут там торговлю» [8, стр. 51]. Одни из сохранившихся документов Генизы, относящийся к 1131 г., показывает, что наблюдение за товарами и людьми на кораблях халифа осуществлял специальный надзоритель, подчинившийся не капитану корабля или чиновникам ведомства флота, а главному судье Александрии. Впрочем, говоря о собственности халифа, следует иметь в виду, что понятия «правитель», «правительство» и «государство» в те времена не были достаточно разделены, особенно в применении к движимому имуществу, каковым являлись корабли [139, стр. 36].

убийства, называет и товары (мата) [13, стр. 265]. Ибн Муйассар сообщает о товарах, являвшихся частью наследства везира Ибн Самсама [18, стр. 56]. К торговле был причастен и везир Ибн Кьялис [61, I, стр. 32].

Собственниками кораблей, ведших международную торговлю, могли быть не только халифы, но и другие члены правящей династии, военачальники, заместники. Крупным владельцем торговых кораблей, например, был хамданид Насир ад-Даула, о котором речь будет ниже (фактический правитель Египта во время «великого бедствия»), а также его брат Фахр ал-Араб [43, стр. 310].

Мусульманские кадии, которые обычно в то же время занимали и другие важные должности, нередко являлись собственниками нескольких судов [43, стр. 311—312; см. также 28, стр. 148—149, 183, 207—209].

Немалую роль во внешней торговле, по-видимому, играло и самостоятельное купечество, причем египетские подданные, занимавшиеся внешней торговлей, были обычно не египтянами, а иудеями, персами, вавилонянами [100, стр. 370—371; 43, стр. 148]. Заняв место Ифрикии в транзитной торговле, Египет привлек отсюда немало активных элементов, что получило отражение в документах Генизы. Переселение многих магрибинских купцов в Египет, начавшееся с XI в., было прервано в середине этого столетия и стало особенно интенсивным во второй его половине [43, стр. 32]. В X в. наблюдалась эмиграция в Египет и купцов из Ирака, напуганных грабежами и беспорядками [236, стр. 65].

В середине XI в. миграция шла в обратном направлении: согласно Ибн Муйассару, во время «великого бедствия» многие египетские купцы бежали в Сирию и Багдад, захватив с собой сокровища из разграбленного халифского дворца (в том числе 30 тыс. изделий из хрусталя, 75 тыс. дорогих одежд, 21 тыс. кольчуг, 20 тыс. мечей, золото и рукописи сочинений, одно из которых, состоявшее из 30 томов, Ибн Муйассар видел сам) [18, стр. 20].

После «великого бедствия» по повелению Мустансира для восстановления хозяйства в Египет из Сирии были привлечены богатые влиятельные люди, среди которых, несомненно, были купцы [18, стр. 30].

Египетские купцы активно действовали не только на отрезке транзитного пути от Красного моря до Нижнего Египта, но и сами доходили до Индии, Китая и других стран Юго-Восточной Азии. Известно, например, что арабский купец XII в. Абу-л-Аббас ал-Хиджази (вероятно, выходец из Хиджаза), владелец торгового флота, провел 40 лет в Китае, а затем обосновался в Египте. Семеро его сыновей жили в Индии, Китае, Эфиопии, на Цейлоне и островах Индонезии. Овладев чужими языками и деловой практикой, они посыла-

ли товары отцу в Египет в обмен на товары из Европы и Магриба [236, стр. 68; 291, стр. 238—239].

Купцы, как правило, торговали не одним, а несколькими или даже многими видами товаров. Так, Исаак ан-Нишапури (конец XI — начало XII в.), александрийский купец персидского происхождения, вел торговлю красителями, стеклом, шелком, кораллами, амброй, воском, мельничными жерновами и т. д. [43, стр. 153]. Нахрай ибн Ниссим, прибывший в Фустат из Кайруана и проведший там большую часть своей жизни, торговал самыми разнообразными товарами [43, стр. 153—154]. Крупной фигурой в транзитной торговле в начале XI в. был иудейский купец Ибн Аукал, постоянно живший в Фустате; он специализировался на жемчуге и хрустальных изделиях [43, стр. 158]. Торговлю предметами роскоши, доставлявшимися из Ирака, Византии, Магриба и, вероятно, Индии, вели два известных брата-иудея — Абу Саид Ибрахим ибн Сахл ат-Тустари и Абу Наср Харун ибн Сахл ат-Тустари, занимавшиеся наряду с этим и банковским делом и поставлявшие товары ко двору; их деятельность началась при Хакиме и продолжалась при Мустансире, до 1048 г. [203, стр. 68 и сл.; 43, стр. 164 и сл].

Именно купцы, и прежде всего члены больших торговых домов, например Тансави, египетских льноторговцев, были самой большой группой собственников кораблей. При этом они, в отличие от упоминавшихся выше владельцев судов из военной знати, сами имели дело с покупателями [43, стр. 316]. Уже в XII в. существовало объединение купцов, ведших торговлю с Востоком и известных под названием каремитов, расцвет деятельности которых падает на мамлюкскую эпоху [291, стр. 265; 27, т. 2, ч. 1, стр. 92—93; 146, стр. 52]⁶⁴. Возможно, что организация каремитов, связанных общими профессиональными интересами, в том числе интересами безопасности, была близка к западноевропейским купеческим гильдиям раннего средневековья, хотя какие-либо письменные статуты относительно каремитов неизвестны.

Торговое сотрудничество

Принципы кооперации и взаимопомощи вообще играли большую роль во внешней торговле фатимидского Египта.

Соучастие выражалось во взаимном обмене купцов разного рода услугами (покупка определенных товаров, информация о ценах, покупателях, движении судов и караванов). Странствующие купцы обычно брали с собой товары их де-

⁶⁴ Е. Антор полагает, что объединения мелких, а возможно, и крупных купцов, ведших заморскую торговлю, имелись и ту эпоху и в Сирии [148, стр. 87].

ловых корреспондентов или наблюдали за их перевозкой [43, стр. 165—166]. Развита были формы сотрудничества, при которых один состоятельный человек (или группа лиц) давал другому деньги или товары для торговли; прибыль, получаемую обеими сторонами, законоведы различных школ определяли по-разному, очень часто она делилась поровну [см., например, 43, стр. 72, 164, 171, 186, 311] ⁶⁵. Особенно распространено было соглашение типа «кирад» (или, что то же самое, «мударараба», или «мукарада»), близкое к европейской комменде ⁶⁶.

Разнообразные торговые соглашения были наиболее популярным средством приложения капитала. При этом один купец мог входить одновременно в несколько различных торговых компаний. Как и в других странах Средиземноморья той эпохи, в фатимидском Египте существовал и семейный торговый компаньонаж, когда его официальными участниками были члены одной и той же семьи; примером такого сотрудничества может служить семья Тахерти из Кайруана, к которой принадлежал и упомянутый выше Нахрай ибн Ниссим. Ее деятельность охватывала Испанию, Магриб, Египет [43, стр. 177, 181]. При заключении таких соглашений главный компаньон регистрировался правительством с целью взимания определенных сборов [43, стр. 269—270].

Торговый компаньонаж мог быть и скрытой формой найма, так как идея службы, как говорилось, была чужда сознанию людей того времени, и скрытой формой займа, ибо заем влек за собой установление некоторого рода зависимости

⁶⁵ Текст контракта о вложении денег одним египетским ученым в купеческое предприятие (последняя треть XI в.) см. [43, стр. 175—176].

⁶⁶ Комменда появилась в Европе (Италия) в X—XI вв. и в течение нескольких веков была одним из основных юридических положений, регулирующих заморскую торговлю. Простейшая форма комменды — соглашение о вкладе в торговлю денег или товаров, связывающее вкладчика и исполнителя (агента, купца); в случае успеха вкладчику возвращается сумма его основного капитала вместе с обусловленной долей прибыли; в случае неудачного плавания всю ответственность за полную или частичную утерю капитала нес только вкладчик, что и было основой чертой комменды.

А. Удович, исследуя близкие к комменде институты — иудейский *нема* и византийскую «*сhreskoinonia*», пришел к выводу, что эти ранние институты, не обладая главным признаком комменды, вряд ли могли оказать влияние на ее формирование. Напротив, мусульманский *кирад*, широко практиковавшийся в дальней караванной торговле еще в доисламской Аравии, обладал этим признаком, т. е. в нем не предусматривалась ответственность агента (кроме случаев нечестных манипуляций с его стороны). На этом основании А. Удович высказывает весьма правдоподобное предположение: древний институт *кирад* в условиях оживленных торговых связей мусульманского мира с Южной Европой мог трансформироваться в позднейшую итальянскую «*commenda*» [282]. Проблеме соглашения *кирад* применительно к Ифрикия XI в. посвящено специальное исследование алжирского ученого Х. Идриса [227].

[43, стр. 92—93, 163, 171, 174]. При отсутствии формального страхования своевременная помощь (деньгами или товарами) обычно спасала купца от банкротства [43, стр. 204].

Торговое представительство

Европейские купцы имели свои склады в столице и Александрии; амальфитянам в X в. и пизанцам в XII в. разрешалось углубляться в страну; деятельность остальных европейцев ограничивалась определенными гаванями [38, стр. 265; 12, I, стр. 237]. Но магрибинским купцам даже при напряженных отношениях Фатимидов с наместниками Магриба были доступны самые отдаленные места Верхнего и Нижнего Египта. Так, Нахрай ибн Ниссим часто ездил из столицы Египта в центры разведения льна, лично наблюдая за его обработкой, что делал каждый хороший купец [214, стр. 58]⁶⁷. Крупные мусульманские купцы имели в больших городах свои дома, где они хранили товары и заключали сделки. Тот же Нахрай ибн Ниссим имел дома в Кайруане, Александрии, Фустате, Иерусалиме⁶⁸.

Представителем иноземных купцов, не имевших возможности лично вести дела в Египте, был так называемый вакил ат-туджжар (или «накид»). Типичной в этом отношении фигурой являлся иноземец, долго проживший в стране. Так, купец Абу Зикри Иудах Коэн, иудей из Сиджилмасы, долго жил в Фустате и, будучи представителем магрибинцев, содействовал из деятельности в Египте и на путях в Индию [43, стр. 192]⁶⁹.

Представители эти имели свои ведомства. Среди привлеченных в Египет при Мустансире людей с капиталом был, например, богатый человек из Цезарен, который открыл в Фустате такое ведомство — «дар викала» — и был утвержден как «вакил ат-туджжар» [18, стр. 30, 39, 80]⁷⁰. По приказанию везира Мамуна в 1121-22 г. в Каире был открыт «дар викала» для купцов из Ирака и Сирии [18, стр. 62].

⁶⁷ В письме, относящемся к середине XI в., говорится, что магрибинский купец Иосиф Тахерти, подобно многим своим соотечественникам, находился в Бусире для покупки льна и наблюдения за его вычесыванием и упаковкой [43, стр. 377; см. также 43, стр. 59—60].

⁶⁸ [43, стр. 61, 248]. Складами и местами сделок служили и каравансарай и так называемые фузулки [43, стр. 349].

⁶⁹ В то время как один купец жил в Египте долгие годы, другие находились в нем непродолжительное время (братья Тахерти), третьи проводили там торговый сезон, обычно лето (зимой движение кораблей по Средиземному морю прекращалось) [214, стр. 58].

⁷⁰ По справедливому замечанию С. Гонтейна, институт *вакил ат-туджжар* имел нечто общее с консулатом итальянских торговых колоний в Леванте [43, стр. 192].

Отношение Фатмидов к иностранным купцам было весьма доброжелательным. Известен лишь один случай их преследования: в начале XII в. беэр Афдаль заточил генуэзских купцов, находившихся в Фустате, в тюрьму, так как их соотечественники участвовали в захвате крестоносцами прибрежных городов Сирии и Палестины [18, стр. 42] ⁷¹.

Наряду с профессиональным купечеством некоторую роль в международной торговле играли и паломники ⁷².

Пошлины, налоги. При ввозе товары облагались пошлиной соразмерно их стоимости, причем европейские купцы обычно уплачивали пошлину от 16 до 35%; с мусульман взимался ушр, не обязательно равнявшийся 10% [291, стр. 268] ⁷³. Пошлины взимались не только на границе, но везде, где правительство считало необходимым устроить таможи (например, в Фустате) [43, стр. 341]. Каждый склад (так же как любая лавка) имел лицензию, согласно которой уплачивался месячный налог [43, стр. 269]. Благодаря этим лицензиям правительство держало частную торговую деятельность под постоянным контролем. Поборы взимались и при акте продажи, обычно происходившем при посредстве маклеров («симсар» или «даллал»).

Обычно за купленные европейские товары платили на одну треть деньгами и на две трети квасцами: Фатмиды отрицательно относились к утечке монеты из страны, между тем квасцы, являясь элементом процесса крашения, были крайне необходимы для европейского ткацкого ремесла ⁷⁴. Поборы взимались и при вывозе товаров. Пошлины и плата за транспорт, по крайней мере в первую половину правления Фатмидов, не были чрезмерными, что способствовало развитию

⁷¹ Известно также о тщательнейшей проверке личности купцов, произведенной Мамуном после гибели Амира с целью поимки его убийц (о которых будет речь далее): «...На одному погонщику верблюдов не разрешалось войти в страну, пока не станет известным [срок его] ухода. И не входил караван, не представиши и диван реестр [с указанием] числа купцов, их имен, имен их слуг и погонщиков верблюдов и с перечислением видов товаров для допуска его в город Бильбейс и по прибытии ко вратам [столицы]» [18, стр. 55—56].

Отметим, что одновременно с той же целью в Каире и Фустате была проведена перепись населения, причем в реестре указывалось занятие каждого лица; запрещалось также переселение из одного дома в другой без разрешения властей [там же].

⁷² Паломников привлекала не только Мекка. На всем Ближнем Востоке, особенно в Палестине, было много мест, связанных с памятью библейских героев и более поздних святых; их посещали не только иудеи, но и мусульмане, и христиане. В Египте тоже были святые места, связанные с деяниями Иосифа, Моисея и Аарона [43, стр. 55—56].

⁷³ Таким образом, взимание с немусульман двойной пошлины, предусмотренной шариатом, при Фатмидах не соблюдалось. Попытка Салах ад-Дина восстановить этот обычай успеха не имела [43, стр. 61].

⁷⁴ Квасцы добывались в Верхнем Египте (вблизи Ихиюма, Асуута, Удфу, в Бахивсе), а также ввозились из Йемена [43, стр. 45; 291, стр. 15].

торговли [43, стр. 343—344]. Налоги, взимающиеся при торговых сделках (а также с разнообразного недвижимого имущества) и считавшиеся незаконными, были в свое время полностью отменены Хакимом, но затем, как видно, снова восстановлены и вновь отменены при Салах ад-дине [43, стр. 270; 18, стр. 54] ⁷⁵.

Государственные монополии. Приобретение железа, дерева, смолы (как и добыча квасцов и соды) было государственной монополией; эти товары поступали в особое ведомство («диван ал-матджар»), ведавшее их хранением и продажей; оно находилось в Александрии [71, стр. 22—23] ⁷⁶. На все прочие иноземные товары распространялось положение о первенстве государства при покупке; в лице своих агентов оно обычно выступало первым и главным покупателем, что явно делалось с целью последующей продажи товаров по высоким ценам. Фатимидские торговые агенты иногда приобретали заморские товары по чрезмерно дорогим ценам, а иногда забирали их у иноземных купцов против желания последних [43, стр. 267, 268] ⁷⁷. Рыночные цены на заморские товары устанавливались государством. До этого акта товары задерживали в таможне [43, стр. 218—219]. С. Гойтейн считает государство Фатимидов не только главным производителем и потребителем, но и покупателем товаров; ту же мысль высказывает и С. Лабиб [43, стр. 267; 236, стр. 76]. Все же в торговле, как и в ремесле, государственный сектор отнюдь не исключал частного предпринимательства, что до сих пор учитывалось недостаточно.

В целом же внешняя, а особенно транзитная торговля с Востоком приносила фатимидскому государству огромные доходы в виде пошлин, арендной платы с торговых помещений, прибылей от перевозки товаров, прямого участия в торговле (при оптовой заморской торговле прибыль равнялась 25—50%) [43, стр. 202] ⁷⁸ и прочих поборов, будучи одним из источников его могущества; по-видимому, и события сере-

⁷⁵ О частичной отмене налогов этих товаров при Хафизе упоминалось выше. Согласно Абу Шама, общая сумма отмененных Салах ад-дин в 1171 г. налогов составила 100 тыс. динаров [72, I, стр. 7, 174].

⁷⁶ Однако в Тиннисе и Дамiette некоторое количество леса и железа продавалось свободно [38, стр. 260]. При везире Афдале (1106—1107) в Кане на берегу Нила был построен дар ал-мулк (при Аййубидах он получал название «дар ал-матджар») для хранения этих товаров [18, стр. 42].

⁷⁷ Ибн Тагри-Бирди упоминает одного такого агента — некоего Абу Абдаллаха ал-Кумми, богатого египетского купца, «торговца тканями [при] хранении Ханима» [68, IV, стр. 224].

⁷⁸ При розничной торговле прибыль могла примерно равняться вложенному капиталу или колебалась от 4 до 14% [43, стр. 203]. Торговый оборот купца в среднем составлял несколько сот динаров и изредка превышал тысячу, что в сравнении с более ранним периодом было весьма значительной суммой [43, стр. 216—217].

дни XII в. не привели к новому разрыву установившихся транзитных связей. Торговую политику Фатимидов продолжали их преемники — Аййубиды и Мамлюки.

К сожалению, проследить изменения в социальной структуре фатимидского Египта в связи с изменениями во внешней торговле, подобно тому как сходные проблемы в последнее время интерпретируются советскими медиевистами-западниками, не представляется возможным.

Можно лишь констатировать явное усиление купечества и в связи с сосредоточением больших богатств в руках государства — основного потребителя ремесленных изделий — рост ремесла и городов (в первую очередь Каира), а также до определенного времени — стабильность и высокий уровень городской жизни в целом, столь контрастирующие с положением в предшествующую эпоху.

Несмотря на возможные преувеличения, подтверждение сказанному можно видеть в словах Насира Хосрова, относящихся к населению Каира: «Никто из них (жителей. — Л. С.) не опасается султана, не страшится шпионов и доносчиков и вполне уверен, что султан никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро... Богатства их я не мог ни сосчитать, ни исчислить и такой спокойной жизни, как люди ведут там, нигде не видел» [5, стр. 130]⁷⁹.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Фатимидская эпоха привлекает большое внимание исследователей денежного обращения в средневековом Египте. Выяснению пробы монет, соотношения денежных единиц, уровня цен посвящены исследования Е. Аштора, А. Эренкрейтца, С. Лабйба. При этом вопросы обращения, как правило, рассматриваются в отрыве от проблем материального производства. Преувеличивая роль денег, эти исследователи считают хозяйство средневекового Египта преимущественно денежным, а фатимидское общество — некоей разновидностью капиталистического, разделяя при этом городское население на мелкую, среднюю и крупную буржуазию и пролетариат.

Наши источники действительно показывают, что денежное обращение в фатимидском Египте было весьма развитым;

⁷⁹ В другом месте, рассказав об одном богатом египетском христианине, согласившемся на определенных условиях снабдить Фустат зерном, Насир Хосров заключает: «Какова же была безопасность населения и справедливость султана, если в его правление бывали такие случаи, создавались такие богатства, и султан никого не притеснял и не обижал, а народ ничего не прятал и не сирывал» [5, стр. 126].

И ниже: «Безопасность и спокойствие жителей Египта доходят до того, что торговцы галантерейным товаром, мясники и ювелиры даже не закрывают дверей; они натягивают только перед ними сетку, и никто не решается украсть что-нибудь» [5, стр. 130].

при этом золотые монеты отличались хорошим качеством. В своей известной декларации Джаухар обещал улучшение чеканки [64, стр. 67]. Обещание в целом было выполнено, чему особенно способствовала реформа Ибн Киллиса и Услуджа ибн Хасана (973 г.), по которой платежи в финансовых ведомствах стали производиться в динарах «муниззи», выпущенных Джаухаром, причем один старый динар («ради») ⁸⁰, пониженного веса, приравнялся к $\frac{2}{3}$ нового [65, стр. 15; 66, II, стр. 6] ⁸¹. Стабилизация динара, повлекшая за собой определенные потери для населения, способствовала упрочению хозяйства страны ⁸². Наряду с золотыми динарами высокой пробы Фатимиды чеканили и серебряную монету — дирхемы. Дирхемы первых Фатимидов были хорошего качества, но со времени Хакима оно стало неуклонно ухудшаться за счет прибавления меди: в стране до крестовых походов постоянно не хватало серебра, доставлявшегося в виде слитков и монет (затем переплавлявшихся) из Европы и Центральной Азии [см. 147, стр. 31] ⁸³.

⁸⁰ Динар чеканился в Египте; назван он был по имени аббасидского халифа Радн (934—940) [см. 203, стр. 54].

⁸¹ А. Эренкрейтц убедительно доказывает, что фатимидские динары, как правило соответствовавшие официальному аббасидскому и североафриканскому весовому стандарту (4,25 г), не могли оказывать влияния на вес тетартерона (золотой монеты облегченного веса, имевшей хождение и в Сирии, которую выпускали византийские власти во второй половине X в.), как полагают некоторые исследователи [199; 196; 2, стр. 192—195]. О выпуске динаров высокой пробы в 20-х годах XII в. см. [18, стр. 62].

⁸² Так, после этой реформы из Фустата в казну в один день стало поступать 50 тыс. (иногда 120 тыс.) мунизских динаров, а из Дамьетты и Ашмунайя — более чем 200 тыс. динаров в день [64, стр. 97; 18, стр. 46].

⁸³ Ухудшение серебряной монеты вело к повышению курса динара. Так, при Муниззе отношение динара к дирхему равнялось 1 : 15,5, и курс дирхема все более падал, дойдя до 1 : 25, а в 1005—1007 гг. — до 1 : 34. Тогда Хаким стал выпускать новые дирхемы с официальным курсом 1 : 18 (или 1 : 16). Во второй половине XI в. официальный курс равнялся 1 : 35, реальный же в первой половине века был 1 : 25, а во второй — 1 : 40 (хотя в некоторые периоды XI и XII вв. он был равен 1 : 35). При этом в конце фатимидского периода дирхем был серебряным лишь на $\frac{1}{3}$, т. е. один настоящий серебряный дирхем (*мухра*) был равен трем низкого качества (*адрак*), а один динар равнялся $1\frac{2}{3}$ дирхема чистого серебра [см. 65, стр. 15—16; 43, стр. 233, 368—392; 213; 145, стр. 119—122].

Р. Барави придает чрезмерно большое значение реформе Хакима, считая, что в результате ее была создана устойчивая биметаллическая система [291, стр. 300]. Более прав, на мой взгляд, С. Лазиб, полагающий, что после Хакима «Египет оставался со своей старой золотой монетой и постоянно испытывал недостаток серебра» [237, стр. 227]. Мушаррафа [293, стр. 177] считает, что устойчивая биметаллическая система в Египте появилась лишь при Амре в 1103 г., когда были выпущены дирхемы «амрийя», но и здесь скудость сведений [см., например, 13, стр. 493] не соответствует категоричности выводов. Во всяком случае, реформы Хакима и Амра были направлены на укрепление денежной системы применительно к нуждам внутреннего рынка, причем золото до конца династии считалось основой чеканки.

В качестве мелкой разменной монеты могли служить стеклянные жетоны, ибо стекло было дешевым местным материалом, а медь требовалось ввозить извне [157]; известно также, что при Мустансире в небольшом количестве была выпущена медная монета [46, VI, стр. 179—180]. В качестве звонкой монеты употреблялся и шелк-сырец [43, стр. 245, 264]⁸⁴. Деньги выступали во всех своих функциях, начиная с меры стоимости. Цены, т. е. денежное выражение стоимости, на зерно, муку и хлеб и другие продукты питания обычно назначали мухтасибы, а в периоды кризисов — сами халифы. За соблюдением установленных цен наблюдали, как уже говорилось, мухтасибы. Так, еще при Джаухаре, в 970 г., назначенный им новый мухтасиб Фустата, магрибинец Сулайман ибн Азза, собрал всех торговцев пшеницей и маклеров в одно место и закрыл все ведущие туда дороги, кроме одной, «и ни один каддах пшеницы не ускользнул от мухтасиба»; торговля разрешалась только в его присутствии и по установленным им ценам. Одинадцать мельников, нарушивших приказ, были подвергнуты телесному наказанию, а затем проведены по улицам для всеобщего устрашения [64, стр. 169—172; 65, стр. 13—16]. В 997 г., когда из-за недорода поднялись цены на зерно, Хаким запретил его собственникам скапливать большие запасы и определил цену каждого вида зерна; виновных в нарушении предписания били кнутом. Были установлены цены и на другие товары [65, стр. 16—18; 74, стр. 65; 13, стр. 277]. Во время голодных лет при Захире мельников заставляли по государственной цене продавать зерно пекарям. Ослушников — пекарей, мельников и маклеров заковывали в цепи и били [65, стр. 27—28]⁸⁵. И позже людям, скопившим слишком много зерна, предлагалось или хранить его до будущего года, т. е. пока оно не испортится, или немедленно продавать по твердой цене [159, I, стр. 49, 53, 63—69]⁸⁶. Фиксация правительством цен на продукты питания была известна и средневековой Западной Европе и особенно Византии [125, стр. 78; 2, стр. 64—66, 123, 225]. Цены эти отнюдь не были произвольными. Здесь уместно вспомнить известные слова К. Маркса: «Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различ-

⁸⁴ Шелк, как утверждает С. Гонтельн, мог играть роль как бы облигации, будучи, таким образом, скорее средством вложения капитала, чем торговлей. Международным шелковым рынком была Александрия [43, стр. 222—224].

⁸⁵ Известно, что Мустансир, борясь со спекуляцией во время «великого бедствия», приказал облачить в одежды торговцев преступников и казнить их для общего назидания [65, 25; см. также 13, стр. 399—400].

⁸⁶ В некоторых случаях (например, при Амире) урегулирование цен на хлеб достигалось путем распродажи зерна из государственных хранилищ по твердой цене [65, стр. 27, 28; 291, стр. 105].

ных товаров по отношению друг к другу, давшие им подчиняться закону стоимости» [1, т. 25, ч. 1, стр. 194].

Поскольку цены на продукты питания и первой необходимости в основном оставались неизменными и в следующую эпоху, при Аййубидах и Мамлюках⁸⁷, которые уделяли этому делу несравненно меньшее внимание, чем Фатимиды, можно полагать, что в общем и целом Фатимиды руководствовались хорошо известным в средние века принципом «справедливой цены» («*justum pretium*»).

Примерами функционирования денег в качестве сокровищ могут служить описания богатств членов правящей династии и их приближенных, о чем отчасти уже говорилось. Так, по словам хронистов, после Джаухара осталось 600 млн. динаров и 4 млн. дирхемов, кроме прочих богатств, после Иби Киллиса — 500 тыс. динаров, после Барджавана — 200 млн. динаров и 50 ирдаббов дирхемов, после визира Мамуна ал-Батайхи — сто сундуков с серебряными дирхемами и чистым золотом [74, стр. 51, 63; 13, стр. 225]⁸⁸.

К накоплению сокровищ стремились и люди низшего социального положения. Так, после смерти одного мастера золотых дел кроме ювелирных изделий и нескольких кувшинов золота и серебра осталось более 454 динаров различных выпусков [43, стр. 264—265].

Фатимидскому Египту был знаком и типичный для той эпохи обычай зарывать деньги в землю, особенно в периоды политической неустойчивости [43, стр. 265].

Деньги как средство платежа выступали в виде налогов (харадж в Нижнем Египте, джизия и др.), откупных взносов, жалованья военным и чиновникам⁸⁹. В этих случаях платежи не были непосредственно связаны с обращением товаров; значительное развитие функций сокровищ и платежного средства само по себе свидетельствовало об определенной ограниченности обмена. Деньги как средство обращения выступали в торговых сделках. О внутренней торговле речь шла выше;

⁸⁷ Обзор ряда исследований по этому вопросу и критику некоторых положений см. [122, стр. 176—178].

⁸⁸ В описании богатств Джаухара и Барджавана у Иби Ийаса явно допущены преувеличения. Как видно, золото и серебро в этой функции выступало не только в виде монет, но и в виде слитков (Иби Ийас сообщает также, что после смерти сестры Муизза Ситт ал-Мульк осталось 300 сундуков чистого золота [74, стр. 47]) и, кроме того, в виде предметов роскоши. Так, после Афдаля кроме 250 ирдаббов дирхемов и прочего осталось 700 золотых и серебряных блюд [61, II, стр. 161; 18, стр. 58].

⁸⁹ Что касается джизии, то в одном папирусе, относящемся к 1000 г., говорится, что Хаким разрешил внести ее лишь деньгами, из чего можно заключить, что в иные времена она взималась и натурой [51, № 1092]. Из другого папируса видно, что если иноверец принял ислам после начала податного года, он не имел права прекратить уплату джизии в этом году [51, № 1181].

заметим лишь, что при этом процесс продажи (по словам С. Гонтейна, «как на средневековых ярмарках Шампани») распадался на две отдельные фазы — собственно продажа и платежи⁹⁰. Во внешней торговле центром финансовых операций между Египтом и Европой стала Александрия; сделки между восточными купцами заключались преимущественно в Фустате⁹¹. Банковое дело при Фатимидах имело и местное и международное значение. Менялы помимо обмена денег принимали вклады, давали займы (хотя займы с процентами не разрешались законами как мусульман, так и иудеев и христиан) [43, стр. 170]⁹². Как в оптовой, так и в розничной торговле была развита система векселей и кредитов [43, стр. 240 и сл.]⁹³. В банковом деле также было развито сотрудничество; главным способом использования денег банхирами было их вложение в различные торговые и прочие операции согласно главному коммерческому принципу того времени: «держат капитал все время в работе» [43, стр. 200, 245—248]⁹⁴.

Резкой грани между функциями денег как средства обращения и мировыми деньгами в фатимидском Египте, как и вообще в средневековом мире, не существовало. Благодаря своему высокому качеству фатимидский динар наряду с ви-

⁹⁰ Обычным сроком уплаты были два месяца. Но могло быть и иначе: торговец шелком в одном маленьком городке Нижнего Египта должен был обманывать своих покупателей, собирая деньги спустя год после продажи [43, стр. 197—198]. При долгой отсрочке бралась проценты, при быстрой уплате давалась скидка.

⁹¹ В самой Александрии центром денежных сделок был сук *ал-сарф* (рынок менял), а в Фустате — *дар ал-сарф* и *дар ал-мавал* (два рынка, для сделок).

⁹² Все же до второй половины XII в. коммерческие займы не имели большого распространения [см. 211; 237, стр. 235, 241].

⁹³ Купцы крупных городов юга имели своих представителей в других городах Египта, ведявших их финансовыми делами. В этом отношении интересно следующее место из сочинения Насира Хосрова: «Когда я был в Ассуане, у меня там был друг... его звали Абу Абдаллах Мухаммед ибн Фалидж. Когда я ехал оттуда в Айдаб, он был столь любезен, что написал письмо своему поверенному в городе Айдабе. — Дай Насиру все, что бы он ни пожелал, возьми с него расписку и присоедини к своей отчетности. — Когда я пробыл в Айдабе три месяца и израсходовал все, что у меня было с собой, мне поверенный пришлось дать письмо тому человеку. Он оказался человеком благородным и воскликнул: Клянусь богом! У меня много его товаров. Что прикажешь дать тебе? Бери что хочешь и давай расписку... Если бы я был человеком бессовестным и стал бы это возможным, я мог бы получить от того человека благодаря письму много всяких товаров. Однако я взял у того человека только сто меш муки... На это количество я дал ему расписку, а он расписку эту отослал в Ассуан» [5, 146—147, см. также 100, стр. 374—375].

⁹⁴ Формой вложения были и займы, предоставляемые правительству. Так, некий иудейский банкир в Каире давал правительству деньги на постройку флота [43, стр. 308]. Бадр ал-Джамали, прибыв из Акии в Египет, взял у купцов Тинниса кроме зерн и денежный заем [18, стр. 23].

зантийской номисмой сделался средством международного обмена в Средиземноморье. Однако в этой функции египетский динар недолго имел широкое применение: уже в первой половине XI в. правители Иерусалимского королевства стали выпускать золотую монету, имитировавшую фатимидские динары (преимущественно эпохи Мустансира и Амира). Псевдофатимидский динар был гораздо худшего качества, что объяснялось или технологической неопытностью крестоносцев, или сознательным стремлением к расстройству денежного обращения враждебного им государства. Однако приток этой низкокачественной монеты привел к вытеснению полноценного фатимидского динара со средиземноморского рынка ⁹⁵.

Недостаток драгоценных металлов, связанный, в частности, с истощением золотых рудников Нубии (долина Аллаки), особенно дал чувствовать себя в самом конце фатимидского периода, при Адибе, что углубляло остроту положения в стране ⁹⁶.

Функция обращения была, как видно, наиболее развитой из всех функций денежной системы фатимидского Египта. Однако развитие ее было односторонним, связанным с внешней, транзитной торговлей; при этом сущность общественного строя продолжала оставаться феодальной, ибо главной общественной ячейкой по-прежнему было близкое к натуральному крестьянское хозяйство.

В целом же, как было показано выше, сосредоточение у государства феодальной ренты вело к подъему многих отраслей городского ремесла, так как они получали постоянный и довольно емкий рынок. Строгая правительственная регламентация, одним из условий которой была относительная безопасность жизни и имущества ремесленника, в течение определенного времени способствовала развитию производительных сил.

Наши источники в своей совокупности не подтверждают общего положения Кл. Каэна, будто XI век был переломным

⁹⁵ Кроме того, в результате истребления сельджуков и крестоносцев Фатимиды потеряли монетные дворы, находившиеся в Халебе, Дамаске, Рамле, Тиберии, Триполи, Анке, Аиле, Тире. Открытие двух новых монетных дворов — в Каире и Кусе — по приказу Мамуна Батани не удовлетворяло потребностей хозяйства страны. Подробнее об этом см. [195; 197, стр. 507—508].

⁹⁶ Макризи писал под 1171 г.: «В этом году поразило Египет бедствие, потому что золото и серебро исчезли из Египта и не возвращались и упомянуть о золотом динаре было все равно, что упомянуть имя жены при ее ревизии муже. Заполучить такую монету было так же трудно, как попасть в двери рая» [25, стр. 46].

этапом в развитии мусульманского города, после чего последовали его регресс и полный упадок⁹⁷.

Несомненно, «великое бедствие» времен Мустансира не могло не отразиться на состоянии городов⁹⁸; еще больший ущерб египетскому ремеслу и торговле нанесли внутренние распри и внешние вторжения середины XII в. Пожар, устроенный по приказу Шавара, принес окончательную гибель Фустату, значение которого по мере роста Каира неуклонно падало⁹⁹. Как говорилось, в 1153 г. крестоносцы опустошили Тиннис; от их рейдов страдали и другие прибрежные города. В следующем, 1154 г. Тиннис подвергся нападению норманнов; в 1155 г. они снова напали на Тиннис, а также Дамьетту, Розетту и Александрию. В 1167 г. Александрия была блокирована крестоносцами [224, I, стр. 391; 198, стр. 277]¹⁰⁰. Развал управления не способствовал сохранению принципа «справедливой цены» и безопасности имущества, — так, везир Салих Талай ибн Руззик скупал зерно и продавал его по повышенным ценам, а также конфисковывал имущество эмиров и богатых людей, которые, спасаясь от вымогательств, бежали в Пеман, Хиджаз и другие страны [61, I, стр. 294; 59, IX, стр. 44]¹⁰¹. Обложение ремесла (и торговли), судя по

⁹⁷ «...Мусульманский город, подобно византийскому и итальянскому, продолжал развиваться с трансформациями, но без перерыва со времен римской империи и сасанидского Ирана. Нарушение этого развития совпадает не с арабским завоеванием, но примерно с XI в., благодаря, с одной стороны, упадку мусульманского общества, а с другой — прогрессивному развитию Европы» [170, стр. 259].

Поскольку Египет до Фатимидов не играл сколько-нибудь заметной роли в levantийской торговле, то установление, а затем потеря им контроля над сирийскими портами не имела для развития египетского города того значения, какое придает этим фактам К. Кэли в упомянутой статье и других своих работах [см., например, 150, стр. 110].

⁹⁸ Так, например, число ткацких станков (в Фустате), на которых изготавливались циновки, сократилось во время этого бедствия с 900 до 15 [67, II, стр. 207].

⁹⁹ «Люди стали перебираться в Каир, и за верблюда за один проезд из Фустаты в Каир брали 10 динаров. Пятьдесят один день горел Фустат, и дым был виден на расстоянии трех дней пути» [74, стр. 68; см. также 66, стр. 250—251].

¹⁰⁰ Еще раньше, в 1123/24 г., берберы ливата, вторгшиеся из Магриба в Александрию, разорили ее окрестности, но затем были изгнаны. Прибрежные города в этом же году пострадали и от нападения пещенских (вероятно, пиратских) кораблей [18, стр. 63].

¹⁰¹ У Калказанди есть интересное сообщение о том, что воины *фахиха*, особенно активизировавшиеся в последние годы правления Фатимидов [см. о них далее стр. 145], создали в ал-Макке «квартал воров» («харат ал-лусус») «для удобства нападения на прочих людей» [60, III, стр. 361]. Здесь явно имеется в виду практика, особенно распространенная при Мамлюках, когда военные отнимали зерно у феллахов, доставлявших его по Нилу в Булак (газань Каира) на продажу, чтобы затем сами торговать им по высокой цене [ср. 121, стр. 141—142].

перечню налогов, отмененных Салах ад-дином, уснаилось [72, I, стр. 180, 205; 66, II, стр. 211] ¹⁰².

Впоследствии, во второй половине XII в., когда хозяйство страны вновь упрочилось, роль государства в промышленности, о чем можно судить хотя бы по молчанию источников, уже не была столь велика ¹⁰³; жесткий контроль над ремеслом, определявшийся скорее интересами династии, чем заботой халифов о благе производителя (как полагает Барави) [291, стр. 366], проявлявшийся и в усилении обложения, стал ограничивать экономическое развитие, сделав необходимым освобождение ремесла от столь тяжелой государственной опеки.

---

¹⁰² Абу Шама сообщает также, что Ширкух во время своего второго похода в Египет обложил чрезвычайным налогом «людей из провинций и крестьян, обитавших вдоль дороги на Александрию» [72, I, стр. 143].

¹⁰³ Утверждение Е. Антора: «Аййубиды усилили надзор за ремеслом и уничтожили представительские органы буржуазии там, где они имелись» [150, стр. 107—108; см. также 149, стр. 181 и сл.] — применительно к Египту кажется мне не соответствующим действительности. Во всяком случае, более сильного государственного надзора за ремеслом и торговлей, чем тот, который существовал при Фатимидах, средневековый Египет не знал. Развитие египетского города — с внутренними трансформациями и периодами упадка, связанными с политической неустойчивостью, расширения, внешними вторжениями, глобальными годами из-за низкого уровня Нила —шло все же, по нашему мнению, по восходящей линии до конца XV в. В связи с этим мне кажется не утерившим своего значения утверждение А. Ю. Якубовского, высказанное им еще в 30-х годах: «На всем мусульманском феодальном Востоке XI и XII века — время, когда городская жизнь достигает высокой точки своего развития» [143, стр. 73].

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В ФАТИМИДСКОМ ЕГИПТЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Фатимидский халифат как до завоевания Египта, так и после него представлял собой типичное для средневекового Востока централизованное государство со сравнительно сильными элементами теократии; глава его, имам-халиф, считался носителем одновременно духовной и светской власти, принадлежавшей ему как потомку Мухаммада, Али и Фатимы по божественному праву¹.

Деятельность халифа, не ограничиваемая какими-либо законодательно оформленными учреждениями, в действительности ограничивалась и направлялась интересами определенных социальных групп: таким образом, халифат Фатимидов в строгом смысле слова не был деспотией, как это утверждается в соответствующей статье «Исторической энциклопедии» [97, стр. 132].

Посмотрим, что представляли собой эти группы и каковы были отношения между ними и внутри них. Для официальных фатимидских документов характерно деление общества на воинов и эмиров, писцов и иных чиновников, кадева и «дан» и прочих подданных — «райла» [69, стр. 127—130, 136—139, 151—153, 155—156]. Хронисты обычно выделяют из массы населения духовенство с бюрократией — «господ пера», причем иногда последняя обозначается особо — «господа чалмы», и военных — «господ меча» [см., например, 60, III, 480 и сл., 287 и сл.; 27, т. 1, ч. 1, стр. 244—245, т. 1, ч. 2, стр. 206]².

¹ В отличие от суннитов, у которых «имам-халиф» теоретически считался лицом, избранным мусульманами.

² Любопытное деление современного ему общества дает Макризи (XV в.), за исключением, быть может, пятой группы оно применимо и к фатимидскому периоду: «Люди в египетской стране делятся на семь групп. Группа первая — государственные люди. А группа вторая — самостоятельные люди из купцов, обладающие достатком и благодеяствующие. А третья группа — торговцы... А четвертая группа — люди деревни, и это люди наши и плуга, жители сел и низовий [Нила]. А пятая группа — маломужские, и это по большей части законопеды и учащиеся, и множество воинов халка и им подобных. А шестая группа — ремесленники в наемники, обладающие профессией. А седьмая группа — бедствующие и нуждающиеся, и это индусы, которые подбираются у людей и кормятся за их счет» [65, стр. 72]. О воинах «халка» см. [121, стр. 52].

Что касается исследователей, то С. Гойтейн делит «общество Генезы», в котором важное место занимал фатимидский Египет, на пять слоев:

1) крупные чиновники и дельцы, придворные врачи, главные судьи; 2) предприниматели и ремесленные мастера, духовенство; 3) городские ремесленники и наемники; 4) крестьяне и 5) пицце. В основе стратификации здесь лежит род занятий данного лица и размер его доходов.

Игнорируя, таким образом, отношения членов данного общества к средствам производства, С. Гойтейн затушевывает основное социальное различие, хотя и называет пять перечисленных слоев «социо-экономическими классами». Из дальнейших его слов видно, что Гойтейн разделяет распространенное в зарубежной медиевистике представление о феодализме как особой форме связей внутри правящего слоя; не пахотя этих связей в «обществе Генезы», он отрицает тем самым его феодальную сущность [43, стр. 76, 79].

В принципе такой же, но более дробной классификации придерживается и Мушаррафа [293, стр. 88 и сл.].

В основе понятия о классах в учении исторического материализма лежит, как известно, представление о месте данной социальной группы в системе общественного производства. Исходя из него, в фатимидском Египте можно выделить правящий класс, включавший военных, духовенство и бюрократию; принадлежавшие к нему лица владели средствами производства — прямо или через посредство государства, но, как правило, не были заняты производительным трудом и эксплуатировали труд других. К правящему же классу принадлежали купцы и ростовщики; купечество, действуя, подобно ростовщикам, лишь в сфере распределения, т. е. не владея средствами производства, но присваивая в виде торговой прибыли часть прибавочного продукта и эксплуатируя таким путем и правящий и эксплуатируемый классы, само общественно класса не составляло³.

Феллахи и ремесленники представляли собой два эксплуатируемых класса; они владели средствами производства, причем обладание это могло быть частичным (крестьяне, как говорилось, не были полными собственниками земли — основного средства и условия производства в ту эпоху), и были заняты производительным трудом.

В основе этого деления лежало характерное для докапиталистической эпохи функциональное межклассовое разделение труда [1а, стр. 292—293].

Выполняя соответствующие функции (военного, судебного, административного, идеологического характера), представи-

³ В этом определении и присоединении к соображениям В. В. Стожаниной-Горешкович [см. 124, стр. 231]. Противоположного мнения придерживается К. М. Штаерман [140, стр. 52].

тели высшего класса пользовались привилегией более или менее полной свободы от налогов, тогда как для членов низших классов уплата налогов была основной обязанностью. Являясь довольно замкнутыми внутриклассовыми группами, духовенство, бюрократия и военные, по существу, представляли собой сословия, хотя это и не было закреплено правом⁴. О положении трудящихся речь шла выше; отметим лишь, что по воззрениям того времени феллахи, т. е. подавляющее большинство населения страны, труд которых был источником существования всего общества, находились (наряду с бедунами) как бы за его пределами [43, стр. 75]⁵. Ремесленники некоторых профессий, например красильщики и ловцы устриц, относились к самым низким слоям общества [43, стр. 126].

О бедунах речь будет далее; здесь же укажем, что миграция их племен с Аравийского полуострова в Египет не прекращалась и в фатимидский период. Бедуны, входившие в племенное ополчение, т. е. в состав армии, и таким путем приобщавшиеся к эксплуатации трудящегося населения, делались частью господствующего класса.

Кроме того, существовали и группы людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом: сюда можно отнести ремесленников государственных мастерских и занятых в ремесле рабов. Однако рабы в основном использовались не в ремесле, а в качестве слуг во дворцах халифа и знати; они были единственной частью населения фатимидского государства, отличавшейся от других в юридическом отношении [см. 120]⁶.

⁴ К феодальному фатимидскому обществу безусловно применима мысль, высказанная К. К. Зелькиным по другому поводу: «У древних вообще не было понятия сословия в современном смысле или класса-сословия... Это — лишь понятия, которыми мы пользуемся, когда хотим выкестить реальное положение, в котором находилась та или иная часть населения» [91, стр. 20]. Мусульманское право, основной идеей которого было равенство всех членов общины перед Аллахом, естественно, не отражало фактических сословных и классовых различий. Однако в некоторых положениях брачного права эти различия все же сказались: так, запрещались браки между крестьянами и горожанами, между богатыми кушами и мезьями, с одной стороны, и ремесленниками — с другой [43, стр. 75].

⁵ Здесь, в частности, справедливо подчеркивается, что Ибн Халдуи называет и тех и других «беду» — бедуны, иноземец, посторонний человек.

⁶ Добавим к этому, что, по словам Ибн Давадари, у Ибн Каллиса было 4 тыс. черных рабов, не считая рабынь-служанок [13, стр. 225]; у Ализа их также в общей сложности насчитывалось 4 тыс. [61, I, стр. 32]. Известно, что Хаким в 1013-14 г. отпустил на волю большинство своих рабов мужского и женского пола и оставил им в собственности то имущество, которым они владели [68, IV, стр. 235; 13, стр. 288]. Однако большое число их, видимо, осталось в прежнем положении, так как после гибели Хакима 8 тыс. рабов перешли к Ситт ад-Мульк [68, IV, стр. 192]. Салах ад-дин еще при жизни Адиба овладел всеми его богатствами, в том числе рабами [68, V, стр. 339]. После смерти халифа эти

В дофатимидском Египте, как и в других средневековых мусульманских государствах, духовенство не имело четкой официальной иерархии; оно самостоятельно назначало лиц на религиозные должности, существовало на свои доходы и фактически было обособлено от государственного аппарата. При Фатимидах положение несколько изменилось. Добившись успеха при помощи тайной миссионерской организации, они в отличие от Аббасидов сохранили ее и после прихода к власти. Бывшие странствующие исмаилитские проповедники (дан), возглавляемые «дан ад-дуат», стали высшим слоем священнослужителей, просуществовавшим до самого конца фатимидского государства. По-видимому, этот слой был наследственным, образовавшимся в основном потомками кутамитов — сподвижников первого фатимидского миссионера, Абу Абдаллаха. При этом в отличие от суннитского духовенства исмаилиты высших рангов имели права, подобные тем, какими обладали христианские священники: они имели рукоположение имама, могли посвящать в общину, отлучать от нее, отпускать грехи [232, стр. 6—7; ср. 113, стр. 93—94].

Известно, что со времен Хакима должность главного «дан» стала наследственной в фамилии Ибн Абд ал-Кави (или ал-Такави)⁷; в халифском дворце происходили регулярные собрания исмаилитов [260, стр. 31, 42]. Почетное место среди духовенства занимали и лица, считавшиеся потомками Али, т. е. имевшие более или менее близкое отношение к правящей династии; они обозначаются в источниках как «шариф», или «маируф»; они имели своего судью, а также особого главу («накиб») [69, стр. 37—40]. Затем шло местное египетское духовенство, часто сохранявшее верность суннизму. Низшее духовенство, как и на средневековом Западе, было по своему положению близко к простому народу (служители мечетей, гробниц и пр.); ему противо-

---

рабы были частью проданы, частью отпущены на свободу, частью отправлены в подарок Нур ад-дину [72, I, стр. 219; 63, III, стр. 54]. Об использовании труда рабов в государственных ведомствах и о ирратстве как одном из источников поставки рабов см. [43, стр. 68, 327]. О плененных в Тинисе карматах и о пленных крестоносцах, по-видимому также обращенных в рабство, см. [18, стр. 41, 45, 96—97]. О продаже в рабство пленных Бадром ал-Джамали см. [51, № 1141]. О работорговле упоминается и в книге Е. Батчер «История египетской церкви» [169, т. II, стр. 56—58].

⁷ Согласно Ибн Фурату, при эзире Афдале члены этой фамилии были сосланы в Магриб по причине какого-то столкновения с ним; при Адиде последний представитель ал-Такави, Джамле, вернулся в Египет, но занял должность не главы «дават», а лишь «насита» (об этом термине см. ниже); будучи в подчинении у эмира Ширкуха, он участвовал в установлении сюеки над Адидом [75, стр. 139].

стояли влиятельные проповедники, управители крупных вакфов, судьи и т. п. Назначение на высшие религиозные должности стали производить сами Фатимиды (а во второй половине их правления — везиры). Распределение доходов с вакфов стало делом государства [100, стр. 251]⁸; для этой цели было создано специальное ведомство («диван ахбас»). Таким образом, создано положение, в принципе существующее в Египте и в наши дни. Зависимость духовенства от государства хорошо отразилась в словах Насира Хосрова: «От Сирии и до Кайрувана всюду, где я проезжал, во всех городах и поселениях поверенные султана оплачивают все расходы мечетей на лампадное масло, цинковки, ковры, молитвенные коврики и жалование и содержание настоятелей, фаррашей, муэззинов и других церковнослужителей» [5, стр. 131].

Здесь в виде некоторого отступления кажется уместным сказать, что в недавнее время американским арабистом И. Лавидусом была выдвинута концепция, согласно которой для средневекового мусульманского общества было характерно чрезмерно большое значение улемов⁹, не составлявших при этом единой общественной группы, а принадлежавших к различным слоям.

По мнению этого ученого, они являлись, как правило, не профессиональным духовенством, а лицами, имеющими и иные разнообразные профессии и часто их меняющими (так, купец или ремесленник делался преподавателем религиозных дисциплин, чтецом Корана и наоборот и т. п.): «Улемы были не отдельным классом, а категорией лиц, перекрывающей классы и социальные деления и пронизывающей все общество... Их связь с режимом иллюстрирует взаимопроникновение общества и государства в области экономики, социальной организации, экономической жизни» [240, стр. 107, 134].

Отсутствие постоянных кадров, как бы мы сказали, по утверждению И. Лавидуса, было основной причиной, не дававшей мусульманскому государству возможности развития в нем органов самоуправления, подобных западноевропейским: «Аморфность рынков и кварталов была связана с постоянной сменой людьми сфер деятельности. Мусульманский город имел физическую форму базара, поскольку был подвержен текучести социального обмена» [240, стр. 114].

И. Лавидус обосновывает свое утверждение рядом примеров, относящихся к мамлюкской эпохе, но выводы его

⁸ Так, при Хакиме, в 1015-16 г., духовенство Кайра и Фустата получило 17 733 с лишним динаров [13, стр. 291].

⁹ Улемы (*ulama*), ил. ч. от «алым» — «обладающий знанием, мудростью», знатоки капишеского права, теологи. И. Лавидус, как видно из его книги, придает этому термину более широкое значение, близкое к представлению о мусульманском духовенстве в целом.

слишком категоричны. По-видимому, подобное явление в какой-то мере наблюдалось и в фатимидский период [185, стр. 35 и сл.]; «текущая социальная обмена» в определенной степени была присуща и средневековому Западу, но придавать ей столь преувеличенное, решающее значение нельзя [см., например, 124, стр. 213—214]¹⁰.

Что касается проповеди исмаилизма, то Фатимиды после завоевания Египта активизировали ее, несмотря на то что их государство, отнюдь не став воллощением социального равенства и справедливости, уже в магрибский период обнаружало свою светскую сущность. Начало открытой пропаганды связано с фамилией Нуманов. Ее основатель, Абу Ханифа ан-Нуман, более известен под именем кадия Нумана, для лучшего отличия от основателя ханифитского толка. Он родился в Раккаде в конце IX в.; по одним данным, первоначально он был ханифитом, но другим — малкиитом и имамаитом, а затем, восприняв исмаилизм, поступил на службу к Фатимидам, неотлучно находясь при всех халифах от Махди до Муизза¹¹.

Приобретя глубокое знание исмаилитской доктрины, кадий Нуман осуществил кодификацию исмаилитского фикха. Среди многих его трудов (общее их число составляет примерно 400) особенно важно изложение исмаилитского учения, называемое «Даими ал-ислам» («Столпы ислама»), где, в частности, проводилась мысль, что торжество социальной справедливости, не наступившее при Махди, Кайме, Мансуре и Муиззе, произойдет лишь в неопределенном будущем. Кадий Нуман принимал участие и в разработке аллегорического толкования Корана, на что имел право лишь имам. Нуман прибыл в Египет вместе с Муиззом, где и умер в 974 г. Дело продолжал его сын Али ибн Нуман, о котором Таки ад-дин Макризи писал, что в 365 г. (975/976 г.) он появился в каирской мечети, называемой ал-Азхар¹², и стал диктовать краткое изложение основ законоведения, составленное его отцом согласно с шиитской доктриной и изве-

¹⁰ Ср. также [100, стр. 157], где об аббасидском халифате говорится: «Редко где можно встретить указание о том, чтобы в то время кто-нибудь из ученых (улама) занимался еще каким-нибудь другим делом или ремеслом».

¹¹ Его полное имя — Абу Ханифа ан-Нуман ибн Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мансур ибн Ахмад ибн Хайан ат-Тамими. При Махди его главной обязанностью было, по-видимому, собирание, хранение и переписывание книг; при Кайме он стал кадием Триполи, при Мансуре — кадием всех городов Ифрикии, причем Нуман разъяснял исмаилитскую доктрину на собраниях, устраивавшихся в Кайруане для проповеди шиизма. При Муиззе, когда его влияние достигло зенита, Нуман стал главным кадием армии, а фактически — главным судьей [205; 217].

¹² Ал-Азхар, впоследствии ставшая крупнейшим теологическим училищем Египта, была основана Джухаром в 970 г. (строительство завершилось в 972 г.).

стное как «Ал-Иктисар» [66, II, стр. 341; см. также 279, стр. 131 и сл.]¹³.

Пропаганда исмаилизма велась и в других мечетях столицы. Везир Ибн Киллис излагал официальную доктрину на собраниях египетских законоведов в своей резиденции; для этой цели он составил книгу по исмаилитскому законоведению («Рисалат ал-вазирийя» — «Везирское послание») на основе того, что он слышал от Муизза и Азиза и, возможно, от кадия Нумана, своего личного врага [см., например, 61, I, стр. 29]¹⁴. По-видимому, лекции читали и шииты-законоведы [293, стр. 291].

В 1005 г. с той же целью в одном из дворцов халифа был открыт «дар ал-хикма» (или «дар ал-илм» — «дом мудрости», или «дом знания») с большой библиотекой шиитской литературы, где дважды в неделю устраивались публичные лекции, которыми руководил главный «дан»; «дар ал-хикма» с перерывами просуществовал до самого конца династии [66, II, стр. 226]¹⁵.

Пропаганда велась не только в столице, но и в провинциях (см. ниже), и за пределами государства — в Ираке, Иране, Средней Азии, Индии [232, стр. 10]¹⁶.

При господстве ислама религиозные учреждения, естественно, были центрами общественной жизни, что видно из сохранившегося описания одной из мечетей Фустата: «Посреди базара есть мечеть, называемая Баб аль-Джеванн, ес-

¹³ Макрини добавляет, что собрание это было многолюдным, и имели присутствующих записывались.

¹⁴ Египтяне, имевшие у себя книги «Столпы ислама» и «Везирское послание», получали по приказу Муизза денежное вознаграждение [293, стр. 315].

¹⁵ Это учреждение стало одновременно и центром развития естественных наук, медицины, филологии. На его содержании Хаким ассигновал 257 динаров в год. В первое время в «дар ал-хикма» преподавали и суфии.

Везир Афдаль закрыл его из-за каких-то религиозных распри, а Мамун ал-Батани открыл снова; однако прежнего значения дар ал-хикма более не достиг [18, стр. 64; 100, стр. 149].

¹⁶ Власть Муизза была признана и в Белуджистане [220, стр. 186]. Сохранилась известия о попытке обращения в исмаилизм Мухаммедом византийского императора Иоанна I Цамиския, предпринятой за несколько лет до завоевания Египта; Муизз послал императору написанную им книгу, в которой доказывал превосходство исмаилизма над христианством [273, стр. 248—251]. При Мустаясире би-аллах велась активная пропаганда в Омане, причем миссиями в Омане и в Индии руководила упоминавшаяся выше сулайхидская правительница Малика аз-Сайида [см. 49, стр. 308]. В это же время фатимидские эмиссары успешно действовали в Гуджарате и на Декане, около Аурангабада [220, стр. 190].

Видным миссионером и теоретиком исмаилизма в этот период являлся Муайнад фи-д-дин, друг Насира Хосрова. Он был фатимидским дая и Ширазе, Дейлеме, Ахвазе; сумел склонить к исмаилизму Бувайхида Абу Калиджара. Долгое время жил в Мосуле, резиденции Басасира, находившегося под его влиянием, а затем в Египте, при дворе; позже стал главнейшим миссионером Йемена [см. 84, стр. 122—128; 221, стр. 126 и сл.].

построил Амр ибн Ас... В мечети постоянно сидят учителя и ученики, и она является местом собрания для этого большого города. Никогда не бывает, чтобы там находилось меньше пяти тысяч человек учащихся, приезжих, писцов, которые ищут свидетельства и договоры, и других людей... В этой мечети разбирает судебные дела каллий кадиев» [5, стр. 121—122].

Число мусульманских религиозных учреждений в эту эпоху значительно увеличилось [см., например, 18, стр. 59]. Фатимиды, как говорилось выше, опирались и на христианское духовенство, а также иудейское, причем политический и религиозный глава иудейской общины («накид», или «раке ад-нахуд»), назначавшийся ранее иудейским главой Багдада, после 969 г. стал назначаться халифом¹⁷.

С 1077 (или 1078) г. Египет стал местом пребывания не только яковитского и мелкитского патриархов, но и армянского католикоса (Григория). В это время в связи с армянской иммиграцией число церквей и монастырей в Египте так увеличилось, что, по словам Ибн Муассара, «жители Египта боялись, что они (т. е. армяне. — Л. С.) вытеснят мусульманскую веру» [18, стр. 79].

Несториане, которых в арабском Египте было немало, имели своего епископа, назначаемого багдадским католикосом [258, стр. 116]. Однако напряженные взаимоотношения несторианского духовенства с коптским привели к концу XII в. к фактическому исчезновению этой общины¹⁸.

Таким образом, в целом положение духовенства при Фатимидах характеризовалось увеличением его численности, большей централизованностью организации, упрочением экономической базы¹⁹.

¹⁷ Это назначение утверждали затем глава иерусалимской академии (*гаон*) и «потомки Давида» — *лесим*. *Накид* принадлежал к раббанитам (двумя другими подразделениями иудеев были каранты и самаритяне) и являлся также главным судьей общины. Местных иудейских судей обычно назначал упоминаемый *гаон*. Непосредственными помощниками *накиды* были четверо «иерисим», ведавшие сбором милостыни и наследством, заповеданным святоотеческим Упоминутым подразделением иудеев имели своих особых глав (*раисим*), причем *раисом* раббанитов считался глава иракской общины. Важнейшим центром каранитов был Иерусалим [251, стр. 59, 71, 250 и сл.].

¹⁸ К этому времени они посетывала всего несколько кунцов в Александрии, Дамiette, Розетте и Кане [258, стр. 122; см. также II, стр. 134].

¹⁹ Отметим также, что Фатимиды не чуждались и прямого вмешательства во внутренние дела немусульманских общин. Это видно из сохранившегося декрета халифа Залара, изданного в 1024 г. в связи с распрями в Кане и городах Палестины между раббанитами и каранитами по поводу их ритуалов. Содержание декрета сводится к призыву поддерживать мирные отношения под страхом наказания. Декрет был издан в ответ на несохранившуюся жалобу каранитов халифу. Первый падежь текста декрета предполагает, что он был не единственным документом такого рода [45, стр. 117; см. также 251, стр. 134—139; 55, стр. 23—34].

Другим важным элементом фатимидского общества была бюрократия, «люди пера». Ее численность и значение также возросли по сравнению с предшествующим временем. Это объяснялось увеличением числа государственных диванов. До Фатмидов их в Египте насчитывалось не более пяти²⁰, а при Муиззе и Азизе стало не менее 15, причем большинство из них относилось к финансовым ведомствам²¹.

Расширение государственного аппарата объяснялось централизацией управления в связи с полной независимостью Египта от багдадского халифа [291, стр. 312], а также усложнением его деятельности, подъемом земледелия, ремесла и торговли.

Вершину служилой иерархии составляли везиры, деятельность которых, наряду с деятельностью халифов, находилась в центре внимания авторов наших источников.

В первой половине правления Фатмидов везиры являлись «людьми пера», но фактически занимая эту должность, не всегда носили это звание, именуясь «васита» или «сафар», т. е. «посредниками» (между халифом и его подданными) или «посланцами»²². Впервые везир (по титулу) был назначен Азизом в 977 г.; это был упомянутый выше Якуб ибн Кидлис. Он считался первым везиром из «людей пера», а последним везиром из числа их был Магриби при Мустансире. Бадр ал-Джамали был первым везиром из «людей меча», а Салах ад-дин последним. Макризи пишет об истории этой должности при Фатмидах следующее: «При Муиззе везира не было вовсе, а первым везиром стал Якуб ибн

²⁰ Мушаррафа насчитывает три дофатимидских дивана: военный, казну и *амал*, смещавший и назначавший чиновников; они подчинялись дивану *назар*, контролирующему их [293, стр. 197].

²¹ Это — ведомства финансового надзора (*тахкик*, *назар*), хараджа и «служных» налогов (*мукс*, вносившихся обычно своеобразно месяцам лунного года), *сугур* (ведавший пошлинами в пограничных землях), *мустигиллат* (ведавший доходами в виде отнятого у моря, но неустраиваемого имущества, от амбры, выброшенной морем, и т. п.). Четкого разделения функций между ведомствами не наблюдалось. Были еще ведомства *тарас*, *кисва* (ведавший хранилищем одежды), *албас*, или *вакфон*, о котором уже говорилось, *курал* (ведавший верховными и нижними животными халифа). К военным относились ведомства: войска (*джайш*, или *джайш ва явагиб*), *амалар* (ведомство флота, о котором будет речь далее). Одновременно военными и финансовыми делами занималось ведомство заседавший («диван ал-маджлис»). Имелась и главная канцелярия (*диван ал-инша*). Описание их см., например, у Калкашанди [60, III, стр. 490—496]. По всей вероятности, именно при Фатмидах в Египте появилось ведомство, управлявшее личным имуществом халифа, — *диван ал-хасе* [18, стр. 54]. При Хакиме появилось особое ведомство для управления выморочным или конфискованным имуществом (*диван ал-нуфуд*) [см. 53, стр. 103, 127; 290, стр. 191]. Позже, при Мамлюках, функции первого из этих ведомств перешли ко второму [27, т. I, ч. 1, стр. 187].

²² Об этих терминах см. [53, I, стр. 126—127].

Киллис, при Азизе, причем после смерти Яакуба халиф не назначил нового везира. При его [Азиза] сыне, халифе Хакиме, везира тоже не было, а имелись многие лица как посланцы и посредники. При Захире везиром был назначен Джарджарав, после которого везиры назначались непрерывно из «людей пера», пока не был назначен (везиром) эмир войска Бадр ал-Джамали» [66, I, стр. 439—440]²³.

Везиры из «людей пера» считались главами исполнительной власти; иногда они не были мусульманами. Так, при Азизе везирами были христиане Абу Мансур ибн Сурдин (ан-Насрани), Иса ибн Настурус, брат последнего Саид (как «васита»), Фахд ибн Ибрахим. Упадок фатимидского государства, основным политическим принципом которого была власть имама-халифа, ярко проявился в усилении везиров из военных, «людей меча», которые с 1137 г. стали носить титул «малик». Со времени упомянутого Бадра ал-Джамали почти целое столетие с перерывами везират принадлежал выходцам из Армении, причем некоторые из них оставались христианами.

Халифу (через везира) подчинялись наместники (вали) — главы провинций, о которых, в отличие от везиров, данных очень мало. Известно лишь, что в Нижнем Египте (по крайней мере, до XII в.) насчитывалось 14 провинций, а в Верхнем — 7 и, следовательно, столько же наместников²⁴; крупнейшие города имели особых «вали». Главным считался пост наместника Каира; власть наместника Александрии простиралась и на Бухайру; наместник Куса по значению был почти равен везиру и имел нескольких заместителей [75, стр. 135, 136; 253, стр. 11].

Управляющие диванами подчинялись как везиру, так и столичному наместнику (за исключением управляющего диваном тираз, зависевшего, как говорилось, непосредственно от халифа). При наместниках провинций имелись: смотритель финансов, сборщики налогов (т. е., возможно, те чи-

²³ Икшидидский везир, султан Ибн Фурад после фатимидского завоевания сохранил свою должность, но лишь номинально, так как его действия полностью контролировал полководец Джаухар, а позже — калиб Нуман [293, стр. 98].

²⁴ Согласно Абу Салеху [11, стр. 18], во всей вероятности использованному ранее фатимидские документы, к провинциям [кура] Нижнего Египта относились: Шаркин, Маргахин, Давахлин, Абванийн, Джазира Кависна, Гарбин, Самзлудия, две Мануфия, Фух и две Музахамия, Настаразех, Рашид с Джахидией и Адку, Джазира Балу Наср, Бухайра, Хауф Рамис; к провинциям Верхнего Египта — Гиза, Атфих, Бусирийа, Файйум, Бахласавийа, Ашиувию, Асиут, Калкашанди, ссылаясь на Ибн Тувайра, сообщает, что территория Египта при Фатимидах делилась лишь на четыре провинции (Кус, Шаркин, Гарбин, Александрия). По его мнению, или более мелкие провинции, перечень которых он также видел, входили в эти крупные, или положение стало таковым в конце правления династии, т. е. мелкие административные образования были упразднены [60, III, стр. 497].

повинки, о которых шла речь выше), а также исмаилитский проповедник в центральной мечети, миссионер (дан) и судья [270, стр. 3].

Провинциальный дан, как и миссионеры, действовавшие за пределами Египта, подчинялся каирскому центру главного миссионера и, кроме того, наместнику своей провинции, — централизация и здесь сочеталась с зависимостью от местных властей.

Особо следует остановиться на судебной организации; феодальная юрисдикция, один из важнейших институтов везноэкономического принуждения, при слабом развитии частной феодальной земельной собственности выступала в фатимидском Египте в централизованном виде. Главного судью («кадий ал-кудат») шариатского суда назначал сам халиф (а со времени Бадр-ад-Джамали — везир); эта должность считалась по своей важности следующей за должностью наместника провинции. Наряду с шариатским в фатимидском Египте существовал и своеобразный светский полицейский суд — «шурта»²⁵.

Надо полагать, что в Египте, как и в других странах мусульманского Востока, «шурта» возникла после арабского завоевания в связи с необходимостью в суде, менее связанном положениями шариата, согласно которым нельзя было, например, возбуждать судебное дело без заявления истца, привлекать к допросу неверцев и т. п. [113, стр. 190].

Поскольку исмаилитское право в сущности своей почти не отличалось от ортодоксального, необходимость в «шурта» после фатимидского завоевания не исчезла.

Главами этого суда были обычно кандидаты в везиры, назначаемые таким же путем, как и «кадий ал-кудат». При Ихшидидах «шурта» была единым учреждением. Муизз, прибыв в Каир, впервые создал вместо одного два таких судебных корпуса — большой и малый («шурта ал-алия» и «шурта ас-суфра»), возглавляемые теми же Якубом ибн Килансом и Услужем ибн Хасаном; возможно, что один корпус предназначался для Нижнего Египта, а другой — для Верхнего²⁶. Известно, что в 979 г. в Каире вспыхнула ссора между «шурта» и судом главного кадия, в результате чего везир постановил, чтобы они не вмешивались в дела друг друга. Приблизительно в 1009 г. Хаким подчинил поли-

²⁵ Термином *шурта* обозначались, таким образом, два взаимно связанных, но различных института: собственно полиция и судебное учреждение при ней.

²⁶ Мушаррафа высказывает на этот счет убедительное предположение: может быть, *шурта ал-алия* имела дело со знатью, а *шурта ас-суфра* — с простым народом. Параллелью в таком случае может служить Кордова, где в 929 г. Абд-ар-Рахман создал наряду с упомянутыми двумя третий корпус *шурта* — для среднего слоя [293, стр. 139; см. также 159, I, стр. 79].

дейский суд, по крайней мере формально, главному кадию [100, стр. 193]. Его главы должны были выполнять и предписания мухтасиба (эта должность также считалась духовной); они постоянно стремились к независимости от кадия. Иногда им это удавалось, в частности в тех случаях, когда глава полиции был одновременно и мухтасибом: при Хакиме, например, когда он назначил некоего Габана главой «шурта» и мухтасибом Каира, Фустата и Гизы [293, стр. 140, 207]. При этом следует иметь в виду, что фатимидский духовный, как и вообще средневековый шарнатский суд был по тому времени сравнительно с Западной Европой явлением передовым. Дела здесь разбирались быстро, без волокиты, существовал институт постоянных свидетелей — «шухуд», нечто подобное присяжным. Эти «шухуд» следовали за соответствием решений кадия шарнату, давали ему советы во время судебных заседаний, сравнивали показания²⁷. Применение пыток, «божьего суда» и длительного тюремного заключения не допускалось. На этом суде возможна была защита, хотя официальные адвокаты появились лишь в XIX в., при Мухаммаде Али. «Шурта» отличалась от шарнатского суда большей жестокостью и произволом [113, стр. 164, 197, 198].

Высший апелляционный суд обычно возглавлял халиф, или его наследник, или везир, если он принадлежал к «людям меча», или главный кадий. Решения выносились на особых открытых заседаниях, совершавшихся дважды (или трижды) в неделю. Этот обычай персидского происхождения распространился в мусульманском мире, в том числе и в Египте, в эпоху Омейядов. При Тулунидах и Ихшидидах он не соблюдался и был возобновлен после фатимидского завоевания, причем первоначально разбор жалоб («назар фи-л-мазалим») производил Джаухар, а затем Ибн Киллис²⁸.

Вообще халифы проявляли большой интерес к судебной деятельности, выступая иногда в роли кадиев²⁹.

²⁷ Судя по Ибн Мунассару, институт *шухуд* появился в Египте со времени Муизза [18, стр. 44].

²⁸ Известен также указ 1015 г., в котором населению предписывалось обращаться с жалобами в три положенных дня: кутамитам и прочим магрибцам — в субботу, людям с востока (*магрики* — об этом термине см. ниже) — в воскресенье, а прочим — в четверг [69, стр. 38, 59]. Как особое учреждение (*дар ал-адл*) апелляционный суд появился лишь при Мамлюках [165, стр. 28—31].

²⁹ Так, Ибн Инас [74, стр. 47] пишет, что к Муиззу пришла жена эмира Абу Бахра Ихшида и рассказала, что заложила одному иудею драгоценную вещь, а тот отказывается ее вернуть. Муизз приказал иудею; последний сознался, что украл из этой вещи две жемчужины и продал их. Муизз приказал казнить иудея (хотя по закону за нарушение такого договора полагалась лишь конфискация имущества или даже прощение) [см. 293, стр. 229], а вещь вернул женщине. О судебной деятельности Азиза см. [74, стр. 48—49].

Немусульмане — иудеи и христиане — имели своих судей, судивших на основе религиозного законодательства своих общин [43, стр. 53; см. также 251, стр. 206].

К бюрократии примыкали и лица «свободных профессий», о которых у Насира Хосрова при описании праздника в честь открытия канала говорится: «Было там еще и много людей других профессий, как, например: ораторы, литераторы, поэты, законоведы, и все они состояли на жалованье у султана. При этом никто из вельмож не получал меньше пятисот динаров жалованья, а были и такие, которые получали две тысячи магрибских динаров» [5, стр. 115]³⁰.

В мирное время бюрократия была довольно стабильной. При вступлении на трон нового халифа везир обычно представлял на его утверждение список заместителей для продления срока службы. Один из таких халифских указов, указ Амира от 11 декабря 1101 г. о заместителе, служившем ранее при Мустафисре и Мустали, дошел до нашего времени [69, стр. 44—46, 136—139]. Должность главного судьи обычно передавалась по наследству. Династия кадиев Нуманов, об основателе которой говорилось выше, прослужила Фатмидам около 80 лет, до середины XI в., причем Нуманы обычно сочетали обязанности «кадия кадиев» с другими важными постами³¹.

Были и другие судебские династии. Так, в 1007 г. главным судьей Фустата стал Малик ибн Саид ал-Фараки,

³⁰ И далее: «Дела у них не были никаких, только когда везир открывал собрание, они должны были пойти поклониться ему, а затем снова идти по домам». По классификации Калкашанди, все эти лица также относились к «людям вера».

³¹ Кадий Нуман, прибыв с Муназом в Каир, как говорилось, контролировал деятельность суннитского кадия Ишвидидов Абу Тахира. С 974 г. его сменил Али ибн Нуман; после отставки Абу Тахира (975 г.) он судил самостоятельно [64, стр. 188]. Этот Али ибн Нуман (ум. в 984 г.) занимал еще и должности казначея, смотрителя монетного двора, двух мечетей (в Фустате и Каире), *дак ад-дугат* и *мухтасиб*, сопровождал Муназа во время походов против каридов. Титул «кадия кадиев» он получил первым в Египте. После Али все его должности перешли к его брату Абу Абдаллаху Мухаммаду, а котором Ибн Халликан писал: «И сказал Ибн Зулейх и „Известиях о судьях Египта“: и неизвестен был в Египте другой судья, обладавший столькими же полномочиями, как Мухаммад ибн Нуман» [61, I, стр. 53]. Будучи не в состоянии из-за плохого здоровья исполнять все свои обязанности, Мухаммад ибн Нуман (ум. в 999 г.) передал некоторые из них племяннику Абу Абдаллаху Хусейну ибн Али. Хусейн и стал преемником Мухаммада; его полномочия главного кадия простирались и на Магриб; о других должностях Хусейна ничего не известно; он был казнен Хакимом в 1006 г. Место Хусейна занял его двоюродный брат Абд ал-Азиз, одновременно являвшийся главой *дар ал-мисна* (казнен в 1011 г.). Последним кадием из фамилии Нуманов был сын Абд ал-Азиза Касим, который служил с перерывами всего год и два месяца; о его других должностях и датах жизни ничего не известно [см. 305, стр. 217].

с 1028 г.—его сын Абд ал-Хаким, а в 1053 г.—племянник последнего Абу Али Ахмад. В 1049 г. главным кадем стал Хасан ал-Иазури, а затем его сын Мухаммад, бывший одновременно наместником Фустата. Были кадми и из фамилии ал-Азэм: абу-л-Аббас Ахмад (в 1014 г.) и его племянник Абу Абдаллах (с 1060 г.) [62, стр. 101—106; 293, стр. 219]. Иногда главный кадий был или главным дам (как видно на примере Нуманов), или главой Алидов («акибат-талибин»), или управляющим дивана вакфов (ахбас). Судей в провинции он обычно назначал из числа своих родных и близких; выносить решения можно было лишь согласно исмаилитскому учению³².

В среде низшего, особенно многочисленного в ту эпоху чиновничества должности также обычно переходили от отца к сыну³³.

Свою долю ренты-налога чиновники получали в основном в виде денежного жалованья. Судьям по религиозным соображениям вознаграждения не полагалось, но в наших памятниках об отказе их от этих благ ничего не говорится, хотя в дофатимидском Египте такие случаи были³⁴. Кроме жалованья и одежд чиновники получали определенные сооб-

³² Однако господство исмаилитского права в действительности не было полным. В самом начале египетского периода, как уже говорилось, Абу Тахир сохранил свой пост и продолжал судить по маликитскому махабу до самой своей отставки (берберы в то время звали особого кадия). Ибн Инас пишет, что упомянутый Иазури, везир Мустансира, одновременно бывший и главным кадем и управляющим диваном матери халифа, оставался шафинитом [74, стр. 60; 18, стр. 5]. Известно, что в последней трети XI в. суфитские ученые, включая и судей, как правило, не подвергались преследованиям со стороны Фатимидов, дезависшим от того, ждали они постоянно в Египте или только проезжали через него [56]. Маликитский кадий Туртуши (ум. в 1130 г.) был изгнан из Египта, но позже везир Афдаль вновь назначил его кадем. А сын Афдаля везир-имамит Абу Али Ахмад (Кутайфа) в 1130 г. назначил не одного, а четырех главных судей разных махабов (исмаилита, имамита, шафита и маликита), сделал явную уступку сунизму. Некоторые суфитские судьи принципиально отвергали исмаилизм и, по-видимому, продолжали судить по-старому. В конце правления Фатимидов суфитские кадми судили без каких-либо ограничений. Салах ад-дин, став везиром, официально покончил с шиизмом в судопроизводстве, сделал главным кадем шафита Ибн Дарбаса [293, стр. 323—324].

³³ Так, Абу Шама, ссылаясь на упомянутого выше кадия ал-Фадила абд ар-Рахмана ибн Али ал-Байсани (ум. в 1200 г.), пишет: «И существовал обычай: если у кого-либо из чиновников дивана вырос сын и способен он к изучению адаба, то приводят его в диван переписки для обучения письмоводству» [72, I, стр. 192; см. также 28, стр. 180—181].

³⁴ По Калкашанди, главный судья получал из казны 100 динаров в месяц [60, III, стр. 487]. Насир Хосров называет цифру, в двадцать раз большую: «Каждый кадем получает две тысячи магрибских динаров жалованья, и все прочие кадми соответственно своему месту, дабы никто не зарился на чужое добро и не причинял зла людям» [5, стр. 131]. Это можно объяснить тем, что сведения Калкашанди — Ибн Тувайра восходят к более поздней эпохе, чем середина XI в. Со стороны Насира Хосрова возможно и простое преувеличение (см. также 293, стр. 221).

разно рангам количества мяса, зерна, фуража, разные подарки и иногда земли-икта³⁵. Вопреки мнению Насира Хосрова многие поэты несли службу в государственной канцелярии [293, стр. 90].

Завоеватель Египта Джаухар, оставив всех ихшидидских чиновников на их местах, придал каждому из них для надзора по магрибину-шииту [64, стр. 68; 100, стр. 75]³⁶; превращения берберских кочевников в чиновников, однако, не произошло. Совмещение важнейших государственных постов, наследственность должностей делали фатимидскую бюрократию более или менее замкнутым слоем. Для низшего чиновничества сплачивающим элементом была религия, так как большинство писцов являлись коптами, сохранившими свое христианское вероисповедание в форме монофизитства, или иудеями³⁷.

Существование многочисленного светского (в большинстве своем) сословия чиновничества было, как известно, чертой, характерной для средневековой мусульманской государственности [100, стр. 112].

В периоды смут относительная стабильность государственного аппарата, естественно, нарушалась. В годы «великого бедствия», например, везиры, главные судьи и другие крупные чиновники сменялись так часто, что хронисты даже не упоминают их имен [65, стр. 22; 18, стр. 31, 33]³⁸. Бадр ал-Джамали, усмиря мятежников, перебил и многих чиновников, судей, бывших везиров [18, стр. 23, 30].

Смуты середины XII в. и борьба за везират, о чем подробно будет сказано далее, прекратили нормальное функционирование государственного аппарата, способствуя его коррупции. Падение доходов от налогов старались возместить конфискацией имущества подданных, что наряду со взяточничеством распространилось уже при везире Маамуне ал-Батахви [18, стр. 69; 65, стр. 22—23]. Везир Салих Талай ибн Руззак продавал эмирам должности в ведомствах, а также посты наместников³⁹. В везирство Салах ад-дина

³⁵ О размерах денежного жалования применительно к концу династии см. [60, III, стр. 491—493; 75, стр. 143—145].

³⁶ Отметим, кстати, что некоторое число кутамитов осело в Египте и Сирии в качестве частных лиц, горожан, что, однако, никаких социальных последствий не имело [43, стр. 31].

³⁷ Интересен тот факт, что в самой иудейской общине было немало «румынских» писцов, чему трудно найти объяснение. С. Гостейн предполагает, что египетские иудеи предпочитали более прибыльные занятия [43, стр. 5]. Как говорилось, немусульмане нередко выжались и высшими чиновниками [251, стр. 16, 169, 207, 228; 30, стр. 183; 203, стр. 60 и сл.].

³⁸ Однако смещенные везиры при Мустансире получали право занимать должность главы государственной канцелярии. До этого везир, если он был лишён своего поста, мог быть восстановлен на нем, но права занимать какую-либо иную должность не имел [13, стр. 372; 68, V, стр. 70].

³⁹ Столь частая смена провинциальных властей вызывала общее недовольство [68, V, стр. 313].

началось вытеснение шиитов из органов управления, что предшествовало полной реорганизации ведомств [см., например, 72, II, стр. 95; 61, I, стр. 294; 290, стр. 344].

Дальнейшая феодализация египетского общества в сфере бюрократии выразилась в развитии иерархии чинов, военизации чиновничества и превращении значительной его части из государственных феодалов в частных. При Фатимидах этот процесс только начинался.

ВОЙСКО

Военное сословие было наиболее многочисленной, влиятельной, сложной по составу и постоянно обновляющейся частью господствующего класса. Оно состояло из гвардии халифа, бедуинских племенных ополчений и остальных отрядов⁴⁰; впрочем, это деление далеко не всегда отчетливо проследживается в источниках.

Вначале, при возникновении государства, главной опорой Фатимидов были берберы-кутамиты⁴¹ и некоторые арабские роды — бану калб, бану хамдун⁴². После заговора Абу Абдаллаха берберы не могли оставаться главной опорой Фатимидов. К этому времени Махди уже создал гвардию рабов по примеру всех мусульманских правителей, начиная с Аббасида Мутасима (833—842). Основным источником ее формирования послужили славяне, обитавшие в прибрежных областях Балканского полуострова⁴³. Главным поставщиком рабов в Ифрикию, а затем в Египет, как и в другие мусульманские страны, являлась Венеция. X век был особенно благоприятен для торговли рабами, так как непрерывные войны между сербами, хорватами, болгарями и византийцами были источником пленных, становившихся предметом

⁴⁰ Бедуинские племена обитали преимущественно по краям долины Нила, вблизи пастбищ и караванных путей. В Бухайре до середины XI в. находились бану курра (другая их ветвь обитала в Барне); до этого же времени в Верхнем Египте находились бану хилал и бану сулайм. В Санде кочевали также канз, джухайна, кийс, сахаба, фазара. По словам Махризи, в фатимидскую конницу входили и бедуины талха, джафар, бала, лахи, джумай, шибан, узар, узар, тав, ханифа, махзум, кивана, духайр. Между Александрией и Каиром, а также в оазисах в Санде кочевали берберы лавата [24, стр. 49—50, 55—60, 67—68].

⁴¹ Фатимиды не скрывали своего неприязненного отношения к большинству берберского населения, считая его диким и непригодным к государственной службе [28, стр. 14]. Муизз называя берберов «народом тупым и глупым» [28, стр. 216—217]. Мнение халифа разделяли и другие сановники из славян [28, стр. 15, 186].

⁴² Члены фамилии бану хамдун, будучи заместителями Заба, активно боролись с Абу Вазилом, участвовали в походе Джухухара в Масриб; но впоследствии изменили Фатимидам, приняв сторону Омейядов. Подробнее о них см. [182, стр. 33—49]. С обеими этими фамилиями был тесно связан упомянутый Джаузар [28, стр. 137, 200—204].

⁴³ До середины X в., т. е. в африканский период, в рабство обращались и жители Апеннинского полуострова, но с этого времени в результате

торговли. Фатимиды захватывали рабов и непосредственно, во время набегов на Балканское побережье.

По словам чешского арабиста И. Хрбека, «жители самой Далмации или областей, далеких от побережья, отличались своим воинственным духом и способностями к военному делу, и отряды, составленные из них, могли удовлетворить любого правителя» [226, стр. 548].

По мнению И. Хрбека, именно благодаря славянским отрядам Фатимиды смогли подавить восстание Абу Иазиды [226, стр. 554]⁴⁴. Однако вопреки утверждению И. Хрбека и М. Канара в фатимидскую гвардию входили не только южные, но и восточные славяне: в «Сират Джаузари» при перечислении выдающихся полководцев и адмиралов первых Фатимидов говорится, что эти славяне (Сабир, Масуд, Мансур, Майсур, Бусра, Фарадж) «произошли из булгар», т. е. были проданы волжскими булгарами (через Хорасан) [28, стр. 56, 58]⁴⁵. Наибышего влияния славяне достигли при халифе Муиззе, не только составляя большинство его гвардии, но и участвуя вместе с халифом в управлении государством⁴⁶; наиболее знаменитым из них был завоеватель Египта Джаухар⁴⁷. Славяне сохраняли свое значение и после покорения Египта. Однако вопреки мнению И. Хрбека в войске первых фатимидских халифов были и негритянские отряды (из зувайлнтов), из-за своей малочисленности не имевшие, впрочем, большого влияния [28, стр. 157; 66, 1, стр. 195; II, стр. 4]⁴⁸.

Уже при Муиззе в армии появились и византийские подданные (неславяне): «Муизз увеличил войско, находившееся

договора с германским императором Оттоном Венеция потеряла право вывозить рабов из его итальянских владений. Частично рабы европейского происхождения, особенно евнухи, доставлялись из Испании или через нее, но из-за враждебных отношений Фатимидов с испанскими Омеядами эта торговля была незначительной [226, стр. 548].

⁴⁴ Ленинградский арабист М. В. Чураков приписывал эту заслугу сенхаджитам [138, стр. 141]. По-видимому, решающее значение в этом событии имело именно объединение гвардии с отрядами берберов и арабов.

⁴⁵ В. М. Бейлис соглашается с мнением автора «Сирата»; он, в частности, предполагает (со ссылкой на Нуайри), что упомянутой в «Сирате» [28, стр. 129] славянин из византийской армии, попавший в плен в Славия, мог быть русом, т. е. происходить из Приднепровья или Северного Причерноморья [82, стр. 113].

⁴⁶ Так, одно время все восточные области государства — от Ракхеды до египетских границ — были под властью славянина Музаффара, а западным краем владения Кайсир. Оба они впоследствии были казнены Муиззом за пренебрежение власти [64, стр. 145; 28, стр. 57—58].

⁴⁷ Мнения исследователей о происхождении Джаухара расходятся из-за различного изображения в источниках его ясы; наиболее обоснованными мне кажутся рассуждения И. Хрбека в пользу славянского происхождения Джаухара [226, стр. 560—571].

⁴⁸ Наименование «зувайлнты» происходит от названия столицы Феццаана в Западном Судане — Зувайла (или Завила), через которую черные рабы вывозились в Северную Африку.

в Египте, и оно состояло из кинанитов, румийцев, славян, берберов и магрибишцев, и было их несметное число, так что говорили, что войска, большего, чем у Муизза фатимидского, не вступало на землю [Египта] после войск Александра, сына Филиппа»⁴⁹, — пишет Ибн Ибас [74, I, стр. 46]. По другим данным, на службе у Муизза в то время насчитывалось 100 тыс. кутамитов, 40 тыс. берберов других племен и 60 тыс. негров [293, стр. 143]. Численность славян неизвестна, но на большую их роль указывает тот интересный факт, что сам Муизз наряду с берберским, румийским и суданским владел также и трудным для араба славянским языком [66, I, стр. 353]⁵⁰. Однако при преемнике Муизза халифе Азизе значение славянской гвардии упало: по убедительному предположению И. Хрбека, неудача Джаухара в Сирии вызвала пренебрежение Азиза к славянам вообще [226, стр. 573]. Резко уменьшилась и численность славян в стране: сказались различные меры, принятые против работорговли венецианцев, и последствия образования на Балканском полуострове самостоятельных государств.

Уже Азиз, не доверяя ни славянам, ни берберам, ни прочим, создал в противовес им отряды из бывших пленных — тюрок Хафтагина и дейлемитов — воинственных обитателей североиранских гор: «Во времена сына его [Муизза] — Азиза би-ллаха Низара — стали использовать дейлемитов и тюрок, и он выдвигал их и делал своими приближенными»⁵¹, — пишет Макризи [66, II, стр. 12; см. также 13, стр. 140; 18, стр. 48; 74, стр. 48]. В начале правления Мустансира преобладающее положение в армии заняли негры; это, видимо, объяснялось тем, что мать халифа, фактически правившая в эти годы, была негритянкой, бывшей рабыней, и весьма покровительствовала своим соотечественникам.

Интереснейшее описание фатимидской армии времен Мустансира имеется у Насира Хосрова в главе о празднестве по случаю открытия канала; ввиду большой ценности передаем

⁴⁹ «Кинана» — один из крупных арабских племенных оазисов, в период возникновения ислама обитавших в окрестностях Мекки. Отдельные ветви кинанитов в разные времена переселялись в Египет; известно, что их последнее переселение имело место при халифе Фатме (1154—1166). Поскольку о кинанитах как элементе войска Муизза в других наших источниках ничего не говорится, можно предположить, что Ибн Ибас, позднеjší автор, произвел здесь некоторую перестановку событий. Впрочем, возможна и ошибка переписчика, и вместо «кинаниты» следует читать «кутамиты».

⁵⁰ Румийский был, вероятно, сицилийским диалектом итальянского, суданский — каким-то африканским языком [226, стр. 559], а славянский — одним из южнославянских диалектов.

⁵¹ Выражение Ибн Ибаса «тюрок из монголов» — пример свойственной ему иногда путаницы и изложения. Утверждение Ф. Вюстенфельда, будто основной опорой Азиза оставались кутамиты [290, стр. 148], не соответствует сведениям источников [см., например, 73, стр. 82].

это описание целиком: «В этот день все войско султана⁵² выстраивается по отрядам и полкам. Каждый отряд носит особое имя и прозвище. Одних называют кетамийцами. Они пришли на службу к ал-Мунззу ли-Дин Алла из Кайруана, говорят, что их — двадцать тысяч всадников. Другой полк называется Батыли, это магрибинцы, которые пришли в Египет еще до прибытия султана. Их, как говорят, пятнадцать тысяч всадников. Третий — Масмуди, негры из страны Масмуди, их тоже двадцать тысяч человек. Четвертый — Машарикэ, это турки или персы, которых называют так потому, что они по происхождению не арабы, и, хотя большинство из них родилось там же в Египте, все же прозвание их произвели от страны их происхождения. Утверждают, что их — десять тысяч, вид они имеют очень внушительный. Другой отряд называют Абид аш-Шера, это рабы, купленные за деньги, их, как говорят, тридцать тысяч человек. Еще один отряд называют бедуинами, их — пятьдесят тысяч всадников. Другой отряд называют Устадами, это — рабы, белые и черные, купленные для разного рода услуг, их — тридцать тысяч всадников. Еще один отряд называется Серайн⁵³, это пехотинцы, собранные из разных стран. У них есть особый военачальник, который и заботится о них. Каждая народность из составляющих этот отряд сражается при своем оружии, их — десять тысяч человек. Другой полк называется Зиндж, сражается исключительно мечами; их, как утверждали, тридцать тысяч человек» [5, стр. 114—115].

В пояснение следует сказать, что под названными здесь «батыли» («ал-батлийа») подразумеваются члены одного из берберских племен, впервые появившегося в Египте вместе с Джаухаром⁵⁴. «Масмуди» — здесь явно одно из суданских племен (одноименное с берберским); в каком именно качестве — рабов или наемников — находились эти люди в армии Фатимидов, остается неизвестным⁵⁵. «Машарикэ», т. е. «ма-

⁵² То, что Насир Хосров называет Фатимидов султанами, т. е. только светскими правителями, Е. Э. Бертельс считал одним из проявлений его прежних суннитских симпатий [5, стр. 21]. Возможно, что дело обстоит проще: Насир Хосров лишь использовал слово, слышанное им в Египте от жителей [см. 293, стр. 78].

⁵³ Т. е. дворцовые служители (прим. Е. Э. Бертельса).

⁵⁴ Ибн Абд аз-Захир рассказывает, что во время одной из раздач войску жалованья, которую производил Мунзз, этим войскам не хватало денег, и они заявили: «Поистине стали мы ничего не стоящими (батыли)!». С тех пор их и прозвали «ал-батлийа» [68, IV, стр. 46; см. также 13, стр. 140; 60, III, стр. 357].

⁵⁵ «Если же из Египта поехать к югу и проехать через Нубию, придетесь в страну Масмуди. Это очень плодородная обильная скотом земля, у обитателей ее черная кожа, крепкая кость и сильное телосложение. В Египте много солдат этого племени, они некрасивы и высокого роста... Они сражаются пешими, мечом и копьём и другим оружием пользоваться не умеют» [5, стр. 105]. У Калкашанди же «масмуди» фигурируют как берберское племя из числа пришедших вместе с Мунззом со

шарика», — множественное число от араб. «машрики» («житель Востока»), несомненно, упоминавшиеся турки и дейлемиты.

Непонятна разница между «абид аш-шера» и зинджам, так как оба эти термина обычно обозначали черных рабов. Может быть, разница здесь заключалась в способе привлечения на службу, и зинджи в отличие от «абид аш-шера» были паемниками?⁶⁶

На основные подразделения фатимидского войска указывают и названия кварталов Каира того времени, где эти отряды размещались⁶⁷.

Во второй половине правления Мустансира в связи с усилением армянской иммиграции, следствия византийского, а затем сельджукского вторжения в Армению, в египетской армии возросло число армян. Преобладание в армии армянского элемента установилось со времени передачи полномо-

---

своим вождем Абдаллахом Маснуди [60, III, стр. 362; см. также 53, II, стр. 297; «Маснуди — большое племя берберов, обитавшее в горах Сусы в Дальнем Магрибе»], Утверждение Мушаррафы [293, стр. 144], будто маснуди появились в Египте при Азизе, нашими источниками не подтверждается.

⁶⁶ Вслед за цитированным отрывком у Насира Хосрова идут слова, дающие представление о международном престиже Египта в середине XI в.: «Кроме того, был еще отряд, состоящий из царских сыновей и сыновей пашей различных стран, собравшихся в Египте; их не считают принадлежащими к составу войск. Там были князья из Магриба, Пемона, Рума, Славянских земель, Нубии, Абиссинии, сыновья Хосрова Дехлезийского, прибывшие туда вместе с матерью, сыновья грузинских царей, дейлемские царевичи и сыновья Туркестанского хакана» [5, стр. 115]. «Князья из Славянских земель» — несомненно, какие-то вожди южных славян; подразумевать здесь славян западных или восточных лет никаких оснований [см., например, 108, стр. 224].

Под Хосровом Дехлезийским, по всей вероятности, подразумевается правитель Делийского султаната из мусульманской династии Халаджи (1320 г.). В таком случае упоминание о его сыновьях — явная интерполяция переписчика с целью возмещения Мустансира. Упомянем, кстати, и сообщение Ибн Муассара о том, что при дворе Мустансира находился и нубийский царь, плененный заместителем Куса [18, стр. 26].

⁶⁷ По словам Насира Хосрова, «в городе Каире десять кварталов, которые там называют „харр“». Вот их перечисление: харрат Берджувая (по имени упомянутого слуха Барджавана. — Л. С.), харрат Зуайфа, харрат ад-Джударийе (по имени одного из приближенных халифа Махди) [60, III, стр. 357], харрат ал-Умара, харрат ад-Дайалима, харрат ар-Рум, харрат ад-Батийе, Каср аш-Шаук (видимо, по названию одного из фатимидских дворцов), Абид аш-Шера, харрат ал-Месамидэ» [5, стр. 119]. Имелся еще квартал «Баринья», где в свое время располагались новыи армии Муизза, происходившие из Барки [58, стр. 16].

Имелся и квартал «Визирья», где размещался личный отряд везира; это подразделение возникло впервые при Ибн Кутайбе и насчитывало сначала 1500, а затем 4 тыс. человек [60, III, стр. 357; 290, стр. 149, 152]; затем оно не раз прекращало свое существование и возникало вновь. Квартал «Махмудийа» получил свое название по имени одного берберского племени, пришедшего в Египет при Азизе, а квартал «Салихийа» — по имени везира Салиха Талав ибн Рузайка [60, III, стр. 358].

чий главнокомандующего армянскому полководцу, упоминавшемуся наместнику Акки Бадру ал-Джамали; оно сохранялось до середины XII в. [116, стр. 317], однако и негры оставались еще многочисленны. «Когда прибыл из Акки эмир войска Бадр ал-Джамали и перебил сановников, а отряды его были из армян, то и войско [Египта] с тех пор сделалось по большей части армянским, а [значением] кутамитов упало», — писал Макризи [66, II, стр. 12].

О составе войска пишет и Калкашанди; его сведения относятся ко времени последних халифов, скорее всего Хафиза; он делит войско на три разряда. К первому, по его словам, относились эмиры с ожерельями, эмиры с серебряными кольцами и низшие эмиры, не имевшие права на такие знаки отличия. Из сравнения, которое Калкашанди делает между ними и эмирами мамлюкской эпохи, можно заключить, что первые командовали сотней воинов каждый, вторые — сорока, третьи — пятьюдесятью. Ко второму разряду Калкашанди относит свиту халифа, куда входили евнухи для особых поручений (более тысячи человек), юноши из свиты (примерно 500 человек) и юноши из казарм (примерно пять тысяч). Третий разряд составляли полки, поименованные по их халифу, везиру или народности, к которой они относились («хафизийя», «джиунийя», «румийя», «сакалиба», «суданийя») [60, III, стр. 480]⁶⁴. Здесь, как и в описании Насира Хосрова, в основе лежит деление на гвардию и основную армию, но о бедуинах ничего не сказано; не упоминаются и магрибинцы. В перечислении полков нет хронологического соответствия: так, во времена Хафиза особый полк славян вряд ли мог существовать⁶⁵.

В середине XII в. в Египет прибыло войско Нур ад-дина Зенги, состоящее из тюрок и курдов, однако полное вытеснение ими армянских, негритянских и прочих отрядов произошло уже после перехода всей власти к Салах ад-дину.

* * *

Служба в армии — преимущественно конной — была исключительной привилегией сословия «людей меча», что не ускользнуло от внимания Насира Хосрова; по его словам, «на лошадях, кроме воинов и солдат, никто не ездит, то есть

⁶⁴ При Хафизе появился особый отряд для охраны наследника (танфат ал-ахлийя) [270, стр. 8].

⁶⁵ Наряду с сухопутной армией в составе фатимидских вооруженных сил был, как говорилось выше, и флот. В отличие от раннеарабского времени, когда выделение людей для службы на флоте было одним из видов дигургии, лежащей на обштинах, при Фатимидах флот укомплектовывался добровольно, наемниками; высокое жалование и военные добычи делали службу во флоте почетной [201, стр. 98—101].

не ездят базарные торговцы, крестьяне, ремесленники и чиновники» [5, стр. 125—126]⁶⁰.

Положение воина в фатимидском обществе определялось не происхождением, не правовым статусом, а степенью его верности халифу (везиру, полководцу); это видно из распоряжения халифа Муизза, обращенного к кадию Нуману, в котором говорится: «Со всеми теми нашими рабами, которые преданы нашему делу, следует обращаться, как со свободными людьми, применяя установления маликитского права во всем, что касается их наследования, свидетельств, их действий и их положения в целом. С теми же из них, кто не предан, следует обходиться, как с обычными рабами, которые могут распоряжаться (своим имуществом) лишь в той мере, в какой им это позволяют их господа» [28, стр. 184—185]⁶¹.

По-видимому, большинство лиц, относящихся к войску, при Муиззе и его преемниках фактически пользовались всеми правами свободных, даже если в источниках они именуется рабами⁶². Знаменитый Джаухар, например, будучи ра-

⁶⁰ Отсутствие в египетской армии того времени воинов из местного населения отмечал Ф. Востсифельд [290, стр. 264] и С. Готштейн [43, стр. 72]. Однако в 1077 г., когда упоминавшийся тюркский военачальник Агемз после захвата Иерусалима и Дамаска вторгся со своими отрядами в пределы Египта (куда его, по словам Ибн Му'ассара, пригласил один из тюрков — приближенный Ибн Хандана [18, стр. 25]), Агемз был изгнан лишь благодаря народному ополчению. Ибн ал-Асир рассказывает об этом так: «И обратились главы селений и предводители их к халифу Муста'исиру бин-Алау Алави, жалуюсь ему на тех, кто обосновался у них (т. е. воинов Агемза.—Л. С.), и был получен ответ, что он не в силах отразить этого врага.

И сказали ему: мы пошлем к тебе своих бойцов, которые будут с тобой, а тем, у кого нет оружия, ты дай его. Ведь войско этого врага подлагает себя в безопасности и расслабилось по стране, а мы восстанем против него и одну ночь и перебьем его. И когда ты выйдешь, против него с теми людьми, что с тобой, то он будет боеспособен против тебя. И он (Муста'исир) согласился с ними в этом, и направили они к нему людей. И однажды ночью все они восстали, и запали на тех, и перебили всех до последнего. И спаслись из них только те, кто был в войске при нем самом (Агемзе). И выступила против него войско, находившееся при Муста'исире, в Каире, и не был он в состоянии удержаться против них, и был разбит, и перенесся в Сирию. А жители Египта были избавлены от зла его и изгнаны» [59, VIII, стр. 123; см. также 73, стр. 66; 19, стр. 109—112]. О возможности поднять феллахов Египта против крестоносцев говорил везир Шавар [72, I, стр. 166].

⁶¹ Рабы согласно суннитским малякаби не имели права на личную собственность, не могли наследовать свободному и свидетельствовать в суде против своего господина [132, стр. 122; 130, стр. 404, 432]. Сводку данных о правовом положении рабов см. также [113, стр. 186 и сл., 274].

⁶² Так, Насир Хосров пишет о завоевании Египта при Муиззе: «Говорят, что войско там было тридцать тысяч всадников, прибывших туда, все они были рабами эмира» [5, стр. 106]. «Все рабы в Мисре (Египте.—Л. С.) либо нубийцы, либо руиницы»,—говорит Насир Хосров в другом месте, явно имея в виду не войско, а лиц действительно рабского положения [5, стр. 99].

бом (он стал вольноотпущенником лишь после завоевания им Египта), путем покупки смог приобрести часть недвижимой собственности (дома в Мансурии), причем владельцем другой части был халиф. Поскольку собственницей третьей части этого дома была жена Джаухара, он воспользовался правом первенства при покупке («шуфаа»), которое могло принадлежать лишь свободному человеку [28, стр. 185].

На рабов же, не принадлежавших к военному сословию, о которых упоминалось выше, это постановление Муизза вряд ли распространялось.

Другой характерной чертой фатимидского военного сословия было если не полное отсутствие, то, во всяком случае, слабое развитие наследования чинов⁶³.

Возможные наследники скорее оказывались за пределами сословия, которое поэтому можно назвать нестабильным; при этом в пределах одного поколения в нем существовали довольно прочные связи на этнической основе.

Важными причинами такой нестабильности были преобладание государственной земельной собственности и неразвитость наследственного служилого землевладения; это резко отличало Египет от современной ему Западной Европы и сближало с Византией⁶⁴.

⁶³ Судя по цитированным выше словам Насира Хосрова, такое наследование можно предполагать у названных им *лишарико*, в которых можно видеть потомков воинов упомянутого полководца Хафатагила, Иби Муйассар [18, стр. 76] сообщает об отряде молодых людей (*сиблай ал-хасс*) из знатных семей, в том числе военных, созданным везиром Банном (1131—1132) для борьбы со своим соперником Кутайфой, о котором будет речь ниже. «А их было большое число,— говорится в другом месте того же сочинения.— и эти юноши были детьми воинов, знатных и государственных лиц (*абид ад-баран*). И если кто-либо из них умирал, а у него были дети, то их доставляли к халифу и отправляли в особые места, где их обучали военному делу» [18, стр. 90]. Везир Иби Салар (1140—1144), узнав об участии «сиблай ал-хасс» в заговоре против него в самом начале его везирства, перебил многих из них, а уцелевших изгнал в пограничные области [18, стр. 90]. Таким образом, этот отряд просуществовал не более десяти лет. Кроме того, известно о военной школе, открытой везиром Афлаком после взятия крестоносцами Аскалона [1153], куда, по сообщению Иби Туайфра, были отобраны для обучения три тысячи детей воинов [65, I, стр. 443—444; 61, I, стр. 94—95]. Однако с падением фатимидского государства, т. е. всего через 18 лет, эта школа, как видно, прекратила свое существование.

⁶⁴ Несомненное сходство придворного церемониала Фатимидов и современных им византийских императоров объясняется, надо думать, сходством общественного строя Египта и Византии, и в частности огромным общественным и политическим значением верховного правителя, что обуславливалось в какой-то степени и упомянутой неустойчивостью военного сословия [см. 95; 93; 177].

Передача по наследству военных должностей получила в Египте значительное развитие лишь в поддлемамлюкский и турецкий периоды, в то время как в Византии феодальная знать западноевропейского образца была достаточно сильна уже в XII в. [95, стр. 60—61; 152, стр. 290].

Правящий класс фатимидского Египта был, таким образом, весьма сложен по составу; отношения внутри него также были сложными и зачастую напряженными. Члены правящей династии боролись за право на имамат (и, следовательно, халифат). Поводы к этому давало само исмаилитское учение, признававшее передачу имамата лишь от отца к сыну, но не содержавшее точного положения о старшинстве наследника. Кроме того, согласно исмаилитской традиции назначение имама его предшественником («насс») не могло быть отменено, а если наследник умирал раньше своего отца, имаму должен был наследовать сын этого наследника (так было, когда Исмаил умер раньше своего отца Джафара Садика) [28, стр. 21—22]. По другой же традиции имам мог издать новый указ о наследовании [69, стр. 103].

Фатимидские халифы, по крайней мере в первой половине их правления, сами назначали себе наследников, не всегда считаясь с этими установлениями. Так, Хаким пытался сделать наследником не своего сына, а племянника Абд ар-Рахима⁶⁵; Адид пришел к власти после своего двоюродного брата Физа, умершего без наследников.

Сравнительно недавно стало известно о внутридинастийной борьбе при Муиззе. Так, в письме внуку Джаузару он требовал держать в тайне смерть своего отца Мансура и от карода, и от своих родственников, которых он называет дураками и дьявольскими обезьянами⁶⁶. Это объяснялось тем, что лица из Фатимидов, оттесненные от трона или высоких должностей, делали попытки заговора против Муиззы, как и против его предшественников Махди и Мансура [28, стр. 90].

⁶⁵ В упомянутой рукописи «Иттиаз» говорится, что Хаким приказал сшить для Абд ар-Рахима на мехтах, избранных на знаменах и изготовляемых в tirar одеждах, дал ему право принимать прошения от населения. Абд ар-Рахим уломившись в хутбе, участвовал в торжественных мездах. В 1015—16 г. Хаким направил его палестинком в Дамаск. После смерти Хакима Ситт ал-Мульк послала за Абд ар-Рахимом своих приближенных; он был доставлен в Тивис и убит [69, стр. 57—60].

⁶⁶ Муизз в этом письме почти дословно повторяет выражения из проповеди и письма халифа Мансура, где тот применяет к своим дядям (сыновьям Махди) и братьям (сыновьям Каима) выражение Корана «посклятое древо» (сура XVII, 52), обычно прилагавшееся к Омейядам, а затем связывает их обезьянами, свиньями и ослами [69, стр. 106—108]. «Сират Джаузари» показывает, что для равних Фатимидов была характерна чрезмерная забота о преемнике. Так, после смерти Махди его законный наследник Каим не явился на его погребение, прежде чем назначил себе наследника. Этот обычай, по мнению надателя «Сират Джаузари» М. Калара, восходит ко времени сестры (сокрытия). Но возможно, как показывают документы той же «Сираты», что причина этого крылась в борьбе за власть, ибо родственники Махди готовили против Каима заговор, о чем ему было хорошо известно [28, стр. 91—93]. Позже положение изменилось. Муизз, например, назначил Абдаллаха наследником много времени спустя после смерти Мансура [28, стр. 213].

Сосредоточение одних членов правящей династии в Маддине вызывало ревность других. Против Тамима, старшего сына Муизза, предполагавшегося наследника, велись интриги (кроме него у Муизза было еще трое сыновей; уже упоминавшийся Абдаллах, Низар и Акил). Еще до переезда в Египет Муизз назначил своим наследником второго сына, Абдаллаха, по наиболее достоверным данным — из-за связей Тамима с сыновьями Касима ибн ал-Кайма, т. е. враждебными халифу его двоюродными братьями⁶⁷, причем единственным хранителем этого распоряжения сделал Джаузара⁶⁸. Прибыв в Египет, Абдаллах начал борьбу с карматами, но вскоре после победы над ними умер. Тогда Муизз вопреки ожиданиям некоторых Фатимидов назначил преемником не внука своего Маадда, сына Абдаллаха, а третьего сына, Низара, правившего затем под именем Азиза би-ллаха [69, стр. 70; 28, стр. 208, 209]. Другой эпизод внутрдинастийной борьбы, принявшей уже вооруженный характер, относится ко времени Хафиза, который в 1133 г. объявил своим преемником старшего сына Судаймана, но тот умер через два месяца после этого. Тогда Хафиз сделал своим наследником следующего сына, Хайдару, назначив его на должность главного кадия.

Против Хайдары восстал третий сын Хафиза, Хасан, опиравшийся на негритянские отряды «джуйушия»⁶⁹. Борьба принесла ему победу, и Хафиз вынужден был издать новый декрет о наследовании в пользу Хасана⁷⁰. Став наследником, Хасан занял пост везира. Вымогательствами и насилиями он восстановил против себя войско. Хафиз, уступив требованиям военных, приказал своему врачу отравить Хасана. Боясь новой смуты, халиф не стал более назначать преемника; после смерти Хафиза на трон вступил его младший сын Абу Мансур Исмаил под именем Зафира⁷¹.

⁶⁷ В «Сарат Джаузари» говорится, что Тамим сблизился с ними и тайно переписывался; между дворцами Мансурина и Маддин, где жили эти единомышленники, слуги носили письма. Джаузар довел об этом имама, и тот приказал перехватывать переписку [28, стр. 107, 147—150].

⁶⁸ Еще ранее Джаузару была доверена Каймом тайна назначения Мансура; он хранил ее семь лет. Тайну назначения Абдаллаха Джаузар хранил семь месяцев, пока имам не открыл ее еще некоторым приближенным [28, стр. 213—216].

⁶⁹ Под *джуйушия* в наших источниках первоначально имелись в виду личные отряды *эмира водех* (*джуйуши*) и везира Бадр ал-Джанзали, состоявшие из артии (разнолично раннему термину *вазириди*). При многочисленных везирах — преемниках Бадр это подразделение стало негритянским, но старое название, как видно, сохранялось; определить более или менее точно время такого изменения не представляется возможным.

⁷⁰ Текст декрета о назначении Хафизом Хайдары дошел до нашего времени [69, стр. 103—107].

⁷¹ Об этих событиях см., например, [63, III, стр. 9]. После воцарения Зафир издал декрет, в котором призывал народ к верности своей особе. Текст декрета сохранился у Калкашанди; хотя имя халифа, дата издания и имя писца в нем не названы, Шайхал путем убедительных логических

В некоторых случаях смуты из-за престолонаследия приводили к глубокому расколу в среде исмаилитов, имевшему серьезные последствия для судьбы как их секты, так и государства.

ИСМАИЛИТСКИЕ РАСКОЛЫ

Прежде чем перейти к характеристике связанных с этим событий, следует сказать, что, несмотря на все усилия по распространению исмаилитского вероучения, Фатимидам не удалось вытеснить в Египте суннизм, которого (вопреки утверждениям некоторых позднейших авторов) [см., например, 67, II, стр. 205] продолжало придерживаться большинство населения. Напротив, с самого начала египетского периода мы наблюдаем дальнейший кризис исмаилизма, что проявлялось в выступлениях против основных его положений.

Судя по документам, опубликованным С. Стерном, уже при Муиззе некоторые высокопоставленные члены исмаилитской иерархии утверждали, что после Мухаммада ибн Исмаила имамат прекратился и стали править его преемники, халифы, которых было всего семь; считалось, что Муизз — последний из них, причем первым халифом был не сын Мухаммада ибн Исмаила, а некий Абдаллах ибн Маймун ал-Каддах (см. о нем ниже). Другие продолжали считать Фатмидов имамами, но потомками не Али, а Каддаха. Муизз считал необходимым вести борьбу с этими течениями с осторожностью [274, стр. 20—21].

Причину возникновения этих представлений можно видеть в желании оправдать крушение широких исмаилитских планов отсутствием полноценного руководства.

Широкая пропаганда исмаилизма за пределами халифата, где исмаилиты в глазах простого народа продолжали оставаться поборниками истины, объяснялась стремлением Фатмидов вознаградить себя за неуспех их проповеди в самом Египте.

Несомненно, что гонения на христиан, учиненные халифом Хакимом, объективно следует рассматривать как попытку вывести секту из кризиса. Начало этих гонений относится к 1011 г., когда Хаким приказал разрушить все христианские церкви и конфисковать их имущество и земли.

К 1015 г. около 30 тыс. церквей в Египте и Сирии было разрушено и разграблено, в том числе и знаменитая церковь Воскресения в Иерусалиме, что послужило одним из поводов к Крестовым походам⁷². Христианам предписывалось или при-

доводов доказывает, что документ этот исходил именно от Зафира, вынужденного самому заботиться об обосновании своего права на трон [69, стр. 108—113].

⁷² Предание о ее разрушении см. у Насира Хосрыя [5, стр. 92].

нять ислам, или покинуть страну. Число обращенных поэтому резко увеличилось; ведомства, где принимались прошения об обращении, были переполнены. Многие христиане бежали в Византию, Эфиопию, Нубию. Было возобновлено предписание о строгом соблюдении так называемых «правил Омара» — об одежде и поведении немусульман⁷³. С 1012 г. начались гонения и на иудеев. Лишь в 1017 (или 1020) г. гонения были прекращены и насильственно обращенным было разрешено вернуться к прежней вере.

Идея изгнания из Египта неверных, по-видимому, была внушена Хакиму крайними шиитами, приток которых с Востока наблюдался в начале XI в. Под их влиянием у Хакима появилась и другая идея — о божественности его личности. Из числа экстремистов, в свое время воспринявших исмаилитизм благодаря фатимидской пропаганде, особенно большую роль при дворе играл вначале Мухаммад ибн Исмаил Дарази, пришедший в Каир из Бухары. Отвергая утвердившееся со времен Муизза представление об имамах — потомках Али как исполнителях воли Аллаха относительно торжества истинной религии, из которых каждый до некоторой степени являлся Махди, Дарази ставил Али выше Мухаммада, т. е. имамат — над пророчеством, и отождествлял Али (а поэтому и всех имамов, включая Хакима) с самим творцом [249, стр. 80 и сл.; 225, стр. 12].

Другим известным деятелем из крайних, стремившихся превратить культ Хакима в официальное вероучение, был Хамза ибн Али ибн Ахмад ал-Лаббад, выходец из Хорасана.

Хаким, уверовав в свою божественность, отказался от всех традиционных обрядов ислама, признаваемых исмаилитами, перестал посылать покрывало для Каабы и препятствовал отправлению паломников в хаджж. Странные распоряжения Хакима (запрещение торгово-ремесленной деятельности в дневное время, запрещение женщинам выходить из дома) рассматривались как провозвестие конца мира. Главы исмаилитов в Каире и других местах отнеслись к культу Хакима резко отрицательно: среди египетских исмаилитов к тому времени прочно утвердилось умеренное направление.

Известно, что в 1017 г. делегация крайних шиитов, возглавляемая Хасаном ал-Акрамом, выходцем из Ферганы, явилась в пятничную мечеть Фустата, где Дарази начал читать свое сочинение о божественности Хакима. По одним данным, делегация эта была целиком перебита, по другим — Дарази удалось спастись от ярости толпы [225, стр. 11].

Примерно в это же время приверженцы нового учения появились и в Сирии, особенно на ее северо-западе, в Вади

⁷³ Подробнее о «правилах Омара» см. [4, стр. 538—613]. Причиной гонений считалось подстрекательство халифа одним христианским монахом, которому патриарх отказал в должности епископа.

Тайм и Джабал Сумак⁷⁴. Хаким, прекратив на некоторое время пропаганду своей божественности, в 1019 г. вновь ее возобновил, причем главным пропагандистом стал теперь Хамза, усиливший культ; он провозглашал Хакима не имамом, а исключительно божеством, не связанным с земной иерархией⁷⁵. Проповедь божественности не прекращалась вплоть до таинственного исчезновения Хакима в 1021 г.⁷⁶

Эти факты излагаются во многих наших источниках [см., например, 66, II, стр. 495—496; 74, стр. 56; 68, IV, стр. 183—184; 67, II, стр. 17; 63, II, стр. 158—159; 4, стр. 660—663]; мимо них не прошел ни один из исследователей фатимидской эпохи [см., например: 39, стр. 139—141; 184, стр. 114—115; 169, т. II, стр. 21—32; 251, стр. 35—38; 249, стр. 115]⁷⁷. П. Ватикотис считал преследования Хакимом немусульман «умной и необходимой» в виду кризиса египетского исмаилизма мерой [283, стр. 4—5].

В. Иванов утверждал, что «действия Хакима, стремившегося уничтожить христианство, были не поступками безумца, а прямым результатом... настроения масс — движением в сторону реализации их идеалов»⁷⁸, имея в виду первоначальную исмаилитскую идею создания мировой мусульманской империи путем борьбы с неверными.

Однако отмечаемое многими исследователями равнодушное отношение большинства египетского населения к исмаилитскому учению вряд ли говорит в пользу такого утверждения; об антихристианских настроениях можно говорить лишь применительно к коптам — чиновникам фискальных ведомств, но, поскольку известно, что христиане и нуден продолжали в течение всех этих лет оставаться на государственной службе, можно заключить, что от преследований пострадало преимущественно торгово-ремесленное население и духовенство.

Изгнание и разорение множества трудящихся не могли не нанести ущерба египетскому хозяйству, но вряд ли усилили

⁷⁴ Известие Ибн Тагри-Бурди [68, IV, стр. 183] о том, что Дарази сам вел проповедь в Сирии, сомнительно; сирийская дружеская традиция называет проповедниками здесь других лиц. М. Хаджсон считает, что возникновение предания о миссии Дарази в Сирии связано со стремлением объяснить тот факт, что друзья упомянутых мест носили имя Дарази. Но термин *даразиды* (или *дуразиды*) в ту эпоху применялся ко всем сторонникам культа Хакима в Египте и Сирии [225, стр. 5—6].

⁷⁵ Хаджсон объяснял это тем, что Хамза сам хотел наследовать вакантный имамат [225, стр. 12].

⁷⁶ Согласно преданию, непосредственными исполнителями заговора против Хакима, возглавлявшегося его сестрой, были египтяне, противники религиозных воззрений халифа [290, стр. 218].

⁷⁷ Отражением этих событий стало и появление в шиятниках этого времени почетного титула *ал-кадр*, который прилагался только к имени халифа, являясь атрибутом его божественности [35, стр. 56—59].

⁷⁸ Эту же мысль он высказывает и далее: «Многие его [Хакима] поддани были лишь материализацией подобных мечтаний масс, проведенной с максимальной жестокостью» [233, стр. 123].

симпатии египтян к исмаилизму и расширили его социальную базу.

Что же касается самого акта обожествления Хакима, то А. Мец связывал его с усиленным влиянием в X—XI вв. на Ислам древней гностики в форме неоплатонизма, и в частности в восприятии некоторыми мусульманскими кругами христианско-гностического учения о воплотившемся боге [100, стр. 229—230, 248]. О'Лири подчеркивал, что среди шиитов интерес к греческой философии, впитавшей элементы гностицизма, был тогда весьма велик [260, стр. 133]⁷⁹. Укажем также, что шииты-экстремисты имели свои секты уже в африканский период деятельности Фатимидов [28, стр. 21] и что некоторые исмаилиты в 60-х годах X в. провозгласили идею «божественности» Муизза, которую он решительно отверг [274, стр. 14]. К тому времени народные восстания были усмирены, Магриб подчинен, но угроза новых восстаний не миновала и влияние испанских Омейядов не было уничтожено; в среде самих Фатимидов не было единства; овладение Египтом стало главной их задачей.

Провозглашение божеством Хакима имело место в 1017-18 г., вскоре после восстания Абу Рахмы, о котором будет сказано далее и которое, по выражению А. Меца, «заметно потрясло основы его [Хакима] государства» [100, стр. 290] в обстановке усилившейся борьбы внутри армии и ухудшившегося ввиду обострения отношений с Аббасидами внешнего положения страны. На таком фоне как в африканский период, так и в начале XI в. акт обожествления, каковы бы ни были его источник и форма, объективно выполнял, надо полагать, определенную социальную функцию, так как был направлен на укрепление позиций государственной власти и правящего класса⁸⁰.

Во всем сказанном можно видеть еще одно подтверждение мысли И. П. Петрушевского о том, «как важно историкам наших дней изучать религиозную идеологию средневековья, какой бы она ни казалась нам скучной и мертвой, поскольку в свое время ее положения имели актуальное значение в общественной жизни» [113, стр. 203—204].

В начале правления Захира в Египте наблюдалась временная стабилизация исмаилизма; страной в действительности управляли шиитские шейхи, а законоведы-маликиты, т. е. приверженцы одного из суннитских мазхабов, широко распростра-

⁷⁹ При этом нужно иметь в виду, что исмаилитское учение с самого своего возникновения развивалось под сильным влиянием греческой науки (см. ниже).

⁸⁰ Культ Хакима, таким образом, подобно гонениям на иноверцев, не мог быть способом осуществления лозунга социальной справедливости, к которому стремилась «новое поколение, уставшее ждать взятия Багдада и Константинополя», как полагает М. Хаджос. Вместе с тем он отмечает крайнюю узость социальной базы этого движения в Каире [225, стр. 17].

ненного во всем Египте (как и в Магрибе) до Фатимидов, подвергались преследованию⁸¹.

Отношение к немусульманам в это время окончательно вошло в традиционное русло, и было даже заключено соглашение с византийским императором Константином VIII о восстановлении разрушенной мечети в Константинополе, тогда как халиф обязался восстановить церковь Воскресения.

Однако с конца XI в. кризис исмаилизма еще более усугубляется. Его внешними проявлениями, преимущественно отразившимися в наших источниках, были религиозно-политические расколы.

Первый из них произошел из-за наследования халифу Мустансиру, еще при жизни которого часть исмаилитов стояла за передачу имамата и халифата его старшему сыну Низару, в то время как другая держала сторону младшего, седьмого сына Мустансира — Мустали. После того как везир Афдаль возвел на трон Мустали, Низар бежал в Александрию, найдя поддержку у ее наместника и населения (1095 г.). Афдаль преследовал его, но был разбит, однако после короткой осады Александрии добился его выдачи. Низар был привезен в Каир; дальнейшая его судьба неизвестна [см., например, 70, I, стр. 2; 19, стр. 128—129; 18, стр. 27, 35; 73, стр. 66; 68, V, стр. 142; 13, стр. 443]⁸². Сторонники Низара образовали свою собственную секту с центром в Иране. Мусталиты, преобладавшие в Египте, представляли собой умеренное направление исмаилизма, тогда как низариты, верившие в пришествие имама-махди из потомков Низара, находящихся, по их убеждению, в сокрытии, были крайними; их учение, организация и методы действия имели существенные особенности⁸³.

Создав в конце XI в. в Иране свое государство, низариты («кассасины») начали успешную проповедь в Сирии, где им от-

⁸¹ Однако в это же время маликитский толк вновь сделался господствующим вероучением Ифрикии. Это было проявлением недовольства берберов господством Фатимидов и неглубокого восприятия ими исмаилитского учения. Отметим, кстати, что маликитское училище в Каире, созданное Хакимом, им же было закрыто через три года, а глава училища Абу Бакр Антаки казнен.

⁸² Как известно, претензии самого Афдаля (второго сына Бадра ал-Джамали) на халифат ни в ком не нашли поддержки. Ибн Халликан [61, I, стр. 162] пишет, что Низар был главой исмаилитов крепости Аламут, что следует понимать только как признание его главенства, а не реального присутствия в Аламуте.

⁸³ Учение низаритов получило название «нового призыва» («дават ал-джадида»); являясь, по выражению В. Иванова, «новой народной версией исмаилизма», оно сохраняло его первоначальную социальную программу, восприняв в то же время некоторые идеи еретического суфизма. Иерархия низаритов не была столь же сложна, как мусталитская; основным способом деятельности был, как известно, политический террор. Это учение отражало требования народных масс, противостоящих сложившейся со временем низаритской аристократии. Подробнее о «дават ал-джадида» см. [126, 127; 113, стр. 296—301; 84, стр. 137—138; 229, стр. 29].

крыто покровительствовал упомянутый выше сельджукский правитель Халеба Рудван.

Низаритский раскол означал если не полное прекращение деятельности египетских миссионеров на Востоке⁸⁴, то, во всяком случае, ее ослабление.

О расколе этом сохранилось важнейшее свидетельство — декрет халифа Амира, его знаменитое «Руководство» («Хидайат ал-амирийа»). Этот декрет, появившийся в 1121 г., т. е. всего через 20 лет после раскола, отражал официальную, мустанитскую точку зрения на события [54, стр. 20—31]⁸⁵. Сначала в нем излагаются взгляды низаритов, считавших истинным неманилитским имамом-халифом Низара, затем идет их опровержение: говорится, что Мустансир завещал имамат Мустанли и что Низар сначала принес Мустанли клятву верности, а затем восстал, движимый завистью к брату; приводятся доказательства и исторические, и из преданий о Мустансире⁸⁶. Далее говорится, что волю Мустансира приходилось скрывать во избежание возможных раздоров, а когда осложнения все же возникли, истина была раскрыта этим декретом ранее срока. Главным в «Хидайат» было утверждение: низаритский толк в Египте окончательно искоренен.

«Руководство Амира» было разослано по всей державе Фатмидов. Реакция была быстрой: обсудив это послание в Дамаске, в присутствии ортодоксальных фатмидских неманилитов, сирийские низариты послали в Каир гонца с письмом,

⁸⁴ Так полагает А. Е. Бертельс [84, стр. 135].

⁸⁵ Обстоятельства появления этого документа, согласно «Иттиа» Мак-ризи и Ибн Муийассару, заключались в следующем. Везир Мауни, выследив и схватив низаритов, прибывших в этом году из Ирана, заявил Амиру, что не в состоянии окончательно справиться с ними, так как дворец недоступен для него, «а в нем — корень зла». Этот намек относился к теще Амира, т. е. родной сестре Низара, которая постоянно пребывала в халифском дворце вместе с двумя своими сыновьями и подозревалась в связи со сторонниками последнего. Стремясь оправдаться, она добилась у халифа созыва специального собрания. Оно было открыто чтением декларации, составленной дворцовыми теологами, в которой доказывалось, что Мустанли — законный наследник. В частности, говорилось, что выпуск монет с именем Низара, если он и имел место, еще не означал его исключительных прав на халифат. Затем из-за занавеси выступила принцесса с призыванием законности назначения Мустанли, свидетельницей которого она якобы была во время последней болезни Мустансира; затем она прокляла сторонников Низара. Таким образом, подозрения относительно ее связи с низаритами были рассеяны [69, стр. 47 и сл.; 18, стр. 66—67]. «Хидайат ал-амирийа» был составлен на этом собрании и основан на декларации, что хорошо проследено С. Стерном.

⁸⁶ Содержание одного из таких преданий следующее: во время «великого бедствия» Мустансир разослал своих сыновей из Каира в менее опасные места: Абдальлах послал в Акку, к Бадру ал-Джамали, Абу-л-Касима (отца Хафиза) — в Аскалон, Низара — в Дамиегту, а старшего, Мустанли, оставил в столице и приказал ему не покидать дворец. О двух других сыновьях Мустансира — Дауде и Исмаиле — упоминаний нет.

в котором обосновывалась визаритская позиция⁸⁷. Амир ответил на него, повторяя прежние доказательства и добавляя новые [69, стр. 68—70]. Однако утверждение о ликвидации египетских назаритов оказалось преждевременным, ибо Амир в 1130 г. был убит именно ими⁸⁸.

После этого события произошел новый раскол: многие исмаилиты считали законным наследником Амира его сына Тайиба, родившегося, по версии Иби Муйассара, за девять месяцев до гибели халифа⁸⁹, в то время как на троне утвердился как регент двоюродный брат Амвра Абд ал-Маджид под именем Хафиза. Судьба Тайиба остается неизвестной: по одному преданию, он скрывался в Дальнем Магрибе, по другому — еще ребенком был убит по приказанию Хафиза [69, стр. 81, 86]⁹⁰. Сторонники исчезнувшего наследника появились не только в Египте, но и в Сирии, и в Йемене⁹¹.

Довольно скоро тайибиты смогли свергнуть Хафиза; во время почти годичного правления везира Абу Али Ахмада нбз Афдаля по прозванию Кутайфа (внука Бадра ал-Джамали) шиизм исмаилитского толка как государственная религия был отменен и провозглашено учение двенадцатников (имами-

⁸⁷ Об этом говорится в сохранившемся приложении к «Хидайату», о котором С. Стери пишет: «Из этого приложения видно, сколь успешной была исмаилитская пропаганда в Дамаске, находившемся в сфере влияния Аббасидов, и сколь остры были отношения назаритов и мустанитов» [54, стр. 31]. По-видимому, ответ назаритов относился не только к «Хидайату», но и к особому письму, отправленному везиром Мамуном в то же время Хасану аз-Саббаху, в котором везир убеждает его отказаться от верности Низиру [54, стр. 27 и сл.; 18, стр. 68]. Как видно, утверждение Иби Халликая, будто еще при Мустане исмаилитская проповедь во многих городах Сирии прекратилась, не может относиться к Дамаску [61, I, стр. 161].

⁸⁸ Иби ал-Асир считает причиной гибели Амира его силовость к внамитскому назхабу, что вызвало особое возмущение назаритов [59, VIII, стр. 335]; еще в 1125 г. они составили в Каире заговор с целью убить Амира и возвести на трон его брата Джафара, однако попытка эта не удалась [290, стр. 296; 18, стр. 64, 69; 73, стр. 71].

⁸⁹ В. Иванов сомневался в самом существовании Тайиба, но сохранился рассказ Иби Муйассара [18, стр. 44] о празднестве по случаю рождения Тайиба и упоминание о декрете Амира, по которому Тайиб назначался наследником.

⁹⁰ Известна и другая версия: у халифа родился не сын, а дочь, причем после его смерти [68, V, стр. 174, 239; 61, I, стр. 402]. Шайнал поддерживает третью версию, весьма смутно отраженную в источниках: жена Амира после его смерти родила второго сына. Боясь гнева Хафиза, она якобы спрятала ребенка в корзине в Карафи (предместье Каира). Зная о происшествии и желая править единолично, Хафизу начал поиски наследника. Через два месяца один проповедник наткнулся на ребенка и донес об этом Хафизу, который, с ведома везира Кутайфа, приказал его убить. Согласно этой версии, Амир назначил наследником именно второго сына, а регентом за неделю до своей гибели — Абд ал-Маджид; новый указ имама о наследовании якобы отменял предыдущий, т. е. назначивший Тайиба [69, стр. 78—82].

⁹¹ Йеменские тайибиты основали влиятельно в Индии, а та часть этой фракции, что осталась в Йемене, просуществовала до подчинения этой территории Аййубидам.

тов). Этот факт дает возможность предположить, что в основе раскола крылись противоречия между умеренной и более консервативной (тайбибитской) группировками исмаилитов. Однако «исмаилитские элементы отнюдь не были увлечены перспективой превращения их в религиозную секту, отделенную от государства» [278, стр. 202—203], и в результате нового переворота Хафизу удалось вернуться к власти как халифу; Кутайфа был казнен⁹². Египетские исмаилиты раскололись, таким образом, уже на три фракции (низариты, хафизиты, тайбибиты), причем последние продолжали существовать в Египте до конца династии.

По мнению В. Иванова и Б. Льюнса, четыре последних фатимидских халифа (Хафиз, Зафир, Фаиз и Адид) даже сами не считали себя имамами, а в хутбе упоминалось имя Каима-Махди, последнего имама, фатимидского мессии [231, стр. 106; 245, стр. 107].

С. Стерн справедливо считает это утверждение ошибочным, полагая, что Каим упоминался в хутбе лишь в течение короткого правления имама Кутайфы, и В. Иванов произвольно применял известия об этом к правлению Хафиза и его преемников, которые продолжали считаться имамами [278, стр. 202; см. также 13, стр. 508]⁹³. Во всяком случае, в самом конце правления Фатимидов законность имамата не признавалась всеми членами исмаилитской секты. Не имевшие ни внутреннего единства, ни влияния на простой народ, но вместе с тем сохранявшие в своем учении (хотя и не в первоначально категоричной форме) идею социального переворота, исмаилиты не могли выступать носителями идеологии, объективно необходимой правящему классу.

После захвата власти Салах ад-дином в хутбе вместо Адиды было провозглашено имя аббасидского халифа Мустады⁹⁴. Исмаилиты были сосланы в Верхний Египет, но продолжали сопротивляться действиям новой династии. Ими была подго-

⁹² По-видимому, именно к этому времени (1131 г.) относится декрет, изданный Хафизом, в котором излагается официальная точка зрения, обосновывающая его право на трон. В нем, в частности, излагается хадис о Куи Гадире (месте между Меккой и Медной), где пророк якобы передал свои полномочия Али, бывшему, как говорилось, не только мужем его дочери Фатимы, но и его двоюродным братом (день, в который произошло это событие, со времен Муизы стал ежегодным праздником египетских шиитов). Декрет заканчивается призывом ко всем подданным принести клятву Хафизу как халифу и словами клятвы, принесенной визиром Иашиком после смерти Амира [69, стр. 71 и сл.; 288, стр. 111].

⁹³ Последний фатимидский халиф, Адид, был особенно рыжим шиитом: «Если он видел суннита, то пускал ему кровь», — писал Ибн Халликан [61, I, стр. 294].

⁹⁴ «И когда прекратилась хутба [на имя] Адиды, стали люди сунны пощирать исмаилитов, и преследовать их, и унижать, и те не смели выходить из своих домов», — писал Абу Шама о Фустате [72, I, стр. 197].

товлена целая серия антихайубидских восстаний, выдвигались новые претенденты на халифат⁹⁰.

После смерти Адида они провозгласили имамом его сына Дауда под именем Хамидаллаха; когда Дауд погиб в тюрьме, имамом стали считать его сына Сулаймана, тайно воспитывавшегося в Верхнем Египте и пытавшегося поднять там восстание; Сулайман был схвачен султаном Камилем. В 1176 г. исмаилиты провозгласили имамом под именем Мустасима двоюродного брата Адида — Абу-л-Аббаса и в этом же году в Кифте — некоего Лже-Дауда. В 1192 г. в Каире появился их новый кандидат в имамы-халифы — предполагаемый внук Хафиза, а в Фасе — внук Адида.

По убедительному предположению П. Казановы, во время заговора 1176 г. египетские исмаилиты, которых кадий ал-Фадл называет в своем письме бандой или чернью, действовали заодно с крестоносцами и со своими бывшими врагами — сирийскими низаритами-ассасинами, которых возглавлял Рашид ад-дин Синай [183, стр. 430]⁹⁶. Однако поражение исмаилитов было неизбежным⁹⁷.

ВОЕННЫЕ БУНТЫ, ВОССТАНИЯ ПЛЕМЕН, БОРЬБА ЗА ВЕЗИРАТ

При преимущественно оборонительной внешней политике египетских Фатимидов основной сферой активности армии была внутренняя борьба за власть, за долю в совокупной феодальной ренте, позже — за икта. Именно эта сторона действительности обращала на себя главное внимание авторов

⁹⁶ «И когда султан Салах ад-дин овладел Египтом и вознамерился схватить Адида и его партию, то спросил об этом позволения у законовель, и они разрешили ему это из-за несоблюдения им (Адилом) догмы, ущерба, причиненного (им) вере, и множества восстаний его сторонников» [68, V, стр. 342; см. также 73, стр. 80, 82].

⁹⁷ Все же члены династии Фатимидов и их окружение не были истреблены Салах ад-дином и его преемниками, и существовали, по крайней мере, до середины XIII в. Историк Ибн Васил, главный судья Хама, находясь в 1243 г. в Египте, видел Сулаймана ибн Дауда, очень слабого и больного, окруженного почтением исмаилитов. В 1261 г. он же видел в каирской штабелях внука Адида — Абу-л-Касима и вел с ним беседу о родословной Фатимидов. В то время были живы и два других внука Адида [183, стр. 439—441].

⁹⁸ В свете всего сказанного представляется неправомерным заключение упоминавшейся выше статьи П. Ваткинотиса о Хакиме, в ряде случаев справедливо усматривающего в его внутренней и внешней политике разумные, исторически обусловленные мотивы: «Если бы он не был убит, никогда бы не произошло раскола „дават“ и правление Мустаисара и возникновения экстремистских групп, подобных ассасинам. С его смертью правящая фатимидская группа потеряла энергию и воображение, необходимые для спасения дезорганизованной „дават“» [283, стр. 8]. Заметим все же, что далеко не все действия Хакима, порождавшие его современников, находят разумное объяснение и в наше время.

сохранившихся источников. Логика исследования и реальные возможности подводят нас к необходимости остановиться на некоторых фактах, относящихся к этой проблеме.

Борьба внутри армии началась при Азизе, когда против старых сторонников Фатимидов, берберов, выступила новая военная знать — турки и дейлемиты, совершенно свободные от влияния исмаэлизма и быстро усиливавшиеся экономически и политически. Берберы-кутамиты утеряли прежнее влияние уже при Муиззе, хотя их вождь Ибн Аммар и считался первым сановником после Джаухара. Связь династии с ее племенной основой ослабевала; влияние исмаэлитского учения на берберов быстро исчезало. На это указывает принятие Ибн Аммаром (в связи с провозглашением халифом Хакима) среди многих других и титула «амин ад-даула», переводимого как «доверенный государства»; он означал, что племена берберов окончательно отказались от сектантской точки зрения, согласно которой фатимидское государство было воплощением божественного права Махди и его преемников. Ибн Аммар стал рассматривать Египет и подчиненные ему провинции просто как «даула», или светское государство, которым должна управлять не арабская династия, а сами покорители-берберы [260, стр. 125; см. также 18, стр. 53; 65, стр. 14].

Вооруженная борьба турок и дейлемитов против берберов усилилась в начале правления Хакима. Вождем турок в это время сделался опекун юного халифа белый слепой Барджаван, о котором упоминалось выше и которого многие исследователи считают славянином⁹⁸. Партию берберов возглавлял Ибн Аммар.

Военные действия происходили на улицах Каира и в Сирин, наместником которой в то время был турок Мангутагин, поддерживавший, естественно, тюркскую фракцию. Мангутагин начал готовить свое войско к походу на Египет. Ибн Аммар, узнав об этом, послал против него армию во главе с Сулайманом ибн Джафаром ибн Фаллахом, бербером-кутамитом.

Битва между войсками Сулаймана и Мангутагина имела место в Аскалоне (по другим данным, в Рамле); турки потерпели поражение, Мангутагин попал в плен и был привезен в Египет, где его благосклонно принял Ибн Аммар, стремившийся объединить берберов и турок в целях свержения Фатимидов. Однако объединения не произошло, и в ходе дальнейшей борьбы верх одержали турки; Ибн Аммару пришлось скрываться в пустыне. Барджаван стал фактическим правителем страны при несовершеннолетнем Хакиме, пока тот в 1000 г. не приказал убить своего опекуна; славяне, не игравшие в этой борьбе самостоятельной роли, после гибели Бард-

⁹⁸ О полемике относительно происхождения Барджавана см. [226, стр. 525].

жавана потеряли всякое значение, чего нельзя сказать о берберях⁹⁹.

Именно на время правления Хакима и начало правления Захира приходится крупное выступление бедуинских племен, о которых здесь стоит вкратце упомянуть, хотя они происходили не в Египте, а в Сирии, где, как говорилось, власть Фатимидов никогда не была крепкой.

Так, к ним относится восстание бедуинов во главе с Муфараджем ибн Дагфалем ибн Джаррахом из племени рабиа. Оно имело место в 1000 г., после того как упомянутый берберский наместник Сулайман был вместе со своим гарнизоном изгнан из Дамаска. Центром их восстания сделалась Рамла, откуда бедуины совершали набеги на окружающие территории. Восставшие были рассеяны отрядами нового фатимидского наместника, но в 1003 г. поднялись снова. На этот раз их возглавил сын Муфараджа Хасан; поводом к восстанию послужило бегство к бедуинам некоего Хусайна, преследуемого Хакимом.

К восставшим присоединились все племена Хиджаза во главе с мекканским шарифом Хусайном ибн Джафаром, которого они провозгласили халифом. Поход правительственной армии во главе с Ярихтагином не был успешен, бедуины вновь укрепились в Рамле. По-видимому, они действовали в союзе с византийцами, которые в то время овладели Амамеей.

Хаким направил вождям восставших два послания, обещая богатые дары за восстановление верности. Тогда между бедуинами и Хусайном ибн Джафаром начались распри, и он вернулся в Мекку. В новом походе армия Хакима изгнала бедуинов из Рамлы, Муфарадж ибн Дагфаль был отравлен по приказу халифа; Хасан, сын его, два года находился в ссылке. Мекканский шариф продолжал считать себя халифом до 1013 г., когда он вновь признал верховенство Фатимидов и имя Хакима вновь появилось в его хутбе¹⁰⁰.

Эти восстания были, как видно, движениями бедуинов за независимость; во втором из них целью даже являлось свержение Фатимидов; по всей вероятности, руководящая роль в обоих случаях была за племенной знатью.

⁹⁹ Об этих событиях см., например, [18, стр. 55—56]. В декрете о воцарении Амира от 1101 г. выходя из запада и востока — «загриби» и «машрахи» считаются даже основными делениями войска [69, стр. 37—40]. В указе Адльда о назначении Салах ад-Дина везиром говорится: «В нем (т. е. египетском войске. — Л. С.) — люди Запада, в то время как свое войско — из людей Востока» [69, стр. 175—177]. Впрочем, несколько ранее в этом тексте различаются «черные и красные», т. е. арабы и все прочее — иноземцы [69, стр. 172—173]. — деление производится на другой, этнической основе.

¹⁰⁰ Интересные подробности об этом восстании, содержащиеся в одном из так называемых «Посланий друзей» («Сирах ад-Мустакимма»), см. [53, I, стр. 186—187, а также 6, стр. 48—59].

В 1023 г., когда Фатимиды, стремившиеся, как говорилось, укрепиться в Сирии, заняли Халеб, против них вновь поднялись племена сирийских бедуинов; наиболее видным из их вождей был упомянутый Хасан ибн Муфаррадж, вступивший в связь с мятежными бану курра в Барке. Фатимиды были изгнаны из Халеба, Дамаска, Химса, Баалбека, Сидона. «Хасан ибн Муфаррадж ибн Дагфаль овладел большей частью Сирии, а он был тогда правителем Рамлы, и содрогнулось государство Захира», — писал Ибн Давадар в своей хронике под 1028 г. [13, стр. 324].

После долгой и трудной борьбы фатимидская армия, возглавляемая тюрок Ануштагином, смогла вернуть себе Дамаск (1029 г.) и Халеб (1038 г.)¹⁰¹.

К середине XI в. относится новая вспышка борьбы внутри армии. Поводом к тому послужило убийство турецким воином одного гвардейца из негров (1062 г.), причем тюрок и присоединившихся к ним берберов поддерживал Мустансир, а негры составили личные отряды матери Мустансира, стремившейся к единовластию¹⁰². Рассеявшись по стране, негрятянские отряды грабили население. Борьба их с тюрками шла с переменным успехом; берберы захватили часть северного побережья; негры также смогли на некоторое время овладеть Александрией.

Еще до начала этих столкновений в Египте началась эпидемия чумы и повысились цены на продовольствие; попытка халифа добыть зерно в Византии, как говорилось, не имела успеха.

В 1064 г. из-за засухи в стране началась невиданная голодовка («великое бедствие»), длившаяся восемь лет; во время ее, по словам Суфута, погибло $\frac{3}{4}$ жителей Египта [67, II, стр. 207]. Упадок хозяйства усугублял тяжелое положение в стране.

В 1067 г. тюрки во главе с Насиром ад-Даула из мосульских Хамданидов добились победы, рассеяв и изгнав основные силы негров в Верхний Египет.

Произвол военщины дошел до крайности; была разграблена христианские монастыри Вади Натрун и Верхнего Египта. Жалованье тюрок и берберов составляло 400 тыс. динаров в месяц вместо 28 тыс. в предшествующее время; невозможность уплаты этих сумм из казны повлекла за собой распро-

¹⁰¹ Наиболее подробное описание событий этих лет в Сирии находится у Мусабихи [см. 159, II, стр. 46 и сл.].

¹⁰² Для этого периода характерна неизвестная ранее в Египте двойственность гражданского управления: Мустансир имел своего пезира, мать его — своего, которым стал упоминавшийся выше банкир и купец Абу Сад ат-Тустари, некогда продавший Захиру черную рабыню — будущую правительницу. Обладая капиталом, необходимым опытом и связями, Абу Сад помогал ей в осуществлении ее политики [см. 203, стр. 78 и сл.].

дажу сокровищ из халифских дворцов [см., например, 235].

Держа халифа на положении пленника, Насир ад-Даула обратился к халифу Каиму с просьбой включить Египет в аббасидский халифат при условии назначения его наместником. Насир ад-Даула отменил хутбу за Мустансира, но вскоре погиб от рук соперников. В 1073 г. Мустансир в отчаянии передал полномочия главнокомандующего наместнику Акки, армянину Бадру ал-Джамали. Прибыв морем в Дамьетту, Бадр со своими армянскими отрядами внезапно вступил в Каир в феврале 1074 г. Тюркских вождей он хитростью захватил и перебил, отряды кутамитов рассеял. Умиротворив столицу, Бадр отправился на Средиземноморское побережье, где подчинил арабов, негров и берберов Лавата и взял штурмом Александрию. Затем двинулся в Санд, где разбил объединившиеся арабские племена Джухайна, Салаба и Джафар и вступил в Асуан, отняв его у мятежных бедуинов Кана. Вернувшись, Бадр перебил в Бухайре множество бедуинов, а частично изгнал их в Барку [18, стр. 23, 34; 73, стр. 63—64]¹⁰³.

Страна была таким путем умиротворена, но авторитет халифа восстановлен лишь номинально, ибо, как говорилось, вся власть с этих пор перешла к везирам. «И не было у Мустансира и следовавших за ним халифов ничего, кроме имени, так как везиры овладели делами и опекали их, и присвоили себе титулы правителей, и относились к ним, как правители [относятся] к халифам нашего времени и подобно тому, как Бувайхиды и им подобные относились к багдадским халифам», — писал Суйути [67, II, стр. 23; см. также 18, стр. 25]. Борьба внутри армии при этом не прекратилась; везиры стали активнейшими ее участниками; расшири эти, как было уже отмечено, не были обособлены от религиозных разногласий. Так, Ибн Тагри-Бирди под 528 (1133-34) г. писал, что войско разделилось на суннитов и рафидитов (букв. «отступников», т. е. шиитов [68, V, стр. 253; см. также 18, стр. 76, 88; 19, стр. 267—270], где под суннитами подразумеваются, вероятно, сторонники Хасана, после гибели которого везир Бахрам решительно вмешался в каирские дела и подавил сопротивление негров. С согласия Хафиза Бахрам увеличил войско путем приращения в Египет около 30 тыс. своих соплеменников-армян. Против него выступил наместник Гарбин армянин Рудван с бедуинами; отряды Бахрама изменили ему, и везир бежал. Рудван вошел в Каир и возглавил везират; часть воинов Бахрама

¹⁰³ Некоторые противники Бадра ал-Джамали бежали в Пеман и были истреблены там Ахмадом ибн Мухаррамом, что видно из письма Мустансира к Малике Сайида от сентября — октября 1087 г. [49, стр. 321—322]. Бадру пришлось бороться и с собственным старшим сыном Аухадом, выступившим против него в 1084-85 г. со множеством воинов, в том числе арабов, и осадившим Александрию. Аухад был побежден и пленен [18, стр. 26].

вынуждена была уйти из Египта. Будучи суннитом-шафритом, Рудван считал правление Фатимидов незаконным и стремился заточить халифа; Хафиз способствовал всплеску восстания военных — противников Рудвана, в ходе которого отказался предоставить ему убежище, и в 1139 г. Рудвану пришлось спастись бегством [см. 180, 181].

Позже, в 1146-47 г., в Саиде против Хафиза выступил эмир Бишхатсар со своими сторонниками, также стремившийся к везирству. Против него были направлены отряды лавата, которые подавили восстание; эмир был взят в плен и казнен [18, стр. 86].

При Зафире боролись партнеры везиров Ибн Салара и Ибн Масала. Суннит Ибн Салар, поддерживаемый многими эмирами, одержал победу, но вскоре был убит своим внуком Насром, сыном главнокомандующего Аббаса, действовавшим по совету Усамы ибн Мункыза. Везиром стал Аббас; он, подстрекаемый тем же Усамой, убил Зафира и возвел на трон одиннадцатилетнего Фаиза. Тогда против Аббаса восстали эмиры; их возглавил губернатор Ашмунайна, упомянутый армянин Талай ибн Руззик; Аббас с Насром и Усамой бежали в Сирию, причем спастись от преследования удалось лишь последнему.

Талай ибн Руззик, шиит-имамит, стал теперь везиром Фаиза. По-видимому, его первоначальной целью было свержение Фатимидов и признание Аббасидов, ибо его воины вошли в Каир с черными аббасидскими знаменами [см., например, 72, I, стр. 91; 19, стр. 329—331]. Попытка его вступить в союз с Нур ад-дином Зенги не была удачна; тем не менее на основании самого этого факта П. Казанова считает Талая ибн Руззика последним честным фатимидским везиром [183, стр. 429]¹⁰⁴.

Последний акт борьбы внутри армии связан с именами Руззика ибн Талая, Шавара и Диргама; он сравнительно хорошо отразился в наших источниках, особенно в сочинении Ибн Фурата, дополняющего картину событий неизвестными до сих пор подробностями.

Эти трагические события заключались в следующем. Вскоре после возведения на трон последнего фатимидского халифа, девятилетнего Адида, везир Салих Талай ибн Руззик был убит в результате интриг тетки Адида (1161 г.); везиром стал его сын Руззик, которому отец с полным основанием завещал опасаться Шавара — наместника Верхнего Египта из арабов. Руззик ибн Талай вскоре попытался лишить Шавара наместничества, но тот направился в Каир со своими силами, со-

¹⁰⁴ Однако позже, при Адиде, Талай ибн Руззик, как говорилось, занимался спекуляциями, притеснял чиновников (и христиан). Это было одной из причин убийства его гвардейцами в 1116 г. с ведома халифа [260, стр. 234].

стоящими главным образом из бедунов, и с одобрения халифа овладел везиратом; Руззик был казнен (1162 г.)¹⁰⁵.

Однако через семь месяцев Шавар был низложен военачальником Диргамом — своим бывшим союзником, главой эмиров «баркийя»¹⁰⁶, недовольным полученным вознаграждением. Шавар бежал в Дамаск и просил помощи у Нур ад-дина, обещая ему за это треть египетского хараджа и часть земель.

Как говорилось, выгоду союза с Нур ад-дином при фатимидском дворе понимали и ранее, и еще до Талаа везир Иби Салар начал с ним переговоры через посредство Усамы ибн Мункыза. Однако Нур ад-дин не шел на сближение вплоть до взятия франками Аскалона, когда угроза захвата ими Египта стала особенно явной. Лишь в 1164 г., после второго нападения крестоносцев на Египет, Нур ад-дин вынял просьбам Шавара и направил в Египет несколько своих отрядов под командованием курда Ширкуха¹⁰⁷. Войско Ширкуха разбило врагов Шавара; Диргам, будучи в стесненном положении, решил конфисковать вакуфные деньги, предназначенные для сирот, что вызвало общее возмущение, как и расправа его со многими эмирами. Верные отряды его покинули, и во время бегства из Каира Диргам был растерзан толпой (1164 г.).

Шавар утвердился на посту везира, но отказался выполнить свое обещание. Тогда Ширкух поручил Салах ад-дину, своему племяннику, участвовавшему в походе, захватить Бильбейсе — главный город Шаркин, что дало ему возможность удерживать большую часть этой провинции. В ответ Шавар направил посла к нерусалимскому королю Амальриху, предложив ему дань за помощь в изгнании сирийских отрядов, своих бывших союзников.

Амальрих согласился, ввел свое войско в Египет и в течение трех месяцев осаждал Салах ад-дина в Бильбейсе. Но Нур ад-дин начал новое наступление на крестоносцев; когда известие об этом дошло до Амальриха, он поспешил вернуться для защиты своих собственных владений, дав Ширкуху возможность уйти в Сирию. В начале 1167 г. Ширкух был снова послан в Египет Нур ад-дином, причем багдадский халиф Мустанид горячо поддерживал это предприятие. Амальрих вновь по-

¹⁰⁵ Шавар с везира Абеда овладел большей частью богатств фамилии Руззик; своим сторонником он десятикрато увеличил жалование, что, несомненно, способствовало опустошению государственной казны [73, стр. 77; 72, I, стр. 165].

¹⁰⁶ Этот полк эмиров был создан везиром Талаа ибн Руззиком и размещался в старинном квартале «Баркийя», откуда и получил свое название, хотя эмиры отнюдь не происходили из Барки [58, стр. 16, 20].

¹⁰⁷ У Ибн Фурата [75, стр. 5—6] сохранился текст письма, в котором Шавар благодарит Нур ад-дина за отправку Ширкуха (в редакции, отличной от имеющейся у Абу Шамы) [72, I, стр. 169]. Амальрих в этом походе нанес египтянам большой ущерб при Бильбейсе и отступил лишь тогда, когда Диргам открыл плотину и затопил страну.

спешил на помощь Шавару (при условии уплаты ему 100 тыс. динаров) и ввел в Каир сильный гарнизон; часть армии Ширкуха погибла в этом походе из-за песчаной бури, но он смог все же разбить некоторые отряды Амальриха и Шавара в Ашмунайне и овладеть Александрией; ее заместителем Ширкух назначил Салах ад-дина.

Однако блокада Александрии войсками союзников вынудила Ширкуха заключить с ними соглашение и вновь уйти из Египта.

Третий и последний поход Ширкуха происходил в 1168 г., когда Амальрих, вновь направившись в Египет, взял Бильбейс, и Шавар заключил с ним соглашение, по которому сумма дани увеличилась до 1 млн. динаров [см., например, 72, 1, стр. 154]¹⁰⁶.

Наместником Каира в это время, а несколько позже преемником Шавара Адид назначил его среднего сына Камилля (по прозвищу Шуджа), по-видимому потеряв доверие к его отцу¹⁰⁷. Камилль, будучи до этого помощником Шавара, не был согласен с его политикой и стремился к союзу с Нур ад-дином. У него были, как видно, многочисленные

¹⁰⁶ Ибн Халдуи добавляет к этому еще 10 тыс. ирдаббов зерна [73, стр. 78]. Находясь в Бильбейсе и получив подкрепление, Амальрих нависал старшему сыну Шавара — Ибн Тайи о разрыве соглашения с его отцом; вероятно, здесь имелось в виду другое соглашение, в котором франки гарантировали безопасность Бильбейса: «И увиделись франки в это время, и когда Мари [Амальрих] вступил в Бильбейс, то послал он [гоним] к находящемуся там Ибн Тайи ибн Шавару с вопросом: „Где мы находимся?“ [Последний] ответил: „На острие копья“. И было расторгнуто то, что было заключено с Шамс ал-Халафа (доверенным лицом Шавара, — Л. С.), и утвердился в нем (Бильбейсе) он (Амальрих), и осадил его (осаждена была, вероятно, крепость Бильбейс, ибо крестоносцы уже укрепились в пределах города. — Л. С.). И дошло до франков, что Ибн Тайи ибн Шавар сказал: „Разве Мари считает Бильбейс сыром, который можно съесть?“ И начал Мари сравнение, и смело бросился с мечом, и перебил всех находившихся там или взял в плен, и разграбил все, что было в Бильбейсе, и послал сказать везиру Шавару: „Да, Бильбейс — сыр, а Каир — сливки“» [75, стр. 22; см. также 72, 1, стр. 170]. О переписке Амальриха с Ибн Тайи говорится и ниже [75, стр. 24]. О пребывании крестоносцев в Каире у Ибн Тагри-Бирди говорится: «И дал Шавар франкам деньги и хлеба, и поместил их в домах Каира, и дал им особые рынки» [68, V, стр. 348]. По словам Ибн Фурата, всадники и звать франков, заняв Каир, стали править мусульманами. Амальрих, видя недостаток правителей Египта, сам стремился властвовать в нем. Он приказал разделить город (балад) Египта между своими сподвижниками, а село раздать воинам. Амальрих призвал в Египет дополнительный отряд крестоносцев, ввиду того, что Нур ад-дин в то время был занят в Халебе, а его войско было рассеяно [75, стр. 19].

¹⁰⁷ Текст этого декрета (первого документа такого рода в эпоху Фатимидов) сохранился. Он гласит о достоинствах Камилля ибн Шавара, о его отваге, благодаря которой была одержана победа над крестоносцами в Гизе (о чем в других источниках ничего не говорится), об отличном исполнении им обязанностей наместника [69, стр. 157—170]; Ибн Халдуи, однако, не разделял мнение о стремлении Камилля к союзу с сирийцами [73, стр. 78].

сторонники из числа жителей Каира, ненавидевших Шавара¹¹⁰, и он смог прекратить возникшие в столице бесчинства крестоносцев.

Адид снова обратился за помощью к Нур ад-дину, вложив в послание локоны женщины и детей (автором послания с просьбой был, по всей вероятности, Камиль). Сирийская армия вновь вступила на египетскую землю; Шавар по-прежнему вел двойную игру, стремясь столкнуть друг с другом франков и сирийцев. Еще до прихода Ширкуха Шавар сжег Фустат, предложив в то же время Амальриху мир при условии уплаты 400 тыс. динаров (вероятно, в счет упомянутой дани). Следует сказать, что в Египте были тогда и сторонники крестоносцев из знати; они были враждебны и Шавару и переписывались с франками [75, стр. 21]. При приближении Ширкуха крестоносцы ушли в Палестину без боя; 6 июня 1169 г. войско Ширкуха заняло Каир. Шавар был казнен турками¹¹¹. Та же участь постигла Камиль: «Когда Камиль Шуджа, сын Шавара, узнал о гибели своего отца, то укрылся со своими детьми и сестрами во дворце. Ширкух послал во дворец своих людей, по тем временам Адид прислал ему серебряное блюдо с головою Камилля ибн Шавара и прочих. И Ширкух опечалился: он знал, что Камиль спас его от своего отца, и сказал, что желал ему лучшей доли... Так прекратилась в Египте линия везиров из людей меча» [75, стр. 33; см. также 74, стр. 67; 68, V, стр. 352]¹¹². Но, вопреки словам Ибн Фурата, после Камилля эта линия еще продолжалась: Адид назначил везиром Ширкуха¹¹³, а несколько позже везират перешел к Салах ад-дину.

Однако борьба за везират и халифат на этом не кончилась. Потомки Шавара и Ибн Руззика участвовали в упомянутых выше заговорах против Салах ад-дина. Известно, что в 1176-77 г. заговорщики стремились избрать нового халифа, причем партия Шавара считала наиболее достойным кандидатом кого-либо из малолетних сыновей Адида¹¹⁴. Дети Талая

¹¹⁰ Они переписывались с Нур ад-дином и обещали ему за помощь против Шавара и франков треть египетских земель, не считая трети, предназначавшейся для Ширкуха [75, стр. 24—25].

¹¹¹ Ибн Фурат на основании Ибн Зафира и других авторов утверждает, что это было сделано Ширкухом и Салах ад-дином по тайной просьбе Адида [75, стр. 32], подтверждая, таким образом, предположения Абу Шамы [72, I, стр. 171].

¹¹² Камиль спас жизнь Ширкуху, убийство которого замыслил Шавар после его второго египетского похода [75, стр. 28].

¹¹³ Текст указа Адида о его назначении полностью сохранился у Ибн Фурата [75, стр. 34—44].

¹¹⁴ В этой связи представляют интерес некоторые сохранившиеся подробности о жизни последнего фатимидского халифа. Адид был женат на дочери везира своего предшественника Фаиза, причем во время свадьбы халифу не было и восемнадцати лет. Об обстоятельствах, при которых был заключен этот брак, в рукописи «Иттиаз» говорится следую-

ибн Руззика, унаследовавшие, по мнению П. Казановы, политическую мудрость своего отца, стояли за «зрелого человека» Абу-л-Аббаса (как говорилось, двоюродного брата Адиды) [183, стр. 423—424]. Не довольствуясь своими интригами в связи с выбором халифа, они вместе с фамилией Шавара стремились овладеть везиратом. Что же касается армии, то после раскрытия заговора евнуха Джаухара¹¹⁵ и расправы с ним против сирийских войск восстала фактически вся армия Фатимидов — подразделения негритянские («райханийя», «джуфуйшыйя», «фархийя») и армянские¹¹⁶. Адид сам руководил действиями негров; сирийцев возглавлял брат Салах ад-дина Туран-шах. Негритянские отряды были разбиты в боях на кайрских улицах¹¹⁷; уцелевшие воины были изгнаны в Гизу, а их имущество и земли перешли к тюркам и курдам Салах ад-дина. Было сломлено и сопротивление армян. Обращенная к Нур ад-дину просьба Адиды убрать тюрков из Египта не была исполнена [75, стр. 87], и фатимидская армия прекратила свое существование¹¹⁸.

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Фатимидский Египет, как видно из всего сказанного, не знал социального покоя. Наряду с внутриклассовой имела

еще: «Салих ибн Руззик выдал за Адиду свою дочь; после того как Адид от нее отказался, Салих схватил его и держал до тех пор, пока тот не согласился. А Салих это сделал для того, чтобы стать воспитателем их сына. И таким образом в роду Руззика объединилось могущество и халифство» [69, стр. 123]. Салах ад-дин, став везиром, изолировал Адиду во дворце: он ежедневно приходил требовать у халифа деньги, коней и слуг; когда у Адиды отняли последнего коня, торжественные выезды прекратились. У Адиды было 13 сыновей; своим преемником он назначил старшего сына Дауда. Сохранился указ о назначении Дауда наследником — последний фатимидский документ такого рода [69, стр. 116 и сл.; 290, стр. 356]. Как говорилось, исмаилиты пытались осуществить волю халифа, но безуспешно.

¹¹⁵ Его полное имя — Джаухар ибн Абдаллах Музаинн ал-Халафи. «И было действие этого Джаухара причиной падения династии Убайдулов, и был причиной воцарения их в Египте полководец Джаухар. И между этими двумя Джаухарами — большая разница», — писал Ибн Фурат [75, стр. 77].

¹¹⁶ Ибн Фурат [75, стр. 70] и Калкашанди [60, III, стр. 361] определяют «фархийя» как одно из негритянских племен.

¹¹⁷ Ибн Фурат пишет, что сирийцы применяли в этой схватке сосуды с горящей нефтью. Когда Адид понял, что сражение проиграно, он вышел из дворца и сказал своим воинам: «Вот вам, рабы-собаки! Вы будете изгнаны из вашей страны!» Услышав эти слова, черные воины, которых [прежде] воодушевляло удовлетворение халифа их делами, упали духом и сражаться не могли [75, стр. 70]. Восставших негров Ибн Фурат насчитывает свыше 50 тыс. [75, стр. 69, 71].

¹¹⁸ Отметим, что в конце фатимидского периода, при везире Руззике ибн Талае, армия насчитывала 76 тыс. человек, тогда как при Музае и Мустансуре состояла из более чем 200 тыс. человек [66, I, стр. 65].

место и межклассовая борьба, хотя четко разграничить эти два вида антагонизмов не имеется возможности.

Известна попытка противостоять укреплению Фатимидов в Египте: в 971/2 г. некий Абд ал-Азиз ибн Хидж ал-Калби выступил в Санде с призывом восстановить власть Аббасидов. Полководец Джаухар послал против него 40 кораблей с войсками, а сушей — припасы. Мятежник был разбит и в клетке доставлен в Каир [64, стр. 183]. О социальной базе этого восстания можно судить лишь по исме его вождя — предположительно, это были бедуины-калбиты. Довольно большое число войск, посланных против восставших, говорит о многочисленности его участников.

Известны случаи столкновений жителей Каира, Фустата и Тинниса с берберами-завоевателями в первые годы фатимидского господства; Джаухар и Муизз наказывали виновных магрибинцев [64, стр. 183, 195, 198, 202]; в одном случае были наказаны горожане [64, стр. 192], но эти инциденты не перерастали в более серьезные движения.

Имели место выступления мусульманского населения против везиров и чиновников диванов — христиан и иудеев — из-за притеснений при сборе налогов и вымогательствах. Так, везир Азиза Иса ибн Настурус (Несторнус), назначавший христиан на все выгодные должности, и помощник сирийского наместника, а позже — наместник иудей Муша ибн Ибрахим (Менассе), снижавший налоги со своих единоверцев, вызвали возмущение мусульман и были смещены, причем везир должен был вернуть в казну 300 тыс. динаров, приобретенных нечестным путем¹¹⁹.

Вероятно, именно эти антихристианские настроения и послужили причиной инцидента, происшедшего в конце правления Азиза (996 г.): почти все сооруженные в верфи Фустата Максе корабли, которым предстояло сопровождать армию в сирийский поход против Византии, были сожжены. Виновниками происшествия население считало живших около верфи византийских подданных-христиан; их имущество было разграблено, многих из них перебили¹²⁰. В том же (или следующем) году в Фустате по той же причине на похоронах

¹¹⁹ Народное недовольство в этом случае проявилось необычным путем: на одной из улиц Каира была помещена лампадка в виде женщины, державшей в руках бумагу с жалобой на везира и наместника. Подобный же случай был и при Хакиме, которому это не понравилось и побудило его дать приказ о поджоге Фустата. Разбор вариантов сведений об этих фактах см. [288, стр. 105—106; 251, стр. 16; 203, стр. 63—64]. Иса ибн Несторнус был позже казнен по приказу Хакима [53, I, стр. 187—188].

¹²⁰ Похищенное по приказу халифа было возвращено, а виновники грабежа наказаны [66, II, стр. 195—196]. В. Р. Розен, рассматривая сообщения Пахия Антиохийского и Махриза об этом событии, убедительно показал, что под упомянутыми византийскими подданными подразумевается колония купцов из Амальфи [6, стр. 34—35, 293—300].

закатного иудея мусульмане забросали процессию камнями; волнения наблюдались и в селениях вокруг Фустата и в Александрии [251, стр. 31—32]. Нечто подобное происходило в стране и в 1024 г., во время голода и бесчинств сборщиков налогов [159, I, стр. 56—57; 77—79]. В 1128—29 г. чиновник одного из финансовых ведомств христиан Абу Наджах слоним притеснениями и вымогательствами вызвал общее недовольство. «и дело почти дошло до схватки»¹²¹; вскоре были возобновлены предписания против христиан [39, стр. 141—142]. В 1136—37 г. ввиду общего возмущения христианские чиновники (частично или полностью, неизвестно) были смещены с должностей, а на их место назначены мусульмане [18, стр. 82]¹²². Почти все прочие известные нам сведения о социальных движениях относятся ко времени Хакима с его непоследовательной и жестокой политикой, причем их главной силой являлись бедуины¹²³.

Самое крупное из них — восстание Валида по прозвищу Абу Раква¹²⁴, отпрыска испанских Омейядов, относящееся к 1005—1007 гг. Известия о нем сохранились у ряда авторов, в том числе у Ибн ал-Асира и Ибн Давадари [см., например, 59, VII, стр. 234—236; 68, IV, стр. 215—217; 73, стр. 58—59; 13, стр. 275—276; 19, стр. 64—66].

Поскольку со времен Ф. Вюстенфельда исследователи не обращали достаточного внимания на это событие, остановимся на нем подробнее. Абу Раква был одним из потомков Хишама I. После смерти халифа Хакима II Мустансира (961—976), когда его сыну Хишаму не было и десяти лет, власть фактически захватил везир Мансур Мухаммад. Стремясь упрочить свое положение, он стал преследовать членов правящей фамилии; многие при этом погибли, другим пришлось спасаться бегством. «И Абу Раква был в числе тех, кто бежал, а ему тогда было немногим более 20 лет» [59, VII,

¹²¹ И далее: «Не осталось [в Египте] ни одного [человека], кому он не причинил бы зла своими кознями, или битьем, или грабежом, или конфискацией имущества» [18, стр. 71—72].

¹²² У Ибн Муассара имеется и глухое упоминание о подобном же выступлении в Каире в 1151—52 г. [18, стр. 91].

¹²³ Выше упоминалось о движении сирийских бедуинов под главенством Муфарраджа ибн Дагфалы, имевшем место также при Хакиме; оно, по-видимому, не переросло в крупное восстание, оставшись бунтом племенного вождя. Египетское войско под командованием Ибн Самсала победило византийцев и арабов Ибн Дагфалы и заняло Дамаск. Сын Ибн Дагфалы впоследствии находился в армии Фадля, борющейся с Абу Раквой. В 998 г. произошло восстание жителей Тира (Сура) во главе с моряком по имени Улака. Известно, что восставшим помог лодьям и кораблям император Василий Болгаробойца, но флот, посланный Бард-Жаваном, одержал победу в битве у Тира. Улака попал в плен и был казнен; восстание прекратилось [см., например, 6, стр. 38—39].

¹²⁴ От араб. *раква* — кожаный бурдюк, который Валид постоянно возил с собой [33, I, стр. 159].

стр. 234] ¹²⁵. Он прибыл в Каируан, а оттуда направился в Египет, где зарабатывал себе на жизнь перепиской хадисов. Затем он побывал в Мекке, Йемене и Сирии; там Абу Раква, по своему происхождению и положению первоначально несомненно бывший суннитом, стал вести проповедь в пользу махди (или Каима), подразумевая под последним одного из своих царственных родственников.

Это не обязательно должно было означать приобщение Абу Раквы к шиизму: как упоминалось выше, идея пришествия Махди не была чужда и другим направлениям ислама, в том числе раннему суннизму, причем сунниты представляли своего мессию в образе идеального государя-реформатора, отнюдь не связывая его происхождение с Али ибн Абу Талибом. То же можно сказать и о сообщении Ибн ал-Асира, будто Абу Раква придерживался суфизма [59, VII, стр. 234] — мистического течения ислама, обычно характеризующегося аскетизмом, осуждением роскоши и богатства. Проповедь подобных взглядов могла принести популярность; суфийские идеи в то время имели такое же распространение среди суннитов, как и среди шиитов.

Не добившись, однако, успеха, Абу Раква вернулся в Египет и направился затем в Барку, где располагалась часть арабского племени бану курра; оно выставляло ополчение в фатимидскую армию и в то время страдало от произвола Хакима, по приказу которого были перебиты многие его вожди. Абу Раква поселился у этого племени и стал учителем их детей. Он смог привлечь к себе и издавна обитавших в окрестностях Барки берберов зената. Это племя, как и бану курра, выставляло воинов в армию и подобно ему было возмущено отношением халифа. Абу Ракве удалось примирить оба племени, постоянно враждовавших между собою; он провозгласил теперь в качестве махди себя, и они принесли ему клятву как имаму. Его сторонниками стали также берберы лавата и мазата.

Войско, направленное против него наместником Барки, было разбито, Абу Раква овладел всей этой областью и г. Рамада, расположенным на побережье между Баркой и Александрией. К нему присоединилось 16 тыс. человек из жителей Барки; они собрали для Абу Раквы более 200 тыс. динаров; его имя чеканилось на монетах, произносилось в хутбе. Повстанцы захватили множество оружия и припасов у фатимидского войска. Грабить население Абу Раква запретил.

Хаким, тревожась за будущее своего государства, прекратил репрессии против мусульманского населения и направил против восставших пятитысячное конное войско, возглавляе-

¹²⁵ Ибн Тагри-Бирди считает Абу Ракву племянником Хшамы II, т. е. двоюродным братом юного наследника [68, IV, стр. 215].

ное Иналом ат-Тавилем; оно дошло до границы Барки. Однако всадники Абу Раквы преградили Иналу путь через пустыню, осушив колодцы; войско Инала, ослабевшее от жажды, не могло сопротивляться; кроме того, многие кутамиты Инала, пострадавшие от преследований Хакима, перешли на сторону восставших.

Халифское войско было разгромлено, сам Инал и множество его воинов попали в плен. Абу Ракве досталась богатая добыча. Слава о нем распространилась по всему Египту, что тревожило Хакима и радовало тайных сторонников Абу Раквы из египетской знати и войска. Отряды восставших из Барки совершали рейды в Египет, особенно в Верхний. Абу Раква получал письма от египтян, приглашавших его в страну; среди них был главнокомандующий Хусайн ибн Джаухар, позже примкнувший к восставшим. Затем Абу Раква со своими основными силами направился из Барки в Верхний Египет и фактически занял всю страну до Каира. Хаким мобилизовал все египетские и сирийские силы — всего 12 тысяч конницы и пехоты, не считая арабов¹²⁶; это было в конце 1005 г. Правительственное войско на этот раз возглавил Фадль ибн Абдаллах (по другим данным, он был в войске Абу Раквы, а затем изменил ему ради даров Хакима); ему удалось склонить к измене одного из вождей бану курра — Мади.

Когда войска сошлись при Кум Шарике, недалеко от Александрии, многие египтяне покинули стан Фадля; битва никому не принесла решительной победы. Абу Раква особенно стремился привлечь на свою сторону арабов правительственной армии, напоминая им о злодеяниях халифа и обещая в случае победы передачу полной власти над Сирией, в то время как он сам со своими сторонниками намеревался утвердиться в Египте. Для переговоров с арабскими вождями Абу Раква должен был ночью приехать во враждебный лагерь. Изменник Мади сообщил об этом Фадлю, и в назначенную для прибытия Абу Раквы ночь Фадль, собрав к себе арабских шейхов под предлогом празднования прекращения поста, изолировал их в шатре. Налерез Абу Ракве Фадль послал свой отряд; произошла стычка, но Абу Раква смог ускользнуть. Так попытка сговориться с арабами халифской армии была сорвана.

Военные действия стали яростнее. Хаким послал в Гизу, провинцию Верхнего Египта, где находились тогда главные силы Абу Раквы, четырехтысячный отряд. Абу Раква нанес ему существенный урон прежде, чем он смог соединиться с войском Фадля, отойдя затем к пирамидам.

Стремясь устроить врагу засаду, Абу Раква стал отсту-

¹²⁶ По Ибн Халдууну — 16 тыс.

пать к югу, в лесистые местности, однако его аррьергард, не зная об истинных целях своего вождя, принял этот маневр за настоящее отступление, в началось паническое бегство. Фадль шел по пятам за повстанцами, окончательно разбив их в начале сентября 1006 г. в местечке Рас ал-Биркат, где с их стороны погибло несколько тысяч человек. Уцелевшие — без Абу Ракаы — смогли вернуться в свой последний лагерь, в Файйум, и по наущению Мади отказались от продолжения борьбы. Сам Абу Раква бежал в Нубию, где хотел обосноваться под видом посла Хакима, но Фадль преследовал его и добился выдачи. Абу Раку с большими предосторожностями доставили в Каир; в день казни он погиб от истязаний по дороге к месту ее совершения (начало 1077 г.)¹²⁷.

Таким образом, это восстание в типичной для той эпохи религиозной форме было в основном движением кочевое население — арабов и жителей Барки, как входивших, так, по-видимому, и не входивших в войско и терпевших притеснения от правительства. К этому ядру примыкали недовольные из других слоев, включая и высшую знать.

Следует сказать, что через семь лет после этого восстания вновь поднялась часть бану курра, находившаяся в Бухайре. Причиной было смещение Хакимом одного видного чиновника, каким-то образом связанного с этим племенем. Повстанцы на некоторое время овладели Александрией с окрестностями, но затем были разбиты [18, стр. 1—2; 290, стр. 200].

Известно о выступлениях бану курра в Бухайре в 1024-25 и в 1047-48 гг. [159, I, стр. 76].

В конце 1051 г. эти же бану курра выступили вновь в знак протеста против назначения Мустансиром в качестве их главы некоего ал-Мукарриба. Мустансир не согласился сместить его; тогда бедуны укрепились в Гизе, разбили посланный халифом корпус, а затем углубились в страну. Мустансир послал вслед им большую армию из племен таи, калб и других; весной 1052 г. они были разбиты и вынуждены подчиниться. Из Бухайры они были изгнаны [18, стр. 6; 290, стр. 235—236]¹²⁸.

Сохранилось упоминание о появлении в Египте в феврале — марте 1043 г. Сиккина ал-Муртада, видного сирийского исмаилита-экстремиста, выдававшего себя за Хакима, воскресшего после гибели. Войско Захира разбило сторонников этого нового Махди [59, VII, стр. 36; 225, стр. 18—20]¹²⁹.

¹²⁷ Вождь бедунов каиз в Саиде отличился в борьбе с Абу Ракой, и Хаким дал ему за это прозвище «Каиз ад-Даула» («Совроинице государства»). Каиз выступал за дело Фатмидов и после прекращения их династии [24, стр. 28—29, 69; 264, II, стр. 84—96].

¹²⁸ На их место были посажены бану синбир, пришедшие из Газны.

¹²⁹ Почти одновременно с этим событием в Сирии, в Химсе, появился человек, выдававший себя за пророка, сына Мусайлимы (одного из соратников Мухаммеда, проповедовавшего ханифизм). Лжепророк и его

В 1136-37 г. в Барке выступил бедуйн из бану сулайм, выдававший себя за пророка, якобы получившего божественное откровение; к нему присоединилось множество людей; однако затем это движение затихло без вмешательства правительства [18, стр. 82]. В том же году в Нижний Египет из Верхнего прибыла группа людей во главе с пехим Саджави, убедившим своих сторонников в своей божественности; и он, и его последователи были казнены [18, стр. 82]. В 1143-44 г. в Бухайре выступили берберы во главе с Мухаймадом ибн Рафа ал-Лавати; Талай ибн Руззик, тогда бывший наместником Бухайры, разбил этот довольно большой отряд и убил его предводителя [18, стр. 86]. И в этих выступлениях, судя по приведенным скудным данным, большую или даже исключительную роль играли кочевники — более воинственная, подвижная, политически активная часть египетского населения в сравнении с феллахами.

Другие движения имели своей целью возведение на трон в качестве имамов-халифов действительных или мнимых потомков Низара. Выше говорилось, что история Низара послужила причиной раскола в секте; она же нашла отклик и в равнодушном к исмаилизму простом народе, послужив, как видно, поводом для проявления недовольства правлением Хафиза. Рассказ об этом, помещенный у Сибта ибн Джаузи под 1148-49 г., гласит: «И в нем (т. е. в этом году. — Л. С.) появился в Египте человек из потомков Низара и стал домогаться халифства. И примкнуло к нему много народа, и халиф Хафиз послал против него войско. И встретились они в Саиде, и множество с обеих сторон было убито, затем этого низарита разгромили, а потомство его перебили» [70, 1, стр. 199; см. также 68, V, стр. 282]. Ибн Муассар, однако, считает, что претендент на халифат принадлежал к берберам лавата и погиб от рук своих единоплеменников, подкупленных Хафизом [18, стр. 88; см. также 19, стр. 302].

Тяжелое положение в Египте при Адиде — мятежи, вторжение франков, пожар Фустата — не могло не вызвать общего разорения и соответствующих этому настроений в народе. Вероятно, появление нового кандидата на трон и было следствием углублявшегося кризиса: в 1160-61 г. в Египте выступил еще один предполагаемый потомок Низара, Хусайн, со сторонниками — воинами из берберов и чернью (хушуд), скры-

---

последователи были казнены. Это произошло в 436 (1044-45) г. [13, стр. 356]. Имели место волнения в Хиджазе. Так, в письме от 1064 г. Мустансир благодарил упомянутого Ахмада ибн Мукаррама за подавление мекканских хариджитов (может быть, не в смысле «приверженцев хариджизма», а в более общем — противников господствующего вероучения) [49, стр. 312]. В 1080 г. Мустансир просил Малику ибн Сайида заточить в тюрьму или убить четырех лиц, прибывших из Египта, в том числе некоего Ибрахима Гулама ал-Анри, объявившего себя пророком [49, стр. 315].

вавшийся до того в Магрибе. На пути в Фустат он был схвачен сообщниками, выдан Адиду и казнен [68, V, стр. 339; 61, I, стр. 294].

Таким образом, Египет фатимидской эпохи был развитым феодальным государством, с высоким по тому времени уровнем развития земледелия, ремесел, торговли. Период этот характеризуется полной политической независимостью страны. Преобладающая роль государства в земледелии, упорядочение практики эксплуатации государственных земель способствовали подъему сельского хозяйства. Тот же фактор способствовал и развитию ремесел, особенно государственных ткацких мастерских.

Наблюдался рост бюрократии, усиление торгово-ремесленных слоев и военных.

Однако чрезмерная централизация со временем стала оказывать отрицательное влияние на жизнь страны. Реакцией на нее было усиление с начала XII в. частного военно-служилого землевладения; по-видимому, сходный процесс освобождения от государственной регламентации наблюдался в ремесле и торговле.

Упрочение могущества военного сословия и усиление борьбы внутри него, ослабление исмаилитской верхушки вследствие религиозных расколов и неприятия исмаилизма широкими массами, вторжения крестоносцев привели в середине XII в. к упадку экономики Египта и развалу управления. Как видно, для упрочения и дальнейшего развития феодального базиса в Египте середины XII в. требовались существенные изменения надстройки, укрепление и государства, и церкви. Опасность завоевания определяла форму этой перестройки и ускорила ее проведение, осуществленное при Салах ад-дине.

При нем угроза потери Египтом независимости была предотвращена; государственный аппарат восстановлен и военизирован; восторжествовал ортодоксальный суннизм с его разившейся к тому времени догматической системой. Все это в совокупности с политикой уменьшения земельной ренты послужило действенным средством ликвидации экономического и политического кризиса и способствовало переходу египетского феодализма на более высокую ступень.

ПЕРЕВОДЫ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИНАСТИИ

Сказал автор «Тарих ал-Кайруан»¹, да будет милостив к нему всевышний Аллах! — воистину ал-Махди — это Убайдаллах ибн ал-Хасан ибн Али ибн Мухаммад ибн Али ибн Муса ибн Исмаил ибн Джафар ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Абу Талиб, мир ему.

И сказал Ибн Зулак, автор «Тарих Миср»², да будет милостив к нему всевышний Аллах! — воистину ал-Махди — это Убайдаллах ибн Мухаммад ибн Исмаил ибн Джафар ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Абу Талиб, мир ему.

И говорили: он — Убайдаллах ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Ахмад ибн Абдаллах ибн ал-Хасан ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Абу Талиб, мир ему!

И говорили: он — Убайдаллах ибн ал-Таки ибн ал-Вафи ибн ар-Ради; и говорили, что эти трое находились в сокрытии по воле Аллаха. А имя ар-Ради — Абдаллах. А скрывались они из страха за свою жизнь, потому что подвергались преследованиям со стороны аббасидских халифов. А упомянутый Абдаллах по прозвищу ар-Ради — это Абдаллах ибн Мухаммад ибн ал-Хусайн, в вернее — сын Исмаила ибн Джафара, о котором говорилось ранее. А имя ат-Таки — ал-Хусайн, а имя ал-Вафи — Ахмад, а [имя имама] ар-Ради — Абдаллах³.

Это — то что передают кадий Шамс ад-дин ибн Халликан в своей «Тарих»⁴, да будет милостив к нему всевышний Аллах, и некоторые мусульманские улемы с [прочими] мусульманами; это — [мнение] тех, кто считает их родословную истинной и утверждает, что они из потомков Фатимы, но таких немного.

А большинство улемов, и ученых, и авторов хроник, заботящихся о сохранении людских родословных, отрицают это и считают притязания упомянутого Махди несостоятельными, а всю его родословную ложной.

И утверждают, что его имя Саид, сын жены ал-Хусайна ибн Ахмада ибн Мухаммада ибн Абдаллах ибн Маймуна ал-Каддаха⁵. А Каддахом его называют потому, что он снимал катаракты и был глазным врачом, — и это мнение придержи-

вающихся середины [в вопросе] об истинности его [Махди] родословной.

Об этом также упоминает Ибн Халликан в своей «Тарих».

А что касается многих ученых шиитских шарифов⁶ из египтян и сирийцев, то они говорят: и они [Фатимиды] совершили в этом [деле] обман, ибо этот Убайдаллах был иудей из жителей Саламина. И был он кузнец по имени Саид, а когда появился в Магрибе, то назвался Убайдаллахом и утверждал, что он Алид, Фатимид, — а провозглашенная им родословная не была истинной, — а затем назвался ал-Махди.

А был он мерзким еретиком, врагом ислама, прикидывающимся шиитом, стремящимся к устранению мусульманской общины. И доказательство этого — убийство им факихов, и улемов, и имамов, и изучающих хадисы, и праведников; он убил большое число их.

И было его целью уничтожение религии, чтобы люди сделались подобны животным, а он получил бы возможность развращать умы и убеждения, «а Аллах завершает свой свет, хотя бы и ненавистно было это неверным»⁷. И все его дети выросли в сокрытии и публично [проповедовали] в его пользу, когда это было им возможно. И проповедники не переставали распространяться по землям и странам, вводя в заблуждение тех, кого они были в состоянии сбить с пути. И из них проповедников известны карматы, отступившие от мусульманской веры и нарушившие клятву, и о них будет сказано после этого. К их проповедникам [относятся и] те, кто ввел в заблуждение некоторые общины в прочих странах Востока и Запада, в том числе друзы, ассасины и другие.

Сказал я (Ибн Давадари): и была составлена книга об этих людях. Написал ее набожный шариф Абу-д-Хусайн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Ахмад ибн Исмаил ибн Мухаммад ибн Исмаил ибн Джафар ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Абу Талиб, мир ему, известный как Аху Мухсин⁸, да будет доволен им Аллах!

И был он сайидом достойным, ученым, изучающим родословные людей своего дома, да будет доволен им Аллах, и изложил в ней то, что я (Ибн Давадари), раб божий, в этой части передам сокращенным образом...

Сказал вышеупомянутый сайид шариф, да будет доволен им Аллах: «Мы составили эту книгу, чтобы объяснить в ней дело Исмаила ибн Джафара ибн Мухаммада ибн Али ибн ал-Хусайна ибн Али ибн Абу Талиба, — да благословит Аллах его и детей его! — когда начались толки о сыне его Мухаммаде и стали возводить к нему происхождение те, кто не относился к его родственникам, и сделали его вратами хитростей и козней, чтобы иметь возможность вводить в заблуждение, но он таковым не был.

И когда рассмотрели мы это дело, то сочли нужным со-

ставить книгу и объяснить в ней дело Исмаила ибн Джафара и сына его Мухаммада, к которому — а не к брату его Али ибн Исмаилу — была обращена проповедь, и перечислить в ней всех их потомков во всех странах, и упомянуть каждого человека из них по имени, и [изложить] отдельно его родословную, чтобы это дело было понятным каждому желающему узнать его.

И когда сделали мы это и разъяснили, то исключили из [числа] сыновей Исмаила ибн Джафара тех, кто возводил к нему [свое происхождение], но не был его сыном, [основываясь] на доказательстве, известном тому, кто смотрел книгу родословных.

И мы начнем с описания их (Алидов) корней, а затем ветвей, а сведущий в родословных знает, что ветви восходят к корням.

А роды потомков Али ибн Абу Талиба, мир ему, немногочисленны, и так же немногочисленны их родословные, известные от первой из них до последней. И не нашли мы упоминания о тех, кто овладел Магрибом, а затем Египтом, т. е. о Саиде ибн ал-Хусайне и его сыновьях, — а это тот, который назвал себя в Магрибе Убайдаллахом и принял титул ал-Махди, — ни в корнях, ни в ответвлениях. Однако чернь и простонародье полагают, что они, [Фатимиды, принадлежат] к потомкам Али ибн Абу Талиба, мир ему, но об их происхождении от него не говорится... И изложу я (Аху Мухсин) известия о нем (Саиде ибн ал-Хусайне) и о том, что с ним происходило, пока он не отравился в Саламию, и передам рассказ о его сыне, бывшем после него, до его появления в Магрибе, в этой книге, если пожелает всевышний Аллах, после упоминания о всех потомках Али ибн Абу Талиба, да почтит его Аллах, чтобы было это доказательством, объяснением и ответом на его притязания на эту родословную.

И наш довод [состоит] в том, что [если] кто-нибудь скажет, что Саид, носящий имя Убайдаллаха, по прозвищу ал-Махди, который овладел Магрибом в 289 г.⁹, [относится] к потомкам Али ибн Абу Талиба, мир ему, сказать ему: воистину, имена всех потомков Али ибн Абу Талиба записаны в этой книге, в если ты прав, то [укажи] нам, от кого из перечисленных [лиц] он происходит?

И воистину знатоки родословных считают его (Саида), за самозванца и воздерживаются от упоминания его, и наше доказательство в этом».

Затем этот человек (Аху Мухсин) начинает перечислять всех потомков имама Али ибн Абу Талиба, мир ему, и сопровождает это отличным объяснением, в котором нет никакой погрешности против истины. Но он растягивает изложение, и если бы мы включили его в эту книгу, то получившаяся бы часть самостоятельная сама по себе. И я отказался от изло-

жения всего и упоминаю лишь о происхождении сыновей имама — мир ему! — чтобы понятнее стали ответвления их.

Сказал шариф Абу-л-Хусайн Мухаммад ибн Али: «Сыновья Али ибн Абу Талиба, мир ему, ал-Хасан и ал-Хусайн, их мать — Фатима, дочь посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! И Мухаммад ал-Акбар ибн ал-Ханафия, мать его Хаула, дочь Кайса ибн Джафара ал-Ханафи. И ал-Аббас ал-Акбар, и Абдаллах, и Осман ал-Акбар, и Джафар ал-Акбар, мать их Умм ал-Бинайн, дочь ал-Махла ибн ад-Дийана ибн Хазама ал-Килаби. И все эти четверо были убиты вместе с ал-Хусайном, мир ему, в день ат-Таффа¹⁰.

И Амр ал-Акбар, мать его ас-Сахба умм Хабиб, дочь Рабиа ат-Таглиби. И Абд ар-Рахман по прозванию Абу Бакр, и Убайдаллах, их мать — Лайла, дочь Масуда ибн Халида ат-Тамими. И Яхья, и Аун, их мать — Асма, дочь Умайса ал-Хасамийа. И Мухаммад ал-Асгар; его мать — Умама, дочь Абу-л-Аса ибн ар-Рабиа ибн Абд ал-Азза ибн Абд Шамса, а мать их — Зайнаб, дочь посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! И Джафар ал-Асгар, от умм валад. И Мухаммад ал-Аусат, и Аббас ал-Асгар, от умм валад. И Омар ал-Асгар, и Осман ал-Асгар, от умм валад. И эти мужи — из родных сыновей его, мир ему, и некоторые из них умерли при жизни его (Али ибн Абу Талиба) маленькими детьми, а некоторые были убиты или не оставили потомства. А что касается его потомства из женщин, то мы отказываемся от упоминания их в этой книге, ибо здесь нет нужды в описании их родословной. Сказал я: уже упоминал обо всех их раб божий полностью, наряду со всеми сыновьями имама Али, мир ему, и всеми матерями в правдивых сообщениях второй части этой краткой истории, при описании сайидов — посланников и праведных халифов, когда говорили мы об имаме Али ибн Абу Талибе, мир ему. И [тогда], кто желает осведомиться об их происхождении, пусть осведомится об этом там».

Сказал шариф, да будет милостив к нему Аллах: «И не осталось после этих мужей потомков, кроме пяти человек, а это ал-Хасан, и ал-Хусайн, и Мухаммад ибн ал-Ханафия, и ал-Аббас, и Омар, а у прочих детей Али, мир ему, потомства не было.

Сыновья ал-Хасана, мир ему!

Зайд — от умм валад, ал-Хасан ибн ал-Хасан — от умм валад, Талха — от умм валад. Ал-Касим, и Абу Бахр, и Абдаллах, и не было у них потомков, а были они убиты с ал-Хусайном ибн Али, мир им, в ат-Таффе. И Амр ибн ал-Хасан, и Абд ар-Рахман ибн ал-Хасан, и ал-Хусайн, и Мухаммад, и Якуб, и Исмаил — сыновья ал-Хасана. Эти мужи — из детей ал-Хасана, мир ему! И из сыновей ал-Хасана имели потомство лишь двое, и это ал-Хасан ибн ал-Хасан и Зайд

ибн ал-Хасан, а у прочих сыновей ал-Хасана потомства не было».

Затем перечисляется им потомство этих двух упомянутых сайидов до времени прекращения его, изложение чего было бы длинным, и мы отказываемся от этого, так как условились излагать лишь основное.

«Сыновья ал-Хусайна, мир ему!

Али ал-Акбар убит со своим отцом в день ат-Таффа, и не было у него потомства. И Али ал-Асгар, а у него было потомство. И Джафар, а у него не было потомства. И Абдаллах убит в раннем возрасте со своим отцом в ат-Таффе, и не было у него потомства. Эти мужи — из сыновей ал-Хусайна, мир ему, и они от разных матерей. А все потомство ал-Хусайна — от Али ал-Асгара». Затем перечисляются потомки этого сайида до их конца, от чего мы воздерживаемся.

«Сыновья Мухаммада ибн ал-Ханафийа, мир ему!

Абдаллах по прозванию Абу Хашим, и Хамза, и Джафар ал-Акбар — они умерли и не оставили потомства, — и Али, и [все] они — от умм валад. И ал-Хасан ибн Мухаммад, у него не было потомства. И ал-Касим ибн Мухаммад, он был известен [лишь] по прозвищу. И Абд ар-Рахман; у него не было потомства, и он от умм валад, и Ибрахим от умм валад. И Джафар ал-Асгар, и Ауи — сыновья Мухаммада, их мать — умм валад, и это дети Мухаммада ибн ал-Ханафийа». Затем перечисляется потомство тех, у кого оно было, и те, у кого его не было. Изложение этого было бы длинным, и мы от него отказываемся.

«Сыновья ал-Аббаса, мир ему!

Убайдаллах: мать его — Лубаба, дочь Убайдаллаха ибн ал-Аббаса ибн Абд ал-Муталлиба. И произвел Убайдаллах Абу Джафара Абдаллаха и Зайнаб; мать их — дочь Абдаллаха ибн Маабда ибн ал-Аббаса ибн Абд ал-Муталлиба. И ал-Хасан ибн Убайдаллах, а у него несколько детей, а мать его — умм валад. И умер ал-Хасан ибн Убайдаллах шестидесяти девяти лет, и от этих двух сайидов осталось потомство».

Затем перечисляются все их потомки до конца, и мы воздержимся от этого.

«Сыновья Омара, мир ему!

Мухаммад, и у него — потомство, и умер он шестидесяти трех лет. И Исмаил от умм валад, и не [было] у него потомства. И произошли от Мухаммада ибн Омара Абдаллах и Убайдаллах, и Убайдаллах [Ибн Мухаммад] ибн Омар умер пятидесяти семи лет, а Омар ибн Мухаммад ибн Омар умер на шестом десятке, и они — от умм валад. И передают от них хадис, и у них было потомство». Затем перечисляются потомки их, [жившие] до последнего времени.

Сказал шариф Абу-л-Хусайн: «И мы дошли в [изложении]

родословной до этого места, и она доказывает и подтверждает, кто шел после него (Али ибн Абу Талиба), и возражает говорящему, будто Саид, называемый Убайдаллахом, по прозвищу ал-Махди, — из потомков Али ибн Абу Талиба. И спросим его: а какого сына Али он потомок? Из сыновей ли он ал-Хасана, или из сыновей ал-Хусейна, или из сыновей Мухаммада ибн ал-Ханафийа, или из сыновей ал-Аббаса, или из сыновей Омара? А [ведь] они — потомки Али ибн Абу Талиба, мир ему! А мы сообщали все об этих потомках, и об их детях, и о детях их детей, и упомянули мы каждый их род, и тех, у кого было потомство, и тех, у кого его не было. И каждый их род известен во всех краях земли, куда достигали его [члены]. Как мы уже упоминали в этой книге, потомки их ал-Хади [получили] эмирство в Йемене, как и Бану-л-Мутаввак и Бану-л-Адра, а в Египте — Бану Табатаба Ибрахим, и один из них — дан в Табаристане, а у другого, из сыновей ал-Хасана ибн Зайда, эмирство в Дейлеме. И среди них дан, который в действительности управляет Табаристаном, и прочие из тех, кого мы упоминали при перечислении потомков сыновей ал-Хасана ибн Али ибн Абу Талиба, мир ему! И воистину, были они из потомства ал-Хусейна ибн Али ибн Абу Талиба, мир ему, и уже упоминали мы потомство ал-Хусейна и каждый род его и говорили о потомках ал-Хусейна от Али ал-Асгара и о потомках сыновей его Мухаммада Абу Джафара, Абдаллаха, Зайда, Омара и ал-Хусейна ал-Асгара. И упоминали мы всех из этих [лиц], у кого было потомство. И также упоминали мы о всех тех, кто произошел от Мухаммада ибн ал-Ханафийа, о всех его сыновьях и сыновьях его сыновей, но тех из них, кто имел потомство, и о тех, кто его не имел.

Так к какому же роду относится этот самозванец и лжец, склонившийся к безбожию?

И все эти — потомки Али ибн Абу Талиба, мир ему, и к ним относятся Акиды Востока, Запада, Юга и Севера.

И разве не верна эта родословная, охватывающая все упомянутые нами роды и всех людей, связанных [с ними]? А в целом в этой родословной нет ничего, относящегося к этому пришельцу-самозванцу, и я еще расскажу о происхождении его и родстве, если того пожелает Аллах.

А что касается тех известных потомков Али ибн Абу Талиба, что находятся в Магрибе, то это потомки Идриса ал-Асгара ибн Абдаллаха ибн ал-Хасана ибн ал-Хасана ибн Али ибн Абу Талиба, ибо он бежал туда во времена ар-Рашида и овладел там некоторой территорией. А ар-Рашид при лечении [Идриса ибн Абдаллаха] приказал насыпать ему в питье яд и отравить его. А потомки его [находятся там по наше время]»¹¹.

Сказал шариф Абу-л-Хусейн Мухаммад ибн Али, известный как Аху Мухсин, да будет милостив к нему Аллах: «Те-

перь мы начнем рассказ об этих людях, которые захватили власть и овладели Магрибом, то есть Убайдаллахе ибн ал-Хусайне и потомках его, [бывших] после него; и опишем положение их и как шло дело их до конца, сообразно нашим знаниям. И говорю я: воистину эти люди — из потомков дуалиста Дайсана, к которому восходит дуализм, а это — учение, согласно которому существуют два творца: один из них сотворил свет, а другой сотворил тьму. Гю Великий Аллах — один, нет у него сотоварища, он властитель, и хвала ему, и он управляет всем.

И произвел проклятый Дайсан сына по имени Маймун ал-Каддах, и к нему восходит ал-маймуниа, а это крайнее вероучение. Затем родился у Маймуна сын по имени Абдаллах, и был он порочнее своего отца и живее и знаком с хитростями. И применил он эти козни и уловки для уничтожения ислама.

А он был знаком со всеми законами, религиями, и преданиями, и со сведениями обо всех мазахбах, и разделил он учение лжи и порока, предназначенное им людям, на девять степеней, идущих одна за другой. И тот, кто доходил до последней степени, делался свободным ото всякой веры, не признавал творца вселенной, да будет славным упоминание его, [признавал] все дозволенным для последователей Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, и для прочих народов, и не надеялся на спасение, и не боялся возмездия, и совершал то, чего желала его душа.

И этот проклятый по имени Абдаллах ибн Маймун хотел таким путем ввести людей в заблуждение и при помощи обмана и уловок тайно и явно воспользоваться их имуществом.

И он провозгласил себя имамом из рода посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, то есть что он — Мухаммад ибн Исмаил ибн Джафар ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Абу Талиб, мир ему! И он лгал, ибо из рода посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, [никто] ни в какой мере не занимался подобными делами, а он стремился обмануть людей, чтобы такой уловкой объединить их вокруг себя. И согласно со своим плутовством этот Абдаллах объявил себя пророком, но его хитрость не удалась...

А эти люди, то есть Абдаллах ибн Маймун и его отец, происходили из одной местности ал-Ахваза, называемой Курх ал-Аббас. А этот Абдаллах воцарился в Аскаре Мукрам и жил в Сабат Аби Нух¹². И приобрел он имущество благодаря этой бессовестной проповеди, о которой будет еще речь в этой книге. И он прикрывался шиизмом и ученостью, а когда явились к нему [истинные] даи и сделали явным его безбожие, безнравственность, козни и плутовство, то люди восстали против него. Сначала восстали против него шииты, затем мута-

зниты и прочие люди. Они овладели его домом, и он бежал в Басру, а с ним его сподвижник ал-Хусайн ал-Ахвази. И, обнаружив его, они разгромили два его дома в Аскара Мукрам, сделав один из них мечетью, а другой [остается] разрушенным до сих пор.

И когда прибыл Абдаллах ибн Маймун в Басру, остановился он у Бану Бахила, у вольноотпущенников рода ал-Акила ибн Абу Талиба¹³. И сказал им: я — из детей Акила и проповедую [от имени] Мухаммада ибн Исмаила ибн Джафара, а в Фарсе нельзя было говорить об этом из-за известности его (Абдаллаха ибн Маймуна) среди людей и знания их о нем. И поистине стал он проповедовать у Акила ибн Абу Талиба тайно, для тех, кого он смог обмануть. И когда он пришел и распространились известия о нем, то войны [стали] разыскивать его, и он бежал. И он направился в Сирию, и с ним ал-Хусайн ал-Ахвази. И когда прибыли они в Центральную Сирию, то отошли к Саламни для сокрытия их дел. И пребывал там Абдаллах и действовал тайно до тех пор, пока не родился у него сын, которого назвали Ахмадом, и отдалился он (Абдаллах) от него, чтобы скрыть порочность своего учения. А когда Абдаллах погиб, его сын Ахмад занялся этой скверной проповедью. И направил Ахмад с ал-Хусайном ал-Ахвази дан в Ирак, и встретили они в окрестностях Куфы Хамдана ибн ал-Ашаса, кармата, а известия о нем будут даны после известий о роде Абдаллаха.

Затем родился у Ахмада ибн Абдаллаха ал-Хусайн и Мухаммад, известный как Абу Шалала. Затем родился у ал-Хусайна сын, которого называли Саидом, и он [тоже] воспринял это скверное учение. И в течение своей жизни Ахмад послал в Магриб двух братьев-дан: один из них Абу Абдаллах аш-Шини, другой Абу-л-Аббас. И поселились они среди двух берберских племен и принялись за их жителей, и деятельность их довольно скоро стала известна в Саламни, и они обогатились, получив большое имущество и много денег. И дошла [весть] об их действиях до султана, и он послал расследовать, что совершили [саламнийские имамы] из козней, хитростей, [куда] отправляли дан, и какой вред [нанесли] мусульманской вере. И когда стали разыскивать этого Саида из Саламни, то он бежал в Египет, направляясь в Магриб. А заместником [Египта] был в то время Иса ан-Нушари¹⁴, а этот Саид, будучи обманщиком, вошел в его [доверие] и стал его сотрапезником. И дошло известие о нем до халифа, и он (халиф) послал к Исе, чтобы тот разузнал о нем (Саиде) и нашел бы его, где бы он ни был. И было прочтено послание халифа в присутствии Исы, а там был Ибн Мудаббир, по-братски относившийся к Саиду и желавший, чтобы тот достиг своей цели. И Саид своевременно узнал это известие и бежал, а Иса приказал схватить Саида, но это ему не удалось, и тот

прибыл в Александрию. И Иса приказал наместнику Александрии схватить Саида, но это ему не удалось, а наместником ее в то время был человек из дейлемитов по имени Али ибн Вахсудан, а Саид был, как говорилось, обманщик. И когда его схватили, он сблизился с ним [наместником], выдав себя за [члена] рода Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, и тот смягчился, взял у него кое-что и отпустил его.

И тот (Саид) отправился, пока не прибыл в Сиджилмасу на Среднем Магрибе, и был он в облике купца и сблизился с правителем, а им тогда был ал-Паса, последний из правителей бану мидрар¹⁵, и тот оставался при нем некоторое время. И дошли до халифа ал-Мутаидида¹⁶ известия о нем (Саиде), и дал он приказ схватить его. Но когда правитель Сиджилмасы прочел его (халифа) послание, он не схватил того (Саида). Но к нему прибыло другое послание с приказанием схватить того, и схватил он его и заключил в темницу в крепости Сиджилмасы. А известие об этом дошло уже до Абу Абдаллаха аш-Шии, дан, о котором мы уже упоминали, и мы говорили, что Ахмад послал его и его брата Абу-л-Аббаса как дан в Магриб. И говорили, что тот, кто их послал,— это Мухаммад ибн Ахмад, известный как Абу Шалала.

И отправился Абу Абдаллах со своими берберами, и убил правителя Сиджилмасы, и освободил Саида, и тот стал господином положения». Это то, что сообщил шариф Абу-л-Хусайн.

А что касается автора «Ад-Дувал»¹⁷, то он сказал: «Когда прибыл Абу Абдаллах аш-Шии со своими войсками к Сиджилмасы, то ее правителю ал-Пасе сказали: «Поистине тот человек, который находится в твоей тюрьме, и есть тот, за кого ведет проповедь Абу Абдаллах». И повелел правитель Сиджилмасы убить Саида и, оставив его брошенным в темнице, бежал из страны вместе со своими людьми. А Абу Абдаллах, войдя в тюрьму, нашел его (Саида) убитым, а рядом с ним человека из его приближенных, заключенного с ним вместе. И Абу Абдаллах испугался, что если берберы и войско узнают об убийстве господина проповеди¹⁸, то задуманное им дело расстроится. И он призвал на помощь этого человека, и похоронил его (Саида), и прикрыл это место, и договорился с этим человеком, что тот выдаст себя за господина проповеди, и тот согласился. Затем (Абу Абдаллах) вывел его и сказал: «Это ал-Махди, господин проповеди». И упрочилось положение того (Саида), и не прошло много времени, как он убил дан Абу Абдаллаха аш-Шии». И стал Саид править берберами, как будет сказано в своем месте, если пожелает всевышний Аллах. Затем победил он Аглабидов, правителей Магриба, и принял титул ал-Махди, и сделался

алавитским имамом¹⁹ из потомков Мухаммада ибн Исмаила ибн Джафара, как будет сказано об этом в заключение известий о нем, после упоминания об Аглабидах.

Ибн Давадари, стр. 4—22.

¹ Автор «Тарих ал-Кайруан» («История Кайруана») — Абд ал-Азиз ибн Шаддад (XII в.), труд которого кроме Ибн Давадари использовали Ибн ал-Асир, Нувайри, Макризи и другие позднейшие авторы.

² Ал-Хасан ибн Ибрахим ибн Зулак — фатимидский историк, живший, как говорилось во Введении, в 919—998 гг., автор многих трудов, не дошедших до нашего времени, в том числе использованного Ибн Давадари и другими мамлюкскими историками историко-топографического сочинения «Тарих Миср ва фадлайиха». («История Египта и его достопримечательностей») [218].

³ Ат-Таки, ал-Вафи, ар-Риди — условные имена «скрытых имамов», подлинные имена которых неизвестны, принятые многими позднейшими авторами при составлении фатимидских родословных [230, стр. 72—73].

⁴ Упомянутая Ибн Давадари «Тарих» («Ат-тарих ал-ахбар фи табакат ал-улама ва акбарихум») — «Полная история разрядов ученых в их старейшин», сохранившаяся в рукописи, принадлежит, по мнению К. Бронельмана, не упоминаемому во Введении Шамс ад-дин ибн Халикану, известному автору биографического свода, а его брату Баха ад-дину (кадию, умершему в Баалбеке в 1284 г.) [167, стр. 421].

⁵ Маймун ал-Кадлах и сын его Абдаллах — лица, которых большинство суннитских писателей считает предками Фатимидов и создателями исмаилитского учения; в основе этих утверждений лежит сообщение Аху Мухсинна (см. ниже, прим. 8), согласно которому Маймун Кадлах был сыном Дайсана (Ибн Дайсана, или Бардесана). Однако исторический Дайсан — сирийский философ II в. н. э., близкий к тюркским создателям дуалистической космологической системы, не мог иметь какого-либо отношения к исмаилитам. В. Иванов отрицал существование упомянутого Кадлаха [233, стр. 131]. В последнее время исследователи склоняются к признанию историчности Кадлахидов как видных деятелей раннего исмаилизма.

⁶ О термине *шариф* (см. *ашраф*) см. ниже.

⁷ Сура LXI, стих 8.

⁸ Абу-л-Хусайн Мухаммад ад-Димашки по прозвищу Аху Мухсин (или Аху Мухсинн) — современник халифа Муавза, автор антивфатимидского памфлета, в основу которого, по сообщению Макризи, он положил близкий ему по направленности труд суннита Ибн Ризыма [119].

⁹ Т. е. в 901-02 г. Здесь Ибн Давадари допускает неточность: завоевание Магриба исмаилитами началось, как говорилось выше, в 903 г.

¹⁰ *День ат-Таффа* — 10 мухаррама 61 г. х. (10 октября 680 г.) — день сражения шиитов с силами омейядского наместника Убайдаллаха ибн Зийада при Кербеле, в котором погиб Хусейн. Ат-Тафф — пустынная область к западу от Куфы, где находится Кербела.

¹¹ Имеется в виду упоминавшийся выше основатель династии Идрисидов Идрис ибн Абдаллах, участник восстания Алидов против Аббасидов, бежавший в Магриб после победы Аббасидов над восставшими близ Мекки в 786 г. С помощью берберских племен Идрис ибн Абдаллах овладел некоторыми территориями Дальнего Магриба. В 793 г. по приказу халифа Харуна ар-Рашида (786—809), получившего известия о его успехах, Идрис ибн Абдаллах был отравлен.

¹² Курх ал-Аббас — селение в Хузистане. Аскар Мухрам и Сабят Аби Нух — соответственно город и селение в той же провинции.

¹³ Ал-Акил — старший брат Али ибн Абу Талиба (ум. в 670 г.).

¹⁴ Иса ибн Мухаммад ан-Нушари — египетский наместник (906—910 гг., с перерывом с сентября 905 по май 906 г.) [239, стр. 79].

¹⁵ Вану мидраф (мидрафиты) — правители Саджильмасы (771—977).

¹⁶ Здесь у Ибн Давадари явная неточность, так как аббасидский халиф Мутаид правил в 890—902 гг.; наместничество эл-Нушари приходилось на время правления Аббасида Муктафи (902—908).

¹⁷ «Ад-Дувал» — «Китаб ад-дувал ал-мункатил» («Книга прекратившихся династий»). Ее автор — Джамал ад-дин Абу-л-Хусайн Али ибн Зафар ал-Азди ал-Хазраки (1171—1216), египтянин, визир Аййубида Малика Ашрафа. Его труд представляет собой всеобщую историю, где изложение ведется по династиям.

¹⁸ *Господин проповедей (сахиб иб-дават)* — исмаилитский имам.

¹⁹ Алавиты у Ибн Давадари — то же, что и Фатимиды. В настоящее время это название прилагается к крайней шиитской секте, известной также как нусайриты (по имени основателя ее в IX в. Ибн Нусайра), приверженцы которой обитают в Северо-Западной Сирии и на юге Турции. Религиозные воззрения алавитов близки к исмаилитским (вера в пришествие имама-мадди), но содержат и элементы восточного христианства (отправление некоторых христианских праздников, обряд причащения) и древних сирийских культов (почитание света, гор) [83, стр. 81—84].

ОБРАЩЕНИЕ МУИЗЗА К ШЕЙХАМ КУТАМИТОВ

И призвал Муизз — а он был в Мансурии — в холодный и ветреный зимний день нескольких шейхов из кутамитов и приказал провести их к себе, минуя тот вход, где требовалось предписание. А он находился в большом квадратном помещении, кое-где устланном войлоком, а рядом с ним (Муиззом) киса¹, а на нем — джубба, и он [был] около открытых дверей, ведущих в хранилище книг, а перед ним — возвышенне и черныльница, а вокруг него — книги. И сказал он: «О братья мои! Проснулся я сегодня в этот зимний холодный день и сказал матери эмиров, а она и теперь слышит мои слова: полагаю, что наши братья думают, что я в день, подобный этому, предаюсь еде и пивью, и [одею] в мискаль², барчу, шелк и меха лисиц и соболей, и [надушен] мускусом, и пью вино, и слушаю пение, подобно мирским правителям.

Затем решил я послать за вами и пригласить вас разделить мое одиночество, ибо я одинок без вас и уединился от вас. А я не превосхожу вас в своем положении ни в чем, кроме того, что нет мне замены в этом мире, и того, что Аллах сделал меня вашим имамом. И я занят посланиями, пришедшими ко мне с запада и востока, и отвечаю на них своим пером, а отнюдь не предаюсь мирским соблазнам, а думаю лишь об укреплении ваших душ и о процветании вашей страны, и об унижении ваших врагов, и о подавлении противников. И вы, о шейхи, делайте в вашем уединении подобное тому, что делаю я, и не проявляйте гордости. И, явившись после этого к вашим женам, довольствуйтесь одной из них, и не стремитесь к увеличению их числа, и не желайте большего, иначе тягостной будет ваша жизнь, и нанесен будет вам вред, и ослабеют ваши тела, и уйдет от вас сила, и изменится ваш нрав. А одному мужчине достаточно одной [женщины], а мы

заботимся о крепости ваших тел и умов. И знайте, что если ваше дело угодно Аллаху, то, я надеюсь, он дарует нам победу на Востоке, как даровал ее вам в Магрибе. Да снизойдет на вас милость Аллаха и да дарует он вам победу!

А при вашем высокомерии Аллах лишит вас своего благословения и перенесет его на другого; и будьте вы сострадательны к тем, кто ниже вас и кому нет доступа ко мне, подобно тому состраданию, которое я испытываю к вам, дабы оказать людям милость, увеличить благо и распространить справедливость».

Макризи, Иттиаз, стр. 137—138.

¹ *Каса* у берберов — тонкий шерстяной платок обычно белого цвета.

² *Мискаль* — здесь одежда, отделанная золотом [64, стр. 137, 386].

ДЕКЛАРАЦИЯ ДЖАУХАРА

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Это послание — из жемчужин пишущего, раба эмира верующих Мунизза Лидиналлаха — да благословит его Аллах! — к жителям Фустата, как [постоянно] обитающим в нем, так и прочим.

Воистину прибыл ко мне тот, кого вы направили с депутацией, и это Абу Джафар Муслим ибн-Шариф, да продлит Аллах его жизнь, и Абу Исмаил ар-Раси, да поможет ему Аллах, и Абу-т-Табиб ал-Хашими, да поможет ему Аллах, и Абу Джафар Ахмад ибн Наср, да возвеличит его Аллах, и кадий, да возвеличит его Аллах¹.

И сказали о вас, что вы просили для себя грамоту, удостоверяющую безопасность вашей жизни, имущества и земель и вашего положения в целом. И я познакомил их с тем, что содержалось в приказе нашего господина и повелителя, эмира верующих, да благословит его Аллах, а его отношение к вам благосклонно. А вы восхвалите Аллаха за оказанное вам, и возблагодарите его за защиту вас, и исполняйте то, что обязательно для вас, и спешите к беспрекословному подчинению ему, которое принесет вам счастье и благополучие.

А он (Мунизз) — да благословит его Аллах! — отправил победоносную армию и торжествующее победу войско только для усиления вас, и для защиты вас, и для борьбы за вас, так как вы переходили из рук в руки и долго тянулось ваше унижение.

И он пожелал овладеть вашей страной в этом году, и покорил ее, и пленил тех, кто [находился] в ней, и завладел вашей жизнью и имуществом подобно тому, как он поступал с жителями других стран Востока.

И утвердился он в своей цели, и усилилась его жажда, и поспешил наш господин и повелитель, эмир верующих, да

благословит его Аллах, с отправлением победоносного войска, и торопился он отправить к вам торжествующую победу армию, и старания его — ради вас и всех мусульман стран Востока, которых коснулось бесчестие, и охватило унижение, и поразило их несчастье, и продолжают их бедствия. И охватил их страх, и умножились их мольбы о помощи, и усилились их вопли, и поднялся их плач.

И не помог им никто, кроме мучающегося их делом и страдающего из-за их положения, [того], у кого вызывает слезы причиненное им зло и не дает спать случившееся с ними.

И это наш господин и повелитель, эмир верующих, — да благословит его Аллах! — и надежда, по милости к нему Аллаха и благодетельности [по отношению] к нему, и по обыкновению его и назначению, избавил их от причиненного им унижения и страдания.

И воистину он обеспечил безопасность тому, кем овладел испуг, и успокоил того, кого не покидали страх и робость, и обеспечил совершение хаджа, который прекратился, и подданные пренебрегли своим долгом и обязанностью из-за страха порабощения их, так как не были уверены ни в своей жизни, ни в имуществе, ибо [несчастья] падали на них одно за другим, и лилась их кровь, и отнималось их имущество вместе с надеждой на восстановление безопасности дорог. И прекратила действия злоумышленников на них, чтобы люди путешествовали уверенно и отправлялись [в путь] спокойно и радовались пище и подкреплению, так как дошло до него — да благословит его Аллах! — известие о прекращении [движения по] дорогам из-за [боязни жителей] за их имущество, так как не было преграды нападающим к защите страдающим.

Затем [гарантировал] он улучшение чеканки, и достижение ею пробы благословенной надежной чеканки «ал-мансурифа»², и прекращение мошенничества с нею, так как эти три правила не соблюдались теми из мусульман, кто наблюдал за этим, хотя и стремился к улучшению ее и прилагал все необходимые для этого усилия. А наш господин и повелитель — да благословит его Аллах! — побуждал раба своего к распространению справедливости и раскрытию истины, и к прекращению зла, и к пресечению враждебности, и к устранению обид, и к облегчению в доставке провизии, и к выполнению обязательств, и к помощи угнетенным с состраданием [к ним], с милостью и благосклонностью, и к благородству в общении, к доброте в близости, и к внимательности к обстоятельствам и заботе о жителях страны, которые [не прекращаются] в дневное и ночное время.

А во время управления ими нельзя вести их дела иначе, чем сплачивая их воедино и устанавливая для них самое лучшее, и исправляя их умы, и привлекая их сердца, и объединя-

няя их слова в повиновении покровителю, нашему господину и повелителю, эмиру верующих, да благословит его Аллах!

И из того, что приказал ему (Джаухару) его господин — да благословит его Аллах! — отмена несправедливых налогов, взимание которых с вас нежелательно.

А что касается вашей обязанности при [переходе] наследства, согласно книге Аллаха и закону его пророка — да благословит его Аллах! — то наследство после умершего, на которое не было завещания, отходит в казну и за передачу его в казну вознаграждения не полагается.

И воистину то, что предназначено на починку мечетей, и украшение их утварью, и на топливо, и то, что выдается их муэzzинам, слугам и поденщикам из положенного, то они осведомлены об этом и это не отбирается у них и не выдается ни откуда, кроме как из казны, и ни при каком положении не отнимается у них.

И кроме того, что сказано ему нашим господином и повелителем, эмиром верующих — да благословит его Аллах! — из того, что содержится в этом послании, и того, что [передано] тому, кто представлен вами — да поможет вам Аллах и приведет вас всех к подчинению нашему господину и повелителю, эмиру верующих — да благословит его Аллах! — [из] того, что просили знатные люди из вас упомянуть в грамоте вашей безопасности, там упомянуто о ваших обязанностях и о гарантии вашей жизни, а если бы было не так, то не было бы смысла в упоминании об этом и пользы в объявлении этого.

Так как в исламе один закон и шариат подчинен ему и это утверждено вашим мазхабом, то вы должны исполнять установленное из того, что было определено в раннее время в ваших мечетях и моельнях. Истинность [этих установлений] — в их происхождении от сподвижников пророка — да будет доволен ими Аллах! — и их преемников сообразно странам, где действуют установления их мазхабов и их толкования.

И воистину [необходимо] совершение призыва на молитву, и молитвы, и поста в месяц рамадан, и [празднование] прекращения его, и наступления ночи его, и [исполнение] закята, и хаджжа, и джихада, согласно повелению Аллаха, [содержащемуся] в книге его, и толковании пророка его — да благословит его Аллах! — в его законе. А для людей покровительства [ахл ал-зимма] [обязательно] выполнение того, что в нем предписывалось.

А вам через меня — [от] Аллаха полная, всеобщая, вечная, непрерывная, всеобъемлющая, совершенная, возобновляющаяся, подтверждающаяся течением дней и лет безопасность вашей жизни, собственности, и семей, и имущества вашего, и ваших сел и жилищ, и малых, и значительных, и не будет вам в этом помехи, или злословия, или преследования.

И будете вы защищены, сохранены и оберегаемы, и отогнаны будут от вас [враги], и не позволено будет им причинить вам вред, и ни один не поспешит напасть на вас и не посягнет на сильнейших из вас, не говоря уже о слабых. И не прекратятся усилия к распространению на вас благополучия, и принесению вам пользы, и доставлению вам добра.

И познаете вы блаженство и возрадуетесь при подчинении нашему господину и повелителю, эмиру верующих, да благословит его Аллах! А на мне — исполнение того, что обязательно для него, и я передаю вам от него обет Аллаха и его страшную клятву и [обещание] защиты его в пророков его, и посланников и имамов, наших господ, эмиров верующих — да освятит Аллах их души! — и защиты [со стороны] нашего господина и повелителя, эмира верующих, Муизза Лидиналлаха, да благословит его Аллах!

И признайте их, и объявите о присоединении к ним, и приходите ко мне и мне сдайтесь, и будьте под моею рукой до тех пор, пока не будет перейден мост и не сделана остановка в благословенном ал-Манахе, и будете вы сохранены и защищены впоследствии, после подчинения, и будьте настойчивы в этом, и состязайтесь в выполнении этих обязанностей, и не будете вы брошены на произвол судьбы наместником нашего господина и повелителя, эмира верующих, да благословит его Аллах, и придерживайтесь того, что он повелел вам, и Аллах наставит вас и будет всех вести.

И написал волководец Джаухар декларацию безопасности за своей подписью в шабана 358 года, и да благословит Аллах Мухаммада и род его святой, непорочный, превосходный!

И написал он своею рукой в этом послании: «Сказал Джаухар пишущий, раб эмира верующих, да благословит Аллах его, и предков его непорочных, и сыновей его милостивых! Написал я это послание согласно поступившему приказанию нашего господина и повелителя, эмира верующих, да благословит его Аллах! И на мне — соблюдение всего того, что согласились [представители] из жителей страны и прочих поставить в нем условием. И хвала Аллаху, господину миров, и отчет наш — Аллаху, и награда — доверенному, и да благословит Аллах Мухаммада и его превосходное семейство». И написал [его] Джаухар своею рукой в упомянутое время.

Макризи, Иттиаз, стр. 148—153.

¹ Декларация была обнародована Джаухаром после вступления фатимидской армии в Фустат, совершившегося 5 августа 969 г. Она представляет собой ответ на требования, выдвинутые депутацией египетской знати во главе с Абу Джафаром Муслимом как условия полной капитуляции Египта. Депутация это встречалась с Джаухаром дважды: первый раз на его пути к столице, у Александрии, 19 раджаба 358 г. (8 июня 969 г.), а второй — 17 шабана (6 июля) того же года в предместье Фустата, причем во второй раз петиция с условиями соглашения была пере-

дана Джаухару приказание встретить там же Абу Джафаром Муслимом, который и упоминается в начале декларации [см. 290, стр. 106—108; 179, стр. 179—180].

² Имеется в виду высококачественная золотая чеканка фатимидского халифа Мансура (946—953).

МУИЗЗ И КАРМАТЫ

Сказал шариф Абу-л-Хусайн, известный как Аху Мухсин, в своей книге, посвященной рассказу об этих людях: «И Муизз очень боялся ал-Хасана ибн Ахмада Кармата. И когда вступил он в Египет и упрочил над ним свою власть, решил он написать ему (Хасану) письмо, чтобы объяснить ему, что [их] учение едино, и что они (карматы) получали помощь от них (Фатимидов), и они по этому случаю [являются] их господами, и что они благодаря им (Фатимидам) достигли такого положения, и устрашить его (Хасана).

А целью его (Муизза) было узнать из ответа на свое письмо намеренно ал-Хасана ибн Ахмада — испугался ли он его прибытия в Египет или нет.

А Хасан ибн Ахмад знал, что его учение едино [с учением Фатимидов], и не опасался ничего из того, что было ему написано, ибо ему были известны и захир, и батин¹, и то, что все учение сводится к безбожию и дозволению всего. И если некоторые из них находили нужным убить кого-либо, то не было ему пощады из-за отсутствия у них снисхождения, как сказал Аллах, всемогущий он и великий: „И так одних неправедных Мы приближаем к другим за то, что они приобрели“². Изложение письма. «Во имя Аллаха милостивого и милосердного! От раба Аллаха и друга его лучшего и искреннего, Маадда Абу Тамима ибн Исмаила Муизза Лидиналлаха, эмира верующих, превосходного отпрыска пророков и потомка Али, наилучшего из завещающих, к Хасану ибн Ахмаду».

„Затем идет многословная речь, [в которой] он приводит стихи из славного Корана, произвольно их переставляя и толкуя противно их смыслу. Затем сказал (Муизз): «И это наше письмо [послано] из Фустата в Египте, куда вошли мы по божьему предопределению, в указанное время, и не поднимали мы ноги и не опускали ее иначе, как в определенное место, по общему приказанию, в назначенный срок, и повеление предшествовало нам, и совершалось его исполнение.

А когда мы вошли, то сеюще ложные слухи из жителей его (Фустата), решив, что их поразил молния, старались опередить один другого в бегстве и покидали родственников, жен, имущество и святыни. А я как „Огонь Аллаха воспламененный, который вздымается над сердцами“³. „Знает Он изменчивость очей и то, что скрывает грудь“⁴. И не открыл я им обстоятельства и не поведал мысли, а приказал позвать

[к ним] и даровал безопасность каждому оставшемуся и бежавшему, исчезнувшему и присутствующему, и каждому лицемеру и отступнику, упорствующему и побежденному, и тому, кто показывал свое лицо и выражал огорчение. И собрались противящийся и одобряющий, и несогласный, и лицемер. И я встретил [их] исполненный милости и простил поступающего дурно, так что вернулись бежавший и ушедший, и обе стороны сравнялись друг с другом и достигли согласия.

И распространилось благоденствие, и увеличилось добро, и все это по божьему приговору, и обстоятельства свидетельствуют [об этом]».

Затем сказал: «А ты, о вероломный, предатель, явно сошедший с пути своих отцов и дедов, отошедший от веры [своих] предков и им подобных, очаг огня войны, отступник от общества и закона! И я не упускаю из виду твоих действий, и не пугают меня известия о тебе, и не скроются от меня твои дела, — ты у меня на виду и на слуху, как сказал Аллах, всемогущий он и великий: „Я свами, слушаю и вижу“⁵. „Не был отец твой дурным человеком, и мать твоя не была распутницей“⁶. И ты сообщи нам, каких ты придерживаешься мнений и по какому пути идешь? А разве не был тебе примером твой дед Абу Санд или не был тебе образцом твой дядя Абу Тахир?⁷ Видел ли ты книги их и предания? Читал ли ты их заветания и сочинения? Разве не был ты в их стране и не видел их памятников?

Разве ты не знаешь, что они были первыми нашими подданными, могучими, решительными, с похвальными делами? Издывалось на них наше благословение, так что они возвысились в делах и стали нашими наместниками, а каждый эмир и правитель был близок к ним, и их называли господами, и они правили и [получили] от нас награду и имя от нашего имени, и возвысились их имена, и вознеслись их слова, и усилилась их мощь и стали прибывать к ним посланцы со всего света, и обратились на них взоры, и люди подчинялись им из страха, а они пресекали неповиновение и были врагами и соперниками Аббасидов».

Затем, после многих слов, сказал [Муизз]: «Вернись, нарушивший обет, подобный женщине! Кто сбил тебя, заградил тебе дорогу и прельстил тебя? Что смущает тебя — не повеление ли, исходящее от него? Разве свободен ты от осуждения и от [данного] слова? А этот заставил тебя поскользнуться и преградил тебе [путь] истины. Объяснение твое лишь в том, что [это] „испытание для вас и доля во времени“⁸.

И клянусь Аллахом, что были мы возвышающими усердие твое, превозносящими силу твою, и нанцедрыми в дарах тебе, и понимающими недостатки твои, и снисходительнейшими к оправданию твоему, осведомленными о положении твоих предков. И повстине мы радушно встречали тебя, помня об их

значении. Но поистине был темен для тебя путь следования их закону и приобщения к их учению, принятому ими к руководству в их действиях в то время, и [в отношении] их одежд.

А наместники следовали своим предкам с усердием, непоколебленной решимостью и согласием. Но грех овладел твоим сердцем и умом, и отклонил тебя от правильного пути, и лишил тебя прозорливости и света. А я надеюсь на твое [возвращение] на путь предков, ибо ты — тот, кто [идет] после них, как сказал Аллах, всемогущий он и великий: „И последовали за ними потомки, которые погубили молитву и пошли за страстями, и встретят они погибель“⁹.

Затем идут довольно страшные слова, и нет для нас нужды приводить их полностью, и он (Муизз) порицает в них его (Хасана) за убийство Джафара ибн Фаллаха и осаду Ибн Хийана в Яффе¹⁰ и смерть его в Фустате. Затем говорит после этого: «И поистине я верил твоему делу и отсрочкам твоих действий. И ты утвердился в твоей столице с нашей помощью, и склонились к тебе из нашего войска те, кто изменял и до тебя и бунтовал с тобою, подобно Аду и Самуду, „и обитатели ал-Айки и народ Тубба¹¹ — все сочли лжецами посланников, и оправдывалась моя угроза“¹².

„А мы придем к вам с войсками, против которых вам не устоять, и выведем вас оттуда униженными, и будете вы ничтожны“¹³.

И с большой силой и с большой решимостью „смиранных перед верующими, великих над неверными“¹⁴, и с чистыми сердцами и богобоязненными душами, и с той же гордостью одержим над вами победу и добьемся успеха. И проявят к вам ангелы сильную грубость — [они] „не слушаются Аллаха в том, что он приказал, и делают то, что им приказано“¹⁵. А ты и твои люди — не что иное, как место наслаждения и хлев для скота, „и мы покажем тебе то, что обещали им“¹⁶.

А ты — в клетке кровопускания, и время твое определено, а их прибежище — у нас, и для них потеряна настоящая и будущая жизнь; это — явная гибель: „И вот увещаю я вас огнем, который пылает; горит в нем только несчастнейший, который счел ложью и отвернулся“¹⁷. „В тот день, когда они увидят то, что обещано, как будто бы они пробыли только час дня. Возвращение! Разве ж губят кого-нибудь, кроме народа нечестивого?“¹⁸.

И пусть заранее подготовится обладающий осторожностью и задумается обладающий умом, — день воскресения [есть] день скорби и печали, чтобы не сказала душа: „Горе мне за то, что я нарушила в отношении Аллаха“¹⁹. [Или мы будем] „возвращены и будем делать не то, что делали?“²⁰. Увы, несчастье одолело вас, и вы стали погибшими людьми, „и мир тому, кто последовал за водительство“²¹. А тот, кто спасется

от погибели, достигнет высшего сонма. И мы рассчитываем на Аллаха, избавляющего [от нужды в другом], и он — наша опора, и отличный покровитель, и прекрасный защитник. Слава Аллаху, господину миров, и да благословит Аллах нашего предка Мухаммада и прекрасное его семейство и да приветствует!».

Ответ. «Именем Аллаха, милостивого и милосердного, от ах-Хасана ибн Ахмада ах-Кармати ах-Асама». А затем: «До нас дошло твое письмо, в котором много подробностей, но мало смысла. И мы направляемся вслед ему, и привет [тебе]! Наш защитник — Аллах, и он — прекрасный покровитель. И в нем [этому году] не было в Багдаде стороны, [признающей] Хасана, мир ему! [И причина этого — в поражениях], которые нанес мусульманам правитель Рума, а он в этом году завоевал Джазиру со многими ее городами и селениями и взял в плен более ста тысяч».

А хаджиб Сябуктагин с Изз ад-даула, сыном Муизза ад-даула ибн Бувайха, находились в Васите, и в Багдаде не было войска для отражения от него румийцев. А халиф ах-Мути также находился в Васите во время битвы дейлемитов, и вождения румийцев поэтому усилились»²².

Ибн Давадари, 148—157.

¹ *Захир* и *батын* — составные части учения исмаилитов наряду с упомянутой в гл. I социальной утопией. *Захир*, или экзотерическая, т. е. внешняя, понимаемая буквально, часть включает в себя обряды и постановления Шарията с тремя существенными отличиями: Фатимиды не признавали преданий, восходивших к первым трем «праведным» халифам, считая для себя приемлемым лишь то, что исходило от самого Мухаммада или членов его фамилии; признавали семь «столпов ислама» (вера, ритуальное очищение, молитва, налог в пользу бедных, пост, паломничество, священная война), в то время как сунниты — пять (без очищения и священной войны); наконец, Фатимиды, подобно всем шиитам, придерживались доктрины об имамате потомков Али.

Часть «батын», или изотерическая, тайная, наиболее сложна для постижения. Она включает в себя толкование доктрины *захир* при помощи символов и аллегорий (*тавиль*), причем применение этого принципа считалось исключительной прерогативой имама. Простейшие примеры такого истолкования: библейский потоп, описанный в Коране, считался потоком ложных идей, а Ноев ковчег — призывом имама отойти от них; все, кто слышит призыв и погружается в ковчег, вручая себя имаму, будут спасены. В Суре XIV, 24—25, рассказывается притча: доброе слово подобно хорошему дереву, у которого крепкие корни, а ветви достигают до неба; оно приносит плоды по велению бога. Под хорошим деревом исмаилиты подражали пророка, под корнями — его фамилию, под ветвями — Али и Фатиму, под плодами — иманов. В толкованиях часто использовались числа.

В эзотерическую часть входит также *хакаик* (букв. истина, правда) — общая система знаний, включающая и натурфилософию и являвшаяся главной характерной чертой исмаилизма. Система эта эклектична: она основана на неоплатонизме (в его поздней версии, содержащейся в так называемой патристической литературе) и элементах рационалистической философии Аристотеля, неопифагорейства, гностицизма, астрологии и пр.

Начинается она с космогонии, вводя представление о едином и высшем божестве, сущность которого — за пределами понимания смертных (в противовес антропоморфизму раннего ислама). Первой эманацией (истечением, излучением) божества является волевой акт творения мира (*амр*). Вторая эманация — *универсальный разум* (*ал-ахл ал-аввал*), под которым следует понимать рациональный или логический принцип, лежащий в основе вселенной. Третьей эманацией является «мировая душа» — символ жизни и самосознания. У различных исмаилитских авторов кроме этих трех эманаций часто вводятся дополнительные, число которых соответствует числу видимых концентрических сфер птолемеевской системы вселенной, поддерживающих и двигающих небесные светила. Каждая из эманаций считается частью целого, вселенной и не имеет самостоятельных функций, подобно тому как все органы человеческого тела являются неразделимыми частями целого организма; таким образом, микрокосм строится по образцу макрокосма.

Божество считалось обладателем всей истины, *хакик*. Передатчиками этой мудрости во вселенную выступали сначала ангелы (Израил, Михаил, Гавриил), а затем пророки, которые получали всю истину, а открывали современникам лишь ту ее часть, которую они были способны понять (пророк назывался *матик* — говорящий). История человечества, по представлению исмаилитов, делалась по несколько циклов («двар»), каждому из которых соответствовал особый пророк, появляющийся в начале каждого цикла (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммад); идея циклов восходила к раннему иудаизму.

Считалось, что передача знаний совершалась пророками не непосредственно, а через имапов; каждому пророку соответствовал свой имам (он назывался *самит* — молчаливый, ибо при жизни пророка не имел никаких обязанностей). Так, Мухаммад, получив от бога полное откровение, завещал его постепенную передачу Али ибн Абу Талибу и его потомкам по фатимидской линии, причем представление об имамае «скрытых имама» и фатимидских халифов сложилось в сравнительно позднее время, а первоначально линия имапов запершалась, как говорилось выше, Мухаммадом ибн Исмаилом; это представление сохранили карматы.

Имам, в свою очередь, передавал откровение при помощи целой организации дават, причем положение всех членов иерархии имело свою параллель в иерархии космических принципов; пророк был равен «универсальному разуму», Алл — первой эманации, имам — третьей эманации и т. д.

Организация дават считалась главным орудием спасения человечества, ибо конечной целью вселенной, по учению исмаилитов, являлось ее слияние с первоисточником — божественной волей, причем ускорителем этого процесса считался человек в соответствии со степенью овладения им божественной истиной [233; 229; 189; 190; 191; 192; 281; 286; 168; 206].

² Сура VI, 129.

³ Сура CIV, 6, 7.

⁴ Сура XL, 19.

⁵ Сура XX, 46.

⁶ Сура XIX, 28.

⁷ Абу Сайд и его сын и преемник Абу Тахир — вожди бахрейнских карматов. Первый находился у власти в 899—914 гг., второй — в 914—943 гг.

⁸ Сура XXI, 111.

⁹ Сура XIX, 59.

¹⁰ Ибн Хибан — командующий 11-тысячным фатимидским гарнизоном, видержавшим в Яффе в 971 г. длительную осаду карматов [239, стр. 106—107].

¹¹ Ал-Айка (араб. *роши*) — местность в Северной Аравии, вблизи городов Табук и ал-Хиджр. *Ад, самуд* — названия народов, якобы истребленных Аллахом за беззакония, *Тубба* — титул вемейских царей.

¹² Сура L, 14.

¹³ Перефразированная сура XXVII, 37.

¹⁴ Сура V, 54.

¹⁵ Сура LXVI, 6.

¹⁶ Перефразированная сура XXIII, 95.

¹⁷ Сура XCII, 14—16.

¹⁸ Сура XXXXVI, 35—36.

¹⁹ Сура XXXIX, 56.

²⁰ Сура VII, 53.

²¹ Сура XX, 47.

²² Письмо Муизы было отправлено им сразу после его прибытия в Египет в рамадане 362 г. х. (июнь — июль 973 г.); ответ был получен, по всей вероятности, в конце 973 г., во всяком случае, не позднее начала 974 г., так как в шабате 363 г. х. (апрель-май 974 г.) Хасан ал-Асам уже вступил в пределы Египта [266, стр. 176—177; 207, стр. 763].

Смысл ответа можно усмотреть в том, что, по мнению вождя карматов, стремление Муизы установить с ним дружеские отношения объясняется возросшей в то время опасностью со стороны Византии. «Правитель Рума» — византийский император Иониз Цимисхий, продолжавший завоевания своих предшественников на Востоке [см. 86, стр. 286—302]. Однако завоевание Джазиры (т. е. северной части территории, расположенной между Тигром и Евфратом), включая города Нисибин и Мивафаркин, происходило ранее года написания письма, в 972 г. [см. 94, II, стр. 216].

Муизз ад-даула — правитель Ирака и Южного Ирана из династии Бувайхидов; правил в 932—967 гг. Низз ад-даула — его преемник, правил в 967—978 гг. Мути — аббасидский халиф (946—974).

АНТИФАТИМИДСКИЕ МАНИФЕСТЫ

В этом году в месяце раби II (раби II 402 г. х., т. е. ноябрь 1011 г. — Л. С.) аббасидский халиф Кадир составил манифест, касающийся египетских халифов, с поношением их родословной и вероучения, и копия [его] была прочтена в Багдаде. И подписи кадиев, шарифов и имамов удостоверяли их утверждение о дайсанитском происхождении [Фатимидов], ибо они говорили: «И они (Фатимиды) восходят к Дайсану ибн Санду ал-Хуррами, [они] — братья неверных и семья шайтана; это свидетельство угодно Аллаху, и улемы верят в то, что Аллах обязал их распространить [известие об этом] среди людей».

И все они утверждают, что тот, кто появился в Египте, есть Мансур ибн Низар по прозванию Хаким — да осудит его Аллах за ложь, позор и накажет! — ибн Маадд ибн Исмаил ибн Абд ар-Рахман ибн Санд — да не поможет ему Аллах! И воистину [предок] его, когда появился в Магрибе, назвался Убайдаллахом по прозвищу Махди. Он и бывшие прежде него предки, негодные и нечестые — проклятие на него и на них! — явные еретики, не относящиеся к потомкам Али ибн Абу Талиба, лжецы и обманщики.

И воистину они (подписавшие манифест) не знают случая, чтобы хоть один из талибидов согласился с притязаниями этих еретиков. «И это неверие в святыни нашло распространение

с самого начала деятельности их (Фатимидов) в Магрибе, что мешало открыть их ложь или усомниться в их вере.

И войнину этот появившийся в Египте и предки его — неверные и нечестивцы, примкнувшие к ереси и к махабу дуалистов и магов, убежденные в отсутствии препятствий [для их] распутства и кровопролития; они хулят пророков, проклинают предшественников и претендуют на божественное происхождение.

И составлен [манифест] в месяце раби II 402 года».

И подписало манифест множество [людей], в том числе шариф ар-Ради, брат его ал-Муртада, Ибн Азрак ал-Мусави, Мухаммад ибн Мухаммад ибн Омарибн Абу Али — Алиды и кадий Абу Мухаммад Абадаллах ибн ал-Акфани и кадий Абу-л-Касим ал-Джазари и имам Абу Хамид ал-Исфарани, факих Абу Мухаммад ал-Кашфули, факих Абу-л-Хусайн ал-Кудури ал-Ханафи, факих Абу Али ибн Хамакан, Абу-л-Касим ат-Танухи и кадий Абу Абдаллах ас-Саймари.

На этом заканчивается краткий рассказ о манифесте. И когда он дошел до Хакима, то произошло замешательство и унижен он (Хаким) был в глазах людей тем, что на манифесте стояли подписи упомянутых улемов¹.

Ибн Тагри-Бирди, IV, стр. 229—231.

¹ Антифатимидский манифест 1011 г., изданный при халифе Кадире (996—1020), был одним из проявлений характерного для Аббасидов после их прихода к власти враждебного отношения к тем Алидам, которые выставляли политические требования. Аббасиды старались подорвать престиж Фатимидов путем отрицания их алидского происхождения (эту идею несколько ранее высказали упомянутые Ибн Ризан и Аху Мухсин). Имена предков Фатимидов от Дайсана до Убайдаллаха в манифесте не названы.

Упомянутые здесь «материалисты» — те, кто верил не в сотворение, а в бесконечную жизнь материи (по Аристотелю); дуалистами считали приверженцев зороастризма. Титул Дайсана *ал-хуррами* указывает на определенную преемственность исмаилитского и хуррамитского движений. Ведущие Алиды и законоведы подписали манифест, по всей вероятности, принудительно. Фатимиды ограничились публичным объявлением упомянутых лиц еретиками, не издав какого-либо акта в защиту своих притязаний. П. Маур объясняет это тем, что эклектичность и полная несостоятельность манифеста были очевидны для всех уже в то время [250, стр. 66].

Э. Катрмер, напротив, считал этот факт одним из доказательств ложности фатимидской родословной: «Если бы Фатимиды были убеждены в справедливости своих притязаний, они могли бы одобрить для себя фиксированную генеалогию. Распространенная в их империи и призванная бесспорной, она была бы скопирована и передана авторами без каких-либо изменений» [265, II, стр. 110—111].

Позднейшие суннитские авторы развили аббасидскую генеалогию манифеста, введя в нее имена Кадлахидов, в том числе имя отца Дайсана — Саида Гадбана, а также скрытых имамов.

В этом году [444 г. х., т. е. 1052 г.] в Багдаде был составлен манифест, содержащий порицание родословной алавитов — правителей Египта: будто они без оснований возводят свое происхождение к Али, мир ему! И отнесли их к Дайсанитам из магов и к Каддахидам из иудеев. И подписали его алавиты, Аббасиды, факихи, судьи и свидетели. И было изготовлено некоторое число его копий и направлено в провинции и доведено до сведения всех¹.

Ибн Тагри-Бирди, IV, стр. 240.

¹ Этот документ был издан по инициативе аббасидского халифа Кайма (1031—1075) в тот период, когда халифат Фатмидов еще сохранял свою мощь. Видимо, главной побудительной причиной в этом случае был страх перед активностью фатмидских эмиссаров во владениях Аббасидов.

Известен также третий манифест, относящийся к году взятия Багдада монголами (1258) и повторяющий содержание двух первых [250, стр. 201, 217].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ МУИЗЗА. БОРЬБА В АРМИИ ПРИ МУСТАНСИРЕ

И сказал Ибн Муассар: «Когда второго джумада 454 года (июнь 1062 г.) Мустансир по своему обычаю направился в Биркат ал-Джубб¹, случилось так, что один из тюрок в пьяном виде поднял меч против одного из купленных черных рабов. И присоединились к черному рабу другие, и убили они тюрка. И явились тюрки к Мустансиру и сказали: „Если это совершено с твоего согласия, то мы слушаем и повинемся, а если без твоего согласия, то мы не одобряем этого“. И Мустансир осудил то, что произошло, и отрекся от того, что сделали рабы.

А тюрки собрались для борьбы с рабами, и одни из них выступили против других, и в сильной схватке при Кум Шарике² черные рабы были разбиты, и большое число их погибло. А мать Мустансира помогала черным рабам деньгами и оружием. И случилось однажды так, что один из тюрок овладел кое-чем из того, что мать Мустансира посылала рабам, и об этом узнали его товарищи. И усилилось их (тюрок) могущество после разгрома рабов, и собрались они все, и отправились к Мустансиру вести переговоры, и были грубы, громко сознаваясь в том, в чем не следует.

И поднят был меч, и продолжалась битва до тех пор, пока из-за смуты и дороговизны не был разорен Египет, и те, кто подчинился Мустансиру, не вернулись в Биркат ал-Джубб».

Макризи, Хитат, I, 489.

¹ Биркат ал-Джубб — болотистая местность к западу от Каира.

² Кум Шарик — местность на Ниле к северу от Гаррани. Как показал Г. Вьет, здесь правильное читать «Кум ар-Ридж» — местность между Каиром и Биркат ал-Джубб [288, стр. 97; 53, I, стр. 230].

Сказал я «Китаб аз-захаир ва-т-тухаф»¹: «Рассказывал мне заслуживающий доверия. Сказал: был я в Каире в один из дней и месяцев 459 года (1066-67 г.), и стало тогда опасным положение из-за мятежников, и усилась их мощь, и стремились они овладеть сокровищами, хранимыми во дворце султана, без его разрешения.

И видел я, как из дейлемийских ворот вышел: один из привратников прекрасного обитаемого дворца, известный как Тадж ал-Мулук Шади, и Фахр ал-Араб Али ибн Насир ад-Даула ибн Хамдан и Ради ад-Даула ибн Ради ад-Даула, и эмир эмиров Бахтагин ибн Сабуктагин, и эмир арабов Ибн Кайталуг, и Изз ибн Синав, и несколько их сподвижников-эмиров — багдадских и прочих.

И вошли они в малую галерею и встали перед диваном аш-Шам² из-за большого числа собравшихся. И был с ними один из служителей упомянутого обитаемого дворца. И они вошли туда, где находился диван надзора, в помещении упомянутого дивана, а с ними — работники, и дошли они до стены, которая была починена, и приказали работникам рассмотреть это исправление в ней. И обнаружился свод закрытых ворот, и они приказали его разрушить, и попали оттуда в хранилище, называемое «азизийа», [сохранившееся] со времени Азиза би-длаха.

И нашли в нем [столько] оружия, что не охватить его взглядом: копьа Азиза с позолоченными остриями, с бляхами³ из серебра, стволы блестящие черные и из белого серебра, тяжелые по весу; в нескольких пучках древки из превосходного аз-зан⁴, и мечи с драгоценными клинками, и стрелы из халанджа⁵, и прочее, и сверкающие кожаные щиты, и щиты из смоковницы, и прочее.

А среди кольчуг были наполненные оружием и инкрустированные серебром. И панцири для лошадей, и персидские копьа⁶, и ал-караабдат⁷, обшитые звездной парчой, с серебряными звездами.— из тех [тканей], о которых говорят, что цена их более 20 тысяч динаров. И все это они унесли после вечерней молитвы.

И видел я, как некоторые джуйушийа и райханийа ломали копьа и губили таким образом их буковые древки, чтобы взять серебряные бляхи, и некоторые уносили это в своих шароварах, а [другие] — в чалмах и карманах, а некоторые просили в подарок у своего господина драгоценный меч. И было там немалое число коний длиною в шаг, прекрасного темного цвета; унесли они из них, сколько смогли, а оставили те из них, что были сломаны [воинами] райханийа, а прочее продавали продавцам и изготовителям веретен, так что много стало подобных вещей в Каире.

А правительство не противилось этому, и не обращало на это должного внимания, и не замечало этого. И оно считало

подобные [конфискации] выкупом за имущество мусульман ради сохранения того, что находилось в их жилищах».

Макризи, Хитат, I, стр. 397.

¹ «Китаб аз-захар ва-т-тухаф» («Книга сокровищ и подарков») — один из источников «Хитат» Макризи; в ней описываются богатства Фатимидов, в частности подарки, которыми они обменивались с иностранными посольствами. Точная принадлежность «Китаб аз-захар» неизвестна. По убедительному предположению М. Хамидуллы, автором ее был кадий ар-Рашид, служивший сначала у Бувайхидов Абу Калиджара (ум. в 1048 г.), а затем, после завоевания государства Бувайхидов сельджуками (1056 г.), перешедший на службу к Мустансиру в качестве чиновника, ведавшего делами, связанными с иностранными посольствами (возможно, в упомянутой должности «сахиб ал-баб»). Это противоречит вы сказанному ранее утверждению А. Гузста, согласно которому автором «Китаб аз-захар ва-т-тухаф» является Муджалла ибн Джами (середина XII в.) [219, стр. 121].

² *Диван аш-Шам* — *Диван Сири*, т. е. ведавший делами подчиненных Фатимидов сирийских областей. В других известных нам источниках упоминавший об этом диване нет.

³ В тексте «ал-м-ха-р-к» — слово, не содержащееся ни в одном из доступных мне справочных изданий. Перевожу, основываясь на определенно сходного по смыслу слову у Макризи, давнего Иностранцевым [93, стр. 38—39].

⁴ *Аз-зам* у Х. К. Баранова [80, стр. 407] переводится как бух; Иностранцев [93, стр. 48] вслед за Доми склоняется к значению «клен».

⁵ *Халамдж* — дерево с твердой древесиной [80, стр. 268]. У Иностранцева [93, стр. 48] — клен.

⁶ *Ал-дж-ва-ш-к* булакского издания исправляем на «ал-хашват» — «персидские косяк, привезенные еще Муизом из Магриба» [93, стр. 112].

⁷ *Ал-хараббат* булакского издания (*ал-харагандат*, *ал-пазиландим*) — стеганные шелковые или бумажные куртки, входящие в состав доспеха, заменяющие панцири или представлявшие собой скрытую кольчугу [93, стр. 50].

И когда пришла к Мустансиру беда, раскрыл он [богатства своих дворцов] и продал их по дешевой цене, из-за большой нужды. И отдал Мустансир также тазы и хрустальные кувшины — девять кувшинов, вмещавших по два ратля воды, а тазы — по четыре ратля; их считали багдадскими, а он продал их по 12 дирхемов-фулусов¹. Затем продал Мустансир 80 тысяч [других] изделий из хрусталя, и продал он несметное число драгоценных камней, яхонтов и хосровани. А одежду, хранившуюся в халифском дворце и проданных им при этой дороговизне, было 80 тысяч, и 20 тысяч кольчуг, и 20 тысяч украшенных мечей. И продал Мустансир даже одежды своих рабынь и колыбели, и войско взяло их за бесценок.

Ибн Тагри-Бирди, V, 16.

¹ Дирхем-фулус — дирхем, содержание медь (обычно $\frac{1}{2}$ веса) [263, стр. 42]. Возможно, однако, что здесь имеется в виду просто медная монета.

И когда наступил шабан¹, прибыл Насир ад-Даула в Фустат, и распорядился в нем, и послал к Мустансиру, требуя у него имущество. И прибыл посланец к нему (халифу), когда тот сидел на цинновке, а на ногах его были некрашенные деревянные башмаки без ремня, и около него — трое слуг, и не видно никаких государственных инвигний. И передал [посланец] Мустансиру поручение Ибн Хамдана, и тот сказал: «Разве Насиру ад-Даула не довольно того, что я сижу в помещении, подобном этому, и в таком положении?»

И заплакал посланец, и вернулся, и сообщил Насиру ад-Даула о виденном, и [тот] стал выдавать Мустансиру по сто динаров ежемесячно. И правил он (Насир ад-Даула) в Канре, и чрезмерно усердствовал в унижении Мустансира. И проявлял он жестокость, и схватил мать Мустансира, и наказывал ее, и отобрал у нее огромное богатство. И покинули Мустансира все его близкие и дети, и ушли в Магриб и Ирак, и говорят, что мать Мустансира бежала в Багдад.

Ибн Муйассар, 21.

¹ Подразумевается шабан 464 г. х., т. е. апрель — май 1072 г.

О НАСЛЕДНИКАХ МУСТАНСИРА

И люди говорили, что Мустансир назначил своего сына Абу Мансура Низара наследником потому, что он был самым старшим из его детей. И когда приблизилась к нему (Мустансиру) смерть, потребовал он от государственных лиц принести ему клятву в этом, но Афдаль отказался сделать это и стоял на том до самой смерти [халифа]. А это потому, что между ним и Низаром были противоречия и каждый в душе своей был против другого. А дело было в том, что однажды Низар вышел из покоев дворца и увидел, что Афдаль въехал верхом в его ворота, и он крикнул ему: «Спешься, о нечистый армянин!». И Афдаль возненавидел его, и установилась между ними вражда.

А кроме того, Низар притеснял Афдали в делах еще при жизни своего отца, и тот (Афдаль) прибегал к заступничеству его (халифа), и было уменьшено его (Афдаля) влияние, и не могли поднять голову его гулямы и свита, и они были презираемы, и им причиняли обиды и ущерб.

А когда Мустансир пожелал, чтобы принесли присягу Низару, Афдаль созвал эмиров войска, и стал их запугивать именем Низара, и предостерегать от принесения клятвы. И предложил им избрать брата его (Низара) — Ахмада¹, ибо он был малолетним и не внушал страха, и приняли эмиры его сторону и согласились с ним. И остались при этом решении все,

кроме Махмуда ибн Масала ал-Лакки, по названию селения Лакк в Барке. И он не согласился на это, ибо Низар обещал ему везират и должность главнокомандующего вместо Афдаля.

Макризи, Иттиаз, 111².

¹ Ахмад более известен под своим тронным именем ал-Мустанд биллах.

² Этот текст, имеющийся лишь в константинопольской рукописи «Иттиаз», цитируется по упоминавшемуся выше сборнику (стр. 6). Далее в подобных случаях наряду со страницами рукописи «Иттиаз» указываются соответствующие страницы сборника (сокращенно — Шайнал).

УБИЙСТВО АМИРА

И случилось с халифом Амиром, когда направлялся он в Рауда, согласно тому, что говорилось в начале его жизнеописания, что проходил он по мосту, ведущему от Фустата на остров Рауда, в то место, где он иногда гулял.

И было в обычае халифов, что, куда бы они ни направлялись, их неразлучно сопровождали слуги, и ни один из них не уклонялся от этого. А девять низаритов узнали о выезде его, и пришли на остров, и увидели напротив выхода с моста пекарню. И они вошли туда перед прибытием халифа Амира и дали хозяину ее достаточно дирхемов, чтобы он испек им лепешку с маслом и медом. И пекарь обрадовался этому и испек им лепешку и многое другое. Но не успели они закончить еду, как халиф Амир сошел с моста. А свита и те, кто охранял его во время перехода по мосту, отошли от него из-за узости [этого места]. И когда [низариты] поравнялись с ним, то бросились на него, как один человек, и ударили его ножами, в то время как один из них бросился на него сзади и нанес ему несколько ударов.

И догнали их (низаритов) люди и убили девятерых. А Амира повезли на ашарийа¹ во дворец Лулу, а это было в дни [подъема] Нила, и Амир умер еще до прибытия в Лулу.

Ибн Тагри-Бирди, V, стр. 185.

¹ Об ашарийа см. ниже, стр. 204.

ВОЦАРЕНИЕ ХАФИЗА

А перед воцарением этого Хафиза положение в Египте было неспокойным, так как Амир был убит и не осталось у него сына-наследника, а лишь беременная жена. И жители Египта взволновались и сказали: не умирал ни один из людей этого рода, не оставив сына-наследника и не завещав ему имамат.

А Амир перед смертью завещал [имамат] зачатому, а жена его принесла дочь, и власть перешла к этому Хафизу, и прекратилось потомство Амира и детей его...

И было у него (Хафиза) дело с везиром Абу Али Ахмадом ибн Афдалем, так как, когда был убит халиф Амир, этот Хафиз был заточен; [затем везир] выпустил его, но опекал до тех пор, пока не родится зачатый Амиром, [надеясь], что это будет мальчик, который унаследует халифу, а Хафиз будет удален. И упомянутый Ахмад овладел везиратом, и к нему перешли все дела, а за Хафизом осталось лишь звание халифа. И этот везир был хитер и многоопытен, подобно упомянутому ранее отцу его Афдалю и деду его Бадру ал-Джамали, и овладел египетской страной.

Жена [Амира] родила дочь, и Хафиз оставался халифом под опекой, а вся власть была у везира. А Хафиз был стеснен и опекаем, ему не давали выходить и заточили его в хранилище¹, и никто не смел входить туда иначе, чем по повелению Совершеннейшего, то есть упомянутого везира, а он был прозван Совершеннейшим в дни своего везирства. И везир овладел дворцом и взял все, что в нем находилось, сказав: «Все это — имущество моих отца и деда»; затем унижил убайдитских халифов и их учение.

А он воистину был правоверным, подобно своему отцу, и выказывал приверженность к имаму конца времен Мунтазару, чье имя стали упоминать в хутбе, и изменил еретические установления. И возненавидели его эмиры и дай, ибо они в большинстве своем, если не все, были отступниками. Затем везир приказал упоминать в хутбе титулы, присвоенные им себе. И поскольку египетские шииты ненавидели его, то решили его убить. И вышел он 20 мухаррама (20 мухаррама 525 г. х., т. е. 23 декабря 1130 г.) играть в мяч, и была устроена засада, и напал на него франк — раб Хафиза, и поразил его, и убил, и отрезал голову его. И выпустили они Хафиза, и вторично присягнули ему, а дом упомянутого везира был разграблен. И Хафиз вошел в халифский дворец и овладел сокровищами.

Ибн Тагри-Бирди, V, стр. 237—238.

¹ Имеется в виду хранилище знамен, в которое с 1069 г., после пожара, уничтожившего тюрьму для политических преступников из знати, последние были переведены. Хранилище использовалось в этом качестве до конца правления Фатмидов и при Аййубидах [293, стр. 251].

И после того, как он (Амир) был убит, Хафиз утаил дело с его сыном, происшедшее в этом году (524 г. х., т. е. 1129—1130 гг.). И люди присягнули эмиру Абу-л-Маймуну Абд ал-Маджду ибн Мухаммаду ибн Мустаисиру (т. е. Хафизу), как наследнику, пока не выяснится положение с женой Амира —

родит она или нет. И выступило войско и выдвинуло сына своего господина Абу Али Ахмада ибн ал-Афдаля по прозвищу Кутайфа — а его отец — эмир войска — в понедельник, а [другие] говорят, что в четверг 16 зул-када (16 зул-када 524 г. х., т. е. 21 октября 1130 г.). И стал он править, и отказался от прежней клятвы Абу Маймуну и провозгласил имама Мунтазара.

Ибн Муассар, 74.

РАСПРИ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ХАФИЗА

И в этом году (528 г. х., т. е. 1133-34 г.) сделал Хафиз наследником своего сына Сулаймана, самого старшего и самого любимого, и назначил его на должность везира, и отдохнул он (Хафиз) от страданий, [причинявшихся ему] везирами, и от их грубости и стеснений в его приказах и запретах. Но тот умер, пробыв наследником два месяца, и он (халиф) оплакивал его некоторое время, а затем назначил наследником другого сына — Хайдару, поручив ему рассмотрение жалоб. А это было тягостно для его брата Хасана, ибо тот стремился к тому же, завидуя обилию его (Хайдары) денег, [его] округам, свите и выездам, так как тому полагался отдельный диван. И не переставал скорпион вражды ползать между ними, пока не началась усобица между группой джуйушитов и группой райханитов.

Макризи, Игтааз, стр. 135.

[Шайнал, 105]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЗИРА БАХРАМА

И когда Бахрам утвердился во главе везирата, попросил он у Хафиза, чтобы тот разрешил ему пригласить своих братьев и единоплеменников. И тот разрешил ему это, и Бахрам призвал их из Тель Башира¹ и из Армении, так что число их в Египте достигло почти 30 тысяч человек. И притесняли они мусульман, и был мусульманам от христиан большой вред. И сооружались во время его (Бахрама) церкви и монастыри, так что каждый предводитель из его народа соорудил себе церковь, и жители Египта боялись, что она вытеснит мусульманскую веру. И усилились жалобы на него и его людей. А брат его, известный как Басак, управлял Кусом, жителям которого было большое притеснение: он отнимал у людей имущество и обижал их. И было это опасно и тяжело для египетских эмиров, и они послали за Рудваном ибн Валахши, а он был наместником Гарбин.

Ибн Муассар, 79.

¹ Тель Башир — название города в округе в Северной Сирии, в провинции Халеб.

ИНТРИГИ УСАМЫ ИБН МУНКЫЗА И ВЕЗИРСТВО АББАСА

Случилось так, что Усама ибн Мункыз прибыл в Египет и установил связь с везиром¹ Аббасом и подговорил его убить его (Аббаса) отчима Адиля ибн Салара, и он убил его, и Зафир передал ему после того везират, и он (Аббас) стал полновластно вершить делами, и тем и кончилось. А эмиры и войско узнали, что это дело Ибн Мункыза, и вознамерились убить его. И бросили они Аббаса на произвол судьбы и сказали ему: как ты можешь спокойно выслушивать то плохое, что говорят люди об отношении Зафира к твоему сыну Насру?

А тот был красивейшим человеком и был неразлучен с Зафиром. И он (Аббас) обеспокоился и сказал: что же [мне] делать? Сказали: убей его, и уйдет от тебя позор. И сговорился он со своим сыном о его (Зафира) убийстве.

137.

Ибн Тагри-Бирди, V, стр. 309.

¹ В тексте лаяая ошибка: Аббас был не везиром, а командующим войском.

АББАС И ФАИЗ

И он (Фаиз) не наслаждался халифством и не видел от него добра. А когда был убит его отец, то Аббас рано утром отправился во дворец, чтобы разузнать о халифе Зафире, и убил своего брата и сына своего дяди, чтобы отвлечь от себя и своего сына подозрение в желанни захватить власть. И призвал он этого сына Зафира и посадил его к себе на плечи, а тому было около пяти лет. И встал он (Аббас) с ним у входа в залу и призвал эмиров. И они вошли в зал, а когда предстали перед ним, он сказал им: это дитя вашего господина, а так как его отец и дядя убиты, вам надлежит повиноваться этому ребенку. И возопили они разом: слушаем и повинуемся!

И от этого крика представилось ему (Фаизу) то, чему он был свидетелем: дяди его и слуги в крови, и помутился ум его... и стал он одержимым и попал под опеку... (пропуски в тексте). Затем, после Аббаса, стал везиром Салих и самовластно распорядился всеми делами, а у него (Фаиза) не было никакой власти, и слова его ничего не значили.

Макризи, Итназ, стр. 149
[Шайнал, стр. 152].

УКАЗ О НАЗНАЧЕНИИ ВЕЗИРОМ ТАЛАЯ ИБН РУЗНИКА

Нашему везиру, великому господину, благочестивому правителю, помощнику имамов, избавляющему от печали, эмиру войска, мечу ислама, спасителю людей, опекающему мусульманских судей, и предводителю проповедников верующих Абу-л-Гарату Талаю ибн Рузнику ал-Фанзи. Да усилит Аллах в нем веру, и укрепит в течение жизни его эмира верующих, и продлит мощь его, и постоянно возносит слова о величии судьбы [его] и важности приказа, и о великолепии дела, и о высоте положения, и оказании предпочтения, и заслуженности им больших благодеяний, и о чрезвычайной преданности, заставляющей его не жалеть себя ради нашего успеха.

И был призван он, а не другие к исполнению [обязанностей везира] из-за нашего пристрастия, которое побудило нас к подношению ему всего оберегаемого. И мы сами начали с предложения ему того, что радует душу и успокаивает глаз.

И то, что содержится в этом указе из восхвалений и описаний его, и то, что изложено в нем из наших помыслов, можно было умножить. И поэтому почтили мы его [передачей] всего управления и даров, и возвысили мы его до высшего из чинов, [предназначенных для] избранников, каковым мы его считаем. И Аллах всевышний окажет через него [помощь] нашему государству, и сохранит через него наше достоинство, и обеспечит содействие и поддержку. И да будет пребывание его в нашем везирате весьма длительным, если это будет угодно всевышнему Аллаху! ¹

Макризи, Иттиаз, стр. 146
[Шайнал, стр. 353].

¹ Указ о назначении везиром Салиха Талая ибн Рузника — типичный документ такого рода, придающий видимость законности полномочию везиров. Выпущен государственной канцелярией в раби II 549 г. х. (июнь — июль 1154 г.). Халифу Фанзу, от имени которого издан указ, в то время было пять лет.

ВОЗВЕДЕНИЕ НА ТРОН АДИДА

Когда умер халиф Фанз, Салих ибн Рузник отправился во дворец в траурной одежде и призвал смотрителя дворца и спросил его: кто из обитателей дворца пригоден для халифства? И тот сказал: да их здесь множество! И Салих сказал: познакомь меня с самым старшим из них! И тот назвал ему одного, и он (Салих) приказал его привести. И вышел к нему эмир, которого звали Али ибн Забд, и сказал ему тайно: Аббас не разумнее меня, ибо он соглашается на малое и отказывается от большего и действует самоуправно. И вынул

(Салих) его словам и сказал смотрителю: приведи мне младшего!

И тот сказал: при мне сын эмира Пусуфа ибн Хафиза, а имя его Абдаллах, и он несовершеннолетний. И (Салих) сказал: давай его сюда!

И вывел тот его к нему в тонкой чалме и набедренной повязке, и он был подобен зверенышу: смуглый, с большими глазами, широкими бровями, маленьким носом, расширенными ноздрями и большими губами. И посадил его Салих на лавку, а ему было от роду около 11 лет. Затем приказал главе хранилища одежд принести зеленую одежду, приличествующую наследнику во время печали о своем предшественнике. И тот пришел и облачил его в одежды, и взялись за приготовления Фаиза, и, когда были вынесены посылки, благословили его и отнесли в гробницу. А Салих взял Абдаллаха за руку и посадил рядом с собой, и приказал принести ему халифскую одежду. И одели его в нее, и принесли ему присягу. Затем присягнул ему народ, и был он назван «Адяд ли-дини-ллах». И это происходило в пятницу 18 раджаба 555 года (т. е. 24 июля 1160 г.)

Макризи, Иттиаз, стр. 149—150

[Шайнал, стр. 121].

ВОЗВЫШЕНИЕ САЛАХ АД-ДИНА

И Асад ад-дин Ширкух умер, а при нем был Салах ад-дин Пусуф, сын брата его Аййуба ибн Шади, пришедший вместе с ним и находившийся при нем в наступлении. Рассказывал мне о нем (Салах ад-дине) один из наших друзей, из тех, кто был особенно к нему близок: «Сказал [Салах ад-дин]: когда прибыло к Нур ад-дину письмо Адяда, в котором тот просил его о помощи [в борьбе] с франками и требовал отправления войска, то призвал он (Нур ад-дин) меня и сообщил мне об этом и сказал: отправляйся в Химс к твоему дяде Асад ад-дину с моим посланцем, [чтобы] призвать [его], и заставь его погоропиться, чтобы не было отсрочки в деле.

И я сделал это, и вышли мы из Халеба и были в миле от него, когда встретили его (Асад ад-дина Ширкуха) уже готовым. И Нур ад-дин приказал ему выступить. И когда Нур ад-дин сказал ему это, то мой дядя обратил внимание на меня и сказал мне: готовься, о Пусуф! И сказал я: клянусь Аллахом, если бы ты отдавал мне Египет во власть, и то я не пошел бы туда, ибо столько перенес в Александрии и других [местах], что никогда этого не забуду.

И сказал [Асад ад-дин] Нур ад-дину: необходимо, чтобы он отправился со мной. И они посоветовались, и Нур ад-дин приказал мне [отправляться], а я отказывался. Но совещание

закончилось, и Асад ад-дин снаряжился, и [мне] не оставалось ничего другого, кроме отправления.

Сказал мне Нур ад-дин: необходимо, чтобы ты отправился с твоим дядей. И я пожаловался ему на трудности и отсутствие благословения, и он дал мне все, что требовалось, будто бы я отправлялся на смерть. И отправился я с ним (Ширкухом) и овладел им (Египтом). Затем он умер, и Аллах всевышний сделал меня правителем [Египта], чего я вовсе не желал».

А что касается состояния дел в управлении, то поистине некоторые эмиры нурийа, находившиеся в Египте, стремились предводительствовать войском и управлять везиратом Адиды после него (Ширкуха); среди них — Айн ад-Даула ал-Йаруки, Кутб ад-дин Инал, Сайф ад-дин ал-Машгуб ал-Хаккари и Шихаб ад-дин Махмуд ал-Харамин, а он дружил с Салах ад-дином. И каждый из них добивался его (везирата) и собирал сподвижников, чтобы одолеть других. А Адид послал за Салах ад-дином, и наградил его, и поставил во главе везирата после его дяди, и стал он занимать эту должность, и сподвижники его говорили ему: «Нет среди нас [человека] слабее и моложе годами, чем Йусуф, и им необходимо руководить, так что воистину не выйдет он из-под нашей власти. Затем направим мы к вошам тех, кто склонит их к нам, а примкнут к нам воины — и мы укрепимся в стране, а затем захватим Йусуфа или изгоним его».

И когда [Адид] наградил его (Салах ад-дина), то дал ему титул «Малик Насир». И ни один из тех эмиров, которые хотели власти для себя, не подчинился ему и не стал ему служить. А с ним был факих Иса ал-Хаккари, который смог склонить к себе ал-Машгуба, и сказал ему: поистине это дело с Айн ад-Даула и ал-Харамин и прочими не для тебя.

Затем направился он к ал-Харамин и сказал: этот Салах ад-дин — сын твоей сестры, и его слава и власть — твои. А дело его укрепилось, и ты не будь первым, кто стремится к его изгнанию, и он не достигнет тебя.

И этот также примкнул к нему (Исе ал-Хаккари). Затем проделал он то же самое с остальными, и все они подчинились, кроме Айн ад-Даула ал-Йаруки. И поистине тот сказал: «Я не служу Йусуфу» — и вернулся в Сирию к Нур ад-дину, и с ним некоторые эмиры. И укрепилось положение Салах ад-дина, и [стал] он заместником Нур ад-дина. И Нур ад-дин писал ему как эмиру-исфахсалару и ставил титул его в начале письма, как приветствие, а затем писал его имя и не разделял их в письме, но писал: «эмир-исфахсалар¹ Салах ад-дин». И так же поступали все египетские эмиры.

И привлекал к себе Салах ад-дин сердца людей и щедро раздавал деньги, и склонились они к нему и полюбили его, а положение Адиды ухудшилось. Затем Салах ад-дин обра-

тился к Нур ад-дину с просьбой, чтобы он прислал к нему его братьев и семью, и тот направил их к нему при условии стоять за его (Нур ад-дина) дело и помогать ему. И все они делали это. И отбирал он (Салах ад-дин) икта у египетских эмиров, и раздавал их своей семье и пришедшим с ним эмирам, и увеличивал их. И любовь к нему и повиновение усиливались.

И в этом году во вторую пятницу мухаррама (вторая пятница мухаррама 567 г. х., т. е. 17 сентября 1171 г.) прекратилась хутба за Адида [по имени] ли-дини-ллах Абу Мухаммад ал-имам Абдаллах ибн Йусуф ибн Хафиз ли-дини-ллах Абу Маймун Абд ал-Маджид ибн Абу-л-Касим Мухаммад ибн Мустансир би-ллах Абу Тамим Маадд ибн Захир ли-изаидини-ллах Абу-л-Хасап Али ибн Хаким би-амри-ллах Абу Али Мансур ибн Азиз би-ллах Абу Мансур ибн Низар ибн Муизз ли-дини-ллах Абу Тамим Маадд ибн ал-Мансур би-ллах Абу Захир Исмаил ибн Каим би-амри-ллах Абу-л-Касим Мухаммад ибн Махди би-ллах Абу Мухаммад Убайдаллах, а он — первый алавит из этого рода, который был провозглашен халифом и которого называли «эмир верующих».

А причина введения [хутбы] за Аббасидов в Египте была в том, что, когда Салах ад-дин Йусуф ибн Аййуб укрепился в Египте и подавил сопротивление ему и ухудшилось положение халифа Адида, во дворце которого обосновались Салах ад-дин и его наместник Каракуш, евнух из знатных эмиров асadiyah и все они (эмиры) примкнули к нему, написал ему Нур ад-дин Махмуд ибн Зенги, приказывая прекратить хутбу за Адида и ввести хутбу за Мустади.

А Салах ад-дин воздерживался и уклонялся, боясь, что жители Египта восстанут против них (курдов) из-за своей привязанности к алавитам. И Салах ад-дин не желал прекращать хутбу за них (Фатимидов), а хотел сохранить ее, боясь Нур ад-дина, ибо он опасался, что тот придет в Египет и отнимет его у него (Салах ад-дина), и хотел, чтобы Адид был с ним, а если Нур ад-дин отправится, оказать ему сопротивление [вместе] с жителями Египта.

И когда оправдывался он перед Нур ад-дином, тот не принял его оправданий, и настаивал на прекращении хутбы, и вменил ему это в обязанность, и не было ему (Салах ад-дину) возможности противоречить, ибо в действительности он был наместником Нур ад-дина.

И случилось так, что Адид в это время заболел тяжелой болезнью. И когда Салах ад-дин решил на прекращение хутбы за него, то спросил он совета у эмиров. И некоторые из них советовали ему [прекратить хутбу] и не думали о египтянах, и некоторые, кто боялся его, [считали], что ему не следует поступать иначе, как по приказу Нур ад-дина.

И прибыл тогда в Египет чужеземец, известный как уче-

ный эмир, а я видел его в Мосуле. И когда он увидел, какое у них замешательство и что ни один не осмеливается провозгласить хутбу за Аббасидов, то сказал: я провозглашу хутбу за него.

И когда наступила первая пятница мухаррама (10 сентября 1171 г.), поднялся он на кафедру до проповеди, и назвал Мустади, и совершил это, и две козы не сшиблись из-за этого рогами. И объявлено было об этом всему Египту, и [всюду] стали так поступать.

Ибн ал-Асир, IX, стр. 99—100.

¹ О должности *исфахсалара* см. ниже, стр. 191.

О СМЕРТИ АДИДА

И сказал Абу Музаффар ибн Казаугли в своей «Тарих»: и умер он, то есть Адид, в день ашура¹, и было ему 23 года, и правил он 11 лет. И мнения о причине его смерти различны. Одни [полагают], что он задумался о своих делах, видя их в упадке, и появилась у него неизлечимая болезнь, от которой он и умер. А вторые считают, что когда он узнал о введении хутбы за Аббасидов, то опечалился и умер; и говорят, что [пока] его люди скрывали это от него, он был здоров, а когда узнал это, умер, и не следовало отравлять ему оставшиеся дни его жизни. А третьи [полагают], что когда он убедился в гибели своего государства, то проглотил отравленный камень из перстня, бывшего у него на руке, и умер от этого. А Салах ад-дин сидел у его ложа вместе с его семьей, и был на его похоронах, и руководил омовением его, завертыванием в саван и погребением.

И Салах ад-дин овладел всем, что было в этом дворце из имущества, сокровищ, диковинок, драгоценных камней, рабов, слуг, коней, товаров и прочего. И было во дворце дорогих ценностей столько, сколько не было их [у других] халифов и государей, собиравших их долгие годы, и в том числе изумрудный жезл длиною в кабду² с половиной, груды рубинов, и жемчужина «йатима» величиною в голубиное яйцо, и рубины, образовавшие копыто, весом в 14 мискалей³, и отборных книг, [переписанных] прекрасным почерком, сто тысяч томов. И находились там чалма Канма⁴ и его тайласи, которые Басасири послал Мустансирю.

Ибн Тагри-Бирди, V, стр. 334.

¹ О дне ашура см. ниже, стр. 230—231.

² *Кабда* — египетская мера длины, буквально означающая «ширина кулака». В средние века в принципе была равна $\frac{1}{6}$ локтя, однако ее величина колебалась и соответствию с размером локтя. При обычном («вер-

номъ) локте хитда равнялась 9 см, при каноническом — 8,31 см (см. 136, стр. 71).

⁸ Мискаль — мера веса в средневековом Египте, равная 4,68 г (136, стр. 13—14).

⁴ Канн — аббасидский халиф (1031—1075).

А когда усилилась болезнь Адида, то послал он за Салах ад-дином, а тот, подозревая хитрость, не пришел к нему. А когда он умер и [Салах ад-дин] узнал правду, то раскаялся в этом. И был он бесконечно великодушен к родственникам, и добро преобладало в его характере, и строг к себе. И среди его родных было девять провозглашенных халифами, и это Хафиз, Мустансир, Захир, Хаким, Азиз, Муизз, Мансур, Канн и Махди, и те, кто не были провозглашены халифами, — его отец Йусуф ибн Хафиз и дед отца его, а это эмир Абу-л-Касим Мухаммад ибн Мустансир. И не были в числе его предков Мустали, Амир, Зафир и Фаиз. А всего было провозглашено халифами четырнадцать человек. И из них в Ифрикии — Махди, Канн, Мансур и Муизз, до того, как пришел в Египет. И из них в Египте — упомянутый Муизз, а он первый пришел туда из Ифрикии, Азиз, Хаким, Захир, Мустансир, Мустали, Амир, Хафиз, Зафир, Фаиз, Адида.

И весь срок правления их, со времени появления Махди в Сиджильмасе в зу-л-хидже 299 года (июнь — июль 912 г.) до смерти Адида, 272 года и около месяца.

Ибн ал-Асир, IX, стр. 112—113.

УПРАВЛЕНИЕ. ВЫСШИЕ ДОЛЖНОСТИ

А имеющие служебный чин эмиры — господа меча (арбаб ас-суйуф) находятся во дворце и провинциях государства. И самая почетная у них должность — [главного] дворецкого [хидмат ал-баб]¹. Говорят, что эта должность следовала за везирской и [занимал] ее Муаззам Хамарташ, и была у него особая грамота на эту должность. И он — первый, кто выдумал ее, и был он из умных, и отлично замещал Хафиза ал-Убайди во время приключившейся с тем болезни. И пожелал Хафиз, когда выздоровел, чтобы он, при своем уме, стал везиром, но тот [от этого] отказался.

Затем [идет] должность главнокомандующего [ал-исфас-саларийа]², и он — глава всех глав [войска], у него — дела воинов. Затем — носящий меч халифа в дни выездов с зонтом и жемчужиной³. Затем — командующие отрядами «хафизийа» и «амирийа», и это знатные военные люди; затем те, кто [находится] во дворце.

А что касается провинций и соответствующих им наместников, то [сначала] идет наместник Аскалона, затем наместник Куса, затем наместник Шаркии, затем наместник Гарбии, затем наместник Александрии. И ему (наместнику Александрии) не жалуются наряд из хранилища одежд и не выдается ничего из халифских одежд в день открытия канала: этого удаивались те, кто занимал эту должность до завоевания Тира, Акки и Дамаска, и последним занимал ее эмир по имени Манзур...

И эти [эмиры] — господа с ожерельями [арбаб ал-атвак], затем идут [эмиры] с копьями и носилками [ал-касаб ва-л-аммарат], все виды которых находятся среди поступлений хранилища. И различие между — ними в сроках службы, и в способе исполнения [ее], и в одежде [их] отрядов, составившихся из достойнейших. И говорят, что государство полагалось в этом деле на людей смелых и храбрых, и поэтому прибывали сюда [в Египет] простые люди из армян, румицев и прочих.

Что касается главного судьи [кади ал-кудат], то ему [принадлежит] надзор за исполнением предписаний шариата, и он идет после везира — господина меча, который назначает ему заместителя из подобных ему, а в другом случае везир — господин меча получает это распоряжение от халифа, господина своего века⁴ и носителя власти. Поистине чин его — самый славный из чинов господ чалмы [арбаб ал-аманм] и господ пера [арбаб ал-аклам]. И в некоторые времена был он и [главным] миссионером [дан], и без него не решалось ни одно духовное дело.

И кроме того, по вторникам и субботам сидит он в соборной мечети хранимого Фустата, и у него тарраха⁵ и шелковый миснад⁶: когда вершил суд Ибн Абу Ахил и, войдя в собрание, увидел скамью, то приказал убрать ее и сел на тарраха ас-саман, и этот обычай сохранился. И сидели свидетели [шухуд]⁷ около него справа и слева, каждый в положенное ему для правосудия время, будь он юношей или стариком. А перед ним — пятеро служителей: двое рядом с ним, двое у дверей залы, и один вводил к нему тяжущихся. И четыре его писца [находились] перед ним, двое напротив двух. И у него — кафедра и чернильница, и эта чернильница украшена серебром; особый носитель доставляет ее из хранилища.

И ему постоянно предоставляется для выездов серая самка мула из [халифского] стойла, а животное этой масти из всех государственных людей полагается только ему. И из хранилища седел ему выделяется конский убор, украшенный серебром, и седло из кожи с шелком. А в праздники выдается ему ожерелье и жалуются украшенная золотом одежда, [но] без барабана и рога, кроме [случаев], когда он [одновременно] возглавляет суд и проповедь, а [главным] дан по-

лагаются барабан, рог и особые знамена, подобные тем, которых удостоивается везир — господин меча.

И если судья совершает суд, то около него находятся чтецы, а перед ним муэззины, начинающие [церемонию] с упоминания халифа и везира, так как [должность судьи] идет после везирской...

А что касается главного миссионера [дан ад-дуат], то он следует за ним [главным судьей] по своему чину. И облачается он в свои особые одежды, и превосходство его в том, что он знает все вероучения людей дома [ахл ал-байт⁵] и преподает [исмаилитское учение]. Он принимает клятву от тех, кто переходит из своего вероучения в его. И при нем — двенадцать глав верующих, а во всех городах — помощники, подобно помощникам судьи⁹. И предстают перед ним законоведы государства (а их место пребывания — «дар ал-илм»), и тем из них, кто занимает почетное положение, [выдается] большое жалованье. А некоторым из этих законоведов в каждый вторник и четверг дается тетрадь, называемая «маджалис ал-хикма»¹⁰, а чистовую ее копию представляют главному миссионеру. И он разбирает ее при них, и берет ее [тетрадь] у них, и входит с нею к халифу в один из этих двух дней, и читает ему ее, если возможно, и получает его (халифа) подпись на лицевой стороне. И читает он ее верующим во дворце в двух местах: мужчинам с кафедры для проповедей в большом зале, а женщинам — в их зале, и эти помещения — из самых больших и просторных.

А когда заканчивал он свое чтение верующим мужчинам и женщинам, то они подходили к нему, чтобы поцеловать его руку, а он касался их голов тем местом [тетради], где [находился] знак, то есть подпись халифа.

И на нем [лежит обязанность] сбора «ан-наджва» с верующих в Каире, и Фустате, и провинциях, особенно в Саиде, и размер ее три и одна треть дирхема. И собирает он таким путем большую сумму и лично передает ее халифу, и честность его в этом [деле] — от Аллаха великого и славного. И выдает ему халиф из этого то, что полагается ему самому [дан ад-дуат] и находящимся при нем главам.

А тот из исмаилитов, кто богат и вносит в виде «ан-наджва» $33\frac{1}{3}$ динара, [получает] в подтверждение этого грамоту со своим именем — что он отличился в подаянии, где рукою халифа написано: «Да благословит Аллах тебя, твое имущество, твоих детей и твою веру». И тот хранит ее (грамоту) и гордится ею.

И эту (главного миссионера) должность наследственно занимали люди из бану Абд ат-Такави; последний из них — Джалис, которому оказала предпочтение эта династия — [Ай-йубиды]. И произошло у них (т. е. бану Абд ат-Такави) столкновение с Афдалем, сыном эмира войска, и тот сослал

их в Магриб. И Джалис родился в Магрибе, воспитывался там и изучил права магрибинцев. И он склонялся к суннитскому вероучению, ведал судом и проповедью. И узнал о нем Малик Мансур Ширкух ибн Малик Афдаль и сообщил Аухаду Наджм ад-дину Абу Шукру Аййубу ибн Шади ибн Марвану¹¹, и тот узнал от него (Ширкуха) о существовании этого (Джалиса), и оказал ему честь, и назначил его пожизненно посредником [васита] при халифе Адиде. И последним делом [Джалиса] было [участие] в олеке над халифом Адидом. И в правление его (Адиды) не оставалось в хранилищах ничего из-за его щедрости; и известно, что он — последний из убайдитских халифов Египта, и Аллах лучше знает!

Ибн Фурат, стр. 136—140.

¹ *Хидмат ал-баб* — должность главного дворецкого, ближайшего помощника везира, называемого *сахиб ал-баб*, *мутаваалл ал-баб*, *хаджиб ал-баб* (букв. привратник). Вводил к халифу чиновников и послов во время приемов; при везире из «людей пера» возглавлял апелляционный суд. Наряду с главным, халифским хаджибом существовали одноименные должности и при видных фатимидских сановниках [93, стр. 43; 177, стр. 371].

² *Ал-исфахсаларийа* (перс.) — должность главнокомандующего войском. Однако фатимидский *исфахсалар* был скорее одним из придворных чинов, нежели действительным командующим армией. Он исполнял полицейские функции в церемониях, был участником апелляционного суда [93, стр. 43—44; 177, стр. 368, 372].

³ Зонт и жемчужина — insignia фатимидских халифов наряду со скипетром, головным убором [гадж], знаменами, золотой чернильницей, двумя опалами, оружием, литаврами, шатрами. Огромная жемчужная *матма* («несравненная») была помещена в полумесяц (или копыто — *кафир*), образованный из рубинов и окруженный изумрудами, а затем все это на куске шелка прикреплялось к тюрбану халифа во время торжественных церемоний. Над головой халифа несли церемониальный зонт, соответствовавший по цвету халифскому платью [93, стр. 26, 45 и сл.].

⁴ Господин своего века (*сахиб асрихи*) — один из распространенных в ту эпоху титулов фатимидского халифа.

⁵ *Тарраха* — изленький и тонкий матрац для дивана, циновка, *Тарраха ис-саман* — матрац из самана, рода тростника, произрастающего в окрестностях г. Байсана в Палестине и славящегося своим отличным качеством [194, I, стр. 622].

⁶ *Мискад* — подушка для сидения [194, I, стр. 692].

⁷ *Шухуд* (*шухуд ал-муаддалуна*, или *убул* — «свидетель») — своеобразный институт мусульманского, в том числе и фатимидского, судопроизводства. В дополнение к сказанному в гл. IV отметим, что «шухуд» значались кадием из числа правоспособных мусульман хорошей репутации (часто — законоведов) и, являясь его доверенными лицами, постоянно участвовали в судебных заседаниях, а также исполняли обязанности нотариусов и самостоятельно решали мелкие дела. Число «шухуд» равнялось обычно 20, но при Хакиме в Каире одно время их было 1200. Иногда этим же термином обозначаются помощники «мухтасиба» [100, стр. 189; 93, стр. 53—54; 53, II, стр. 153; 27, II, ч. 2, стр. 111—112; 174, стр. 71—79].

⁸ *Люди дома* (*ахл ал-байт*) — семья Мухаммада, к которой широким отношением лишь пятерых членов (Мухаммад, Али, Фатима, Хасан, Хусейн).

⁹ Ибн Фурат здесь явно имеет в виду исмаилитскую организацию, действовавшую в областях, подчиненных Фатимидам, так же как и за

их пределах. Более подробное ее описание содержится в труде видного фатимидского богослова Ахмада Хамид ад-дина Кермани (ум. в 1021 г.). По его словам, организацию эту возглавлял фатимидский халиф-имам, единственный в своем роде, «подобно единому году». Ему подчинялись 12 глав исмаилитских территориальных общин (*джазаир*), по числу месяцев в году (В. Иванов насчитывал всего девять общин — 232, стр. 10—11); возможно, что тремя оставшимися джазаир и были Египет, Сирия и Магриб. Глава каждой общины имел 30 помощников — «то числу дней в месяце», каждый из которых, в свою очередь, имел в своем распоряжении 24 дан низшего ранга, «подобно 24 часам суток».

В то время как высшие исмаилитские чины вели открытую пропаганду в дар ал-хикма, мечети ал-Азхар и дворце, эти люди должны были действовать тайно, причем половина их дела пропаганду ночью, половина — днем, «ибо в сутках 12 часов дневного времени и 12 ночного». Добившись обращения, они должны были побудить прозелита дать клятву; после этого новообращенный считался готовым для восприятия исмаилитского учения во всей его полноте, преподавание которого осуществляли упомянутые высокопоставленные исмаилиты. Как можно судить на основании фактов, изложенных в гл. IV, египетская знать и ученые не подвергались агитации дневных и ночных миссионеров, а сразу же слушали подробные лекции по исмаилитской доктрине в фикху.

Представляя собой часть государственного аппарата, исмаилитская организация, как говорилось, была ликвидирована с приходом к власти Салах ад-дина [190].

¹⁰ «Маджалис ал-хикма» («Веселы мудрости») — сочинения, излагающие доктрину Фатимидов. Составлялись главным миссионером с участием исмаилитских законоведов. После утверждения текстов халифом он читал их для посвященных на еженедельных собраниях во дворце. Фрагменты «маджалис ал-хикма» сохранились в книгах друзей [53, I, стр. 184—185].

¹¹ Имеются в виду Асад ад-дин Ширкух и его брат, отец Салах ад-дина, родоначальник династии Аййубидов Наджи ад-дин Аййуб ибн Шади (ум. в 1173 г.).

О ГЛАВЕ ТАЛИБИДОВ¹

Должность накиба талибидов подобна должности накиба шарифов нашего времени. И им может быть только шейх [из] этой группы, причем самый достойный. И он рассматривает их дела и не разрешает миссионерам к ним входить. А если кто-либо [из талибидов] вызывает [у накиба] сомнения, призывает его для подтверждения его родословной.

И он (накиб) обязан навещать больных из их [числа], и присутствовать на их похоронах, и удовлетворять их нужды, и удерживать того из них, кто совершает проступок, и помещать ему [осуществить] нападение. И не решает он относящиеся к ним (талибидам) дела иначе, чем по согласию с их шейхами.

Калкашанди, III, стр. 485.

¹ Титул талибиды [*от-талибина* — то же, что и *аш-шариф* (мн. ч. — *ал-ашраф*)], которым в мусульманском мире называли всех потомков Али ибн Абу Талиба, у Фатимидов прилагался только к потомкам Хасана и Хусейна. Шарифы-талибиды в Египте подчинялись назначаемому халифом из их среды свуху-накибу. Последний кроме обязанностей, перечисленных Калкашанди, был обязан вести регистр смертей и рождений талиби-

дов, следить за их поведением, в частности предотвращать неравные браки, заботиться о получении причитающегося им вспоможения из государственной казны, а также о правильном управлении закрепленными за ними вакфами [см. 75, стр. 145—146].

РАЗМЕЩЕНИЕ ВЕДОМСТВ

И были диваны фатмидского государства, когда в Египет прибыл Муизз ли-дзини-ллах и обосновался в своем дворце в Каире, расположены в Дар ал-Имарат, рядом с мечетью Тулуна. А когда умер Муизз и Азиз би-ллах назначил в везират Иакуба ибн Кяллиса, диваны были перенесены в его (Ибн Кяллиса) дом. А когда умер Иакуб, то Азиз после его смерти перенес их во дворец и они находились там, пока не стал полновластно править Афдаль, сын эмира войска, и не соорудил в Фустате Дар ал-Мульк, и не перенес туда диваны. А когда он был убит, после него они были возвращены во дворец и находились там, пока не прекратилась династия.

Макризи, Хитат, I, стр. 397.

И продолжалось это дело (т. е. проведение реформы) до мухаррама 365 года (сентябрь—октябрь 975 г.), и занялся Иакуб диваном хараджа, и поместил его для [удобства] надзора во дворец Муизза ли-дзини-ллаха и в дом Муваффака. А вскоре после этого, в месяце раби II (декабрь 975—январь 976 г.) Муизз ли-дзини-ллах умер, и после него халифом стал его сын Азиз би-ллах Абу Мансур Низар, и возложил он на Иакуба надзор за всеми своими делами, и сделал его своим везиром в начале мухаррама 367 года (август 977 г.), а в месяце рамадане 68 года (апрель—май 979 г.) дал ему титул великого эмира.

И разместил Иакуб ибн Кяллис в своем доме диван ли-лазизий¹, а в нем несколько писцов, и военный диван... и в нем несколько писцов и счетоводов², и диван хараджа, и канцелярию, и диван поступлений и иногда сам посещал эти диваны.

И создал он в своем доме хранилище одежд, и хранилище богатства, и хранилище реестров, и хранилище напитков и поставил во главе каждого хранилища надзирателя. И сидели у него каждый день врачи для наблюдения за состоянием его приближенных и для [удовлетворения] их нужд в лекарствах и снадобьях, и поместил он в доме врачей и писцов поблизости от себя. И отвел в нем для ученых, литераторов, поэтов, законопедов, богословов и глав ремесел каждой профессии отдельное место, и каждому из них выдавалось кормление.

Макризи, Хитат, II, стр. 6.

¹ *Диван ли-л-азизийя* — личное ведомство халифа Азиза — вероятно, то же, что и *диван ал-хасс*.

² Так мы переводим термин *джахбаз* (мн. ч. *джахбазат*), первоначальное значение которого «звонящий». Об эволюции его значений см. [203, стр. 6, 58; 53, II, стр. 328—330; 27, I, ч. 1, стр. 199].

ГЛАВНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

А что касается Фустата, то в прошлом, когда он был столицей провинции, в нем было почтовое ведомство [*диван ал-барид*], возглавляемое управляющим [*сахиб ал-барид*], контролировавшим послания, которые гонцы доставляли из столицы халифата, и известия из Египта. И были у египетских эмиров писцы, составлявшие для них письма и донесения к халифу и прочим. А когда Фустат сделался столицей халифата, то главнокомандующий Джаухар стал подписывать доставляемые ему бумаги, пока не прибыл Муизз ли-дзин-лаха и не стал подписывать их [сам]. А управление финансами и тем, что было связано с ними, передал Иакубу ибн Киллису и Услугу ибн Хасану, и они стали весть финансами государства.

Затем передал Азиз руководство везиратом Иакубу ибн Киллису, и тот стал управлять всеми делами государства по своей воле, подобно Пахия ибн Джафару ал-Бармаки¹; он выносил решения по [поступающим к нему] прошениям [с помощью] эмиров государства, ведавших почтой, а затем дело пошло так, что везиры стали подписывать прошения [после того], как халиф подписал их своею рукой. А когда наступило время Мустансира би-ллаха Абу Тамима Маада ибн Захира и он отстранил Абу Джафара Мухаммада ибн Джафара ибн Магриби от везирства, то передал ему управление канцелярией [*диван ал-инша*], и тот возглавлял ее в течение долгого срока, продолжавшегося и во время эмира войска Бадра ал-Джамали. И после него возглавляли канцелярию знатнейшие, пока не прекратилась династия; и было оно (управление канцелярией) в руках кадия ал-Фадля Абд ар-Рахима ибн Али ал-Байсани. И следовали им (Фатмидам) в этом династия Аййубидов, а затем династия тюрков².

Макризи, Хитат, II, стр. 226.

¹ Пахия ибн Джафар ал-Бармаки — один из членов знатного персидского рода Бармакидов, являвшихся во второй половине VIII в. наследственными везирами аббасидских халифов. Генеалогия Бармакидов до сего времени окончательно не разработана; в упомянутом у Макризи месте можно видеть или Пахию ибн Халида ал-Бармаки (ок. 738—805), или, скорее, его сына Джафара (767—802) [см. 7, стр. 335].

² Как видно из текста, государственной канцелярии (*диван ар-расал*, *диван ал-инша*, *диван ал-мукатаба*, *диван ал-инша ва-л-мукатаба*) до Фатмидов в Египте не было. Она возникла лишь после 969 г. на основе

почтового ведомства (*диван ал-барид*), когда регулярные официальные связи Фатмидов с Багдадом прекратились. Основными функциями государственной канцелярии были: 1) ведение служебной переписки с местными государями и провинциальными властями; 2) составление дипломов при назначении чиновников; 3) составление отчетов для провинциальных властей о важнейших событиях, имевших место в столице (например, о празднествах); 4) оформление решений правителей по различным вопросам, особенно по делам апелляционного суда [см. 165, стр. 19 и сл.].

Управляет ею [канцелярией] лишь самый уважаемый из красноречивых писцов, и обращаются к нему как к самому уважаемому и называют его не иначе как секретарем халифской канцелярии [катиб ад-даст аш-шариф]. И ему передают запечатанную поступающую корреспонденцию, и он сам доставляет ее халифу и приказывает писцам дополнять ее и отвечать на нее. И халиф советуется с ним во многих своих делах и не скрывается от него, когда он предстает перед ним [халифом], и этот обычай относится только к нему. И часто он проводит ночи у халифа. А его жалованье — 100 динаров в месяц. И он — первый из «господ икта» по богатству, [месту] в церемониях и [при раздаче] подарков. А вход к нему запрещен, и послания его передаются только свите. И у него привратник [хаджиб] из эмиров и шейхов, и слуги, и у него большая мартаба¹, милад² и миснад, но без возвышения [курси]³ и чернильница; и она — особенная чернильница; носит ее устаз⁴ из устазов халифа.

Ибн Фурат, стр. 140.

¹ *Мартаба* — здесь: место, сиденье в приемной зале халифа. Другое значение — нечто вроде подставки для трона халифа [194, 1, стр. 508].

² *Милад* — кусок материи, которым обертывается подушка; наволочка.

³ Так переводим слово *курси*, согласно Иностранцеву [стр. 81: «особое возвышение»]. Доли переводят *курси* как «скамья со спинкой» [194, II, стр. 455].

⁴ Термином *устаз* (араб. учитель, наставник) при Фатмидах, как правило, обозначали енухов, занимавших должности управляющих дворцом и казной, глав таалибов и некоторые другие, упомянутые ниже [93, стр. 52; 177, стр. 367]. Самыми заслуженными из них считались «устазуна ал-мухашинуна» [см. ниже, стр. 204].

ФИНАНСОВЫЕ ВЕДОМСТВА

Что касается финансовых ведомств [дававин ал-амвал], то самое важное из них то, которое осуществляет надзор над ними, и у него право смещения и назначения, и из него в известное время передаются грамоты халифу или везиру; и не видно там христиан, кроме упомянутого выше Хазма, да проклянет его всевышний Аллах! И в него попадают не иначе, как с ручательством, и оно связано с теми местами, где находятся наместники правительства... И он (управляющий дива-

ном) подобен господину покрывала [сахиб ас-ситр]¹, у него мартаба и миснад, и при нем привратник [хаджиб] из эмиров государства. И полагается ему чернильный прибор, но не возвышение, и он направляет посланцев для требования отчета и побуждает ко взиманию денег и к [исполнению] требований государственных лиц и не противится, если его призывает кто-либо из членов династии. А что касается службы в ведомстве исполнения [диван ат-тахкик], то это ведомство, необходимое для [деятельности других] ведомств. И управляет им только опытный чиновник, и у него почетное одеяние, и мартаба, и привратник (хаджиб), следующий за главною ведомства и нужный ему в большую часть времени.

А что касается службы в ведомстве заседаний [диван ал-маджлис], то он раньше был основным ведомством и в нем [присутствовали] все улемы государства. И в нем — несколько чиновников, и у каждого — отдельное место, и один или два из них — при управляющем, [управляющий] им сведущ в делах икта, их пожаловании и составлении реестра для этого. И он связан с диваном надзора, и у него мартаба, и миснад, и чернильница, и, кроме того, привратник, и Аллах лучше знает!

Ибн Фурат, стр. 141.

¹ Сахиб ас-ситр — то же, что и мартабали ас-ситр (букв. «ведущий завязесь»), один из евнухов гарема. Одновременно он мог быть и заведующим приемным залом халифа [64, стр. 16; 93, стр. 109].

И в этом году (501 г. х., т. е. 1107-08 г.) восстановил Афдалъ диван по названию тахкик, и был в нем из службе Абу Баракат Иуханна ибн ал-Лайс ан-Насрани, и оставался там, пока не был убит в 518 году (518 г. х., т. е. 1124-25 г.). И ведомство это существовало, пока правила династия [Фатимидов], и исчезло при Камиле Мухаммаде¹. И было оно восстановлено в 624 году (624 г. х., т. е. 1226-27 г.), и служил в нем Ибн Куджак ал-Пахуди. Затем закрыли его в 626 году (626 г. х., т. е. 1228-29 г.), и не открывалось оно до времени Муизза Айбака².

Ибн Муассар, стр. 42.

¹ Камил Мухаммад — султан из династии Аййубидов, правил в 1218—1238 гг.

² Муизз Изз ад-дин Айбак — султан из династии тюркских мамлюков, правил в 1250—1257 гг.

ВЕДОМСТВО АХБАС

В нем служат лишь знатные мусульманские писцы из нотариальных свидетелей [шухуд ал-муаддалуна], потому что это дело духовное. И в нем несколько чиновников, помогаю-

щих управляющему этим диваном при утверждении их выдач в диване жалования. И ни один из тех, [кто получает здесь содержание], не может получить его иначе, как после представления определенной грамоты со стороны главы мечети или молельни о продлении его службы на весь этот месяц. А если чья-либо грамота запаздывает, то откладывается и утверждение ее для него. А если это [представление] затягивается, то заменяют ее [грамоту] или сберегают то, что было на его имя, в пользу другого, исключая служителей при гробницах...

И каждой гробнице отпускаются 50 дирхемов в месяц на воду для ее посетителей, и определяется [сумма] для возмещения [расходов] при действии оросительных колес и платы тем, кто доставляет ее [воду]. И говорили, что он (диван ахбас) был создан однажды при Мустансире би-алахе Убайдите и [что], когда просили у него позволения открыть его, он сказал: «Случалось ли что-либо подобное с кем-нибудь, кроме нас?» Сказали ему: «Упаси боже, о наш господин, чтобы дарована была эта милость [кем-либо], кроме тебя, и нет пропитания от Аллаха иначе, чем из твоих рук». И сказал [Мустансир]: «Не отказываюсь от нашего приказа, и нашей подписи, и от того, что распределяли мы в нашем государстве по нашему позволению».

Иби Фурат, стр. 150—151.

Знай, что под ахбас в прошлые времена не подразумевалось ничего, кроме домов и тому подобных строений, и все они были предназначены для благочестивых целей. А что касается земель, то прежде правители из сподвижников пророка и их преемники не жаловали их, и не бывало этого и после них, так что когда Ахмад ибн Тулун соорудил мечеть, больницу и акведук и пожаловал им многие ахбас, они состояли лишь из домов и подобного им в Египте, а из египетских земель не передавалось ничего.

Но Абу Бакр Мухаммад ибн Али ал-Мардани пожаловал Биркат ал-Хабаш¹ и Сийут² и [кое-что] кроме них священным городам и на благочестивые цели, и так поступали и другие.

А когда из Магриба в Египет пришла династия Фатимидов, пожертвование земель прекратилось. И стал главный судья управлять делами ахбас, [состоящих] из рибас³, и у него [оказались] дела мечетей и молелен, и создан был для ахбас особый диван.

Макризи, Хитат, II, стр. 294—295.

¹ Биркат ал-Хабаш — озеро, оравнивающее Фустат с юга.

² Сийут (Асиут) — провинция Верхнего Египта.

² Термином *риба* (мн. ч. от *риб*) в средневековом Египте обычно обозначались дома, сдававшиеся в плен частным лицам, где жилые помещения располагались над лавками и складами [53, I, стр. 189].

О РАСХОДАХ НА ПАЛОМНИЧЕСТВО

Сказано в «Китаб аз-захар ва-т-тухаф», что расходы во время хаджжа в каждом году, в котором он происходит, составляют 120 тысяч динаров. Из них стоимость требующихся ежегодно ароматов, сладостей и воска равна 10 тысячам динаров, а выдача прибывающим в столицу — 40 тысяч динаров, и из них химайа¹, и милостыня, и плата погонщикам, и сопровождающим из войска, и предводителям, и слугам каравана, и за конание колодцев и прочее — 60 тысяч динаров. И воистину эти траты во время везира Иазури ежегодно увеличивались и достигли 200 тысяч динаров. И никогда при прежних правителях выдачи во время хаджжа не достигали такой суммы.

Макризи, Хитат, I, стр. 492.

¹ *Химайа* (був. «защита») — здесь: плата бедуинским племенам за покровительство паломникам или невольничье на них. Об истории этого института см. [173].

СОСТАВ ВОЙСКА

И их [господ меча] — три разряда.

Разряд первый — эмиры, и они трех степеней. К первой степени [относятся] эмиры с ожерельями [арбаб ал-атвак], и это те, которым пожалованы золотые ожерелья на шею. И они соответствуют эмирам-предводителям тысячи нашего времени.

Степень вторая — господа копий [арбаб ал-кадаб]¹. И это те, которые участвуют в процессиях с серебряными копьями, выдаваемыми им халифом из сокровищницы и находящимися в их руках. И они соответствуют эмирам с оркестрами нашего времени.

Степень третья — визирные эмиры из тех, кто не имеет права носить колье. И они соответствуют эмирам десятков и пятков нашего времени.

Разряд второй — ближайшая свита [ал-хавасс] халифа, и она — трех категорий. Категория первая — слоновники [ал-устауна], и они известны теперь как ал-худдам и ат-таваший-ат², и пользовались они в их (Фатимидов) государстве большим влиянием. И из них выходят господа особых поручений при халифе, и самые знатные из них — ал-мухяникуна, а это те, у которых чалма завязывается под подбородком, как это делают сейчас бедуины и магрибинцы. И они наиболее

близки к нему (халифу), и связаны с ним, и число их более тысячи.

Сказал Ибн Тувайр: и [одним] из их обычаев было то, что когда сановник [устаз] из их числа готовился к получению этого титула, то каждый сановник с чалмой под подбородком [устаз мии ал-муханникуна] вручал ему смену платья, меч и коня и тот примыкал к ним, и в руке его было то же, что в их руках.

Категория вторая — юноши свиты [сибиан ал-хасс], и это подразделение из самых близких к халифу, примерно 500 человек, в их [числе] эмиры и прочие. И положение их соответствует положению ал-хассакия в наше время.

Категория третья — барачные юноши [сибиан ал-худжар], и это подразделение юношей, достигающее 5 тысяч человек, живущих в отдельных помещениях, каждое из которых имеет особое название. Они [юноши] подобны мамлюкам султанских казарм нашего времени, называемым ал-куттабия, однако больше их числом и лишены их пороков.

И если они требовались для [исполнения] важного поручения, то немедленно являлись. И у этих юношей — отдельные помещения, которые брали [под надзор] некоторые из устазов. И помещения их располагались вдали от дворца, рядом с Баб ан-Наसर, на месте теперешнего ханака ар-Рукнийя Бейбарс.

Разряд третий — отряды войска. И были они в большом числе; каждый отряд происходил от тех, кто остался от прежних халифов. Среди них — ал-хафизийа и ал-амирийа, из оставшихся от Хафиза и Амира, или из оставшихся от прежних везиров — подобно ал-джуйушийа и ал-афдалия, из оставшихся [воинов] эмира войск Бадра ал-Джамали и сына его ал-Афдаля, или из тех, кто относится к нему (везиру) в настоящее время, подобно ал-вазирийа и прочим племенам и народам — тюркам, курдам, гуззам³, дейлемитам, мусамида, или наемникам — румийцам, франкам, славянам или суданцам из купленных рабов или вольноотпущенников, или прочим отрядам. И у каждого отряда — главы и предводители, командующие ими.

Калкашанди, III, стр. 480—482.

¹ В тексте — *арбаб ал-мидаб*. При переводе придерживаемся толкования Иностранцева [93, стр. 40—41].

² *Ал-худбал* и *ал-тавашият* — в мамлюкскую эпоху — евнухи, ведавшие казармами (*ар-либак*) в Каире, где жили юноши — воспитанники военной школы [151, стр. 14; 177, стр. 367].

³ *Гуззы* — здесь: одно из тюркских подразделений. Это название происходит от имени мифического предка тюрков Огуза [93, стр. 89; 26, стр. 75].

И было по соседству с домом везирата большое строение, известное как ал-Худжар (множественное число от худжра), а в нем юноши, отобранные халифами, — подобное домам современной цитадели, где расположены казармы, которые султан Малик Насир Мухаммад ибн Калаун¹ соорудил для размещения султанских мамлюков. А для коней этих учеников была устроена конюшня, о чем будет еще сказано, если этого пожелает Аллах. И сохранялись эти помещения и после прекращения правления фатимидских халифов, и после 700 года (1300-01 г.), а потом были разрушены, и люди воздвигли на этом месте упомянутые строения.

Сказал Ибн Абу Тайн о Муиззе ли-дин-ллахе, что он привлек всех искусных в своем деле ремесленников для участия в этом строительстве, и выделил им для этого место, и так же поступил он с чиновниками и прочими, и обязал заместников областей произвести смотр юношей в их провинциях и присылать к нему тех, кто обладает храбростью и красивой внешностью, для участия в процессиях.

И были присланы к нему подходящие юноши, и были выделены для них жилища, называемые ал-худжар.

И сказал Ибн Тувайр: и получил Афдалъ известие из Аскалона о скоплении там франков, и стремился он отправить туда подмогу, но это оказалось невозможным из-за нехватки денег, оружия, коней и людей. И он оставил тогда своим заместителем при халифе своего брата Музаффара Абу Мухаммада Джаффара, сына эмира войска Бадра, а сам отправился освобождать побережье от франков.

И прибыл он в Аскалон, и стал наступать на них с тем войском, [которое там находилось], и оно бросило его на произвол судьбы, а это означало явное поражение, и он знал, что причина этого — его войско. И, будучи побежден, он сжег все бывшие при нем орудия... И соорудил он семь худжр, и отобрал из детей воинов три тысячи человек, и разделил их по этим худжрам, и дал каждой сотне воспитателя и предводителя, а всех их поручил эмиру по имени Муваффах. И выдал каждому из них то, что было ему необходимо: коня, оружие и прочее, и проявлял заботу об этом войске. И если случалось важное поручение, то посылал он это войско для исполнения [его] с его предводителем.

Макризи, Хитат, I, стр. 443.

¹ Насир Мухаммад ибн Калаун — египетский султан из династии тюркских мамлюков. Правил трижды: в 1293—1294, 1299—1309 и 1310—1341 гг.

Знай, что у халифов из Омейядов и Аббасидов и Фатимидов, со времен эмира верующих Омара ибн Хаттаба¹, да будет доволен им Аллах, существовал обычай, по которому собирали они харадж, а затем распределяли его из дивана эмирам, чиновникам и войску сообразно с их положением и несом. И говорилось, что в начале ислама были выдачи, и не прекращалось это дело, пока не установилось правление иноземцев и не изменился этот обычай, и стали раздавать войску земли в икта, и первым, о котором известно, что он раздавал войску икта, был Низам ал-Мульк Абу Али ибн Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Тусн, везир Али Арслана ибн Дауда ибн Миканла ибн Сельджука, затем везир сына его Малик-шаха ибн Али-Арслана². А именно, когда расширилось его (Малик-шаха) государство, посоветовал он (Низам ал-Мульк) передать каждому мукта селение или более того, или менее сообразно с его икта, ибо он полагал, что при передаче земель владельцам икта возделывание их будет заботой их мукта и их обязанностью вопреки тому обычаю, когда всеми областями государства ведал единый диван, а иначе при расширении государства оно придет в упадок.

И Низам ал-Мульк сделал это, и была возделана страна согласно его совету, и увеличились урожаи, и стали следовать его примеру те правители, что были после него, с 480 года (1087-88 г.) до нашего времени.

Макризи, Хитат, I, стр. 95.

¹ Омир ибн Хаттаб (Омар I) — второй «правоверный» халиф (634—644).

² Низам ал-Мульк Абу Али ал-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Тусн (1018—1092) — везир Великих Сельджуков Али-Арслана (1063—1072) и Малик-шаха I (1072—1092), автор «Сивасет-намэ» («Книга о правлении»), где, являясь сторонником сильной центральной власти, изложил свои взгляды на централизованное государство, утверждая, в частности, о необходимости наказания держателей икта [друкта] в случае злоупотребления ими властью и частой их смене.

ВЕДОМСТВО СНАБЖЕНИЯ ВОЙСКА

Оно делится на две части: первая — военное ведомство [диван ал-джайш], и глава его — из коренных жителей, к им может быть только мусульманин, в отличие от прочих [ведомств]. И у него (главы военного дивана) — тарраха и миснад; и ему полагается привратник; и ведает он делами войска, его смотрами, отличиями и одеждami. И в этом диване [имеются] два хранителя для предоставления копий [документов]. А что касается обязанностей воинов во время

смотров, то каждый из них, успешно пройдя смотр, показывает и своего коня; но не закрепляется за ним ни превосходный конь, ни кобылица, и не оставляют ни одному из них ни выючной лошади, ни мула.

А если есть при них выючные лошади и мулы, то не может воин сменить их иначе, как по [особому] распоряжению; и то же относится к икта. И предводители эмиров, [находясь] перед главой дивана, докладывают ему об изменении в войске — кто жив, умер, болен или здоров. И он позволяет войнам обмениваться друг с другом икта при посредстве своей подписи, без [другого] знака, но с разрешения управляющего диваном заседаний [сахиб диван ал-маджлис]. И в этом диване изготавливаются грамоты для господ, находящихся на содержании [арбаб ал-джирайнат] и эмиров, относительно положенных им [икта], и наибольший размер их [икта] — определенный округ, однако [это бывает] редко. А что касается второй части этого ведомства, то это ведомство жалованья [диван ар-раватиб], и в нем находятся реестры имен всех, получающих довольствие от государства и относящихся сюда. И в нем — благородный писец, [обладающий] тарраха, и около десяти человек чиновников и переписчиков. И сюда приходят сведения от каждого наместника о продолжении [службы] тех, кто оставался на пей, о назначении вновь и о тех, кто умер, [необходимые] для содержания реестров в полном порядке. И в этом диване несколько установленных отделов.

Первый отдел занимается [выдачей] жалованья везиру, а это пять тысяч динаров в месяц, а его (везира) сыновьям и братьям от 300 до 200 динаров, и не назначалось сыну везира 500 динаров, кроме Камля, сына везира Шавара, известного как Шуджа.

Второй отдел предназначен для [выдачи жалованья] приближенным халифа. И первые из них — вельможи с чалмой, завязанной под подбородком [устазуна ал-муханникуна]¹, сообразно их чинам, и рабы, служащие им, как приличествует им подобным; и управляющий дворцом [зимам ал-каسر], и глава казны [сахиб байт ал-мал], и заведующий халифской перепиской [хамил ар-рисала], и заведующий придворными расходами [сахиб ад-дафтар], и глава ближайших шарифов [зимам ал-ашраф ал-акариб], и заведующий присемным залом [сахиб ал-маджлис]. Каждому из них [выдается] 100 динаров в месяц. Тем, кто ниже их, [выдача] уменьшается по десяти динаров и доходит до десяти динаров. А число их превышает тысячу человек. А личным врачам [халифа] каждому [выдается] по 50 динаров, а тем врачам, что ниже их, [лечащих] обитателей дворца, — каждому по 10 динаров.

Третий отдел обеспечивает господ жалованья [арбаб ар-ратиб], находящихся в присутствии халифа. И первым в нем

записан секретарь халифской канцелярии [катиб ад-даст аш-шариф]², и его жалованье 150 динаров. И каждому из его писцов [выдается] 30 динаров. Затем идет тот, кто управляет [ведомством] халифских собраний и чиновник тонкого пера [мувакки би-л-калам ад-дакик³] для разбора жалоб, и их жалованье — по 100 динаров.

Затем — меченосец и копьеносец, и каждому из них [полагается] 70 динаров, а [рядовым] воннам и черным рабам выдается от 50 до 40 и до 30 динаров.

Четвертый отдел ведает жалованьем главного судьи, и его [жалованье] — 100 динаров, и такое же [жалованье] — у главного миссионера. И каждому из чтецов, [находящихся] в присутствии халифа, полагается от 20 до 15 и 10 динаров, и проповедникам мечетей — от 20 до 10 динаров, а поэтам — от 20 до 10 динаров.

Пятый отдел содержит сведения об управляющих диванами и близких к ним чиновниках. И первые из них — управляющие ведомством надзора [диван ап-назар], а его жалованье — 70 динаров, и ведомством исполнения [диван ат-таххик], и его жалованье — 50 динаров, и ведомством заседаний [диван ал-маджлис], и его жалованье — 40 динаров. А жалованье заведующего расходами на заседания [сахиб дафтар ал-маджлис] — 35 динаров, а его писца — 5 динаров, а управляющего военным ведомством [диван ал-джууш] — 40 динаров, а чиновника грубого пера [мувакки би-л-калам ал-джалил]⁴ — 30 динаров. И всем управляющим ведомствами, занимавшимся прочими делами, — по 20 динаров каждому, и каждому чиновнику — от 10 до 7 и 5 динаров.

Шестой отдел содержит реестры лиц, находящихся на службе при наместниках Каира и Фустата; каждому из них [выдается] по 50 динаров, а охраняющим житницы, загоны, сады и прочее имущество [выдается] жалованье в 20, 15, 10 и 5 динаров.

Седьмой отдел содержит [сведения] о некотором числе слуг для службы во дворце и поддержания чистоты в нем и вне его, и развешивания необходимых занавесей и [устройства] навильонов вне дворца. И среди них личные слуги халифа, и число их 15. И среди них заведующий столом [сахиб ал-манда], и управляющий кухнями, и у них также различное жалованье — от 30 динаров или около того. И затем [идут] прислуживающие халифу, когда он сидит за столом, а за ними следуют поливальщики внутренней [части] дворца и внешней. И у них — старосты [урафа], и управляет ими глава из приближенных халифа, и их около 300 человек, и у них жалованье, смотря по их положению, от 10 до 5 динаров.

Восьмой отдел содержит [сведения] о юношах, [прислуживающих] при совершении процессий [сиббан ар-рикаб], и

число их более тысячи человек, а предводители их — сановники, возглавляющие профессии халифа, и число их 12. И среди них главный предводитель [сахиб ар-рикаб], и он [руководит] юношами, прислуживающими [в процессиях] с правой стороны. И каждому из этих предводителей ежемесячно [выдается] 50 динаров, и главы их (юношей) находятся с указанной стороны, представляя их. И они (юноши) составляют оркестр... и им [выдается] от 15 до 10 и 5 динаров.

И [есть] среди них отличившиеся преданностью на султанской службе, известные в провинциях, посещаемых ими. И это они носят принадлежности при выездах халифа на праздниках и в других случаях, и Аллах лучше знает!

Ибн Фурат, стр. 143—145.

¹ Устадуна ал-мухаликун — сановники с чалмой, обернутый под подбородком по обычаю, заимствованному у бедунов, внуки из высшей знати, образующие свиту халифа [93, стр. 52—53].

² Катиб ад-даст ан-шариф [палец правой руки] — секретарь халифской канцелярии.

³ Муванки би-л-калам ад-джик (букв. чиновник тонкого пера) — судебный секретарь высшего ранга. Записывал сущность решения апелляционного суда [165, стр. 28; 53, I, стр. 132—133].

⁴ Муванки би-л-калам ал-джалил (букв. чиновник грубого пера) — судебный секретарь низшего ранга. На основе записи предшествующего чиновника составлял подробное решение апелляционного суда [165, стр. 28—29; 53, I, стр. 132—133].

ФЛОТ

И сказал Ибн Тувайр о службе в диване ал-джихад, называемом также диван ал-аманр¹; расположен он у верфи в Фустате, где строятся военный флот и корабли для перевозки султанского зерна, леса и прочего. И там более 500 ашарийа и 20 димаса, из них десять для личного пользования халифа в дни [открытия] канала и другие, и на каждом из них капитан и моряки, и им постоянно выдают жалованье из средств этого дивана. А остальные ашарийа ад-давамис² — корабли, находящиеся в распоряжении наместников разных провинций, и они используются ими. А положенное выдается капитанам и команде из средств упомянутого дивана, где бы они ни были.

¹ Диван ал-аманр — ведомство флота; было частью дивана ал-джихад (ведомства священной войны) [201, стр. 49].

² Ашарийа — легкие гребные суда для плавания по Нилу. Димаса, ашарийа ад-давамис — корабли, входящие в ведение государства [194, I, стр. 460; 201, стр. 150, 152; 53, I, стр. 203—204].

И у них икта [в виде] абваб ал-гуззат, в том числе от натра, и динары их приравниваются соответственно к половине динара¹.

Макриси, Хитат, I, стр. 482.

¹ По-видимому, для расчетов с моряками употреблялись условные денежные единицы, составлявшие половину реального динара, подобно известным динарам мамлюкской эпохи [12], стр. 102]. В. Р. Розен [6, стр. 275] переводит это место следующим образом: «им были назначены во владение земли, которые носили имя «бааб ал-гузат», что, на мой взгляд, из текста не следует; речь явно идет о доходах, не связанных с земледелием.

А из десяти предводителей [куввад] один назначается флотоводцем [ранс ал-устул], и при нем — командующий [мукаддам] с фонарем¹.

Макризи, Хатат, II, стр. 193.

¹ Ранс ал-устул — командующий навигационной частью из моряков-профессионалов. Мукаддам — командующий всеми военно-морскими силами Фатимидов из числа высших сановников государства [141, стр. 109; 6, стр. 275—276].

А что касается внимания их (Фатимидов) к флоту и охране границ и заботы о делах священной войны, то было это важнейшим из их дел и главным предметом попечения.

И стоянки флота находились во всех прибрежных городах: в Египте — в Александрии и Дамiette, в Сирии — в Аскалоне, Акке, Тире и других местах, находившихся на побережье и бывших под их властью, пока их не захватили франки. А в реестре их командующих [куввад] было записано более пяти тысяч бойцов, и жалованье их в каждый месяц [колебалось] от 20 и 15 динаров до 10, 8 и 2. А во [главе] флота стоял великий эмир [амир ал-кабир] из самых воинственных и знатных эмиров. И флот их (Фатимидов) в то время [насчитывал] более 75 шинийа и 10 мусаттаха и 10 хамала¹, и сооружение кораблей в верфях не прекращалось. А если халиф хотел послать их в поход, то сам полностью раздавал [морьякам] жалованье, пока не удовлетворял их, а затем выходил с везиром на берег Нила в ал-Максе и садился провожать их в особом месте, у мечети Баб ал-Бахр, а с ним везир.

И проплывали мимо этого места флотоводцы на украшенных кораблях, с оружием и метательными машинами, и некоторые из них производили маневры, и гребцы то удалялись, то возвращались, как бы находясь в битве.

Затем командующий [мукаддам] и флотоводец [ранс ал-устул] представляли перед халифом, и он приветствовал их и поздравлял. И спускались корабли к Дамiette и выходили в открытое море. И был он (флот) известен и славен в странах врагов. А если брали в плен [вражеский] корабль, то халиф выбирал для себя мужчин, женщин и детей из пленных, а также оружие, а всем прочим победители с ним не делились.

И был у них также флот в Айдабе, который встречал

каремитов между Айдабом и Савакином, боясь [нападения] на корабли каремитов людей с островов моря Кулзум. И флот препятствовал им в этом и охранял от них корабли. И состоял этот флот из пяти судов, а затем из трех. А наместник Куса был управляющим делами этого флота, а иногда им ведал эмир из дворечных [ал-баб]. И из хранилищ доставляли туда все необходимое оружие.

Калкашанди, III, стр. 524.

¹ *Шанайя* (ин. ч. *шавани*) — тип галеры. *Мусаттах* — транспортный корабль с бесвыми площадками в виде сводов над баком и ютом. *Хамали* — подобно шаландийа, военный транспортный корабль [6, стр. 282 и сл.; 141, стр. 109; 201, стр. 130—132].

РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ

Знай, что рассмотрение жалоб [ан-назар фи-л-мазалим] означает приведение жалующихся к истине принуждением и удержание тяжущихся от отпирательства страхом. А рассматривающий жалобы должен быть твердого характера, влиятельным, большого достоинства, милостивым, бескорыстным, благочестивым, так как при рассмотрении [жалоб] ему требуется сила как защитнику и уверенность как судье. И все эти качества необходимы ему [для разбора жалоб] обеих сторон, и он должен быть тверд характером и влиятелем, ибо ошибка его причинит вред людям. И каждый его приговор — [такой, какой] не в состоянии был вынести судья, и на него смотрят, как на сильнейшего, нежели тот.

И первым, кто из халифов ввел рассмотрение жалоб, был эмир верующих Али ибн Абу Талиб, да будет доволен им Всевышний Аллах.

И первым, кто назначил два дня для прямого рассмотрения прошений [кисас] жалобщиков, был Абд ал-Малик ибн Марван¹. А если встречалось ему затруднение и он нуждался в разъяснении, то направлял он свой ответ к своему судье Ибн Идрису ал-Азди, и тот посылал ему свое решение. И был Ибн Идрис исполнителем, а Абд ал-Малик повелителем.

Затем усвоились притеснения, и Омар ибн Абд ал-Азиз², да будет милостив к нему Аллах, был первым, кто посвятил себя рассмотрению жалоб и ответам на них.

Затем занимались этим халифы из Аббасидов, и первым из них был Махди Мухаммад, затем Хадй Муса, затем ар-Рашид Харун, затем Мамун Абдаллах и последним — Мухтади би-ллах Мухаммад ибн Васик³.

И первым правителем Египта, о котором известно, что он занимался рассмотрением жалоб, был эмир Абу-л-Аббас Ахмад ибн Тулун, и он занимался этим два дня в неделю. А когда он умер и после него стал править его сын Абу-л-

Джайш Хумаравайх⁴, назначил он для разбора жалоб в Египте в шабана 273 года [январь 887 г.] Мухаммада ибн Убайда ибн Харба. Затем занимался этим евнух Абу-л-Миск Кафур ал-Ихшиди, и начало этого [относится] к 340 году (951/2 г.), и он тогда был преемником эмира Абу-л-Касима Ануджура ибн Ихшида⁵, и собирал собрания, и присутствовал на них каждую субботу, а при нем находились везир Абу-л-Фадль Джафар ибн Фадль ибн ал-Фурат и все судьи, законоведы, свидетели и знатные лица, и не прекращалось это в Египте во время его правления, пока он не умер.

А после него египетские дела были в расстройстве до тех пор, пока не прибыл полководец Абу-л-Хусайн Джаухар с войском Муизза ли-днин-длаха Абу Тамима Маада. И он (Джаухар) рассматривал жалобы и подписывал прошения [рика] тяжущихся, и одна из надписей его на поданном ему прошении [гласила]: «Неуважение принесло вам длительную мечь, и неблагодарность людей вывела вас из рамок совести. А долг оставляет на вас эту обязанность. И для вас необходимо усердие в воздержании, ибо вы сами начали и совершили проступок и совершили к тому же нападение. И ваше начинание [заслуживает] порицания, и вторичный проступок порицаем. И вы не заслуживаете за них ничего, кроме упрёка и отворачивания от вас. Пусть эмир верующих выразит о вас свое мнение!»

А когда ослабело положение Мустаевра би-длаха Абу Тамима Маада ибн Захира и наступило в Египте великое бедствие, прибыл в Каир эмир войска Бадр ал-Джамали и овладел везиратом, и все управление государством перешло к нему. И следовали ему в этом те, кто возглавлял везират после него.

И установился такой обычай: если везир был господином меча, то рассматривал прошения сам, а напротив него сидел главный судья, а по сторонам его — два уважаемых свидетеля. И сидел около везира чиновник тонкого пера [мувакки би-л-калам ал-дакик], а за ним — глава финансового ведомства [сахиб диван ал-мал]. А перед везиром стояли: главный дворецкий [сахиб ал-баб] и командующий войсками [исфак-салар], а перед ними — привратники [худждаб] и помощники [нувваб], согласно их чинам. И эти собрания происходили дважды в неделю. И последним, на кого в государстве Фатмидов было возложено рассмотрение жалоб, [был] Рузник, сын великого везира Малика Салиха Талая ибн Рузника, в везирство своего отца. И написан был об этом указ [сиджил] от имени халифа, и в нем говорилось: «возлагает на тебя эмир верующих рассмотрение жалоб и защиту обиженного от притеснителя».

А если правительство не мог представлять везир-господин меча, то жалобы рассматривал главный дворецкий у эо-

лотых ворот дворца, а перед ним находились привратники и главы [нукаба], и глашатай объявлял о его приходе: «О, имеющие жалобы!»

И те подходили к нему, и если кто-либо излагал жалобу устно, направлял к наместнику или судье письмо с просьбой рассмотреть ее, а если жаловался кто-либо из жителей провинций, расположенных за Канром или Фустатом, и представлял прошение [кисса], в котором излагал свою жалобу, то привратник принимал ее от него, пока не собирал их [все]. И передавал ее чиновнику тонкого пера [мувакки би-л-калам ад-дакик], и тот делал на ней надпись; затем, после того как он сделал надпись на пей, передавал ее чиновнику грубого пера [мувакки би-л-калам ад-джалил], и тот разъяснял то, что начертал на ней чиновник тонкого пера. Затем клали прошения в мешок, находившийся перед халифом, и он подписывал их, затем передавали мешок с ними привратнику, и он стоял у ворот дворца и возвращал каждую жалобу ее владельцу.

Макризи, Хитат, II, стр. 207

¹ Абд ал-Малик ибн Марван — омейядский халиф (687—705).

² Омар ибн Абд ал-Азиз (Омар II) — омейядский халиф (717—720).

³ Здесь упомянуты следующие аббасидские халифы: Махди (775—785), Хадж (785—786), Харун ар-Рашид (786—809), Мамун (813—833), Мухтади (869—870).

⁴ Ахмад ибн Тулуи правил в 868—884 гг., Хумаравийх ибн Ахмад — в 884—896 гг.

⁵ Абу-л-Касим Ануджур ибн Ихшид правил в 946—960 гг., Абу-л-Миср Кафур (оноух) — в 966—968 гг.

ОБ ОДНОМ СУДЕБНОМ ДЕЛЕ

В то время жил в Фустате судья, которого прозвали бо-дающим по той причине, что была у него высокая шапка с двумя бычьими рогами. И не раз, когда приходили к нему ищцы, он бодал того из них, кто был несправедлив к другому. Это дошло до Хакима, и он послал за судьей, желая сместить его, так как люди порицали его поведение. Тот пригласил халифа спрятаться за занавесью и послушать разбор дела.

И на другой день пришли двое; один требовал у другого данные ему в долг сто динаров, и ответчик признался в том, что взял их. Кадий приказал вернуть деньги их владельцу; виновный сказал, что он беден, и попросил рассрочки, и истец согласился. Кадий спросил, может ли тот отдавать в месяц по десять динаров; должник ответил, что не в состоянии. Кадий предложил уплачивать пять, два, один динар, но ответ был тот же; предложил 10 дирхемов в месяц — ответ тот же. Тогда кадий спросил, что же должник в состоянии уплатить. Тот сказал: «Три дирхема в год при условии, что истец будет

сидеть в тюрьме, чтобы он не ушел от меня». И Хаким тогда не выдержал, вышел из-за занавеси и сказал судьбе: «Забодай это отродье шайтана, или я сам это сделаю!»

Ибн Ийас, I, стр. 55—56.

О «ДОМЕ ЗНАНИЯ» («ДАР АЛ-ИЛМ»)

А что касается училищ, то в правление Фатимидов и предшествовавших им [правителей] их почти не было, кроме расположенного по соседству с дворцом, позади Хан Масрур, и называемого Дар ал-илм. И в нем находился главный шиитский миссионер, и к нему собирались те из его учеников, кто беседовал о науках, связанных с их (исмаилитов) учением. И передал ему Хаким часть вакфов, пожалованных им для мечети ал-Макс и мечети ар-Рашида. Затем Афдаль, сын эмира войска, закрыл этот дом из-за того, что в нем собирались люди и пускались в рассуждения о вероучениях, опасаясь сборищ [приверженцев] вероучения низаритов. Затем Амир с помощью слуг дворца восстановил его при условии, что его управляющим будет человек верующий. И стал надзирателем его шиитский проповедник, занимая положение в центре при чтении Корана.

Калкашанди, III, стр. 366.

И 17 джумада II 534 г. х. (8 февраля 1140 г.) главному судье Хаббаталлаху ибн Хасану ал-Ансари ал-Ауси ал-Азраку было поручено преподавание в Дар ал-илм, и направился он туда пешком. А в нем (Дар ал-илм) этим занимался факих Абу-л-Хасан Али ибн Исмаил. И начались между ними переговоры, приведшие к ссоре и пощечинам. И направился судья пешком во дворец, а одежда его была разорвана, и чадма упала. И когда Хафиз узнал об этом, его поразило, что судья шел по базарам в таком виде. И он отставил его от суда, наложил на него штраф в 200 динаров и повелел ему оставаться дома. А вместо него был назначен Абу Захир Исмаил ибн ас-Салами ал-Ансари, по прозвищу Муваффах фи-л-дин.

Ибн Муйассар, стр. 84.

ХОЗЯЙСТВО.

О ВИДАХ ЕГИПЕТСКИХ ЗЕМЕЛЬ И ПОСЕВОВ

Знай, что существует несколько видов земель в Египте, из самых дорогих по цене и лучших по качеству. И самая лучшая из них — земля бак, и на ней предпочтительно выращивают люцерну и овощи, но она пригодна также и для по-

сева пшеницы. А после бак [идет] ран шараки, и это земля, которая некогда была покрыта водой, а если вода сохранялась на ней и позже, то она [земля] оставалась под паром и [затем] приносила урожай.

А что касается [земли] бараиб, то на ней предпочтительно сеют пшеницу и ячмень, и цена ее ниже [цены] бак из-за малой пригодности ее для возделывания этих культур; а когда выращивают их поочередно, то урожай не так хорош, как урожай бак. А бараиб пригодна для выращивания люцерны, хлопка и овощей, ибо при посеве этих растений земля отдыхает и на следующий год становится землей бак.

А на [землях] сакмахийа сеют предпочтительно лен, а если сеют пшеницу, то терпят убыток. А на [землях] шатаванийа предпочитают сеять то, что не требует орошения, и в предшествующий год она остается под паром; эта земля, в отличие от шараки и салаих, не орошается. А что до [земли] бар, то ее вспахивают, а затем оставляют незасеянной, и она подобна ран шараки, и растения на ней превосходны и чисты, вся земля свободна от следов того, что было на ней посеяно [раньше], и не остается там работы после того, как посеяны разные посевы. А [в других случаях] вся грязь задерживается на земле, и земледельцы не в состоянии удалить ее оттуда и [так] и вспахивают ее (землю) и засеивают; и делаются эти посевы смешанными с хальфой и прочим, и растения, по большей части произрастающие на этой земле, засорены обилием сорняков. И так вся земля гложет и превращается в пастбище, ибо нет простора росту растений, и это в случае особенного обилия грязи. А если постоянно заниматься очисткой ее, то она становится пригодной [для посевов].

А шараки — это земля, которой не достигают воды [разлива] из-за низкого уровня Нила, или возвышенного положения ее, или из-за препятствий на пути воды к ней, или по другим причинам.

А мустабахар — земли, низко расположенные; вода доходит до них, но не растекается, пока не проходит срок сева; и она впитывается в землю, а вся грязь остается, а ее большая часть — соль, так что земля делается засоленной, и нет возможности сеять на ней зерновые, а лишь то, что не задерживается грязью, — спаржу, баклажаны и сахарный тростник.

Для земель Египта необходимы плотины; и они двух видов: султанские и городские. А что касается султанских, то они общепользны, [ибо] задерживают [воду] Нила на земле до тех пор, пока она не перестает в ней [воде] нуждаться, а определенные налоги для этого собирают в провинциях Шаркин и Гарбин. А в древности сооружались они на деньги из областей, и руководили этим делом откупщики земель, выделяя, что следует для этого, из [суммы] земельных откупов. Затем, после этого, стали добывать деньги для сооруже-

ния их [плотин] в этих областях при помощи чиновников двана и распределять их, а остаток средств возвращали в казну.

Затем этим делом стали заниматься знатные эмиры государства, пока не произошло событие во времена Насира Фараджа¹, когда стали собирать с областей большие деньги, но совсем ничего не выделяли [для этой цели], а передавали султану, а он распределял большую часть их через [своих] помощников.

И принуждали жителей областей к сооружению плотин, и наступила разруха, как будет сказано, если пожелает Аллах, при описании причин упадка.

А что касается городских плотин, то польза от них [различна] от округа к округу и сооружением их ведают мукта и феллахи на деньги округа. Султанские плотины [располагаются] в сельской местности, они как бы городские стены; об их починке заботится султан, который направляет необходимое [для этого] число людей. А городские плотины — что дом внутри стены, и владелец каждого дома обязан чинить их и удовлетворять их нужды. И существует обычай, что мукта, если его смещают, а он уже затратил часть имущества со своего икта на сооружение плотины в счет будущего года, на который он уже лишился икта, второй мукта возвращает ему [сумму], равную той, которую он затратил из своих денег этого года на сооружение [в счет] следующего года.

А на бак и шарахи сеют предпочтительно пшеницу, а в Саиде сеют пшеницу после пшеницы из-за большого количества земли, с которой сошла вода. А иногда там сеют [пшеницу] после льна и ячменя, и сеют пшеницу с половины месяца бабаха до конца хатура, и это на самых высоких землях, которые раньше освобождаются от вод. А что касается земель, освобождающихся поздно, то время посева на них длится до конца кихека. И количество семян пшеницы, потребное для одного феддана, различается в соответствии с плодородием почвы, ее мягкостью и положением и тем, сеют ли в размягченную [землю] или со вспахиванием. И наибольшее [количество требуемых] семян — от одного ирдабба до 4—5 вайба². И имеются в Саиде земли, требующие менее этого, а в Хауф Рамсисе земли, для феддана которых достаточно двух вайба. А созревают посевы [пшеницы] в Египте в башанисе, а это апрель. И различается [урожай] пшеницы с феддана сообразно земле и достигает от 2 до 20 ирдаббов. И сказал Абу Бакр ибн ал-Вахшийя в «Китаб ал-филаха»³, что, если в Египте сеют мудд, получают 300 муддов⁴. А причина этого — в жарком воздухе этой страны, тучности ее земли и обилии осадков из воды Нила.

А когда в 806 году (1403-04 г.) сошла вода с участка земли в Файйуме, в ал-Биркат, который теперь называют

Бахр Йусуф, то засеяли его и посев этот оказался удивительным: с феддана его получили 71 ирдабб ячменя по файyumской мере, и в нем [ирдаббе] 9 вайба. И налог с феддана пшеницы во времена Фатимидов [равнялся] трем ирдаббам.

А когда в 572 году (1176-77 г.) измерили землю, то наложили на каждый феддан $2\frac{1}{2}$, затем стали брать два ирдабба с феддана. А что касается земель Нижнего Египта, то с них взимают [налог] деньгами, а не зерном.

А ячмень сеют после пшеницы и прочего в затопленную землю, то есть в сырость. И его ростки с течением дней превышают ростки пшеницы, и жатва его также ранняя, а именно — жнут его прежде, чем пшеницу. И требуется [семян его] на феддан сообразно земле, а получают его больше, чем пшеницы, и созревание его приходится на бармуда, а это март.

А бобы сеют в распаханную [землю], предпочитая баранб, с начала месяца бабах, и употребляют их зелеными в месяце кихаке, и семян их на феддан требуется до трех вайба или около того, и созревают они в бармуда, и получают с одного феддана примерно 20 ирдаббов или около этого. И сеют чечевицу и горох с хатура до кихака, а мелкий горошек сеют лишь в мягкую вспаханную землю, расположенную на возвышенности, и сеют [также] разбрасыванием в залежную землю. А простого гороха на феддан сеют от ирдабба до восьми вайба, а мелкого горошка от ирдабба до четырех вайба, а чечевицы два вайба и менее, и созревают эти растения в бармуда. А с феддана гороха получают от четырех ирдаббов до десяти, а мелкого горошка от десяти ирдаббов и менее, а чечевицы — от 20 ирдаббов и менее.

А самый лучший лен — тот, который сеют в барш, и необходимо удобрить его прахом⁵. И после того, как он некоторое время находится в земле, вырывают его стебли, называемые «аслаф». И расстилают [лен] на этом месте, пока он не высохнет, а когда высохнет, то уносят и выбрасывают, но [прежде] освобождают сердцевину его, и выходит оттуда льняное семя, а из него выделяют горячее масло. И сеют лен в месяце хатуре, и на феддан требуется семян от ирдабба с третью и менее того, а созревает он в месяце бармуда, и с феддана получают двадцать связок или менее того, а семян требуется примерно шесть ирдаббов. А налог с феддана в прежние времена на земле Саида был от 5 до 3 динаров, а в Далласе⁶ — 13 динаров, а в других местах — 3 динара. А люцерну сеют, когда воды Нила начинают убывать, и нельзя откладывать сев ее до того времени, когда начинает дуть южный ветер марисийа.

И начало сева ее — месяц бабах, а иногда сеют после нового года. Одни из видов ее — ал-хараси высевают в кихаке и туба, и иногда сеют в хатуре. И сеют на каждом феддане две с половиной вайбы или около того. И зеленая люцерна

созревает в конце кихака, а хараси созревает в туба и амшире. И получают с феддана хараси от двух ирдаббов до четырех вайба. А лук и чеснок сеют с месяца хатура до половины кихака, и сеют на феддан лука от $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ вайбы до (одной) вайбы, а чеснока — от 100 до 150 лучков, и созревает это в бармуда.

А лук, который разводят ростками, начинают сажать с начала кихака до первой декады туба, и из ростков его получают десять ирдаббов с феддана, и созревает он в башанисе.

А волчьи бобы сеют в туба, и ростков их требуется ирдабб на каждый феддан. И созревают они в бармуда, и с феддана получают 20 ирдаббов и менее того. И все это — зимние культуры.

А что до летних культур, то констине арбузы и фасоль сеют с половины барамхата до половины бармуда. И сеют на феддан два кадаха⁷, и созревают они в башанисе. А сезам сажают в бармуда, и ростков его [требуется] четверть вайбы на феддан, и созревает он в абибе и мисре, и получают с феддана от одного до шести ирдаббов.

А хлопок сеют в бармуда, и при посеве его идет четыре вайбы зерен на феддан, и созревает он в тубе, и получают с феддана восемь книтаров джарви⁸ или около того.

А сахарный тростник сеют с половины барамхата в [земли] бак и барш и измельчают землю для него семью лемехами, и необходимо, чтобы он трижды покрывался водой до истечения месяца башаниса. И саженцев его [требуется] $\frac{1}{8}$ [кадаха] на феддан или около этого, и тростник требует, чтобы земля была отличная, и чтобы покрывали ее воды Нила, и чтобы из нее была выдернута хальфа, и чтобы она была очищена, а затем комья земли размягчены. И это делают большим плугом с шестью лемехами, который движется, пока не подготовит [почву], затем размельчает и разгребает [землю] в шести других направлениях, и получается пашня барш. И так земля делается годной, размягчается и размельчается, и когда она станет мягкой и выровненной катком, разбивают тогда бороной комья. И бросают туда куски тростника — двойной и обычный, после того как сделают в земле углубления и достигнут этих углублений потоки воды. И длина каждого стебля тростника — три полных междоузлия, и некоторые [стебли] больше, а некоторые меньше этого. И длинные стебли обрезают, и это называется «делать насб». А когда это завершается, забрасывают тростник вырытой землей, и в ней должны быть комья для его устойчивости.

Затем, со времени подрезки в начале весеннего сезона, орошают его один раз в каждые семь дней. И когда тростник вырастает и делаются заметными листья, то растут вместе с ним хальфа и портулак, который жители Египта называют «ар-риджда»; и при этом взрыхляют землю, чтобы очистить

ее от них. И не прекращают этого до тех пор, пока тростник не сделается сильным и густым. И говорят при этом, что [затем] тростник не допускает взрыхления и не нужно взрыхлять землю, пока не появятся на нем узлы. И все это прошается двадцатью восемью ведрами воды с оросительного колеса.

И есть обычай: если тростник разводят в прибрежном месте или по соседству с рекой и работы [производятся при помощи] хороших быков, вблизи колодцев, то для [возделывания] восьми федданов требуется до восьми голов быков. А если колодцы далеко от течения Нила, то посевы не могут быть более четырех-шести федданов.

И когда поднимается Нил, то увеличивается орошение тростника чистой и спокойной водой; это происходит потому, что отгораживают посевы с одной стороны плотинами, но так, чтобы тростник не затопило в случае большого подъема. И вода входит в отверстие этой плотины, пока тростник не возвысится над землей примерно на пядь. Затем прекращают пуск воды, так что она не доходит до него [тростника] и остается стоять над землей два-три часа, пока не впитается целиком. Тогда впускают новую воду, и так через некоторые промежутки времени [делают] несколько раз в день, а затем прекращают [ее] доступ. И это при условии, что будет сделано так, как мы говорили и как требуется для тростника, а если менее этого, то тростник портится, и требуется смазать его, прежде чем он станет сладким, чтобы он не оказался испорченным. И ломают тростник в кихакс, и остатки его сжигают, затем поливают [землю] и взрыхляют, как было сказано выше, и вырастают стебли, [основание] которых называют «ар-рас», а продолжение — «хилфа». И леденцы из «хилфа» по качеству лучше леденцов из «ар-рас».

И время созревания ар-рас — туба, а хилфа — середина хатура. И работа сахарных прессов по большей части приходится на поуруз. И получают с феддана от 40 до 80 «аблуджа» леденцов, а в «аблуджа» девять кинтаров или около того⁹.

А колокассию сеют вместе с сахарным тростником, на каждый феддан десять кинтаров «джарви» колокассии, и созревает она в хатуре.

А баклажаны сажают в барамхате, бармуда, башансе и бауна, и созревают они [во время] от бауна до мисра. А индиго сажают [начиная] с башансе, и на феддан идет вайба саженцев, и созревает [оно] начиная с абиба. А редис сажают круглый год, и саженцев на феддан идет от одного до двух кадахов. А репу сажают в абибе, и ее саженцев требуется на феддан один кадах, и созревает она через сорок дней. А рассадку салата сажают в туба, и едят [его] через два месяца. А рассадку капусты сажают в тубе, и созревает она в хатуре. А лозы сажают в амшире путем отвода [черен-

ков] и пересадки. И смоковницы и яблони сажают в амшире, а тутовые деревья подрезают в барамхате. А ветви мидальных орехов, персиков и абрикосов в месяце туба вымачивают в течение трех дней, а затем их высаживают, и в туба же эти деревья пересаживают. А косточки фиников высевают, затем отростки пересаживают в почву и отводят. А луковицы нарцисса сажают в мисре, а жасмин сажают в добавочные дни¹⁰ и в амшире. А саженцы мирта сажают в туба и в амшире. А базилик сажают в бармуда. А семена желтофиоли высевают в дни [подъема] Нила. А зимние бананы сажают в туба, а летние в амшире; дикую корицу пересаживают в барамхате. А лозы обрезают ножами барамхата при северном ветре, пока не отошли от них отростки. И обрезают деревья в туба и в амшире, кроме дикой ююбы или пабка, а его обрезают в бармуда.

И поливают деревья в туба первый раз, называя эту воду водой жизни. А в амшире, при появлении цветов, поливают второй раз, а в барамхате поливают еще два раза, чтобы затвердели финики, а в башанисе три раза, а в бауца, абибе и мисра поливают каждые семь дней. А в туге и бабахе орошают один раз, затопляя водами Нила, и в хатуре орошают [так же]: путем затопления водой Нила. И орошают лозы [на землях] баил¹¹ в хатуре один раз, также затопляя [их] водой Нила.

А все земли Египта измеряются в федданах, и он [феддан] равен 400 касаб хакими в длину и одной касаб в ширину¹². А в касаб шесть и две трети локтя в локтях ал-камаш и примерно пять локтей в локтях ан-наджжари¹³. И сказал кадий Абу-л-Хасан в «Китаб ал-минхадж харадж Миср»¹⁴: касаб применяют при измерении, для определения при ее помощи размера посевов. И разбивается феддан на 400 касаб, ибо в нем 20 касаб в длину и 20 касаб в ширину. И касаб для измерения известна как хакими, и в ней приблизительно пять локтей ан-наджжари.

Макризи, Хитат, I, стр. 100—103.

¹ Насир Фарадж — египетский султан из династии черкесских Мамлюков; правил дважды: в 1399—1405 и 1405—1412 гг.

² *Вайба* — египетская мера объема, в раннее средневековье равная 10 маннам или 12,168 кг [пшеницы] [136, стр. 45].

³ Абу Бакр Мухаммад (или Ахмад) ибн Али ибн ал-Вахший ан-Набати (вторая половина IX — начало X в.) — иракский ученый, главный труд которого — «Китаб ал-филаха ан-набатийа» («Книга земледелия набатеев»), написанный примерно в 914 г. и сохранившийся до наших дней, посвящен изложению агрономических знаний древнего населения Ирака — набатеев. В течение долгого времени авторство Ибн ал-Вахший подвергалось сомнению; однако исследования последних лет приводят к возрождению представления о его истинности [см. 204, стр. 195—196; 200; 172].

⁴ *Мудд* — египетская мера объема, в раннеисламское время равная 2,5 л [136, стр. 56—57].

⁵ «Удобрить его прахом». По-видимому, здесь подразумевается сохранившийся до наших дней обычай использовать для удобрения полей навоз и т. п. в «вековую пыль», по выражению А. Авру. По словам этого египетского автора, «развалины мертвых городов, концы, ставшие для феллаха на деле карьерами удобрений» [76, стр. 57].

⁶ Даллас — округ в Верхнем Египте, на западном берегу Нила [253, стр. 90—91].

⁷ Кадах — египетская мера объема, имеющая две величины: «малый кадах» шел по 16 на зайбу и по 96 на ирдабб, а «большой» — соответственно по 8 и 48. Один малый кадах равнялся приблизительно 0,94 л, а один большой — 1,88 л [136, стр. 48].

⁸ Кинтар джарон — египетская мера веса, составлявшая 100 ратлей джарон по 312 дярхемов, т. е. 97,5 кг [136, стр. 22].

⁹ В дополнение к сказанному в гл. II о культуре сахарного тростника отметим, что она была принесена в Египет, как и в другие страны Средиземноморья, арабами и быстро распространилась по всей стране. Египтяне усовершенствовали процесс изготовления сахара (в частности, приемы его очистки); египетский сахар имел репутацию самого белого и блестящего и, как говорилось, был одной из главных статей экспорта [см. 257, стр. 8—10, 13—14, 19; см. также 21, I, стр. 124, 129, 304 и сл.].

¹⁰ *Добавочные дни*. Согласно коптскому солнечному календарю, определявшему в средневековом Египте порядок сельскохозяйственных работ, год состоит из 12 месяцев по 30 дней в каждом с пятью (а через четыре года — шестью) добавочными днями.

¹¹ *Бага* — земля, орошаемая водами разлива и не нуждающаяся в дополнительном поливе.

¹² *Касаба* — египетская мера длины, равная в средние века примерно 3,99 м [136, стр. 71].

¹³ *Локоть (зира)* — египетская мера длины. Число различных видов локтя в мусульманских странах весьма велико. Исходной точкой для всех расчетов является локоть старого ниломера на о-ве Рауда, относящегося к 866 г. и составлявшего 54,04 см [136, стр. 64]. Египетский «элотничий» локоть (зира ал-ниджари) равен в среднем 77,5 см [136, стр. 69].

¹⁴ Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хасан ал-Катиб (X в.) — автор «Китаб ал-минхадж харадж Миср» («Книга путей (взимания) хараджа в Египте») [см. 219].

ПРОВЕДЕНИЕ КАНАЛА В ШАРКИИ

А что касается канала Абу-л-Мунадджа, то это — большое предприятие, осуществленное при Афдале, сыне эмира войска, везире Мустали бн-алаха Фатимида. Сказал Ибн Абу Мансур в своей «Тарих»¹: было причиной его прорытия то, что провинция Шаркия, входившая в [ведение] дивана халифа, в большей части своей в течение многих лет не орошалась, так как вода поступала в нее не иначе, чем через упомянутый выше канал ас-Сардис или из других отдаленных мест.

И возглавил это дело пудей по имени Абу-л-Мунадджа, так как жители страны пожелали, чтобы он начал постройку канала, по которому к ним поступала бы вода.

И издал Афдаль приказ [об этом], и отправился на корабле из верховьев, и бросал в Нил связки тростника, и то же делал на корабле, следующем за ним, до тех пор, пока не достигли устья Нила.

И начали копать оттуда, и пришлось это на вторник шестого шабана 506 года (26 января 1113 г.). И длилось прорытие его [канала] два года, и ушла на это большая сумма, и с каждым годом обнаруживалась выгода от этого, и удвоились поступления с орошаемой им области. И это давало пищу чрезмерным толкам об Абу-л-Мунаддже. И когда доложили Афдалю, сколько было израсходовано на него [канал], то он возгордился и сказал: истратили на это большие деньги мы, а назвали [канал] именем Абу-л-Мунадджа! И назвали его «Бахр ал-Афдали», но это не укоренилось, и не называли [его] иначе, чем [канал] Абу-л-Мунадджа.

Затем, после этого, обрушился [Афдаль] на упомянутого Абу-л-Мунадджа, и тот был сослан в Александрию.

Калкашандя, III, стр. 303.

¹ Ибн Абу Мансур — автор «Тарих» («История»), вероятно, сын Абу Мансура ибн Сурдана (ан-Насрани), возглавлявшего государственную канцелярию при Азизе и Хакиме [165, стр. 64—65].

О ХАЛИФСКИХ ЖИТНИЦАХ

А житницы с султанским зерном во времена Фатимидов находились в том месте, где теперь хранилище Шамавл, и за ним, около квартала Вазирийя. Сказал Ибн Тувайр: а что касается житниц, то они расположены в нескольких местах Каира, где теперь конюшни и дворы, и в них находится более трехсот тысяч ирдаббов зерна. А в них — закрома; один из них называется Гадаи, второй — ал-Фул, а третий — ал-Карафа, и они под охраной эмиров и знати.

И корабли с различными видами зерна прибывают к берегу Фустата и к берегу ал-Макса, и посыльщики переносят его в них с [предъявлением] посланий от капитанов кораблей и охранных грамот из каждой султанской области. И большая часть этого [зерна] — из Верхнего Египта. И отсюда [делаются] выдачи должностным лицам [арбаб ар-ратиб], и слугам, и живущим на милость, и служителям мечетей и молелен и выдачи черным рабам, согласно установленному.

А часть сдается на мельницы по личному распоряжению халифа; а у одних из этих мельниц ось низкая, а у других — высокая, и при этом навоз животных оказывается в отдалении. И эту муку доставляют в личное ведомство [хасс] правителя, как и другие поступления, по частям. И из житниц выдаются рационы людям флота, и то, что было в них старого, отмеренного лопатой, смешивалось с новым в упомянутых выдачах и в выдачах черным. И оттуда же выдается то, что требуется в «дом приемов» [дар ад-диафа] для прокормления послов и их свиты, и то, что требуется из пшеницы для при-

готовления депешек для дополнительной [выдачи] флоту. И не устают служители ввозить и вывозить [зерно], и у них различные жалованье, и выдачи продуктами, и [количества] ячменя для их лошадей; и то, что они получают с доставляющих зерном, соответствует денежному [жалованью] чиновников, [предназначенному] для [содержания] их детей и стариков. И сказал Ибн Мамун, что в житницы доставлялось зерно с юга, а что касается провинций приморских — Бухайры, двух Джазир, Гарбии с селами и Шаркии, то из них доставлялось немного, а остальное поступало в Александрию, Дамьетту и Тиннис для вывоза в гавань Аскалон и в гавань Тир, и что туда ежегодно ввозилось 120 тысяч ирдаббов, из них в Аскалон 50 тысяч и в Тиннис 70 тысяч; а там имеется склад, и продается из него [все] без остатка.

Сказал: и составляли поступления дивана ежегодно 1 миллион ирдаббов.

И оказано в жизнеописании Иазури¹, что везир Абу Мухаммад ал-Иазури сказал халифу Мустансиру о зерне, которым ведал диван, — а он (Иазури) в то время занимал должность главного судьи, а [уровень] Нила в 444 году (1052-53 г.) был низок: «в султанских хранилищах не будет зерна, и голод усилится, о эмир верующих! А разве хранилища, в которых хранится зерно, — к ущербу для мусульман? И, может быть, при покупке его снизятся цены, а если его не продавать, то оно испортится в закромах и пропадет; если станет оно товаром, будет двойная польза: не нужно будет опасаться порчи его в хранилищах и падения цен...»²

И халиф подписал то, что было ему предложено, и продолжал [так поступать], и снизошло на людей благоденствие и увеличивалось.

Макризи, Хитат, I, стр. 464—465.

¹ В тексте ошибочно — Базури.

² Далее идут слова, явно ошибочно вставленные переписчиком и искажающие смысл: «и это мыло, дерево, железо, свинец, медь и тому подобное». Сказанное следует скорее всего отнести к описанию дар ал-матджар.

РЕФОРМА ИБН КИЛЛИСА

И в мухарраме 63 года (октябрь 973 г.) назначил Муиза [управляющими] хараджем и всеми статьями дохода, и хисбой¹, и береговыми поступлениями², и ушром, и джавали³, и ахбас, и выморочным имуществом, и обемни «шурта», и всем, что прилагается к этому, в Фустате и всех провинциях — Абу-л-Фараджа Иакуба ибн Йусуфа ибн Киллиса и Услуджа ибн ал-Хасана. И выпущен был по этому поводу указ, который был прочитан в пятницу с кафедры мечети Ибн Тулуна, и схвачены были за руки все чиновники и откупщики.

И уселись они утром этого дня в помещении мечети Ибн Тулуна для объявления о селениях и прочих источниках дохода. И прибывали люди для заключения сделок, и требовали [они] с них недоимки, и рассматривали просьбы, и разбирали жалобы. И когда начали Яакубиби Киллис и Услужж заниматься сбором налогов, то стали они принимать лишь динары муиззи, и понизилась [стоимость] динара ар-ради, упав примерно до двух третей динара [муиззи]. И тот, кто разменивал его, терял более четверти динара, и люди потеряли много своих денег из белых динаров⁴ и динаров ар-ради.

И разменивался динар муиззи на 15 с половиной дирхемов. И усилилось извращение доходов из-за огромных расходов Муизза в Египте, так как он полагал, когда прибыл в Египет, что деньги [имеются] в наличии, а оказалось, что они уже потрачены на снабжение провиантом Египта и огромного войска его [Муизза]. А о том, сколько израсходовал Муизз на Египет, не знает никто, кроме его самого и его казначея. Рассказывал мне один из чиновников его казны: доставили мы в Фустат пустых кошельков, из которых было выдано находившееся в них, четыре мешка, [сложенные] в два тюка. И добывали в день пятьдесят с половиной тысяч муиззских динаров, и происходило это без квитанций, чеков и векселей. А [всего] поступало в день 120 тысяч муиззских динаров.

Ибн Муйассар, стр. 45.

¹ *Хашба* — административно-юридический термин, основное значение которого — «государственное счетоводство», «счетная палата». Ибн Муйассар, подобно Макризи и другим позднейшим авторам, использует этот термин в узком смысле, как «служба надзора за рынками и правами».

² В тексте «ас-савахил», т. е. египетские порты Красного и Средиземного морей [53, I, стр. 127]. Здесь явно имеются в виду пошлины с товаров, доставлявшихся водными путями.

³ *Джавали* — принятое в средневековом Египте обозначение поголовного налога с немусульман (джизия).

⁴ *Белые динары (ад-динар ал-абиад)* — динары с большим содержанием серебра; до реформы один такой динар был равен 10 дирхемам, после нее — 6 [64, стр. 172; 53, II, стр. 130].

О ДВУХ КУПЦАХ-ИУДЕЯХ

В правление Хакима би-амри-лаха появились [в Египте] два брата-иудея; один из них занимался [только] торговлей, другой — обменом денег и продажей того, что ему доставляли купцы из Ирака. И это были Абу Сад Ибрахим и Абу Наср Харун, сыновья Сахля ат-Тустари¹. И стали они известны благодаря своим торговым сделкам и передаче [наследникам] тайных вложений, полученных ими [братьями] от купцов из ближних и дальних [стран], если кто-либо из них умирал, так что пошла о них по свету добрая слава и упрочилось

их положение. И халиф Захвр ли-изази дини-ллах использо-
вал Абу Сада Ибрахима ибн Сахля ат-Тустари для приоб-
ретения необходимых ему драгоценностей, и тот возвысился
при нем и продал ему черную рабыню. И наслаждался ею За-
хир, и она родила ему сына Мустансира и заботилась об
этом Абу Саде. И когда халифат перешел к ее сыну Мустан-
сиру, приблизила она Абу Сада и взяла его на свою службу.
А когда умер везир Джарджаран и везират перешел к Ибн
ал-Анбари, направился к нему Абу Наср, брат Абу Сада,
и один из его [везира] сподвижников оскорбил его. И Абу
Наср думал, что везир Ибн Анбари, узнав об этом, осудит
своего гуляма и извинится перед ним. Но произошло обрат-
ное тому, что он ожидал, и ему донесли о подобных же сло-
вах, слышанных от него [гуляма]. И он пожаловался на это
своему брату Абу Саду и сообщил ему, что везир изменил
свое отношение к ним. Но Абу Сад не испугался Ибн Анбари
и настроил против него [везира] мать Мустансира, свою гос-
пожу. И она беседовала со своим сыном, халифом Мустанси-
ром, об этом деле, пока он не сместил того с везирства.

Макризи, Хитат, I, стр. 424.

¹ Тустар — город в Южном Иране, являвшийся в первой трети X в.
важным экономическим центром. Из Тустара происходили или сами два
упомянутых брата, или их предки. Причиной эмиграции бану сахл были,
по всей вероятности, преследования, которым подвергали иудеев Туста-
ра Бувайхиды [203, стр. 69—70].

ОБ УПАДКЕ ФУСТАТА

И сказал Ибн Хаукал, что в его время в Фустате была
гостиница известная, как дом Ибн Абд ал-Азиза, на находив-
шихся в ней жителей ежедневно расходовалось 400 ведер во-
ды. И [было] в ней пять молелен, две бани и две мельницы.

Говорю я: и не переставали расти в Фустате здания, гор-
дость его жителей, пока не установилось в Египте правление
Фатимидов и не был основан Каир, о чем будет речь. И оста-
новился рост его, и стало падать его значение, и люди стали
переселяться из него в Каир и его окрестности. И ушла боль-
шая часть его жителей, и следовало за этим разрушение его
зданий до тех пор, пока франки не овладели окраиной Египта
во времена Адида, последнего фатимидского халифа. А вези-
ром его в то время был Шавар ас-Сазди, и он испугался, что
франки овладеют Фустатом и укрепятся в нем. И он пустил
огонь в жилища его и сжег их, и увеличилось разрушение его,
и усилилось запустение. И не переставало ухудшаться его
положение, пока не наступило в Египте правление Захира
Бейбарса¹, одного из тюркских государей.

И старались люди ломать опустевшие кварталы и строе-

ния, переносил их на побережье Нила в Фустате и Каире. И увеличивались разрушения в нем (Фустате), и так продолжается до сего времени, так что сохранились лишь те строения его, которые [расположены] по берегу Нила и рядом с ним, примыкая к Старой мечети и ее окружению. А большая часть древних кварталов исчезла, и следы их сгладились, и пропало то, что оставалось от них.

Калкашанди, III, стр. 337—338.

¹ Захир Рука ад-дин Бейбарс Бундуклари — египетский султан из тюркских Мамлюков (1260—1277).

О КАИРЕ

И возвели матрибинцы за Фустатом город, который они назвали ал-Кахира; основал его Джаухар, глава людей Магриба, при вступлении своем в Фустат, для своего войска, сподвижников и приближенных.

И были построены кварталы и рынки, и появились частные здания, и [люди стали] пользоваться банями и гостиницами, [протянувшимися] до построенных дворцов, и приготовлены были развлечения. И окружен был он крепкой и высокой стеной, втрое большей, чем сооруженная там [ранее], а за нею — пустырь, оставленный на случай необходимости для скота.

И в нем (Каире) — египетский диван и пятничная мечеть, красивая и чистая, со множеством муэззинов и служителей.

Ибн Хаукал, стр. 146.

ТКАЦКОЕ РЕМЕСЛО

А из больших городов его [Египта] и славных достопримечательностей следует выделить Тиннис и Дамиетту. И это два острова перед [устьями] Нила, [омываемые] большую часть года соленой и пресной водой. Нет там ни посевов, ни скота. В них выделывают тонкое льняное полотно, а одеждам [из] шарба, дабик и мусаббагат¹ из тиннисских материй нет равных на всем свете.

И иногда цена такой одежды достигает двухсот динаров, если она [выткана] с золотом, а если без золота, то примерно ста динаров. И все, что выделывают там, — из льняного полотна, и иногда [цена] мискаля такой пряжи достигает нескольких динаров. И вонстину в Шате, Дабку, Дамире и Туне и поблизости от них на этих островах изготовляют тончайшие из этих материй. Но это не идет в сравнение с нашим

временем, когда тюк [полотна из] Тинниса, Дамьетты и Шаты, отправляемый в Ирак, стоил от двадцати до тридцати тысяч динаров.

И прекратилось это с магрибинцами, и в прекращении этого отличился проклятый Абу-л-Фарадж ибн Киллис, везир Азия, ибо он искоренил это [ремесло] постоянными налогами, тяготами, штрафами и поборами с ремесленников, и [дело дошло до того], что наложили джизию на всех прибывающих в Тиннис и Фустат и отбывающих оттуда и без тонких материй, о чем будет сказано.

Ибн Хаукал, стр. 152—153.

¹ *Мусиббогат* — цветные одежды [191, I, стр. 816].

И в Файйуме — большие великолепные города, и славные тираз, и большие владения [курят] султана и населения. И в нем из доставляемых известных товаров, в которых постоянно нуждаются, — выделяемые в Бахнасе занавеси и парча, паруса, палатки, одежды, покровы, ковры, навесы, превосходные шатры из шерсти и льняного полотна с неизменяющимися красками, а на некоторых прикреплены различные изображения — от насекомых до слона. И постоянно [находились] в тираз управители из служащих султана, наместники и доверенные лица.

А для удовлетворения желаний купцов из отдаленных стран [изготавливают] дорогие занавеси, длина одной из которых составляет примерно 30 локтей, а пара их стоит около 300 динаров.

Таха — также город, в нем более одного тираз.

Ибн Хаукал, стр. 159.

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ТКАЦКИМИ МАСТЕРСКИМИ

И сказал Ибн Тувайр: что касается службы в [ведомстве] тираз, а подразумеваются халифские тираз, то его возглавляет знатный сановник из господ чалмы и меча и он [имеет] дело [непосредственно] с халифом, в отличие от всех прочих чиновников, и места пребывания его — Дамьетта, Тиннис и другие. И подчиняется ему эмир ал-джавари. И у него — сотня помощников для исполнения его поручений в деревнях. И в его распоряжении государственный ашарийа и три барки, на которых постоянно находятся капитан и матросы, и жалованье им идет из средств дивана. А если он прибывает [в Каир] с изделиями, [предназначенными] для халифа, — зонгом, одеяними, бадана¹ и особым платьем для пят-

ничной молитвы и прочим, его [встречают] с большим почетом и предоставляют ему коня из числа халифских, который находится в его распоряжении до конца пребывания. И останавливается он в ал-Газала на берегу канала, а [это] один из халифских павильонов, восстановленный Шуджой ибн Шаваром. И хотя у управляющего тираз в Канре десять домов, ему разрешается останавливаться лишь в ал-Газала, и ему оказывают гостеприимство, как прибывшему в государство чужеземцу.

И после того, как внесут ларец, наполненный этими великолепными одеждами, и выставят все, что находится внутри него, он передает вещь за вещь в руки хранителя халифских одежд, [а это] происходит в халифском дворце; и [ему] оказывают большое уважение, если изделие удовлетворило халифа.

А когда это заканчивается, [делают] сверток [одежд], который он, получив, передает особому чиновнику. А ему жалуют в присутствии халифа нижнюю одежду, и подобного не жалуют никому, кроме него. Затем он отправляется в свою резиденцию. И у него на те случаи, когда он отлучается, [есть] заместитель, по происхождению не чужой ему. И возможно, что им становится его сын или брат из-за большой важности этой должности. А размер жалованья его в месяц составляет 70 динаров, а у этого заместителя 20 динаров, ибо он прекращает [службу], когда тот прибывает сам, и вступает в нее, когда тот отсутствует в своей резиденции.

И одна из привилегий его [управляющего ведомством тираз] заключается в том, что когда упаковывают эти [изделия] в ларцы и призывают наместника этой области для присутствия при этом и все люди стоят в собрании ведомства тираз при укладывании зонта и прочих халифских принадлежностей, то он сидит на своей скамье, а наместник стоит при этом рядом с ним. И это — одно из правил службы его и ее особенность.

Макризи, Хитат, I, стр. 469.

¹ *Бадана* — короткая туника без рукавов или жилет, тканый золотом [194, I, стр. 59; 50, стр. 290—291].

Эту службу [в ведомстве тираз] исполняют надзиратель [назир], управляющий работами [мушариф], главный управитель [мутавалли] и два счетовода [шахид].

И если возникает необходимость в изготовлении какого-то количества материй, в ведомстве хранилищ составляется предписание, а [затем] в него доставляется требование с перечнем того, что необходимо из денег и золотых нитей. А когда приносят ларцы [с готовой материей], то прилагают списки и

отчеты о стоимости ее. И если стоимость больше, чем предложенная им выдача, это указывает на добросовестность работников, но излишек расходов им не возмещается. А если стоимость меньше выдачи, то сумма этой нехватки изымается. И с этой целью ведомством дается распоряжение о взимании этой суммы со служащих [мастерской].

И те вносят [нехватку] сами, а [затем] зывают к работникам и высчитывают ее из их [жалованья]. А если это происходит неоднократно, делают заключение о недобросовестности работников.

Ибн Маммати, стр. 24.

ВОССТАНИЕ АБУ РАКВЫ

А что касается упомянутого Абу Раквы, то имя его — ал-Валид и он — из потомков Хишама ибн абд ал-Малика ибн Марвана. И упрочилось его положение, и присоединилась к нему чернь, и он овладел Баркой и другими [областями] и разбил войско Хакима. И чеканил он монету, и поднимался на кафедру, и провозносил красноречивую проповедь, и проклинал Хакима и его предков. А люди молились за него, и укрепилась его власть, и овладел он всем, что было там [в Барке].

А Хаким узнал о происходящем и встревожился, и прекратил казни, и не совершал своих выездов. Затем Хаким послал на борьбу с Абу Раквой полководца из тюрок по имени Инал ат-Тавил, а с ним пять тысяч всадников. И большую часть войска Инала составляли кутамиты, а они ненавидели Инала, ибо он погубил кутамитских вождей по приказу Хакима.

И прибыл Инал и бился с Абу Раквой, и тот победил его, и пленял, и сказал ему: прокляни Хакима! И он [Инал] плюнул в лицо Абу Ракве, а Абу Раква отдал приказ, и его разорвали на мелкие куски. А Абу Раква взял сто тысяч динаров, бывших у Инала, и все прочее, и положение его еще более укрепилось. А Хакиму из-за поражения Инала становилось все труднее, и послал он в Сирию за гулямами Хамданидов и племенами [бедуинов], и роздал им деньги, и направил их [на борьбу] под началом Фадля ибн Абдаллаха.

И ударил по ним Абу Раква, и разбил их, и гнал отряды их, пока они не дошли до пирамид в Гизе, а Хаким закрыл ворота Каира.

Абу Раква после этого вернулся к [своему] войску. А Хаким вторично направил войско и с этим большим войском — [полководца] ал-Фадля, и тот встретился с Абу Раквой, и разбил его, и погибло из его (Абу Раквы) войска около тридца-

ти тысяч. Затем Фадль победил Абу Ракву и с почетом отправил его к Хакиму. А причиной такого почета была боязнь, как бы он не убил себя, и желание Фадля доставить его живым к Хакиму. И Хаким приказал обезглавить Абу Ракву, [перед этим] посадив его на верблюда и совершив обход [Каира]. А Каир был украшен прекрасным украшением, и был там шейх по имени ал-Абзари, который, когда еретика вывели, приготовил для него колпак с разноцветными доскутьями и взял обезьяну, вложил ей в лапу плеть и научил ее бить еретика сзади, и получил [за это] сто динаров и десять кусков ткани.

И когда Абу Раква пересек Гизу, Хаким приказал посадить его на верблюда между горбами и надеть колпак, а ал-Абзари — сесть сзади него; и обезьяна с плетью была его (Абу Ракву), а войско окружало его, и перед ним было пятнадцать разукрашенных слонов. И таким образом въехал он в Каир, а перед ним [несли] головы его соратников на досках и тростнике. А Хаким сидел в беседке у Баб аз-Захаб, а турки и дейлемиты с оружием и знаменами в руках, на конях, одетых в кольчуги, окружали Абу Ракву, и был памятен этот день.

И приказал Хаким вывезти его из Каира и отрубить ему шею на холме против мечети Райдана, за Каиром. Но когда доставили его туда и спустили [с верблюда], он оказался уже мертвым. И отрубили ему голову и принесли ее Хакиму, и он приказал распять его тело.

А влияние Фадля при Хакиме возросло, так что, когда он заболел, [Хаким] навещил его дважды или трижды и дал ему многие икта. Затем он выздоровел, а через некоторое время Хаким схватил его и погубил злой погибалью.

Ибн Тагри-Бирди, IV, стр. 215—217.

О ЛЖЕ-ХАКИМЕ

В этом году в раджабе (434 г. х., т. е. февраль — март 1043 г.) выступил в Египте человек по имени Сиккин, похожий на Хакима, правителя Египта, и провозгласил, что он — Хаким, воскресший после своей смерти. И за ним последовали все те, кто верил в возвращение Хакима, и они воспользовались отсутствием войска во дворце халифа и среди дня направились туда с Сиккином.

И вошли они в галерею, а оттуда выскочили воины, кто из которых принял его (Сиккина) за Хакима. И они сначала содрогнулись от этого, а затем стали сомневаться и схватили Сиккина. И поднялся шум, и началась стычка, и воины вернулись во дворец, а борьба продолжалась. И некоторые

из его (Сиккина) сообщников были убиты, а остальные попали в плен и были распяты живыми, и воины метали в них стрелы, пока они не умерли.

Ибн ал-Асир, VIII, стр. 36.

ВОССТАНИЕ БЕДУИНОВ БАНУ КУРРА

В этом году в шабана (шабан 443 г. х., т. е. декабрь 1051 г.) восстали в Египте бану курра против Мустансира би-ллаха, алавитского халифа, а причина этого была в том, что он поставил над ними эмиром человека по имени Мукарриб, поставил его во главе их, и они испугались этого и возненавидели его. И отошли они от него, но не удалял [Мустансир] его от них. И начались разногласия и бунт, и укрепилась она в Гизе, по соседству с Каиром, и стали чинить вред.

И направил к ним Мустансир би-ллах войско и удержал их, и бану курра сразились с ними и разбили войско. И усилилась битва, и перешли бану курра в сторону пустыни. И Мустансир би-ллах нашел это дело опасным, и собрал он арабов из Тайи, Калб и прочих воинов и направил их по следам бану курра.

И догнали они их в Бухайре и сражались с ними в зу-л-када (зу-л-када 443 г. х., т. е. март — апрель 1052 г.). И усилилось сражение, и увеличилось [число] убитых у бану курра. И разбили их, и войско [халифа] возвратилось в Египет. А напротив бану курра был оставлен отряд для отражения их, если они захотят вступить в страну, но Аллах избавил [ее] от их зла¹.

Ибн ал-Асир, VIII, стр. 60.

¹ Бану курра, о которых говорится здесь и выше, согласно Макризи, относились к племенам джузам [24, стр. 18, 58]. Кроме того, как заметил еще де Саси, был и другой род бану курра, кочеввавший в области Ихмима и возводивший свое происхождение к бану хилал [хилалитам] [53, I, стр. 155].

БЫТ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ

И сказал Муртада Абу Мухаммад абд ас-Салам ибн Мухаммад ибн Хасан ибн абд ас-Салам ибн ат-Тувайр ал-Фахри ал-Кайсарани, египетский автор, в книге «Нузхат ал-муклатайн фи ахбар ад-даулатайн ал-Фатимийа ва-с-салихийа» [«Услада очей в известиях о династиях Фатимидов и Аййубидов»] в десятой главе, при описании церемоний их (Фатимидов) во время общих приемов в государственном собрании, что не происходило это [в другие дни], кроме понедельника и четверга.

И люди, причастные к этому, с неотлучными от них слугами ожидали появления халифа в один из двух упомянутых дней, но не постоянно, а поочередно. И когда назначался этот [прием], в один из этих дней заведующий халифской перепиской [сахиб ар-рисала]¹ специально вызывал везира из его дома, по обычаю, и тот отправлялся [во дворец] в пышности, со своей свитой...

И от того места, где он спустился со своего коня, шел он в колонную галерею, что в помещении везирата, а пред ним — знатные люди из эмиров, и все направлялись в Золотой зал дворца, где находился халиф. А до этого прием происходил в большом зале [иван ал-кабир], который [позже] стал хранилищем оружия; в центре его [находился] трон государя [сарир ал-мульк], и он остается там и до сего времени.

Прием происходил в том месте до последних дней Мустафи, а затем Амир перенес приемы в упомянутое помещение (т. е. Золотой зал), и имя его (Амира) до сих пор начертано на верху мраморного свода².

И в этом зале висели парчовые занавеси зимой и дабикские летом, а зимой расстилался шелковый ковер вместо шерстяного, подходящий к парчовой занавеси, а летом расстилался ковер, соответствующий дабикской занавеси, с золотом, [изготовленный] в Табаристане и не имевший себе подобного.

А в центре его находилось возвышение [мартаба], из-за своего великолепного вида пригодное для восседания на нем (халифа) на троне, покрытое материей ал-куркуби³, при этом лицо халифа было обращено к стоящим перед ним людям. А когда начинался прием, он вызывал везира из помещения, находящегося у дверей упомянутого собрания, — а оно (помещение) было закрыто, и в нем [находился] занавес.

И он (везир) становился напротив его (халифа), а справа от него был управляющий дворцом [зимам ал-каسر], а слева — заведующий казной [зимам бейт ал-мал]. И когда халиф вступал на возвышение, ставил доверенный государя [амин ад-дауда], один из заслуженных господ свиты с чалмой, обернутой под подбородком [устазуна ал-муханникуна], его чернильницу на ее место на скамье и выходил из помещения, называемого Фард ал-Кум.

И когда везир вставал перед дверью собрания, а вокруг него — эмиры с ожерельями [умара аль-мутаваккуна], господа важных служб и прочие, а в середине их находились чтенцы Корана, то заведующий приемной залой халифа [сахиб ал-маджлис] обращался к устазам, и тогда каждый из них поднимал край занавеси, и становился виден халиф, сидящий на упомянутом возвышении, и начиналось чтение славного Корана.

А везир, войдя, приветствовал его, целуя его руку и ногу,

и отступал на три локтя, и стоял некоторое время, до того момента, когда [халиф] позволял ему сесть с правой стороны и бросал ему почетную подушку. А эмиры стояли на определенных им местах, а главный дворецкий [сахиб ал-баб] и командующий войском [исфахсалар] — с правой и левой сторон двери, а вслед за ними, снаружи, прымыкая к порогу, подобным же образом стояли предводители амирийа и хафизийа; затем их размещали сообразно их чинам. И так никто не мог сойти со своих мест, [расположенных] до конца ар-ривак, — а это высокий портик над полом этого зала, и колоннада поддерживает находящийся там свод.

Затем таким же образом размещались посетители колий и носилок [арбаб ал-касаб ва-л-аммарийат] слева и справа, затем достойнейшие и знатнейшие [лица] из войска, готовившиеся к предводительству.

А на почетном месте, находившемся напротив двери собрания, стояли дворецкие [бавваб ал-баб] и привратники [худжаб]. Это от главного дворецкого [сахиб ал-баб] зависели в этом месте вход и выход, и он обязан был доводить до [сведения халифа] слова каждого. И когда устанавливался порядок и были определены все места, то первыми, удостоенными обращения с приветствиями, [были] главный судья [кади ал-кулат] и свидетели [шухуд]; дворецкий впускал также и других кадев. И тот [главный судья] приветствовал [халифа], приблизившись, согласно обычаю, и сущность обряда приветствия [состояла в том], что он поднимал вытянутую правую руку с четками и произносил громким голосом приветствие эмиру верующих, [призывая] из него милость и благословение Аллаха, и с такими же словами выступали другие лица. Затем выступал заведующий ближайшими шарифами [зимам ал-ашраф ал-акариб] из устазов с чалмой, обернутой под подбородком [устазуна ал-муханникуна], а от знатных талибидов их накиб из нотариальных свидетелей [шухуд ал-муаддалуна], а иногда из выдающихся шарифов, и уходило на это времени часа два, а то и три. И в это же время выступали с приветствием те, кому было пожаловано [управление] Кусом, или Шаркией, или Гарбией, или Александрией, и они изъявляли почтение [халифу], целуя его воротник.

И если у везира была нужда беседовать с халифом о деле, он вставал со своего места и приближался к нему, склонившись на свой меч, и держал речь один или два раза. Затем давалось распоряжение, и присутствующие выходили, поцеловав руку и ногу халифа, пока не оставался один везир; и [когда] он выходил и направлялся, по своему обычаю, домой, те прислуживали ему.

Затем опускался занавес, и запирались ворота собрания до другого подобного дня, когда повторялось то, что было уже описано.

А халиф отправлялся в предназначенные для него покои, а с ним свита из устатов с чалмой, обернутой под подбородком, и это были люди, приближенные к нему, опытные и обходительные. И одна из их обязанностей [заклучалась в том], чтобы никого не пропускать к халифу, кроме самих себя, и среди них управляющий дворцом [зимам ал-каср], и свертывавший славный тадж [шадд ат-тадж аш-шариф]⁴, и заведующий казной [сахиб байт ал-мал], и заведующий списками заседаний [сахиб ад-дафтар], и заведующий халифской перепиской [сахиб ар-рисала], и предводитель ближайших шарифов [зимам ал-ашраф ал-акариб], и заведующий халифским собранием [сахиб ал-маджлис], и им были доступны тайны халифа...

И никто, кроме халифа, не мог прибывать во дворец и отправляться [из него] днем или ночью каким-либо иным образом, кроме этого.

И у него по ночам сильнее всего из служанок использовали самок мулов и ослиц для доставки верхней одежды в подземелья дворца и для подъема на полозьях в верхние павильоны и другие места. И в каждом из помещений дворца находился фонтан, наполненный водой, на случай могущего возникнуть ночью пожара.

Макризи, Хитат, I, стр. 386—387.

¹ Сахиб ар-рисала — заведующий халифской перепиской из *устатуна ал-мухаммидина* доставлял письма халифа жезару и прочим чиновникам [93, стр. 57].

² Каирская резиденция Фатимидов состояла из двух зданий: большого дворца на востоке и малого — на западе, разделенных магистралью, шедшей с севера на юг и связывавшей северные ворота с южными. Эта магистраль образовывала между дворцами широкую площадь (Байт ал-касрай). Большой дворец состоял из двух особняков, также называемых «каср», и имел девять ворот. Главное здание называлось «Золотой дворец» («Каср аз-захаб»); в двух его залах происходили приемы, в третьем, меньшем, — упоминавшиеся выше пропагандистские чтения главного миссионера для женщин. Один из залов, самый большой и с куполом, находился в середине дворца; это и был «Золотой зал», о котором идет речь в данном отрывке, где стоял трон «сарир ал-мульк» (в этом зале читались исламские проповеди для мужчин).

Трон был заключен в маленькое сооружение, закрытое с трех сторон, открытое с четвертой и увенчанное тремя куполами, входившими одна в другую. С открытой стороны была проволочная решетка, вместе с занавесом отделявшая халифа; она называлась шуббак (букв. «решетчатое окно») [177, стр. 358—361; 53, I, стр. 125; 93, стр. 59].

³ Ал-куркуби — материя, изготовлявшаяся в г. Куркуб, близ Тустара, в Южном Иране [93, стр. 42].

⁴ Шадд ат-тадж аш-шариф — букв. «свертывавший славный тадж» (халифа) — высший среди *устатуна ал-мухаммидина*. Головной убор халифа, тадж, будучи прабским по характеру, представлял собой особым образом свернутый тюрбан с подкладкой, надевавшийся поверх твердой ермолки. Имен форму желудка, тадж был похож не на венец или корону, а на сасанидскую тиару [177, стр. 369, 389; 93, стр. 26, 65].

А что касается печальной церемонии при его (Мустали) отце и деде, то в день ашура¹ халиф удалялся от народа. И когда занимался день, выезжали главный судья [кади ал-кудат] и свидетели [шухуд], сменив свои одежды и облачившись в одежды печали. Затем прибывали к гробнице Хусайна в Каире, а до этого траурное собрание совершалось в мечети ал-Азхар. И после того, как они разместились там с эмирами, и знатыми лицами, и чтецами Корана, и преподавателями мечетей, входил везир и садился в центре [собранных], а судья и главный миссионер [даи ад-дуат] — по сторонам его. И чтецы начинали читать по очереди [Коран], а затем поэты, кроме поэтов халифа, начинали читать стихи, в которых оплакивали ал-Хасана, ал-Хусайна и людей дома, и люди начинали кричать, плакать и вопить. И если везир был отступником от верования народа, то чрезмерно усердствовал в этом, а если был суннитом, то был сдержаннее.

И это не прекращалось в течение трех часов, после чего посланцы призывали всех во дворец халифа.

И отправлялся везир, а он в маленькой чалме, и входили главный судья и главный миссионер и те, кто с ними, в золотые ворота — одни из ворот дворца — и попадали в галерею, каменные скамьи которой были устланы циновками и коврами. А в свободных местах расставляли лавки, примыкающие к каменным скамьям, и [также] устилали их. Там селились главный дворецкий [сахиб ал-баб], а по сторонам его — главный судья и главный миссионер, и также [другие] сановники сообразно их чинам. И чтецы читали, а певцы также пели. Затем накрывали середину зала опрокинутыми циновками, то есть повернутыми вверх подстилкой, а не лицом, затем расстилали там скатерть печали на тысячу блюд чечевицы, мулюхи², солений, сыров, и простого молока, и финикового меда, и пресного хлеба, и хлеба с нарочито измененным цветом по случаю печали.

А когда приближался полдень, главный дворецкий [сахиб ал-баб] и заведующий халифским столом [сахиб ал-манда], то есть хаджиб и мушадд, вставали и впускали людей для трапезы. И входили главный судья и главный миссионер, а главный дворецкий садился у входа.

А некоторые люди из-за великой печали не входили, и никого не принуждали к этому. И люди рассаживались по своим местам, будучи в одеждах печали. И в этот день плакальщики обходили Каир, а торговцы до полудня запирали свои лавки, и плач стоял на всех улицах и переулках Каира. А когда проходил полдень, люди открывали свои лавки и продавали и покупали по своему усмотрению. И фатимидские

халифы усердствовали в этом [обычае], начиная с первого из них, Муизза ли-дичи-ллаха Маадда, до последнего, Адида Абдаллаха.

Ибн Тагри-Бирди, V, стр. 153.

¹ *Ашра* — десятое число месяца мухаррама, отмечаемый всеми шиитами траурный день, посвященный событиям в Кербеле, связанным с гибелью третьего имама, Хусайна, и его приверженцев [113, стр. 275].

² *Муджах* — один из сортов соленой рыбы [80, стр. 975].

ПРАЗДНОВАНИЕ НОУРУЗА

И сказал Ибн Мамун¹ в своей «Тарих» («История»): и наступил праздник ноуруза в девятый день раджаба 517 года (2 сентября 1123 года). И были доставлены причастствующие этому случаю одежды из тираз и гавани Александрии со всеми полагающимися золотыми и шелковыми принадлежностями и сувадж². И было роздано все, что полагалось из мужских и женских одежд, и золото, и серебро, и все другие полагающиеся в праздник подарки сообразно чинам получавших их.

А из праздничных яств в ноурузе раздавались дыни, гранаты, гроздья бананов, и отдельно незрелые финики, и корзины сухих фиников из Куса, и корзины айвы. И каждому подавалась хариса, приготовленная из курицы, бараньего мяса и говядины разных сортов, с приправой.

Сказал: и присутствовал чиновник финансового ведомства для раздачи по обычаю в день ноуруза золотой и серебряной монеты, различных одежд и прочего кроме этого. А это — четыре тысячи золотых динаров, и пятнадцать тысяч серебряных дирхемов, и множество одежд из дабикских материй, с золотом и шелковых, и миаджар³, и разноцветные женские покрывала, и сикулад⁴ с золотом и шелковый, и мисфах⁵, и шелковые дабикские повязки.

А что касается золотых и серебряных монет, то раздача их не выходит за пределы дозволенного дворцом и везиратом, — и шейхам, и господам, и евнухам, и чиновникам, и капитанам ашари, и их морякам. И каждый эмир получает свою долю согласно его чину.

Макризи, Хитат, I, стр. 268.

¹ Ибн Мамун ал-Батахи (ум. в 1125 г.) — сын Мамуна, везира халифа Амира (1121), автор хроник («Тарих»), имевшей кроме полной и сокращенную редакцию («Мухтасар ат-тарих»).

² *Ас-сувадж* — вероятно, то же, что и ас-сувадж, — маленький тайласак (т. е., как говорилось выше, платок, носимый поверх головного убора) [238, ч. 4, стр. 1460].

³ *Миаджар* — покрывало, головной убор, шитый золотом или шелком [93, стр. 108].

⁴ *Сикулад* — искаженное *сиклатум*, вид шелковой материи, тканной золотом [194, I, стр. 663].

⁵ *Мисфах* — грубое верхнее одеяние, плащ [238, ч. 4, стр. 1369].

В раби I (раби I 524 г. х., т. е. февраль — март 1130 г.) у Амира родился сын, и его назвали Абу-л-Касим ат-Тайиб, и [Амир] сделал его своим наследником. И были украшены Фустат и Каир и устроены развешения на рынках и у ворот дворцов. И выдал Амир из своих хранилищ и сокровищниц материи, утварь, драгоценности и сосуды золотые и серебряные для украшения. И во всех его дворцах были развешаны занавеси и оружие. И так продолжалось четырнадцать дней. И доставили барана, которого должны были заколоть в ал-акика¹, а на нем парчовая полова и серебряное ожерелье. И закололи его в присутствии Амира и знати, и главный судья Ибн Муассар приказал его унести. И разбрасывали динары над головами людей, и был накрыт стол. И написали в Файюм, Шаркию и Гарбию о доставке фруктов, и были они доставлены, и дворец был заполнен фруктами и прочим, и воздух был наполнен ароматами курений и амбры.

Ибн Муассар, стр. 72.

¹ Ал-акика — название жертвоприношения, совершаемого на седьмой день после рождения ребенка. В этот день ребенку дают имя. Большая часть мяса жертвенного животного распределяется между бедными. Обычай ал-акика, соблюдаемый как шиитами, так и суннитами, восходит к древнеарабскому язычеству.

ПОСЕЩЕНИЕ АМИРОМ ХРАНИЛИЩА КНИГ

И сказал Ибн Тувайр: хранилище книг было расположено в одном из помещений теперешнего госпиталю, то есть госпиталю ал-Атик. И приезжал туда халиф, спешивался и садился на предназначенную для него скамью. И являлся к нему смотритель хранилища, а им был в то время Ибн Абд ал-Кави, и приносил ему отлично переписанные рукописи, а кроме этого предлагал книги, и халиф брал некоторые из предложенных ему на долгий срок.

А в этом хранилище, в большом зале, имелось множество полок, а полки были с делениями, и каждое деление имело дверцу и запиралось на петлю и замок. А там было более двухсот тысяч книг в переплетах и без них, и в том числе по фикху, всем мазхабам и грамматике, и книги хадисов, и исторические, и жизнеописания государей, и астрологические, и духовного содержания, и по химии, и самые разнообразные рукописи. И были среди них неполные, и это указывалось на листе, приклеенном к каждой дверце хранилища. И указано, какие из ценных рукописей находятся наверху, и в том числе списки, принадлежащие Ибн Мукле¹ и его подражателям, Ибн Баввабу² и прочим.

А во время Малика Насира Салах ад-дина распорядился Ибн Саура их продать. А перед кончиной своей направился халиф [Амир] в хранилище пешком, чтобы посмотреть на книги, а там находились два переписчика и два сторожа, люди жалованья. И он постоял там, и дал им 20 динаров, и пошел прочь.

Макризи, Хитат, I, стр. 409.

¹ Ибн Мулла Абу Али Мухаммад ибн Али ибн ал-Хасан (886—940) — аббасидский везир, один из основателей арабской каллиграфии.

² Ибн Бавваб Абу-л-Хасан Ала ад-дин Али ибн Хижаз (ум. в 1022 или 1032 г.) — знаменитый багдадский каллиграф.

О БОГАТСТВЕ ВЕЗИРА АФДАЛЯ

И сказал управляющий казной, находящейся во дворце, что в доме ал-Афдаля было обнаружено [после его смерти] шесть миллионов четыреста тысяч динаров и варак¹ стоимостью в двести динаров, семьсот золотых и серебряных блюдец, а утвари — ведер, мисок, чаш, котлов, горшков — и слитков золота и серебра различных форм — несметное число; и множество больших китайских сосудов, наполненных драгоценностями, из которых одни были сложены в виде ограды, а другие разбросаны в большом числе.

И Афдаль во время питья устанавливал в своем собрании золотые подносы с глиняными сосудами, наполненными драгоценностями, и по его желанию сосуды на подносах то опорожнялись, то наполнялись.

И обнаружено было там девяносто тысяч одежд из различной парчи, аттаби² и прочего и три больших хранилища, наполненных сундуками, и в каждом — дабикки и машраб³, сделанные в Тиннисе и Дамiette; на каждом сундуке обозначено, что в нем [находится] и вид этого.

А хранилище благовоний было наполнено ларцами из дерева и прочего, на которых обозначен их вес и вид, и бесчисленными глиняными сосудами с мускусом, камфарой и амброй.

И было у него помещение, в котором собирались для питья; в этом помещении стояли фигуры восьми рабынь, друг против друга; четыре из них белые, из камфары, и четыре черные — из амбры; и на них [были] прекрасные одежды и дорогие украшения, а на руках их — великолепные драгоценные камни. И когда выходил он (Афдаль) из дверей этого помещения и вступал на порог, наклоняли они свои головы, приветствуя его, а когда сидел он посередине залы, они оставались стоящими.

И были обнаружены там четыре комнаты, и каждая наполнена материями, занавесями, домашними принадлежностями, покрывалами, подушками и валиками — парчовыми и дабикскими, шелковыми и золотыми различных видов.

И имелось у него несколько сундуков, заполнявших хранилище, а в них ларцы золотые иракские для употребления, и 800 рабынь; из них 50 — его наложницы, и у каждой из них комната, а сокровищница наполнена одеждами и утварью из парчи, золота и серебра и прочего, всех видов.

Сказал хранильщик сокровищ: то, что я перечислил, он хранил в своем доме, а того, что было в его сокровищнице и в руках его заместников, сборщиков налогов и откупщиков областей, из денег, различного зерна и зернового хлеба, хлопка, льна, воска, железа, дерева и прочего — несметное количество.

И было доставлено из его дома четыре тысячи ковров и покрывал, и пятьсот больших и малых сосудов из хрусталя, и пятьсот сосудов, предназначенных для сладостей, и тысяча мешков с товарами Йемена, и Александрии, и Магриба, и семь тысяч принадлежностей для езды, то есть седел.

Ибн Муфассар, стр. 58—59.

¹ *Варак* — серебряная монета низкого качества [43, стр. 388; 213].

² *Аттаби* — материя из волокон шелка и хлопка [193, стр. 410, 436].

³ *Машираб* — то же, что и шарб, — шелковая или тончайшая полотняная материя [194, стр. 740].

О БОГАТСТВЕ ХАКИМА

После Хакима осталось большое богатство. Говорят, что в дни его прибыл посол от государя Рума и Хаким приказал украсить дворец. Госпожа Рашида, тетка Хакима, сказала: «И вынесли мешки, на одном из которых было написано: триста тридцать первый. А в мешках была парча, усыпанная золотом, и ее вынули, и устлали зал, и повесили [ее] на стены, так что зал стал весь в золоте, и в центре его висело золото. А это был золотой панцирь, увенчанный драгоценностями, который светил вокруг, когда падали на него [лучи] солнца, так что нельзя было на него смотреть»¹.

Ибн Тагри-Бирди, IV, стр. 192.

¹ Как видно из «Китаб аз-захавр ва-т-тухаф», к которой, вероятно, восходит и рассказ Ибн Тагри-Бирди, речь идет здесь о приготовленных к приему посольства от византийского императора Василия II (976—1025), прибывшего в Египет предположительно в 1001 г. [50, стр. 297].

ПРЕДАНИЕ О СМЕРТИ МУИЗЗА

И причина смерти его (Муизза) заключалась в том, что правитель Рума в Кустантинии¹ послал к нему [того] посла, который посещал его в Ифрикии. И в один из дней Муизз уединился с ним и сказал ему: помнишь, как ты приходил ко мне послом, а я был в Махдии и говорил тебе: приходи ко мне, когда я буду государем Египта?

Сказал [посол]: да. Сказал [Муизз]: и я говорил тебе, чтобы ты прибыл в Багдад, [где] я буду халифом.

И сказал ему посол: поверь мне и не гневайся, и я скажу тебе, что у меня [на сердце]. И сказал ему Муизз: говори, и ты в безопасности. Сказал [посол]: когда посылаю тебя к тебе государь в тот год, то я чуть не умер от зрелища твоего величия и множества твоих соратников. И прибыл я в твой дворец и увидел там большой свет, ослепивший мои глаза. Затем вошел к тебе, и увидел тебя на твоём троне, и полагал тебя всемогущим, будто бы ты сказал мне: поднимись в небо, чтобы убедиться в этом. Затем прибыл я к тебе теперь, и не увидел ничего подобного, отличавшего твою столицу, и была в глазах моих черная тьма. Затем вошел я к тебе и не нашел величия, которое было в тот год. И говорю я: поистине дела теперь обстоит наоборот, противоположно тому, что было. И Муизз потупил взор, и посол вышел от него. И охватил Муизза сильнейший жар, и болезнь дожимала его, пока он не умер².

Ибн ал-Асир, VI, стр. 66.

¹ Константинополь — Константинополь.

² По-видимому, в основе этого рассказа лежит реальный факт прибытия к Муиззу после завоевания им Египта посольства византийского императора Иоваина I Цимисхия (969—976); намеки на это событие содержатся и в «Китаб аз-захар ва-т-тухаф» [50, стр. 290—291].

О ПРОЗОРЛИВОСТИ АДИДА

И одно из удивительных известий, рассказываемых о них, [Фатимидах, заключалось в том], что шариф Джалис вел проповедь после прекращения дней их и излагал начала их учения брату Малика Насира Яусуфа Салах ад-дина Шамс ад-даула Туран-шаху и некоторым его эмирам. Он уплатил им большие деньги. И когда собрались они на пир, сказал Шамс ад-даула шарифу Джалису: расскажи мне о тех чудесных деяниях этих людей, которым ты был свидетелем.

Сказал [Джалис]: да. Однажды призвал Адид меня и некоторых приближенных. И когда мы вошли к нему, нашли у него двух тюркских рабов, а на них кафтаны, подобные вашим кафтанам, и шапки, подобные вашим шапкам. И сказали мы ему: о эмир верующих! Что это за одежда, которой мы никогда не видели?

И сказал [Адид]: это облик тех, которые овладеют нашей страной и возьмут наше имущество и наши сокровища. И не пройдет долгого времени, как [победителями] станут принадлежащие к этому [суннитскому] вероучению. И это оказалось правдой, и мы пришли, чтобы подтвердить это, и Аллах знает об истинности этого!

Ибн Фурат, стр. 158.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
AIEO Alger	Annales de l'Institut d'Études Orientales de l'Université d'Alger
AO	Archiv Orientální, Praha
Arabica	Revue d'études arabes, Leiden
BGA	Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum
BIFAO	Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale, La Caire
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London
EI	Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Bd I—IV, Leiden — Leipzig, 1908—1934
EI ²	Encyclopaedia of Islam. New ed., vol. I—II, Leiden — London, 1960—1965
IC	Islamic Culture, Hyderabad (Deccan)
Isl	Der Islam, Berlin
JA	Journal Asiatique, Paris
JAOS	Journal of the American Oriental Society, New Haven
JBBRAS	Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society, London
JESHO	Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London
MW	The Muslim World, Hartford
PIEO	Publications de l'Institut d'Études Orientales, Alger
PIFAO	Publications de l'Institut français d'Archéologie Orientale du Caire
RSO	Rivista degli Studi Orientali, Roma
SI	Studia Islamica, Paris

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Капитал, т. I, III.—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, 25, ч. 1, 2.
- 1а. Энгельс Ф., Анти-Дюринг.—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.

Источники

2. «Византийская книга Эпарха». Вступ. статья, пер., прил. и коммент. М. Я. Слюзимова, М., 1962.
3. Ериштедт П. В., Коптские тексты Государственного Эрмитажа, М.—Л., 1959.
4. Медников Н. А., Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам.—«Православный палестинский сборник», т. XVII, вып. 50, СПб., 1897—1903.
5. Насир-и Хусрау, Сафар-Намэ, пер. и прим. Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933.
6. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антохийского. Издал, перевел и объяснил В. Р. Розев, СПб., 1883.
7. «Савсет-Намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мульки». Пер., введ. и прим. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949.
8. Усама ибн Мункиз, Книга назначения. Пер. М. А. Салье, М., 1968.
9. [Abd-Allatif], Relation de l'Égypte, par Abd-Allatif, médecin arabe de Bagdad... le tout traduit et enrichi de notes historiques et critiques par M. Silvestre de Sacy, Paris, 1810.
10. Abu Osman il-Naboulsi il-Safadi, Description du Fayoum au VII siècle de l'Hegire, Le Caire, 1899.
11. Abu Salih, Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries. Trad. by B. Evetts, Oxford, 1896.
12. [Benjamin fils de John de Tudele], Voyages de rabbi Benjamin fils de John de Tudele en Europe, en Asie et en Afrique, depuis l'Espagne jusqu' à la Chine. Traduits de l'Hebreu et enrichis de notes par J. Ph. Barattier, t. I—II, Amsterdam, 1734.
13. [Ibn ad-Dawadari], Die Chronik des Ibn ad-Dawadari. Sechster Teil. Der Bericht über die Fatimiden. Hrsg. von Salah ad-Din al-Munaggiid, Kairo, 1961.
14. [Ibn al-Fakih], Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakih al-Hamadânî, — BGA, V, 1885.
15. [Ibn Haukal], Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal, Edidit M. J. de Goeje, — BGA, II, 1873.
16. [Ibn Haukal], Opus geographicum auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal al-Nasibi... ed. J. H. Kramers, fasc. 1—2, — BGA², 1938.
17. [Ibn Khordadbeh], Kitâb al-Masalik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim Obsidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh..., — BGA, VI, 1889.

18. Ibn Muyassar, Annales d'Égypte.—Les khalifes Fatimides, éd. par H. Massé.—PIFAO, 1919.
19. [Ibn al-Qalanisi], History of Damaskus 363—555 a.h. by Ibn al-Qalanisi, being a continuation of the History of Hilal al-Sabi, ed. by H. F. Amedroz, Leiden, 1908.
20. [Ibn Rosteh], Kitâb al-slak an-nafisa VII auctore Abû All Ahmad ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb el-boldân auctore Ahmed ibn abl Jakub ibn Wâdhîh al-Kâtîb al-Jakûbî.—BGA, VII, 1892.
21. [Idrisi], Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagné de notes par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.
22. [al-Jakubi] — *op. cit.* [Ibn Rosteh].
23. Kamal ad-din. Histoire d'Alep. Traduite avec des notes historiques et géographiques par E. Blochet, Paris, 1900.
24. [El-Maqrizi], Abhandlung über die in Aegypten eingewanderten arabischen Stämme, hrsg. und übers. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1847.
25. [Makrizi], Chronicle of Ahmad ibn Ali al-Makrizi, entitled Kitâb al-Suluk li-marifat duwal al-muluk, éd. by M. Ziada, vol. I, Cairo, 1934.
26. [Makrizi], Histoire d'Égypte de Makrizi, trad. par E. Blochet, Paris, 1908.
27. [Makrizi], Histoire des sultans Mamlouks de l'Égypte. Ecrite en arabe par Tâki-ed-din-Ahmed-Makrizi, trad. en franç. et accompagnée des notes philologiques, historiques, géographiques par E. Quatremère, vol. I—II, Paris, 1837—1845.
28. [Mansur], Vie de l'ustadh Jaudhar, écrite par Mansur le secrétaire à l'époque du calife al-Aziz billah.—PIEO, t. XX, 1958.
29. Miskawahi, The Experience of the Nations, ed and transl. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, London, 1921.
30. [Al-Mokaddasi], Descriptio imperii moslemici auctore Schamsa'd-din Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Bannâ al-Baschârî al-Mokaddasi.—BGA, III, 1877.
31. Частичный франц. перевод: Al-Muqaddasi, Ahsan al-Taqasim fi Marifat al-aqalim (la meilleure répartition pour la connaissance des provinces). Traduction partielle, annotée par A. Miquel, Damas, 1963.
32. Ousama Ibn Mounkidh, un émir syrien au premier siècle des Croisés (1095—1188). Deuxième partie. Texte arabe de l'autobiographie d'Ousama. Ed. H. Derenbourg, Paris, 1886.
33. Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.
34. Yahya b Saïd, Annales. Ed. et trad. J. Kratchkovsky et A. A. Vasiliev.—«Patrologia orientalis», XVIII, XXIII, Paris, 1924, 1932.
35. Berchem, Max van, Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum, t. III, pt 2, Le Caire, 1949.
36. Cahen Cl., L'administration financière de l'armée Fatimide d'après al-Makhzumi.—JESHO, 1972, XV, pt 1—2.
37. Cahen Cl., La chronique abrégée d'al-Azimi.—JA, 1938, t. 230.
38. Cahen Cl., Douanes et commerce dans les ports Méditerranéens de l'Égypte Médiévale d'après le Minhadj d'al-Makhzumi.—JESHO, 1964, VII, pt 3.
39. Cahen Cl., Histories coptes d'un cadî médiéval.—BIFAO, t. LIX, 1960.
40. Cahen Cl., Un texte inédit relatif au Tiraz égyptien.—«Arts asiatiques», Paris, 1965, t. XI, fasc. 1.
41. Cahen Cl., Un traité financier inédit d'époque Fatimide-Ayyubide.—JESHO, 1962, V, pt 2.
42. Casanova P., La Doctrine Secrète des Fatimides d'Égypte.—BIFAO, 1921, t. XVIII.
43. Golteïn S. D., A Mediterranean Society. The Jewish Communities of

- the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza, vol. I. Economic Foundations, Berkeley and Los Angeles, 1967.
44. Goitein S. D., The tribulations of an Overseer of the Sultan's Ships: A Letter from the Cairo Geniza,— «Arabic and Islamic Studies in Honor of H. A. R. Gibb», Leiden, 1966.
45. Gotthell R. J. H., A Decree in Favour of the Karaites of Cairo dated 1024. Festschrift A. Harkavy, St. Petersburg, 1908.
46. Grohmann A., Arabische Papyri in the Egyptian Library, vol. I—VI, Cairo, 1934—1962.
47. Grohmann A., Arabische Papyri aus der Sammlung Carl Wessely im Orientalischen Institute zu Prag,— AO, 1938, Bd X; 1940, Bd XI; 1941, Bd XII; 1943, Bd XIV.
48. Grohmann A., Die Arabischen Papyri aus der Giessener Universitätsbibliothek, Giessen, 1960.
49. Al-Hamdani H. F., The Letters of al-Mustansir billah,— BSOAS, 1934, VII, pt 2.
50. Hamidulla M., Nouveaux documents sur les rapports de l'Europe avec l'Orient musulman au moyen âge,— «Arabica», 1960, t. VII, fasc. 3.
51. Karabacek J. von, Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung, Wien, 1894.
52. Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Orientaux, t. III, Paris, 1884.
53. Silvestre de Sacy A. J., Chrestomathie arabe, vol. I—III, Paris, 1825—1827.
54. Stern S. M., The Epistle of the Fatimid Caliph al-Amir (al-Hidaya al-Amiriyya), Its Date and Its Purpose,— JRAS, 1950, pt 1—2.
55. Stern S. M., Fatimid Decrees. Original Documents from the Fatimid Chancery, London, 1961.
56. Vajda G., L'aventure tragique d'un cadî maghrébin en Egypte Fatimide,— «Arabica», 1968, t. XV, fasc. 1.
57. Viré F., Le traité de l'art de volerie (Kitab al-Bayzara), rédigé vers 385/996 par le Grand-Fauconnier du callie fatimide al-Aziz bi-llah,— «Arabica», 1965, t. XII, fasc. 1—3; 1966, t. XIII, fasc. 1.
58. Wiet G., Une nouvelle inscription Fatimide au Caire,— JA, 1961, t. 249.
59. أبو الحسن علي بن أبو الكرم محمد بن محمد بن عبد الكرم بن عبد الواحد الشيباني المعروف بابن الأثير الجزري الملقب بـ «الدين»، الكامل في التاريخ، ج ٩-١ القاهرة، ١٩٢٩-١٩٣٠
60. أبو العباس أحمد الفلقشي، كتاب صحح الأعمش في كتابة الإنشاء، ج ١-١٤، القاهرة، ١٣٣٧-١٣٣١/١٩١٩-١٩١٣
61. أبو العباس شمس الدين أحمد بن محمد بن أبو بكر ابن خلكان، وفيات الأعيان في أنباء أئمة آل زمان، القاهرة، ج ٦-١، ١٩٥٠-١٨٤٩.
62. أحمد بن علي بن حجر المسقلاقي، رفع الإصر عن قضاة مصر، ١، القاهرة، ١٩٥٧.
63. اسمعيل بن علي أبو القدا، المختصر في تاريخ البشر، أسطانيول، ١٢٨٦.
64. تقي الدين أحمد بن علي المقرئ، كتاب أتعاض الحنفا بأخبار الأئمة الفاطميين الخلفاء، القاهرة، ١٩٤٨.
65. تقي الدين أحمد بن علي المقرئ، كتاب الإغاثة الامة بكشف الغمة أو تاريخ المجاعات في مصر، القاهرة، ١٩٥٠.

66. تقي الدين أحمد بن علي المقرئ . كتاب المواعظ والاعتبار بذكر الخطايا والأثام . ج ٢-١ ، بولاق ، ١٨٥٢/١٢٧٠ .
67. جلال الدين السيوطي . كتاب حسن المحاضرة في أخبار مصر والقاهرة ، ج ٢-١ ، القاهرة ، ١٢٩٩ .
68. جمال الدين أبو المحاسن يوسف بن تغري بردي ، النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة ، ج ٥-٤ ، القاهرة ، ١٣٥٣ ، ١٣٥٢ .
69. جمال الدين الشيال ، مجموعة الوثائق الفاطمية ، ١ ، القاهرة ، ١٩٥٨ .
70. سبط بن الجوزي ، مرآة الزمان في تاريخ الأعيان . حيدرآباد الدكن الهند ، ج ١-٢ ، ١٩٥٢-١٩٥١ .
71. شرف الدين أبو التكارم بن أبو سعيد بن مماتي ، كتاب قوانين الدوليين ، القاهرة ، ١٨٧١ .
72. عبد الرحمن بن اسمعيل أبو شامة . كتاب الروضتين في أخبار الدولتين . جزء ١-٢ . القاهرة ١٢٨٨-١٢٨٧ .
73. عبد الرحمن بن محمد بن خلفون ، كتاب العبر ، ج ٤ ، بولاق ، ١٣١١ .
74. محمد بن أحمد بن إياس الحنفي ، كتاب تاريخ مصر المشهور ببداية الزهور في وقائع الدهور ، جزء ١ ، بولاق ، ١٨٩٣/١٣١١ .
75. ناصر الدين محمد بن عبد الرحيم بن القزعات ، تاريخ ، بصرة ، ١٩٦٧/١٣٨٦ .

Литература

76. Айру А., Феллахи Египта, пер. с араб., М., 1964.
77. Ангелов Д., О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— ВИ, 1960, № 2.
78. Ахмеджанов У. М., Институт вакфной собственности в мусульманском праве.— «Научные работы и сообщения отд. общ. наук АН УзССР», кн. 7, Ташкент, 1953.
79. Ал-Барани Р. и Улейш М. Х., Экономическое развитие Египта в Новое время, пер. с араб., М., 1954.
80. Баранов Х. К., Арабско-русский словарь, М., 1962.
81. Бартольд В. В., Халиф и султан.— Сочинения, т. VI, М., 1965.
82. Бейлис В. М., Нові відомості про словян у північній Африці в X ст.— «Український історичний журнал», Київ, 1962, № 5.
83. Беляев Е. А., Мусульманское сектанство, М., 1957.
84. Бертельс А. Е., Насир и Хасров и исмаилизм, М., 1959.
85. Васильев А. А., Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии, СПб., 1900.
86. Васильев А. А., Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии, СПб., 1902.
87. Всемирная история, т. III, М., 1957.

88. Гусейнов Р. А., Институт атабеков.— «Палестинский сборник», вып. 15 [78], М.—Л., 1966.
89. Дмитриев Г. А., Процесс закрепощения крестьян на Ближнем Востоке и крепостная зависимость в монгольский период, — «Историко-филологический журнал», Ереван, 1969, № 2.
90. Заходер В. Н., История Восточного Средневековья. Халифат и Ближний Восток, М., 1944.
91. Зельин К. К., Принципы морфологической классификации форм зависимости, — ВДИ, 1967, № 2.
92. Иванов Н. А., «Китаб ал-ибар» Ибн Халдуна как источник по истории стран Северной Африки в XIV в., — «Арабский сборник», М., 1969.
93. Иностранцев К., Торжественный выезд фатимидских халифов, — «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», т. XVII, СПб., 1906.
94. История Византии, М., 1967.
95. Каждан А. П., Социальная природа византийского самодержавия, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6.
96. Каждан А. П., Дея и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв., — «Византийский Временник», VI, 1953.
97. Кечекьян С. Ф., Деснотия, — «Историческая Энциклопедия», V, М., 1964.
98. Левченко М. В., Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., — «Византийский сборник», М.—Л., 1945.
99. Линищ Е. Э., Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма, — ВИ, 1961, № 6.
100. Мед А., Мусульманский ренессанс, пер. с нем., М., 1966.
101. Мирзаяев К. М., Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954.
102. Моммзен Т., История Рима, пер. с нем., т. V, М., 1949.
103. Мюллер А., История ислама с основания до новейших времен, пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова, т. II, СПб., 1895.
104. Надирадзе Л. И., Община на территории восточного халифата в VII—VIII вв., — «Арабские страны. История. Экономика», М., 1966.
105. Надирадзе Л. И., Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв., — «Арабские страны. История. Экономика», М., 1970.
106. Нечкина М. В., К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма, — ВИ, 1963, № 12.
107. Павловская А. И., По поводу дискуссии об азиатском способе производства, — ВДИ, 1965, № 3.
108. Пашуто В. Т., Внешняя политика Древней Руси, М., 1968.
109. Певзнер С. Б., К вопросу о технике производства тканей в Египте XII—XV вв., — «Исследования по истории культуры народов Востока», сб. в честь акад. И. А. Орбели, Л., 1960.
110. Певзнер С. Б., Ткани как источник для истории средневекового ремесла Египта, — «Палестинский сборник», вып. 9, М.—Л., 1962.
111. Певзнер С. Б., Фатимидский тираж из собрания Государственного Эрмитажа, — «Эпиграфика Востока», XIII, М., 1960.
112. Петрушевский И. П., Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960.
113. Петрушевский И. П., Ислам в Иране в VII—XV вв., Л., 1966.
114. Петрушевский И. П., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в., Л., 1949.
115. Проблемы падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии), — ВДИ, 1956, № 1.
116. Пуршия А., Из истории египетской армянской колонии X—XI веков, — «Востоковедческий сборник», II, Ереван, 1964.
117. Разработка основных проблем социально-экономической истории Ви-

- звятии в советском византиноведении за последние годы (к итогам дискуссии),— ВИ, 1961, № 8.
118. Рафалович А., Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты, СПб., 1850.
119. Семенова Л. А., Еще одна версия трактата Аху Мухсина,— «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования», М., 1974.
120. Семенова Л. А., О рабстве в фатимидском Египте,— «Арабские страны. История. Экономика», М., 1970.
121. Семенова Л. А., Салах ад-дин и Мамлюки в Египте, М., 1966.
122. Семенова Л. А., Средневековый арабский Восток в «Journal of the Economic and Social History of the Orient»,— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
123. Справочник мер, М., 1960.
124. Стоклицкая-Терешкович В. В., Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков, М., 1960.
125. Стоклицкая-Терешкович В. В., Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси,— сб. «Средние века», III, М., 1951.
126. Строева Л. В., Выступления исмаилитов в Сирии на грани XI—XII вв. (1090—1113 гг.),— «Краткие сообщения Института народов Азии», 85, М., 1965.
127. Строева Л. В., «День Воскресения из мертвых» и его социальная сущность,— «Краткие сообщения Института востоковедения», XXXVIII, М., 1960.
128. Струве В. В., Общины Египта и Шумера и общины Индии,— «Вестник ЛГУ», Л., 1963, № 20.
129. Таубеншлаг Р., Сельские общины в романзованных провинциях Востока времени Диоклетяна,— «Византийский Временник», 1958, т. 13.
130. Торнау Н., Изложение начал мусульманского законодательства, СПб., 1850.
131. Тюменев А. И., Передний Восток и античность,— ВИ, 1957, № 6, 9.
132. Фан ден Берг, Основные начала мусульманского права согласно учению имама Абу-Ханифы и Шафи, пер. В. Гиргаса, СПб., 1882.
133. Фихман И. Ф., Египет на рубеже двух эпох, М., 1965.
134. Фихман И. Ф., Ремесло и крупное иенке в византийском Египте (по данным греческих папирусов),— «Палестинский сборник», М.—Л., 1962, вып. 7 (70).
135. Хвостов М. М., Общественные работы в эллинистическом Египте (к вопросу о генезисе античного капитализма), Харьков, 1914.
136. Хвостов М. М., Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, пер. с нем., М., 1970.
137. Чураков М. В., Борьба хариджитов Сиджилмасы,— «Арабские страны. История. Экономика», М., 1966.
138. Чураков М., Хариджитское движение и восстание шиитов в Магрибе,— «Палестинский сборник», М.—Л., 1965, вып. 13 (76).
139. Шарль Р., Мусульманское право, пер. с франц., М., 1959.
140. Штаерман Е. М., О классовой структуре римского общества,— ВДИ, 1969, № 4.
141. Шумовский Т. А., Арабы и море, М., 1964.
142. Якубовский А. Ю., Об польных арендах в Ираке в VIII в.,— «Советское востоковедение», IV, М.—Л., 1947.
143. Якубовский А. Ю., Против расовой теории в востоковедении,— «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1933, № 3—4.
144. Якубовский А. Ю., Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой,— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Турменской ССР», ч. I, Л., 1932.
145. Azhior E., Histoire des prix et des salaires dans l'Orient Médiéval, Paris, 1969.

146. Ashtor E., *The Karimi Merchants*, — *JRAS*, 1956, pt 1—2.
147. Ashtor E., *Les métaux précieux et la balance des paiements du Proche-Orient à la basse-époque*. Paris, 1971.
148. Ashtor E., *L'urbanisme syrien à la basse-époque*.— *RSO*, 1958, vol. 33.
149. Ashior-Strauss E., *L'administration urbaine en Syrie médiévale*.— *RSO*, 1956, vol. 31.
150. Ashtor E., Cahen Cl., *Débat sur l'évolution économique-sociale de l'Égypte à la fin du Moyen Âge à propos d'un livre récent*.— *JESHO*, 1959, XII, pt 1.
151. Ayalon D., *L'esclavage du Mamelouk*. Jerusalem, 1951.
152. Ayalon D., *Studies in al-Jabarti—I. Notes on the Transformation of Mamluk Society in Egypt under the Ottomans*.— *JESHO*, 1960, IV, pt 2—3.
153. Baer G., *The Dissolution of the Egyptian village Community*.— *«Die Welt des Islams»*, Leiden, 1959, vol. V—VI, № 1—2.
154. Baer G., *Egyptian guilds in Modern Times*. Jerusalem, 1964.
155. Baer G., *Guilds in Middle Eastern History*.— *«Studies in the Economic History of the Middle East»*, London, 1970.
156. Bahgat Aly Bey, *Les manufactures d'étoffe en Égypte au moyen âge*. Le Caire, 1904.
157. Balog P., *The Ayyubid Glass Jetons and their Use*.— *JESHO*, 1966, IX, pt 3.
158. Becker C., *Agypten*.— *EI*, II.
159. Becker C., *Beiträge zur Geschichte Agyptens unter dem Islam*. Strassburg, 1902—1903, H. 1—2.
160. Becker C. H., *Ibn Killis*.— *EI*, II.
161. Becker C. H., *Islamstudien*. Leipzig, 1924, Bd I.
162. Bell H. J., *The Byzantine Servile State in Egypt*.— *«Journal of Egyptian Archaeology»*, London, 1917, vol. 4.
163. Bell H. J., *An Epoch in the Agrarian History of Egypt*.— *«Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean François Champollion»*.— *«Bibliothèque de l'école des hautes études, sciences historiques et philologiques»*, Paris, 1922.
164. Bishai W. B., *The transition from coptic to arabic*.— *MW*, vol. 53, № 2.
165. Björkman W., *Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Agypten*. Hamburg, 1928.
166. Brinner W. M., *The Significance of the Harafish and their «Sultans»*.— *JESHO*, 1963, VI, pt 2.
167. Brockelmann C., *Ibn Hallikan*.— *EI*, II.
168. Brunshvig R., *Fiqh fatimide et histoire de l'Ifriqiya*.— *«Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'occident musulman. Hommage à Georges Marçais»*, t. II, Alger, 1957.
169. Butcher E. L., *The Story of the Church of Egypt*, vol. I—II, London, 1897.
170. Cahen Cl., *Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane au moyen âge*.— *«Arabica»*, 1968, V; 1969, VI.
171. Cahen Cl., *Note d'historiographie syrienne. La première partie de l'histoire d'Ibn al-Qalanisi*.— *«Arabic and Islamic Studies in Honor of H. A. R. Gibb»*, Leiden, 1965.
172. Cahen Cl., *Notes pour une histoire de l'agriculture dans les pays musulmans médiévaux*.— *JESHO*, 1971, XIV, pt 1.
173. Cahen Cl., *Notes pour l'histoire de la Himaya*.— *«Mélanges Louis Massignon»*, I, Damas, 1966.
174. Cahen Cl., *A propos des Shuhad*.— *SI*, 1970, t. 31.
175. Cahen Cl., *Quelques chroniques anciennes relatives aux derniers Fatimides*.— *BIFAO*, 1937—1938, fasc. 1—2.
176. Cahen Cl., *Quelques questions sur les Radanites*.— *IsI*, 1972, Bd 48, H. 2.

177. Canard M., Le cérémonial fatimite et le cérémonial byzantin. Essai de comparaison. — «Byzantion», Bruxelles, 1951, t. 21, № 2.
178. Canard M., Fatimiden. — EI², II.
179. Canard M., L'impérialisme des Fatimides et leur propagande. — AIEO Alger, VI, Années 1942—1947.
180. Canard M., Note sur les arméniens en Egypte à l'époque fatimide. — AIEO Alger, XIII, Année 1955.
181. Canard M., Un vizir chrétien à l'époque fatimide: l'arménien Bahram. — AIEO Alger, XII, Année 1954.
182. Canard M., Une famille de partisans, puis d'adversaires des Fatimides en Afrique du Nord. — «Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'occident musulman. Hommage à Georges Marçais», t. II, Alger, 1957.
183. Casanova P., Les derniers Fatimides. — «Mémoires de la Mission archéologique française au Caire», Paris, 1893, t. VI.
184. Chauleur S., Histoire des Coptes d'Egypte. Paris, 1960.
185. Cohen H. J., The economic background and the secular occupations of Muslim jurists and traditionists in the classical period of Islam (until the middle of the eleventh century). — JESHO, 1970, XIII, pt 1.
186. Courtois C., Remarques sur le commerce maritime en Afrique au XIe siècle. — «Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'occident musulman. Hommage à Georges Marçais», t. III, Alger, 1957.
187. Dachraoui F., Le commencement de la prédication Ismailienne en Ifriqiya. — SI, 1964, XX.
188. Dachraoui F., Contribution à l'histoire des Fatimides en Ifriqiya. — «Arabica», 1961, VIII, fasc. 2.
189. Dodge B., Aspects of the Fatimid philosophy. — MW, 1960, vol. 50, № 3.
190. Dodge B., The Fatimid hierarchy and exegesis. — MW, vol. 50, № 2.
191. Dodge B., The Fatimid legal code. — MW, 1960, vol. 50, № 1.
192. Dodge B., Al-Isma'iliyyah and the Origin of the Fatimids. — MW, 1959, vol. 49, № 4.
193. Dozy R., Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes. Amsterdam, 1845.
194. Dozy R., Supplément aux Dictionnaires Arabes. Leide — Paris, 1927, vol. 1—2.
195. Ehrenkreutz A. S., Arabic dinars struck by the Crusades. — JESHO, 1964, VII, pt 2.
196. Ehrenkreutz A. S., Byzantine tetartera and Islamic dinars. — JESHO, 1964, VII, pt 2.
197. Ehrenkreutz A. S., Contributions to the knowledge of the fiscal administration of Egypt in the middle Ages. — BSOAS, 1964, vol. XVI, pt 3.
198. Ehrenkreutz A. S., The place of Saladin in the Naval History of the Mediterranean Sea in the Middle Ages. — JAOS, 1955, vol. 75, pt 1—2.
199. Ehrenkreutz A. S., Studies in the Monetary History of the Near East in the Middle Ages. — JESHO, 1959, II, pt 2; 1963, VI, pt 3.
200. Fahd T., Retour à Ibn Wahsiyya. — «Arabica», 1969, XVI, fasc. 1.
201. Fahmy A. M., Muslim Naval Organisation in the Eastern Mediterranean from the Seventh to the tenth Century A. D., Cairo, 1966.
202. Fischel W. J., Ibn Khaldun's Use of Historical Sources. — SI, 1961, XIV.
203. Fischel W. J., Jews in the Economic and Political Life of Mediaeval Islam. London, 1937.
204. Fück J., Die Arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts. Leipzig, 1955.
205. Fyzee A. A., Qadi an-Numan, the Fatimid Jurist and Author. — JRAS, 1934.

206. Fyzee A. A., *The Study of the Literature of the Fatimid Dawā*.—*Arabic and Islamic Studies in Honor of H. A. R. Gibb*, Leiden, 1965.
207. Gibb H. A. R., *Al-Mu'izz li-din Allah*.—EI, III.
208. Gibb H. A. R., Kraus P., *Al-Mustansir bi-l-lah*.—EI, III.
209. De Goeje M. J., *La fin de l'empire des carmatites du Bahraïn*.—JA, 1895, I.
210. De Goeje M. J., *Mémoire sur les Carmathites du Bahraïn et les Fatimides*, Leyde, 1862.
211. Goitein S. D., *Bankers Accounts from the 11 Century A. D.*.—JESHO, 1966, IX, pt 1—2.
212. Goitein S. D., *Evidence on the Muslim Poll-tax from non-Muslim Sources. A Geniza Study*.—JESHO, 1963, VI, pt 3.
213. Goitein S. D., *The Exchange Rate of Gold and Silver Money in Fatimid and Ayyubid times (a preliminary Study of the relevant Geniza Materials)*.—JESHO, 1965, VIII, pt 1.
214. Goitein S. D., *Mediterranean trade in the Eleventh Century: some facts and problems*.—*Studies in the Economic History of the Middle East*, London, 1970.
215. Goitein S. D., *New light on the beginnings of the Karim merchants*.—JESHO, 1958, I, pt 2.
216. Goitein S. D., *Studies in Islamic History and Institutions*, Leiden, 1966.
217. Gotheil R., *A distinguished family of fatimide Cadis (al-Numan) in the tenth century*.—JAOS, 1906, XXVII.
218. Gotheil R. J. H., *Al-Hasan b. Ibrahim b. Sulak*.—JAOS, 1907, H. 2.
219. Guest A. R., *A List of Writers, Books and other Authorities mentioned by El-Maqrizi in his Khifat*.—JRAS, 1902.
220. Hamdani A., *The Fatimid-Abbasid Conflict in India*.—IC, 1967, vol. 41, № 3.
221. Al-Hamdani H. F., *The History of the Ismaili Dawat and its Literature during the last phase of the Fatimid Empire*.—JRAS, 1932, January.
222. Hardy E., *The large estates of byzantine Egypt*, New York, 1931.
223. Hess R. L., *The Itinerary of Benjamin of Tudela: a twelfth-century Jewish description of north-east Africa*.—*Journal of African History*, Cambridge (USA), 1965, vol. VI, № 1.
224. Heyd W., *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, vol. I—II, Leipzig, 1923.
225. Hodgson M. G. S., *Al-Darazi and Hamza in the Origin of the druze religion*.—JAOS, 1962, vol. 82, № 1.
226. Hrbek J., *Die Slawen im Dienste der Fatimiden*.—AO, 1953, XXI, № 4.
227. Idris H. R., *Commerce maritime et kirad en Berberie orientale*.—JESHO, 1961, IV, pt 3.
228. Imamuddin S. M., *Commercial relations of Spain with Ifriqiyah and Egypt in the tenth Century A. C.*.—IC, 1964, vol. 38, № 1.
229. Ivanow W., *Brief Survey of the Evolution of Ismailism*, Leiden, 1952.
230. Ivanow W., *Ismailis and Qarmatians*.—JBBRAS, 1940, vol. 16, [New Series].
231. Ivanow W., *Ismailiya*.—EI, Ergänzungsband, Leiden — Leipzig, 1938.
232. Ivanow W., *The Organisation of the Fatimid Propaganda*.—JBBRAS, 1939, vol. 15, [New Series].
233. Ivanow W., *The Rise of the Fatimids. Ismaili Traditions Concerning the Rise of the Fatimids*, Oxford, 1942.
234. Jacobi J., *Die Radaniya*.—Isl, 1971, Bd 47.
235. Kahle P., *Die Schätze der Fatimiden*.—*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Leipzig, 1935, Bd 89.
236. Labib S., *Egyptian Commercial Policy in the Middle Ages*.—

- «Studies in the Economic History of the Middle East», London, 1970.
237. Labib S., Geld und Kredit. Studien zur Wirtschaftsgeschichte Aegypten im Mittelalter.—JESHO, 1959, II, pt 3.
238. Lane E. W., Arabic—English Lexicon, Book I, London, 1863—1893.
239. Lane-Poole S., A History of Egypt in the Middle Ages, London, 1936.
240. Lapidus I. M., Muslim cities in the later Middle Ages, Cambridge (USA), 1967.
241. Lewis B., Die Chronik des Ibn ad-Dawadari, Sechster Teil. Der Bericht über die Fatimiden. Kairo, 1961 (Rec.).—BSOAS, 1963, vol. XXVI, pt 2.
242. Lewis B., Egypt and Syria.—«The Cambridge history of Islam», vol. I, Cambridge, 1970.
243. Lewis B., The Fatimids and the Route to India.—«Revue de la Faculté des Sciences économiques de l'Université d'Istanbul», 1950—1951, IIe année.
244. Lewis B., Ismaili Notes II.—BSOAS, 1948, vol. XII.
245. Lewis B., The Ismailites and the Assassins.—«A History of the Crusades», vol. I, Philadelphia, 1955.
246. Lewis B., The origins of Ismailism. A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate, Cambridge, 1940.
247. Lökkegaard F., Islamic taxation in the Classic Period, Copenhagen, 1960.
248. Madelung W., Fatimiden und Bahrainkarmaten.—Isl., 1959, Bd XXXIV.
249. Madelung W., Das Imamut in der frühen ismailitischen Lehre.—Isl., 1961, Bd XXXVII.
250. Mamour P. H., Polemics on the Origin of the Fatimid Caliphs, London, 1934.
251. Mann J., The Jews in Egypt and in Palestine under the Fatimid Caliphs, Oxford, 1920, vol. I.
252. Marzouk M. A., History of Textile Industry in Alexandria 331 b.c.—1517 a. d., Alexandria, 1955.
253. Maspero J. et Wiet G., Matériaux pour servir à la géographie de l'Égypte. Première série.—«Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire», Le Caire, 1914, t. 36.
254. Massé H., Le poème d'Ibn Hâni al-Andalusi sur la conquête de l'Égypte.—«Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'occident musulman. Hommage à Georges Marcais» t. II, Alger, 1957.
255. Massignon L., Fatima bint al-Husain et l'origine du nom dynastique «Fatimides».—Akten des XXIV internationalen Orientalisten-Kongresses (München, 1957), Wiesbaden, 1959.
256. Massignon L., Karmaten.—EI, III.
257. Mazuel J., Le sucre en Égypte. Étude de géographie historique et économique, Le Caire, 1937.
258. Meinardus O., The Nestorians in Egypt.—«Oriens christianus», Wiesbaden, 1967.
259. Mommsen Th., Römische Geschichte, Bd V, Berlin, 1921.
260. O'Leary de Lacy D. D., A Short History of the Fatimid Khalifate, London, 1923.
261. Pollak A. N., L'arabisation de l'Orient sémitique.—«Revue des études islamiques», Paris, 1938, t. 12, pt 1.
262. Pollak A. N., Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon, 1250—1900, London, 1939.
263. Popper W., Egypt and Syria under Circassian sultans.—«University of California publication in semitic philology», vol. 15, Berkeley—Los Angeles, 1955.
264. Quatremère E., Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur contrées voisines, t. I—II, Paris, 1811.

265. Quatremère E., Mémoires historiques sur la dynastie des khalifes Fatimites.—JA, 1836, t. 29.
266. Quatremère E., Vie du khalife Fatimite Moëzz-li-din Allah.—JA, 1836, t. 29; 1837, t. 30.
267. Scanlon G. F., Leadership in the Qarmatian sect.—BIFAO, 1960, t. 59.
268. Scanlon G. F., Egypt and China: trade and imitation.—«Islam and the trade of Asia» (Papers on Islamic History, II), Oxford, 1970.
269. Serjeant R. B., Material for a History of Islamic Textiles up to the Mongol Conquest.—«Ars Islamica», Ann Arbor, 1942—1960, vol. IX—XVI.
270. El-Shayyal G., The Fatimid Documents as a Source for the History of the Fatimids and their Institutions.—«Bulletin of the Faculty of Arts of the University of Alexandria», Alexandria, 1954, vol. 8.
271. Shinnie M. and P. L., New light on mediaeval Nubia.—«Journal of African History», London, 1965, vol. VI, № 3.
272. Stern S. M., The Early Ismaili Missionaries in North—West Persia and in Khurasan and Transoxania.—BSOAS, 1960, vol. XXIII, pt 1.
273. Stern S. M., An Embassy of the Byzantine Emperor to the Fatimid Caliph al-Muizz.—«Byzantion», Paris—Bruxelles, 1950, XX.
274. Stern S. M., Heterodox Ismailism at the time of al-Muizz.—BSOAS, 1955, vol. XVII.
275. Stern S. M., Ismaili Propaganda and Fatimid Rule in Sind.—IC, 1949, XXIII.
276. Stern S. M., Ismailis and Qarmatians.—«L'élaboration de l'Islam. Colloque de Strasbourg, 1959», Paris, 1961.
277. Stern S. M., Ramisht of Siraf, a merchant millionaire of the twelfth century.—JRAS, 1967, pt 1—2.
278. Stern S. M., The Succession to the Fatimid Imam al-Amir, the Claims of the later Fatimids to the Imamate and the Rise of Tayybi ismailism.—«Oriens», Leiden, 1951, vol. 4, № 2.
279. Strothmann R., Recht der Ismailiten.—Isl., 1954, t. 31, H. 2—3.
280. Talbi M., Les courtiers en vêtements en liriqiya au IX—X siècle d'après les Masail al-Samasira d'al Ibyani.—JESHO, 1962, V, pt 2.
281. Tritton A. S., Theology and Philosophy of the Ismailis.—JRAS, 1958, pt 3.
282. Udovitch A. L., At the Origins of the Western Commenda: Islam, Israel, Byzantium? —«Speculum», Cambridge (USA), vol. 37, № 2.
283. Vatikiotis P. J., Al-Hakim bi-Amrillah: the God-King idea realized.—IC, 1955, vol. 29, № 1.
284. Vatikiotis P. J., A Reconstruction of the Fatimid Theory of the State. The Apocalyptic Nature of the Fatimid State.—IC, 1954, vol. 28, № 3.
285. Vatikiotis P. J., The Rise extremist Sects and the Dissolution of Fatimid Empire in Egypt.—IC, 1957, vol. 31, № 1.
286. Vatikiotis P. J., The syncretic Origins of the Fatimid Dawa.—IC, 1954, vol. 28, № 4.
287. Weil G., Geschichte der Chalifen, Bd II—III, Mannheim, 1848, 1851.
288. Wiet G., Compte rendu de Massé, Annales d'Egypte d'Ibn Muyassar.—JA, 1921, t. 18.
289. Wiet G., L'Egypte arabe de la conquête arabe à la conquête ottomane, 642—1517 de l'ère chrétienne.—«Histoire de la nation égyptienne», Paris, 1937, t. IV.
290. Wüstenfeld F., Geschichte der Fatimiden — Chalifen nach arabischen Quellen, Göttingen, 1881.
291. راشد البراوي ، حالة مصر الاقتصادية في عهد الفاطميين ، القاهرة ، ١٩٤٨ .
292. حسن ابراهيم حسن . تاريخ الدولة الفاطمية في المغرب و مصر و سورية و بلاد العرب ، القاهرة ، ١٩٥٨ .
293. عطية مصطفى مشرفة ، الحكم بمصر في عصر الفاطميين ، القاهرة ، ١٩٥٠ .

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- абайб ал-гуззат 204, 205
 авасй (васийа) 34
 адаб 68, 116
 аджйр 54
 азийайа 176
 ақср 36
 ал-ақйқа 232
 ал-ақл ал-аввал 172
 алавиты 163, 175, 186
 амаа 72
 амйн ал-дзула 137
 амйр ал-кабйр 205
 амйрийа 96, 188, 199
 антропоморфизм 172
 араш 57
 арбаб ал-ақийм 189
 арбаб ал-амй'им 189
 арбаб ал-аруақ 189, 198
 арбаб ал-мжйррийят 202
 арбаб ал-казаб 198, 199
 арбаб ал-касаб на-л-амййрийят
 ('амййрат) 189, 228
 арбаб ар-раваитиб 202
 арбаб ас-суауф 188
 араф ('урафа') 72, 77, 203
 асабийа 13
 асадийа 186
 асасийи см. низариты
 атабек 31
 'атаби 233, 234
 ал-афхалийа 199
 ахбас (хабүс) 38, 82, 197, 218
 ахл ал-байт 190, 191
 ахл аз-зимма 78
 'ашйрийа 179, 204, 222
 'ашйрийа ал-дрийийс 204
 'ашура' 230, 231
- бадана 222, 223
 ба'ия 215, 216
 бек 209—211, 213
 бйр 210
 бера'иб 210
 берсийа 122, 142
 берш 202, 213
 батий 168, 171
 бурхаламуйн 62, 63, 71, 72
- ал-вазйрайа 122, 127, 199
 вайба 211—213, 215
 вакйл ат-туджжар 92
 вакф 37—39, 41, 55, 116, 192, 209,
 см. также ахбас
 вали 112
 варақ 95, 233, 234
 васита 106, 111, 191
 везир 7, 29, 31, 55, 68, 73, 111—117,
 124, 127, 138—142, 144, 146,
 179—183, 189, 202, 205, 207, 220,
 227, 230
 везират 79, 80, 82, 117, 136, 142,
 144, 145, 185, 190, 194, 220
- гези 110
 гулям, гулямы 178, 220, 224
 дабийй 62, 221, 233
 да'ват 10, 106, 136, 172
 давр 172
 да'й 88, 103, 106, 109, 113, 158,
 160, 161, 180
 да'н ал-ду'ат 106, 115, 189, 190,
 230
- далала 93
 дамйн 41
 дйр ал-'адл 114
 дйр ал-ақийма 92
 дйр ад-дййфа 217
 дйр ад-дйб'идж 72
 дйр ал-'илм см. дйр ал-ушма
 дйр ал-нисва 65, 72
 дйр ал-манад 99
 дйр ал-матджар 94
 дйр ал-мульх 94
 дйр ас-сарф 99
 дйр ат-тираз 71; см. также тираз
 дйр ал-фитр 70
 дйр ал-хикма 68, 79, 109, 115, 190,
 192
- двундесятники см. амалиты
 джавали см. джизна
 джазй'ир 192
 джазбай 194
 джмайа 16, 33, 45, 78, 98, 218, 219,
 222
 джихад 166
 джубба 63, 163

джуйушайа, джуйушаты 123, 127,
145, 176, 181, 199
дййфа 60
дйвэй 'амай'р 204; — 'амал 111;
— акбас 107, 111, 116, 196; — бар-
рил 194—195; — джихад 204;
— закята 60; — ишша' (на-л-му-
кляба) III, 194; — куря' III;
— маджлис III, 196, 203; — мат-
джар 94; — мустағналат III;
— муфрад III; — назар III, 203;
— раязтиб III, 202; — раса'ля
(см. — ишша'), — сугур III;
— таукик III, 196, 203; — тиряэ
III, 112; — харйдак III, 193;
— хащ ('азыйна) III, 193, 194;
— Шай 176—177
днййса 204
дйна', дйна' 36, 37, 40
друзы 130, 154, 192
закят 46, 49, 59, 66, 166
зайхр 168, 171
зимэм ал-ашраф ал-ахариб 202,
228, 229
зимэм ал-касер 202
зимини см. аал аз-зимини
зыра' 216
зороастризм, зороастрийцы 174,
175
зук'ур II
ибадитизм II
'ибра 46
икта' 33, 35, 39—41, 44—47, 51,
54, 55, 58, 60, 116, 136, 143, 186,
195, 196, 211, 225
имэм, имамы 9, 11—14, 20, 21, 35,
103, 106, 112, 126, 129, 130,
133—136, 148, 151, 154—156, 159,
160, 162, 163, 167, 171—174, 180,
192, 201, 202
имэмат 9, 20, 21, 126, 129, 132,
133, 135, 171, 172, 179, 180
имэмиты 9, 10, 18, 108, 116, 134—
135, 141
ирдэбб 143, 211—213, 217, 218
иска 91
ислам см. мусульманство
исмаилизм, исмаилиты 5, 9—11,
13, 14, 20, 23, 28, 30, 108, 109,
116, 128—133, 135—137, 145,
151, 162, 171, 172, 190, 209
исфахсайр, исфахсайрифа 185,
187, 188, 191, 207, 228
иуданизм, иудей II, 30, 64, 75—78,
80, 90, 93, 99, 114, 115, 117, 129,
130, 146, 147, 154; см. также раб-
баниты, каранты, самаритяне
илшйдайа 19

кабала 41
кабла 187
кадах 213, 214, 216
кадй ал-кудэс 110, 113—116, 189,
230
казагондэн 176, 177
казайл 64
ка'им 20, 135, 148
кайсарифа 69
каранты 110
каремнты 90, 206
каримй, каримты 4, 13, 19—26,
160, 168, 172, 173
карийм 55
касэб 62, 63, 65, 71, 79
кашаба 215, 216
каша' 33
кашиб ал-даст иш-шариф 195, 203,
204
кафуррифа 19
кюч'ур 75, 214; — джарой 213, 214,
216
кэрэз 91
кисй 163, 164
кисса 206, 208
колонат, колоны 32, 42, 57
комленда 91
куввад 206
курэ 112
курруба 227, 229
курси 195
ал-куттабийа 199

леч. лены 39, 45

маги см. зороастрийцы
маджлис ал-хикма 190
мазаким 172
мазхаб, мазхабы 116, 124, 131,
134, 159, 166, 174
маймушйа 159
маллукан, маллукиты 108, 116, 131
мартаба 195, 196, 227
махдй, мессия II, 14, 20, 21, 24
см. также калм, Мунтазар
маш'алифа 39
машраб см. шарб
медаан 69
меж (ман) 66, 71
месэли 38
ми 'адж'ур 231
мишбар 68
мишкиль, одежда 163, 164; мера
веса 187, 188, 211
мисид 189, 191, 195, 196, 201
мисфах 231, 232
михал 195
мишраб 68
му'аллим 81

муваққи* би-л-қалам ад-даррў
203, 204, 207, 208
муваққи* би-л-қалам ал-джалил
203, 204, 208
мудараба 91
мудд 211, 215
муқбала 91
ал-муайра*а 54, 55, 82
муайрифа 55, 56
муқаддам 205
муқта* 40, 50, 201, 211
муқўс 46, 59, 84, 111
мульк 33, 35—37, 39, 41, 54, 55,
58
мусаббағат 221, 222
мусартаха 205, 206
мустваҳар 210
мустваҳити 132, 134
Муслиманство, мусулмане II, 13,
19, 30, 33, 34, 42, 51, 52, 56, 78,
86, 93, 99, 109, 112, 129, 143,
146—148, 153, 154, 165, 166, 171,
172, 177, 181, 183, 201, 218
мутавалли 223
му*таваҳити 159, 160
муҳтасиб 77, 81, 97, 102, 114—115
мушада см. сазиб ал-ма'ида
мушарриф 72, 223
му'аззин, му'аззини 107, 106, 221

ан-наджвэ 190
назир 72, 223
назиб 206; —ат-ўлибийн 106, 116,
192, 193, 228
наид см. вақил ат-тулджар,
ра'ис ал-бахўд
насэ 126
наўик 172
несия 110
несторпане 110
низарити 132—136, 154, 179, 209
нишф рақис 81
номисма 100
ноурўз 47, 231
нушаб 207
нушкарим 14
нуқра 96
нурайа 185
нувайрити см. ашвитти

патрнарх 129
первасем 110

раббанити 110
райдити 64
ра'ис ал-бахўд 110
ра'ис ал-устўла 205
ра'ина 103

райханша, райханити 145, 176,
181
рақис 81
рафидити 140
раба* 197, 198
рақа* 207

саби 81
савак 48
сиқлаўун 62, 63, 231, 232
сақмаҳиба 210
саллах 210
самаритяне 110
самит 172
сарёр ал-мульк 227, 229
сатр 10, 11, 126
сафара 111
сайхиб ал-баш 177, 191, 207, 228,
230
сайхиб байт ал-маа 202, 229
сайхиб ал-барид 194
сазиб ад-дафтар 202, 203, 229
сайхиб ал-маджлис 202, 227, 229
сазиб ал-ма'ида 203, 230
сайхиб ар-риқиб 204
сазиб ар-риёила 227, 229
сайхиб ас-ситр 196
сайхиб ат-тирва 65, 72
сибийн ар-риқиб 203
сибийн ал-хўсс 125, 199
сибийн ал-хулжар 199
сиджил 207
сийсар 93
сувайдж 231
сух ас-сарф 99
султан, султани 5, 28, 72, 74, 87,
88, 95, 107, 115, 121, 176, 211
суннизм, сунити 5, 9—11, 28, 29,
40, 106, 109, 112, 116, 128, 135,
140, 141, 148, 152, 162, 171, 230,
232
суфизм 132, 148
ату-тавашшайат 198, 199
ўғил 171
ўлдж 191, 229
ўлибети 134, 135, 173, 192
ўйласан 63, 187
ўлибиди 192, 195, 228
ўлах 75
ғарраза 189, 191, 201, 202
тетартерон 96
тирва 71—73, 83, 125
тубба* 170, 172
*удул см. шухўд
улеми ('улма') 107, 108, 153,
154, 173, 174, 196
устўз 121, 195, 198, 199
устўзўна ал-мухаммакўна 195,
198—199, 202, 204, 218, 227—229
*ушр 33, 46, 93

фараон, фараоны 34
файжи 154, 175, 209
фарраш 107
фархия 145
фвтиния 10
федлян 38, 50—52, 58, 60, 211—215
фихх 68, 108, 192
фулус 177
фундук 92
футэ 63

ал-хаввас 198
халдж 19, 23, 129, 165, 166, 198
халжиб (худжжэб) 191, 195, 196,
207, 230
халйсы 68, 148, 154, 157, 232
хафйж 171, 172
хақан 122
халаидж 176, 177
халқа 103
хамбала 205, 206
хамил ар-рисала 202
хән 79
ханафия 10
ханифизм, ханифиты 108, 150
харидж 33, 34, 41, 48—53, 57—61,
72, 75, 82, 98, 142, 201, 218
хариджизм, хариджиты 11, 12, 14,
151; см. также нбадизм, нукаризм
хәсс 35, 41, 217
ал-хәссакия 199
хаттабия 10
хәфизия, хәфизиты 135, 188, 199
хәфир 191
хидмат ал-бәб 188, 191

хижайя 198
хисба 218, 219
хосровия 64, 117
христианство, христиане 11, 56,
67, 93, 95, 99, 109, 112, 115,
128—130, 141, 146, 147, 181
ал-хулдәм 198, 199
хутба 19, 126, 135, 138, 140, 148,
165, 167
зушуд 151

шадд ат-гадж аш-шариф 229
шаладийя 206
шарайя 50, 210, 211
шарб 62, 221, 233, 234
шарй'ат 93, 113, 166, 171, 189
шарйф, шарйфы 106, 138, 154, 156,
173, 193, 228
шатавансия 210
шатавия 73
шафизм, шафиты 116, 141
шәхид 72, 223
шинизм, шиниты 9, 10, 12, 13, 18,
108, 109, 116, 118, 129, 131, 135,
141, 154, 159, 162, 171, 180, 191,
232; см. также алавиты, алиды,
ассаситы, друзы, имаиниты, ис-
маилиты, рафидиты, талибиты
шяния 205, 206
шуббак 229
шурга 113, 218
шуфа'а 125
шухул 114, 189, 191, 228, 230;
ал-му'аддалуна 191, 196, 228
эмфитеранс 42

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абисиния 112
Абиссиния см. Эфиопия
'ад 170, 172
Аден 87
Адху 112
Азия
Западная 53
Малая 68
Средняя 30, 85, 109
Центральная 96
Юго-восточная 84, 87, 89
'Айлаб 87, 99, 206
ал-'Айха 170, 172
Айла 100
'Айн-Шамс 23, 24, 70
'Акка 30, 31, 67, 99, 100, 123, 133,
140, 189, 205
'Аламут 132

Александрия 17, 18, 23, 29, 32, 39,
62, 66, 69—71, 75, 80, 82, 88, 92,
94, 97, 99, 101, 102, 110, 112,
118, 132, 139, 140, 143, 147—150,
161, 167, 184, 189, 205, 217, 218,
228, 231, 234
'Аллакв, долина 100
Амальфи 85, 146
Америка 8
Англия 81, 84, 86
Антиохия 26, 27, 30
Анамея 138
Апеннинский п-ов 118
арабы 33, 34, 42, 119—121, 138,
140, 141, 147, 149, 220; см. так-
же белуны
Аравийский п-ов 20, 105
Аравия 25, 33, 91, 172

Армения 19, 63, 112, 122, 181
армяне 110, 122, 123, 127, 140, 178
Асфут 63, 93, 112, 197
'Аскалон 26, 31, 40, 58, 125, 133,
137, 142, 189, 200, 205, 218
ал-'Аскар 62
'Аскар Мукрам 159, 160, 162
Асуан 83, 87, 99, 140
Атлантический океан 15
Атлас, горы 11
Атфих 112
Аурангабад 109
Аурас 15
Африка
Северная 11, 12, 14, 15, 70, 119;
см. также Магриб
Центральная 66
'Ашмунайи 38, 66, 74, 96, 112, 141,
143
Ахмэд 109, 159
ал-Ахсэ 25

Ба 'албен 139, 162
Багдад 17—20, 22, 27, 29, 31, 35,
42, 83, 84, 89, 110, 131, 171, 173—
175, 178, 195, 235
Байсан 191
байи, племя 118
Балканский п-ов 118, 120
Балх 30
бану 'абд-ат-таквай 190
бану аглаб см. Аглабиды
бану адра' 158
бану бажилл 160
бану калб (калбиты) 118, 146, 150,
226
бану курра 39, 118, 139, 148—150,
226
бану мидрар 15, 161, 162
бану мутавал 158
бану само 11
бану сахл 220
бану сибиб 150
бану сулайм 22, 29, 118, 151
бану суфра 11, 30
бану табатабаи Ибраһим 158
бану тай 24, 118, 150, 226
бану хамдун 118
бану хайфа 10
бану хилал 29, 118, 226
барганита, союз племен 12
Барка 11, 15, 17, 29, 84, 118, 122,
139, 140, 142, 148—151, 224
Басра 21, 22, 83, 87, 160
Бахнаса, г. 63, 73, 93, 222
Бахнаслийн 112
Бахр Йусуф 212
Бахрейн 11, 20, 21, 25
бедуны 11, 24, 26, 27, 39, 46, 105,
121, 123, 138—140, 142, 146, 147,
198

Бейрут 31
Белуджистан 109
берберы 11, 12, 14, 27, 92, 118—
123, 137—140, 146, 148, 151, 161;
см. также зената, кутамиты,
лавата, маэята, миграма, мик-
наса, сенхаджа, хаввара
Бальбейс 33, 69, 93, 142, 143
Биркат ал-Джубб 175
Биркат ал-Хабаш 37, 197
Бужи 11, 29
Бўлак 101
булгары 16, 27, 118, 119,—волж-
ские 85, 119
Булдукусу-Тарас, селение 54
Бусйр 83, 92
Бусйрийн 112
Бухайра 39, 112, 118, 140, 150, 151,
218
Бухайра 51, 129
Бухарское ханство 51

Вавилон 62
вавилоняне 89
Вайди Нагрюн 49, 139
Вали Тайм 129, 130
Васу 171
ал-Вэхат 18
Венеция 67, 68, 86, 118, 119
Византия 16, 17, 19, 26, 27, 29, 32,
64, 71, 80, 81, 84, 85, 88, 90, 97,
103, 122, 125, 128, 139, 146, 171,
173, 234
византийцы 16, 26, 27, 34, 63, 118,
120, 124, 147, 199; см. также
греки

Газна 150
Гана 85
Гевуя 86
Гарбия 112, 140, 181, 189, 210,
218, 228, 232
Геллосопль см. Айн Шамс
Гяза 19, 38, 83, 112, 114, 143, 149,
150, 224—226
греки 25, 32
Гулжарат 30, 109
гузны 160

Дабйк 62, 63, 71
Дақадия 112
Даллас 212, 216
Далмация 68, 119
Даманхур 75
Дамаск 22, 23, 25—27, 30, 40, 71,
100, 124, 126, 133, 134, 138, 139,
142, 189
Дамнетта 62, 63, 65, 69, 71, 72,
74, 75, 80, 82, 94, 96, 101, 110,
133, 140, 218, 221, 222, 233

- Дажыра 221
 Дандара 83
 Дейлем 109, 158
 дейлемиты 120, 122, 137, 171, 190, 225
 Делан 109
 Делийский султанат 122
 Джабал Сумйк 130
 Джалядйн 112
 Джазыра 25, 171, 173
 Джазыра Бану Наср 112
 Джазыра Кависма 112, 218
 джа'фар, племя 118, 140
 Джидда 87
 джудйм, племя 118, 225
 джухайна, племя 118, 140
 Дайрбакр 30
- Европа 6, 66, 80, 85, 90, 91, 96, 99, 101
 Западная 46, 64, 77, 97, 114, 125
 Южная 91
 Евфрат 173
 египтяне 23, 33, 34, 47, 51, 89, 130, 142, 149, 154, 163, 186, 216; см. также копты
- Заб, горы 15, 116
 Заманбар 66, 87
 зейята 15, 148
 зиджи 121, 122
 Зувайла, зувайлиты 119
 зухайр, племя 118
- Иерусалим 30, 71, 92, 110, 124, 128
 Иерусалимское королевство 100
 Инджен, горы 12—14
 Индийский океан 86
 Индия 8, 11, 28, 30, 68, 87—90, 92, 109, 134
 Индонезия 89
 Ирак 5, 11, 20, 31, 63, 85, 89, 90, 92, 109, 160, 173, 178, 215, 219, 222
 Иран 11, 19, 63, 85, 101, 109, 132, 133, 173, 220, 229
 Испания 16, 17, 84, 86, 91, 119
 Италия 91
 Ифрикия 11—13, 15, 17, 27, 29, 39, 73, 84, 86, 87, 89, 91, 108, 118, 132, 168, 234
 Ихудйм 93, 226
 Йемен 8, 11, 12, 19, 28, 85, 87, 93, 100, 109, 122, 134, 140, 148, 158, 234
- Кабр 3, 5, 15—19, 24, 26, 27, 29, 37, 43, 58, 62, 63, 66, 68, 69, 71—73, 75—77, 79, 83, 84, 92—95, 99—101, 107, 110, 112—115, 118, 122, 124, 129, 131—134, 136, 137, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 150, 175, 178, 190, 191, 193, 203, 208, 217, 220—226, 230, 232
 Кайруан 12—16, 42, 90—92, 107, 108, 121, 148
 кайс, племя (кайситы) 33, 118
 Кайс, селение 71
 Калабрия 16
 калбиты см. бану калб
 Калнуб, г. 46
 Калнубийя 35
 кайс, племя 33, 118, 140, 150
 Карафа 134
 Катта'й 62
 ал-Касира см. Канр
 Кербела 162, 231
 Керман 87
 кийна (кинайиты), племя 118, 120
 Килр, о. 85
 Китай 64, 88, 89
 Кифт 87, 136
 Константиннополь 85, 131, 132, 234
 копты 32—34, 37, 42, 52, 59, 62, 73, 77, 117
 Кордова 113
 Красное море 87—89, 206, 219
 Крит, о. 85
 Кулзум, порт 23, 87
 Кулзум, море см. Красное море
 Кум Амфйн 40, 45
 Кум ал-Галдр 135
 Кум ар-Рйш 175
 Кум Шарйк 149, 175
 курды 31, 123, 142, 145, 186, 199
 хурейшиты 9
 Куркуб, г. 229
 Күрх ал-'Аббас 159, 162
 Кус 87, 100, 112, 122, 181, 189, 206, 228, 231
 Кусия 49
 Кустануйник см. Константиннополь
 кутайиты 11—13, 15, 28, 39, 106, 117, 118, 120, 121, 123, 137, 140, 149, 163, 224
 Куфа 10, 160, 162
- лавята, племя 118, 140, 141, 148, 151
 Лавк, селение 179
 лахи, племя 118
 Лахор 63
 Левант 86, 92
- Мавераннахр 11
 Магриб 11—13, 15—19, 27—29, 40, 66, 83—85, 87, 88, 90—92, 101, 105, 118, 122, 131, 132, 152, 154,

155, 158—162, 173, 177, 178, 191,
192, 197, 221, 234
Дальний 12, 15, 29, 122, 134, 162
Средний 12, 15, 29, 161
магрибны 92, 120, 191, 198, 222;
см. также берберы
Мазандеран 30
мазита, племя 148
ал-Маус, гавань 73, 101, 146, 205,
217
Малага 16
Мансура 30
Мансурия 15, 125, 127, 163
Мануфия 112
Мардин 30
ал-Марса 16
Мартахи 112
Махала 78
Махдия 15, 17, 71, 127, 234
махзум, племя 118
Медина 19, 28, 135
Мекка 12, 19, 22, 28, 37, 87, 93, 120,
135, 138, 148, 162
мирва, племя 29
Минафараким 173
инкиса, племя 29
Миният ал-Арбаг 33
Миср см. Фустат
монголы 120
Моул 19, 109, 187
Музахимия 112
Мульган 30, 63, 87, 88
мусамид (масмуди), племя 121,
122, 199
набатей 215
Набулус 46
Настарьях 112
негры 120, 121, 123, 139, 140, 145;
см. также суданцы, зувайлиты,
зиджи
Нисер 85
Нил 18, 29, 31, 46, 49, 50, 57, 58, 62,
70, 82—84, 87, 94, 101—103, 118,
175, 179, 204, 205, 211, 212, 214—
216, 218
Насибин 173
Нисамур 30
норманны 29, 84, 85
Нубия 68, 84—86, 100, 121, 122, 129,
150
нубийцы 67, 77, 124
Нюрберг 67
'Оман 85, 109
Палестина 30, 31, 35, 93, 110, 144,
191
Персия см. Иран
персы 89, 121
Персидский залив 85, 87, 88

Пиза 86
Португалия 84
Приднепровье 119
Причерноморье 119

раби'а 33, 138; см. также кавз
Ракуз 27
Раждана 13, 14, 108, 119
Рамала 148
Рамли 22, 23, 25, 26, 137—139
Рис ал-Биркат 150
Рауда, о. 179, 216
ар-Рашид см. Розетта
римляне 34
Розетта 17, 101, 110, 112
Рум см. Византия
рунийцы (румля) см. византийцы
Русь 85
руссы 119
ар-Рауба 22

Сабату аби Нух 159, 162
Саваким 206
Са 'ад (Верхний Египет) 35, 63, 83,
118, 140, 141, 146, 150, 151, 190,
211, 212
саклиби см. славяне
са'лаба, племя 118, 140
Саламия II, 13, 154, 155, 160
Самалут 38, 63
Самарканд 67
Саманиудия 112
самуд 170, 172
Сарудж 27
Сахара 85
сельджуки 29, 30, 85
Сенегал, р. 85
сенхаджа (сенхаджеты) 11, 28,
119
сербы 118
Сеута 16, 29
Сиджамля 13, 15, 16, 85, 92,
161, 162, 188
Сидон 26, 139
Синай 6, 83
Синд 30
Сярф 87
Сирия 11, 15, 17, 20, 22, 23—27,
29—31, 40, 42, 55, 59, 63, 68, 70,
71, 83, 85, 89, 90, 92, 93, 96, 107,
119, 120, 124, 128—130, 132, 134,
137—139, 141, 142, 148—150,
160, 163, 177, 181, 185, 192, 205,
224
сирийцы 31, 154
Сидлиа 16, 29, 53, 66, 84, 88
славяне 5, 39, 118—120, 122, 137,
199
Средиземное море 11, 15, 64, 86—
88, 92, 219

Средиземноморье, область 7, 83,
91, 100, 216
Судан 68, 119
суданцы 199
Сур см. Тир
Сус 122
Сузд 87

Тә Намл 33
Табаристан 64, 158, 227
Табук 172
таглиб, племя 25
тай, племя см. бану таи
Талбана 40
талха, племя 118
Тарраи 49, 175
ау-Тафф 156, 157, 162
Таха 222
Тахерт 12, 13, 15
Тель Башир 181
Тиберия 100
Тигр, р. 173
Тинийс 19, 23, 24, 31, 38, 46, 62,
63, 65, 66, 69, 71, 74, 75, 80, 82,
94, 99, 101, 106, 126, 146, 189,
218, 221, 222, 233
Тир (Сур) 30, 31, 58, 71, 100, 147,
206, 218
Тифлис 71
Тобна 13
Тортоса 31
Триполи африканский 15, 29, 108
Триполи сирийский 26, 31, 67, 88,
100
Туна, селение 62
Турция 163
Тустар 220, 229
турки 25—27, 31, 120, 122—124,
137, 139, 144, 145, 175, 194, 199,
224, 225; см. также сельджуки

Удфу 93
узар, племя 118
уэра, племя 118

фазара, племя 118
Файфум 17, 54, 57, 58, 64, 70, 83,
84, 112, 150, 211, 222, 232
Факусия 49

Фарамб 23, 31
Фарс 160
Фас 15, 16, 136
Фергана 129
Фещан 119
Франция 84, 86
Фустат 19, 23, 24, 36, 37, 41, 49,
62, 66, 68—71, 73, 75—80, 83—85,
87, 90, 92, 93, 95—97, 99, 101,
107, 109, 114—116, 129, 135, 144,
146, 147, 151, 152, 164, 167, 168,
170, 178, 179, 189, 190, 193, 194,
203, 204, 208, 217—222, 232
Фух 112

хаввара, племя 15
Хаканайн, селение 35
Халеб 25—27, 30, 100, 133, 139,
143, 181, 184
Хамб 136
ханифа, племя см. бану ханифа
Харран 27
Хауф Рамсис 112, 211
Хиджаз 17, 19, 28, 59, 83, 85, 86,
89, 101, 138, 151
ал-Халжир 172
Химс 11, 139, 150, 184
Хисн Кайфа 30
Хорейсан 30, 75, 119, 129
Хорватия 68
хорваты 118
Хуанстан 162

Цезария 92
Цейлон 89

шанбн, племя 118
Шампань 99
Шаркия 50, 112, 189, 210, 216, 218,
225, 232
Шатра 62, 63, 71, 73, 221, 222
Шайра 109

Эдесса (Руха) 30, 69
Эфиопия 68, 86, 87, 89, 122, 129
Яффа 23, 24, 31, 170, 172

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон 93
'Аббас, назир 39, 46, 141, 182
'Аббас ал-Ахбар 150—158
'Аббас ал-Асгар 156
'Аббас ибн Файз 183
'Аббасиды 9, 10, 12—14, 18, 20,
21, 25, 26, 29—31, 33, 36,

106, 131, 134, 141, 146, 162, 163,
169, 174, 175, 185, 187, 201,
206
'Абд ал-'Азиз, кадий 115
'Абд ал-'Азиз ал-Калби 146
'Абд ал-'Азиз ибн Марван 33
'Абд ал-'Азиз ибн Шаддяд 162

- 'Абд ал-Малик ибн Марван 206, 208
'Абд ал-Мас'их 38
'Абд ар-Рахм 126
'Абд ар-Рахман 111, 113
'Абд ар-Рахман Абу Бакр 156
'Абд ар-Рахмон ибн Мухаммад ибн ал-Ханафиъа 157
'Абд ар-Рахман ибн ал-Хасан 156
'Абд ал-Ханим ал-Фирақи 116
'Абдаллах ибн 'Али 156
'Абдаллах ибн 'Али ал-Асгар 158
'Абдаллах ибн Джа'фар аз-Садик 20
'Абдаллах ибн Йусуф ибн Хафиз см. 'Алид
'Абдаллах ибн Ма'абд ибн ал-'Аббас ибн 'Абд ал-Муталлиб 157
'Абдаллах ибн Маймун ал-Қаддах 128, 159, 160, 162
'Абдаллах ибн Му'из 126, 127
'Абдаллах (ибн Мустансир) 133
'Абдаллах ибн Мухаммад ибн 'Омар 157
'Абдаллах ибн Мухаммад ибн ал-Ханафиъа 157
'Абдаллах ибн 'Убайдаллах ибн Тахир 25
'Абдаллах ибн ал-Хасан 156
'Абдаллах ибн ал-Хусайн 157
'Абдаллах Мас'уди 122
'Абдан 20, 21
ал-Абазрй 225
Абу-л-'Аббас, да'и 160, 161
Абу-л-'Аббас см. Муста'сим
Абу-л-'Аббас Ахмад ал-'Авам 116
Абу-л-'Аббас ал-Хиджа'и 89
Абу 'Абдаллах ал-'Авам 116
Абу 'Абдаллах ал-Қумий 94
Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Ну'ман 40, 115
Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Флидх 99
Абу 'Абдаллах аз-Сайири 174
Абу 'Абдаллах Хусайн 40
Абу 'Абдаллах (аш-Шай') 2, 13—15, 20, 106, 118, 160, 161
Абу 'Абдаллах (аш-Шай') 2, 13—15, 20, 106, 118, 160, 161
Абу 'Али Ахмад ибн ал-Афдалъ (Кутайфа) 116, 125, 134, 135, 160, 161
Абу 'Али Ахмад ал-Фарахй 116
Абу 'Али ибн Хаммайн 174
Абу 'Али Мансур 5
Абу-л-'Ас ибн ар-Рабиъа 156
Абу Бакр ал-Ан'акй 132
Абу Бакр ибн ал-Вахшйа 211, 215
Абу Бакр (ибн Хасан) 156
Абу Бакр Ибнйид 114
Абу Бакр Мухаммад ибн 'Али ал-Марванй 197
Абу Бакр Мухаммад ан-Набатй 211, 215
Абу-л-Баракат Йуханна ибн ал-Лайс ан-Насрайнй 196
Абу-л-Джайш Хумраййх 207
Абу Джа'фар 'Абдаллах 157
Абу Джа'фар Ахмад ибн Наср 164
Абу Джа'фар Мусалм ан-Шариф 19, 164, 167, 168
Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джа'фар ибн Магрибй 194
Абу Зикрй Козн 92
Абу Исма'ил ар-Расй 164
Абу Ибнйид 15, 16, 118, 119
Абу Йусуф 54, 55
Абу Калъиджар 109, 177
Абу-л-Қасим см. Қасим би-амриллах
Абу-л-Қасим, анук 'Алида 136
Абу-л-Қасим Ануджур ибн Ихшйид 207, 208
Абу-л-Қасим ал-Дивзарй 174
Абу-л-Қасим (Мухаммад ибн Мустансир) 133, 138
Абу-л-Қасим ат-Тайиб 232
Абу-л-Қасим ат-Тавухй 174
Абу-л-Маймун 'Абд ал-Маджид ибн Мухаммад ибн Мустансир см. Хафиз
Абу Мансур ибн Сурдайн (ан-Насрайнй) 112
Абу Мансур Исма'ил (ибн Хафиз) см. Зайнр
Абу Мансур Инзар (ибн Мустансир) 132—134, 151, 178
Абу-л-Миск Кафур 18, 19, 42, 207, 208
Абу-л-Мунаджжй 50, 53, 216, 217
Абу Мухаммад Абдаллах ибн ал-Акфайй 174
Абу Мухаммад ал-Кашфулай 174
Абу Наджх 147
Абу Наср Харун ибн Сахл ат-Тустарй 90, 219, 220
Абу Рахна 131, 147—150, 224, 225
Абу Са'д Ибрахйн ибн Сахл ат-Тустарй 90, 139, 219, 220
Абу Са'ид ал-Джаннабй 20, 21, 23, 24, 169, 172
Абу Салих 58, 112
Абу Сарй 54
Абу Суфйан 12
Абу Таббб ал-Хашимй 164
Абу Таглиб 22
Абу Тахир, клай 115, 116
Абу Тахир, кармат 21, 22, 24, 169, 172
Абу-л-Фаварис (Ахмад ибн 'Али) 18

- Абу-л-Фарадж На'куб ибн Нусуф ибн Қаллис 26, 36, 40, 42—44, 59, 66, 68, 74, 89, 96, 98, 106, 109, 111—114, 122, 193, 194, 218
- Абу Фидл 4, 5
- Абу Ҳамид ал-Исфарини 174
- Абу Ханифа ан-Ну'ман, нади 108, 109, 112, 115, 124
- Абу-л-Ҳасан 'Али ибн Исма'ил 209
- Абу-л-Ҳасан 'Али ибн ал-Ҳасан ал-Қатиб 215, 216
- Абу-л-Ҳасан ибн Назид 36
- Абу-л-Ҳаттаб 10
- Абу Хитми (ибн Муҳаммад ибн ал-Ҳавафийа) 10
- Абу-л-Ҳусайн ал-Кудурн ал-Ханафи 174
- Абу-л-Ҳусайн Муҳаммад ал-Динамшқӣ Аҳу Муҳсин 20, 154—158, 161, 168, 174
- Абу Шайма 4, 35, 63, 94, 102, 116, 135, 142, 144
- Авраам 172
- Аглабиди 12, 13, 16, 17, 161, 162
- Алам 172
- ал-'Алид ли-дйини-ллаҳ 31, 46, 66, 67, 86, 100, 105, 106, 126, 135, 136, 141—145, 151, 152, 183—188, 191, 220, 231, 235
- 'Адиль ибн Салир 182
- ал-Азид 163
- ал-'Азиз би-лайх Низар Абу Мансур 28, 36, 65, 69, 70, 105, 109, 111, 112, 114, 120, 122, 126, 127, 137, 146, 176, 188, 193, 194, 222
- 'Азиз ал-Даула 27
- 'Алид ал-Даула ал-Нарӯкӣ 185
- Абу А. 216
- Айбуб ибн Шайб см. Наджи ал-дин Айбуб ибн Шайб
- Айбубиди 28, 31, 46, 49, 60, 75, 94, 95, 98, 102, 134, 180, 190, 192, 194, 196, 226
- 'Айбуб ибн Абу Талиб 160, 162
- 'Айбуб ибн Му'алла 127
- Александр (Македонский) 120
- 'Али ал-Ақбар 157
- 'Али ал-Асғар 157, 158
- 'Али Заби ал-'Абиди 9
- 'Али ибн Абу Талиб 9, 10, 12, 103, 106, 128, 129, 135, 148, 155, 156, 158, 171—173, 175, 191, 192, 205
- 'Али ибн Ваҳсудӣ 161
- 'Али ибн Забл 183
- 'Али ибн Исма'ил ибн Джа'фар 155
- 'Али ибн Муҳаммад ибн ал-Ҳанафийа 157
- 'Али ибн Муҳаммад ас-Сулайхӣ 28
- 'Али ибн Ну'ман 108, 115
- 'Алиды 19, 24, 25, 116, 154, 155, 162, 174
- Али Арслан 201
- Альноравиди 29
- Альноҳадиди 29
- Амаларих 31, 142, 143
- ал-'Амир би-аҳкамн-лалх 29, 35, 45, 50, 72, 73, 86, 93, 96, 97, 100, 115, 133—135, 138, 179, 180, 186, 199, 209, 227, 231—233
- 'Амир ал-Ақбар 156
- 'Амир ибн ал-'Ас 41, 52, 110
- 'Амир ибн ал-Ҳасан 156
- Антоний, епископ 38
- Анӯштагин 27, 139
- Аристотель 171, 174
- Арслан ал-Басасирӣ 29, 30, 109, 187
- Артуғиди 30
- Асад ал-дин Ширкух 31, 39, 46, 55, 63, 102, 106, 142—144, 184, 185, 191, 192
- Асма 156
- 'Атйб ибн 'Икрам 29
- Атйб А. 47
- Атсма 30, 124
- 'Аун ибн 'Али 156
- 'Аун ибн Муҳаммад ибн ал-Ханафийа 157
- Аухал ибн Бадр ал-Джамалӣ 140
- Афзал 30, 36, 38, 39, 43, 56, 59, 65, 68, 72, 93, 94, 98, 106, 109, 116, 125, 132, 178—180, 190, 193, 196, 199, 200, 209, 216, 217, 233
- Аҳмад ибн 'Абдаллах ибн Маймун ал-Қаддӣх 160
- Аҳмад ибн Мукаррам 28, 60, 140, 151
- Аҳмад ибн Мустансир см. ал-Муста'ли би-лалх
- Аҳмад ибн Тулуш 56, 62, 197, 206, 208
- Аҳмад Ҳамид ал-дин Қирманий 192
- Аҳрам ибн Абу Закарийа' 59
- Аху Муҳсин см. Абу-л-Ҳусайн Муҳаммад ал-Динамшқӣ Аҳу Муҳсин
- Аштор Е. 8, 90, 95, 102
- Бадр ал-Джамалӣ 37, 55, 59, 69, 99, 106, 111—113, 117, 123, 127, 132—134, 140, 180, 194, 199, 200, 207
- Балдуин 31
- Бар. Ихшидид 19
- Барӣвӣ Р. 7, 37, 39, 40, 50, 56, 59, 63, 66, 69, 70, 73, 74, 80—82, 84, 96, 102

Баранов Х. К. 177
Бардесан см. Дайсан
Барджайян 36, 56, 63, 65, 88, 98,
122, 137, 147
Бармакиды 194
Басак 181
Басасёрн см. Арслән ал-Басасёрн
Батчер Е. 106
Бахъ ад-дин ибн Халликан 162
Бахрам 38, 140, 181
Бахтгайн ибн Сабуктагйн 176
Бейлис В. М. 119
Беккер К. 44, 45
Бертельс А. Е. 133
Бертельс Е. Э. 79, 121
Бинзатсар 141
Бишан В. 32
Бриннер В. 76
Бувайхиды 18, 22, 26, 29, 140, 177,
220
Буш Г. 4
Бусра 119
Бур Г. 54, 76, 77, 82
Валд см. Абӯ Раква
Василий II Болгаробойца 27, 147,
234
Ватиканотис П. 130, 136
ал-Вафй 153, 162
Вейль Г. 7
Вюстенфельд Ф. 7, 120, 124, 147
Вьет Г. 7, 63, 66, 70, 175

Габан 114
Гаврина 172
Гонтейн С. 7, 56, 75, 76, 92, 94, 97,
99, 104, 117, 124
Григорий, католикос 110
Громанн А. 7, 64, 81
Гүест А. 177

Давид 110
Дайсан 159, 162, 173, 174
Дә'уд (ибн 'Ахй) 136, 145
Дә'уд (ибн Мустансир) 133
Дашрауи Ф. 12
Де Гье М. Я. 20—25
Джаллис 106, 190, 191, 235
Джарджар'н 112, 220
Джаузар 5, 36, 40, 118, 126, 127
Джаухар, полководец 15, 18, 19,
23, 26, 35, 36, 65, 67, 68, 96—98,
108, 112, 114, 117—121, 124, 125,
137, 145, 146, 164, 166—168, 194,
207, 221
Джаухар ибн 'Абдвллх 145
'Джафар ал-Акбар (ибн 'Али)
156
'Джафар ал-Акбар (ибн 'Али) 166
'Джафар ал-Акбар (ибн Мухам-
мад ибн ал-Ханафиға) 157

Джа'фар ал-Асгар (ибн 'Али)
156
Джа'фар ал-Асгар (ибн Мухам-
мад ибн ал-Ханафиға) 157
Джа'фар ибн Ахмад, нармат 25
Джа'фар ибн Пахйя ибн Хамид
ал-Бармакй 194
Джа'фар (ибн Муста'ли) 134
Дж'фар ибн Фаллх 23, 170
Джа'фар (ибн Хусейн) 157
Джа'фар ал-Сялх 9, 10, 12, 126
Диргам 141
Доан Р. 177, 195
Дуқак 30

Зайд (ибн 'Али ал-Асгар) 158
Зайд (ибн Хасан) 156, 157
Зайнаб, дочь Мухаммада 156
Зайнаб, правнучка 'Али 157
аз-Зайхир би-ллах 31, 39, 45, 127,
128, 135, 141, 182, 188
Зайхир Бейбере 220, 221
аз-Зайхир ли-и'ззам-дин-ллах 27,
28, 35, 38, 46, 50, 72, 97, 110, 112,
131, 139, 150, 189, 220
Зиходег В. Н. 43
Зельин К. К. 105
Зиьадаталлах 13
Зйрй ибн Манйд 28
Зйриды 28, 29

ал-Йаса' ибн Мидрар 13
ал-Ибнаний 73
Ибн Абд аз-Зайхир 121
Ибн 'Абд ал-Қамй (ал-Тақамй)
106, 232
Ибн 'Абд ал-Хакан 52, 53
Ибн Абӯ 'Ақил 189
Ибн Абӯ Мансӯр 216, 217
Ибн Абӯ Талй 4, 5, 200
Ибн 'Алй 40
Ибн ал-Азраф ал-Мусавй 174
Ибн 'Амжар 137
Ибн ал-Анбарй 220
Ибн ал-Асйр 4, 5, 21, 124, 134,
147, 148, 162, 187, 188, 226, 235
Ибн 'Аукал 90
Ибн Бавваб 232, 233
Ибн Васил 136
Ибн Давдларй 4, 40, 55, 66, 88,
105, 147, 154, 162, 163, 171
Ибн Дайсйн см. Дайсан
Ибн Дарбас 116
Ибн Джуьабр 74
Ибн Дуқмак 74
Ибн Зейфир 144
Ибн Зүлх 3, 57, 115, 153, 162
Ибн Илрйс ал-Азай 206
Ибн Ийас 4, 5, 38, 59, 79, 98, 114,
116, 120, 209
Ибн Кайталуг 176

- Ибн Каланиъ 5
 Ибн Камилъ 36
 Ибн Киллис см. Абду-л-Фарадж
 Ибн Киллис см. Абду-л-Фарадж
 Ибн Киллис см. Абду-л-Фарадж
 Ибн Киллис см. Абду-л-Фарадж
 Ибн Куджак ал-Бахуди 196
 Ибн Маммади 6, 40, 47, 51, 58,
 60, 72, 82, 224
 Ибн Ма'муни ал-Бахуди 3, 36, 45,
 58, 75, 218, 231
 Ибн Масал 141
 Ибн Мискавейх 22
 Ибн Мудаббир 160
 Ибн Муйассар, историк 89, 110,
 114, 122, 124, 125, 133, 134, 147,
 151, 175, 178, 181, 209, 219, 232,
 234
 Ибн Муйассар, судья 232
 Ибн Муқла 232, 233
 Ибн Наджжир 29
 Ибн Нусайр 163
 Ибн Ризам 162, 174
 Ибн Руста 51
 Ибн Салар 125, 141
 Ибн Самсдал 147
 Ибн Самсѣма 89
 Ибн Сандар 33
 Ибн Саура 75, 233
 Ибн Тагри-Бирди 4, 74, 94, 130,
 140, 143, 148, 174, 175, 177, 179,
 180, 182, 187, 225, 231, 234
 Ибн Тайи ибн Шавар 143
 Ибн Тувайр 3—5, 73, 112, 116,
 125, 199, 200, 204, 217, 222, 226,
 232, 236
 Ибн Тулуни 87
 Ибн Фихрих 51
 Ибн Фурат, лекар 18, 112, 207
 Ибн Фурат, историк 4, 46, 106,
 141—145, 191, 195—197, 204
 Ибн Халлудун 4, 5, 22, 105, 143, 149
 Ибн Халлики см. Шама ад-дин
 ибн Халлики
 Ибн Ханъ 17
 Ибн Хаукал 5, 17, 22, 47, 51, 74,
 27, 220—222
 Ибн Хаускаб II 28
 Ибн Хийли 170, 172
 Ибн Хордадбех 51
 Ибрахим II ибн Ахмад 13
 Ибрахим (ибн Мухаммад ибн
 ал-Ханафиъ) 157
 Ибрахим Гулай ал-Амйри 151
 Ибнани В. 21, 24, 130, 132, 134,
 135, 162
 Идрис К. 91
 Идрис ал-Асгар ибн 'Абдаллах
 12, 158, 162
 Идрисиды 12, 15, 29, 162
 'Иза ад-Даула, Бунайхи 171, 173
 'Иза ибн Сийи 176
 Ибраил 172
 Искус 172
 Илъ-Гъай 30
 Ийил ат-Тайил 149, 224
 Иностранцев К. 8, 177, 195, 199
 Иоани I Цинский 16, 109, 173,
 235
 Иосиф 34, 93
 Иосиф Тахерти 92
 'Йса (ибн Мухаммад) ан-Нуша-
 ри 160—163
 'Йсх ибн Насируус (Несториус)
 112, 146
 'Йса ал-Хаккари 185
 Исаак ан-Нисабурй 90
 Исма'ил ибн Джа'фар 9, 10, 126,
 154, 155
 Исма'ил (ибн Мустансир) 133
 Исма'ил ибн 'Омар 157
 Исма'ил (ибн ал-Хасан) 156
 Ихшидиды 17—19, 24—26, 35, 44,
 113—115
 Йазури 58, 77, 116, 198, 218
 Йа'куб (ибн ал-Хасан) 156
 Йа'куби 51
 Йешис 125, 135
 Йахйя Англохитский 5, 146
 Йахйя (ибн 'Али) 150
 Йахйя ибн Джа'фар ал-Барма-
 ки 194
 Йахйя ибн Халид ал-Бармаки 194
 Йусуф Булукини 28, 29
 Йусуф ибн Ташфин 29
 Йусуф ибн Хафиз 188
 Каллахили 153, 162, 174, 175
 Каллар, 'Аббасид 27, 173, 174
 Казанова П. 21, 136, 141, 145
 Кайм, Аббасид 29, 175
 ал-Кайм би-амри-аллах 15, 17, 18,
 22, 126, 127, 188
 Кайс ибн Джа'фар ал-Ханафиъ
 156
 Кайсар 119
 Калкашанди 4, 37, 40, 46, 101, 111,
 112, 115, 116, 121, 123, 127, 145,
 192, 193, 199, 206, 209, 217, 221
 Камал ад-дин Халебский 5
 Камилъ ибн Шавар 143, 144, 202,
 223
 Камилъ Мухаммад 136, 196
 Канар М. 12, 14, 17, 23, 119, 126
 Канз ад-даула 150
 Қаракунш 186
 Қасим ибн 'Абд ал-'Азиз 115
 Қасим ибн ал-Қа'им 127
 Қасим (ибн Мухаммад ибн ал-Ха-
 нафиъ) 157
 Қасим (ибн ал-Хасан) 156
 Катриер Э. 174

Кафур см. Абу-л-Миср Кафур
Казн Кд. 6, 40, 45—47, 100, 101
Кенэ Франсуа 74
ал-Киндй 58
Константин VIII 132
Константин IX (Мономах) 85
Кутайфа см. Абу 'Али Ахмад ибн
Афдаль
Кутб ад-дин Иййа 185
Кюнель Е. 63

Лабиб С. 8, 94—96
Лайла 156
Линак ибн Малик 28
Лавидус И. М. 107
Лев-Пуль С. 7
Локнесгор Ф. 43
Луббаба 157
Линус В. 20, 21, 44, 84, 87, 135

Ма'адд ибн 'Абдаллах 127
ал-Маааридй 52
ал-Магриба 111
Маделунг В. 20—24
Майда 149
Маймун ал-Қадалах 159, 162
Маисур 119
Макрийа см. Таий ад-дин Ахмад
ал-Макрийй
Малик Ашраф 163
Малик Джа 'фар 75
Малик ибн Са 'ид ал-Фйрахи 115
Малик Кдмил 75
Малик ШАх (I) 201
Малика Сайида Арай 28, 109, 140,
151
Мамлюки 46, 47, 56, 70, 76, 96,
98, 101, 111, 114, 196, 200, 215,
221
Ма'мун, 'Аббасид 33, 206, 208
Ма'мун ал-Бага'ихи 65, 72, 75, 85,
92, 93, 98, 100, 109, 117, 133, 134,
231

Мамур П. 174
Мангутагийн 27, 137
Манзур 189
Мана Я. 6, 44
Маисур, славянин 119
ал-Маисур би-ллах 15, 16, 18, 22,
108, 126, 127, 168
Маисур ибн Лў'лў' 27
Маисур Муҳаммад 147
Марзук М. 63, 72
Мария Коптская 33
Маркс К. 60, 97
Массиньон Л. 14
Массэ А. 17
Ма'суд, славянин 119
Ма'суд ибн Халид ат-Таййий 156
Махдй, Фўтимид см. 'Убайдал-
лах Махдй

Махдй Муҳаммад, 'Аббасид 206,
208
Мехлунд 6, 47, 84, 86
ал-Махл ибн ад-Дийн ибн Ха-
зйм ал-Қилаба 156
Махмуд ибн Масал ал-Лавкй 179
Мацуэль Е. 70
Мен А. 34, 63, 131
Мидрёрнты см. бану мидрёр
Мирдасиды 27
Махал 172
Моисей 93, 172
Момкен Т. 50
Му 'аззам Хамарташ 188
Муаййад фй-д-дин 29, 85, 109
Муваффақ, эмир 200
Муваффақ фй-д-дин, кадий 209
Муджалла ибн Джами 177
Музаффар, славянин 36, 119
Музаффар Абу Муҳаммад Джа '
фар 200
ал-Му 'изз ад-дин-аллах 5, 15—19,
22—28, 38, 39, 42, 47, 59, 65, 69,
96, 98, 108, 109, 111, 113—115,
118—122, 124—126, 128, 129, 131,
135, 137, 145, 146, 162—164,
167—170, 173, 175, 188, 193, 194,
200, 207, 219, 234, 235
Мухаддасй 6, 25, 34, 43, 51, 63,
73, 74, 77, 84
Мукарриб 150, 225
Мустанир 17
Муктафй 13, 163
Му'из 17
Мунтазар 160, 181
Мунтасир 33
Мунши ибн Ибраһим (Менассе)
146
ал-Муртада 174
Мусй Қазим 9
Мусаббихй 3, 36, 74, 139
Мусайхима 160
Мусафириды 11
Мустадай 135, 142, 186, 187
ал-Муста 'лий би-ллах 29, 39, 115,
132—134, 178—179, 188, 216, 227,
230
ал-Муставсир би-ллах Абу Та-
ийн Ма'адд 28, 29, 35, 44, 45,
50, 54, 55, 59, 60, 65, 69, 77, 79,
84, 85, 88—90, 92, 97, 100, 101,
109, 111, 115—117, 120, 122, 124,
132, 133, 136, 139, 140, 145, 150,
151, 175, 177, 178, 187, 188, 194,
197, 207, 218, 220, 225
Муста 'сим 136, 145
Мутаваккиль 33
Му'талид 161
Му 'тасим 118
Мутй' 19, 22, 171, 173
Муфаррадж ибн Дағфаль 138, 147

Мухаммад, пророк 9, 103, 129, 150, 159, 167, 171, 172, 191
Муҳаммад ал-Ақбар ибн ал-Ҳанафийа 10, 157, 158
Муҳаммад 'Али 114
Муҳаммад ал-Асғар 156
Муҳаммад ал-Аусат 156
Муҳаммад ал-Бакр 9
Муҳаммад ибн 'Али ал-Асғар 158
Муҳаммад ибн 'Али ал-Маларбӣ 18, 37
Муҳаммад ибн Ахмад ибн 'Абдаллаҳ (Абу Шейх 'али) 160, 161
Муҳаммад ибн Исма'ил ад-Даравӣ 129, 130
Муҳаммад ибн Исма'ил ибн Джа'фар 10, 11, 14, 20, 21, 24, 128, 154, 155, 159, 160, 162, 172
Муҳаммад ибн Назури 115
Муҳаммад ибн Муҳаммад ибн 'Омар ибн Абду 'Али 174
Муҳаммад ибн 'Омар 157
Муҳаммад ибн Рафъ' ал-Лавийи 151
Муҳаммад ибн 'Убайд ибн Ҳарб 207
Муҳаммад ибн ал-Ҳанафийа 156, 157
Муҳаммад (ибн ал-Ҳасан) 156
Муҳаммад Ихшид 18, 19
Муҳаннак 4
Муҳадд 29, 206, 208
Мушаррафа А. 7, 39, 56, 96, 104, 111, 113, 122
Муллер А. 7
Набулуси 59, 74
Наджм ад-дин Айюб ибн Шайх 184, 191—192
Наџир ад-Даула, Ҳамданид 89, 139, 140, 178
Наџир Муҳаммад ибн Қалъун 46, 200
Наџир Фарадж 211, 215
Наџир Хосров 5, 21, 28, 30, 35, 38, 43, 63, 66—71, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 95, 99, 107, 109, 115—117, 120—125, 128
Наџр ибн 'Аббас 46, 141, 182
Нахрай ибн Ниссим 90—92
Низам ал-Муҳк 201
Наџр ибн Му'иза см. 'Азия би-аллах
Наџр ибн Мустанџир см. Абду Манџур Наџр
Никофор II Фона 16
Нои 172
Нувайри 119, 162
Ну'ман, калӣ см. Абду Ҳанӣфа ал-Ну'ман

Ну'ман 40, 115, 116
Нур ад-дин Махмуд ибн Зенг 31, 68, 105, 123, 141—145, 184—185
Огуз 199
О'Лари Л. 7, 12, 15, 44, 131
'Омар ал-Асғар 156
'Омар ибн 'Абд ал-'Азия ('Омар II) 206, 208
'Омар ибн 'Али ал-Асғар 158
'Омар ибн Муҳаммад ибн 'Омар 157
'Омар ибн Ҳаттаб ('Омар I) 33, 129, 201
Омейяди дамаские 33, 114, 126, 201
Омейяди хорловские 14—16, 84, 118, 119, 131, 147
'Осман ал-Ақбар 156
'Осман ал-Асғар 156
Оттон I 16, 119
Панловская А. И. 52
Пензер С. Б. 79
Петрушевский И. П. 56, 60, 131
Полк А. 54
Проломен 52, 57

Раби'а ат-Тағлиби 158
Рази, 'Аббасид 96
Рази, шам 153, 162
Рази, шариф 174
Раҳ' ад-Даула 176
Рамизи 87
ар-Рошид, калӣ 177
Рошид ад-дин Сийб 136
Рошида 234
Росен В. Р. 146, 205
Рудайн (ибн Валахтия) 140, 141, 181
Рудайн, сольджукид 30, 133
Рузайк ибн Талӣ'и 141, 142, 145, 207
Рустамиди 12, 13, 15

Сабир 119
Сабуқтагин 171
Сабур 23
Салжукиди 151
Са'ид см. 'Убайдаллах Махдӣ
Са'ид Галбӣн 174
Са'ид ад-Даула 27
Са'ид ибн Насғурус (Несториус) 112
Сайф ад-Даула ибн абӯ-л-Хайджә 'Абдаллах ибн Ҳамдан 25
Сайф ад-дин ал-Мангӯб ал-Хаккӣрӣ 185
Саллах ад-дин Йусуф ибн Айюб 35, 37, 46, 47, 60, 68, 74, 84, 93, 94, 102, 105, 111, 116, 117, 123,

135, 136, 138, 142—145, 152,
184—188, 192, 233, 235
Салих Талай ибн Рузайк 35, 37,
39, 40, 101, 117, 122, 141, 142,
144, 145, 151, 183, 184
Самъиды 11
ас-Садба' Умм Ҳабиб 156
Сибт ибн Джауэй см. Шамс ад-
дин абу-л-Музаффар Нусуфи ибн
Қалауғли Сибт ибн Джауэй
Сиякин ал-Мурғала 150, 225, 226
Силвестр де Саси А.-Н. 226
Ситт ал-Мулық 35, 40, 98, 105, 126
Скалон Г. 21
Стери С. 6, 20, 21, 128, 133—135
Стоклитская-Терешкович В. В. 104
Струве В. В. 52, 57
Сувуғи 14, 33, 139, 140
Сунман 30
Сулайман ибн 'Алла 97
Сулайман (ибн ДИ'уд) 136
Сулайман ибн Джа'фар ибн Фал-
лах 137, 138
Сулайман (ибн Хәфиз) 127, 181
Сулайхиды 28, 60
Тадж ал-Мулуқ Шадд 176
Тайиб (ибн ал-'Амир) 134
ат-Тақй 153, 162
Тайй ал-дин Акмад ал-Макрийй 3,
6, 6, 33—35, 37, 39, 40—42, 45—
47, 50, 52, 58—60, 64, 65, 73, 74,
76, 77, 100, 103, 108, 109, 111,
118, 120, 123, 133, 146, 162, 164,
167, 175, 177, 179, 181—184, 193,
194, 197, 198, 200, 201, 204, 205,
209, 215, 218—220, 223, 229, 231,
233
Талби М. 73
Талха 156
Талха ибн Тәхир 75
Тамим, Зайид 28
Тамим (ибн Му'инн) 127
Тансий 90
Таубеншлаг Р. 52
Тәхертй Носиф 92
Тәхертй 91, 92
Тегин 17
Теодорос 54
Тоғрул-бек 30
Түлуниды 114
Турин-Шах 145, 235
Туррушй, кадий 116
'Убайдаллах ибн ал-Аббас ибн
'Али 157
'Убайдаллах ибн 'Али ибн абу
Талиб 156
'Убайдаллах ибн Зийёд 162
'Убайдаллах ибн Муҳаммад ибн
'Омар 157

'Убайдаллах Махдй 10, 13—15,
17, 20, 21, 24, 39, 40, 108, 118,
122, 126, 137, 153, 155, 158—161,
173, 174, 188
Убайдиты 14, 145
Удович А. 91
'Улка 147
'Умайя ал-Ҳасамийн 156
Уманн 156
Умм ал-Бинайн 156
Усайма ибн Муқкыз 6, 40, 45, 141,
142, 182
'Услудж ибн Ҳасан 42, 96, 113,
194, 218
ал-Фахид, кадий 3, 35, 37, 116,
136, 194
Фадль ибн 'Абдаллах 147, 149,
150, 224, 225
Файн би-насри-ллах 31, 39, 40,
120, 126, 135, 141, 144, 182—184,
188, 191
Фарадж 119
Файзма 10, 13, 14, 103, 135, 156,
171
Фахд ибн Ибраһим 112
Фахр ал-'Араб 89, 176
Феодора 85
Ҳаббаталлах ибн Ҳасан ал-Анс-
рий ал-Аусй ибн ал-Азрақ 209
Хадисон М. 130, 131
ал-Хали 158
Хали Муса 206, 208
Ҳайлара (ибн Мансур) 36
Ҳайлара (ибн Хәфиз) 127, 181
ал-Ҳасан би-амри-ллах 19, 27, 35,
37—40, 47, 50, 68, 70, 74, 76, 79,
86, 90, 94, 96—98, 105—107,
109, 111—114, 126, 128—132,
136—138, 146—150, 173, 174, 188,
191, 208, 209, 219, 224, 225, 234
Хаким II Мустансир 147
Халдй 122
Ҳамдан Қарнй 20, 21, 160
Ҳамдан А. 85, 88
Ҳамданн Х. 28
Ҳамдиды 25—27, 224
Ҳамза ибн 'Али ибн Азмад ал-
Лаббад 129, 130
Ҳамза (ибн Муҳаммад ибн ал-
Ханафиб) 157
Ҳамидаллах см. ДИ'уд (ибн
'Адад)
Ҳамидулла М. 177
Ҳамидиды 29
Ҳамидиды 16
Харун ар-Рашид 158, 162, 206,
208
Ҳасан ал-Акрам 129

ал-Хасан ибн 'Али 9, 156—168, 191, 192, 230
Хасан ибн Аҳмад ал-'Асим ал-Қармағи 21—25, 168, 170—173
Хасан ибн Зайд 158
Хасан ибн Муфаррадж 136, 139
Хасан ибн Муҳаммад ибн ал-Халифа 157
Хасан ибн 'Убайдаллах (ибн 'Аббас) 157
Хасан ибн 'Убайдаллах ибн Тугдж 18
Хасан ибн ал-Хасан 156
Хасан (ибн Хәфиз) 127, 140, 181
Хасан ал-Қалби 16
Хасан аз-Ҷаббаҳ 134
Хасан X, 7, 59, 66
Хаула 10, 156
ал-Хәфиз ан-дйн-ла'их 38, 46, 59, 80, 83, 84, 86, 94, 123, 127, 133—136, 141, 151, 179—181, 188, 198, 209
Хәфизгайн 25, 26, 120, 125
Хвостов М. М. 43
Хейл В. 84
Хишәм II 147, 148
Хишәм ибн 'Абд ал-Малик ибн Марван I 33, 147, 224
Хосров Ануширван 64
Хосров Деклевийский 122
Хрбек И. 119, 120
Хулбугулы 60
Хулвайи 12
Хушравайх ибн Аҳмад 206, 208
Хусайн ал-Асғар (ибн 'Али ал-Асғар) 158

ал-Хусайн ал-Ахвэйи 160
Хусайн ибн 'Али 9, 156—158, 162, 181, 192, 230, 231
Хусайн ибн 'Али ибн Ну'ман 115
Хусайн ибн Аҳмад ибн 'Абдаллах 160
Хусайн ибн Джаухар 39, 149
Хусайн ибн Джа'фар 136
Хусайн ибн Муфаррадж 46
Хусайн (ибн Нисар?) 151
Хусайн (ибн ал-Хасан) 156

Чураков М. В. 12—14, 119

Шавар (ис-Са'иди) 31, 69, 101, 124, 141—145, 202, 220
Шайбал Д. 4, 6, 127, 134, 179, 181—184
аш-Шамма X. 4
Шамс ад-дйн абү-л-Музаффар Йусуф ибн Қаззўғай Сибт ибн Джаузй 4, 5, 151, 187
Шамс ал-Халёфи 143
Шайхмулк 39
Шайрхўх см. Асад ад-дйн Шайрхўх
Шейхб ад-дйн Маҳмўд ал-Харимй 185
Штаерман Е. М. 104
Шуджб' см. Қамил ибн Шайвар

Эренкрейтц А. 8, 95, 96

Якубовский А. Ю. 60, 102
Ярахтаган 138

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Египет в системе государства Фатимидов	9
Глава II. Земледелие и аграрные отношения	32
Глава III. Ремесло и торговля	62
Глава IV. Социальные противоречия в фатимидском Египте	103
Переводы	153
Список сокращений	236
Библиография	237
Указатель терминов	248
Указатель географических и исторических названий	251
Указатель имен	255

Лидия Андреевна Семенова

ИЗ ИСТОРИИ ФАТИМИДСКОГО ЕГИПТА

Очерки и материалы

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *М. Д. Пинасман*, Младший редактор *Н. А. Кошман*, Художник *Е. В. Баского*, Художественный редактор *Э. Л. Эпман*, Технический редактор *З. С. Угалева*, Корректоры *К. Н. Дмитриева* и *А. И. Киселева*.

Сдано в набор 16/XI 1973 г. Подписано к печати 26/IV 1974 г.
А-04025. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 16,5. Уч. изд. л. 19,32.
Тираж 2300 экз. Изд. № 3143. Зак. № 224. Цена 1 р. 22 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2. 3-я типография издательства
«Наука», Москва К-43, Б. Кисельный пер., 4.